МЫ —
ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ
Издательство
политической
литературы

МЫ—
интернационалисты

Воспоминания советских добровольцев — участников национально-революционной войны в Испании

Издание второе, дополненное

Москва
Издательство
политической
литературы
1986

ББК 63.3(0)61
М94

Составители:
С. М. Александровская, С. М. Брейдбард,
И. Н. Гоффе, С. А. Гудович, А. В. Крученых

М $\frac{0901000000-158}{079(02)-86}$ 177—87

© ПОЛИТИЗДАТ, 1975 г.
© ПОЛИТИЗДАТ, 1986 г.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Полвека отделяют нас от событий национально-революционной войны в Испании. Эта война, начавшаяся с выступления реакционных генералов, фашистов и монархистов 18 июля 1936 года, в течение трех лет находилась в центре мировой политики. Фашистские режимы Германии и Италии выступили на стороне мятежников. Первое в мире социалистическое государство — Советский Союз, коммунисты, многие социал-демократы, профсоюзы, прогрессивная интеллигенция всех стран поддержали Испанскую республику. Они понимали, что от исхода событий в этой стране во многом зависит развитие ситуации на Европейском континенте. Фашистский мятеж мог быть подавлен силами самого испанского правительства, поддержанного всем народом. Даже некоторые буржуазные историки признавали: «Все классы, стоящие ниже аристократии наследственной и денежной, сражаются со сверхчеловеческой отвагой и героизмом, не сравнимыми ни с чем в испанской истории», что Франко не продержится «без обширной помощи извне». И фашистские правительства Германии и Италии, разорвав подписанное ими международное соглашение о невмешательстве в испанские дела, стали направлять в порты и города, занятые франкистами, самолеты, танки, орудия и боеприпасы. Десятки тысяч итальянских и немецких солдат и офицеров сражались на стороне испанских фашистов. Буржуазные государства, именовавшие себя защитниками демократии,— США, Англия, Франция не только не препятствовали контрреволюционной интервенции фашистских держав в Испании, но своей практической политикой поощряли ее. Достаточно вспомнить, что французское правительство отказалось передать Испанской республике давно заказанное и оплаченное вооружение. Руководителями «западных демократий» двигала ненависть к коммунизму.

Прогрессивные демократические силы во всем мире восприняли борьбу испанских республиканцев как свое

кровное дело. Тысячи антифашистов из десятков стран поспешили на помощь испанскому народу. Советское правительство заявило, что помощь законному правительству, включая продажу оружия, нельзя рассматривать как вмешательство. Со второй половины октября 1936 года в Испанию начали поступать советские транспорты с самолетами, танками, стрелковым и артиллерийским вооружением и боеприпасами. Это оружие помогло республиканской армии отстоять Мадрид в трудных ноябрьских сражениях 1936 года. Советские добровольцы — летчики, артиллеристы, танкисты, моряки — отправлялись на помощь испанскому народу.

В книге, предлагаемой вниманию читателей, 33 советских добровольца рассказывают о своей интернациональной миссии в Испании.

Перед читателями развертывается яркая картина героической борьбы испанского народа, активной помощи интербригадистов и советских людей в Испании, их самопожертвования, их воинского искусства.

Многое изменилось с тех времен, когда советские люди начинали день с вопроса: «Какие новости сегодня в Испании?»

Победа Советского Союза и народов антигитлеровской коалиции над германским фашизмом сделала возможной успешную борьбу испанского народа за возрождение демократии. В середине 70-х годов франкистский режим пал. Но это не заслоняет в нашей памяти событий 1936—1939 годов в Испании.

Интерес к национально-революционной войне в Испании связан с вполне понятным стремлением людей извлечь уроки из прошлого. Сегодня, когда империализм вновь и вновь прибегает к контрреволюционному вмешательству в дела народов, оружием и деньгами поддерживает реакцию на всех континентах, трудящиеся многих стран черпают вдохновение и вместе с тем извлекают уроки из истории второй половины 30-х годов. И один из главных уроков состоит в том, что для успешного отражения попыток реакции повернуть вспять историю необходимы взаимная солидарность и готовность к бесстрашной борьбе за общее дело, против угрозы ядерной катастрофы. Вместе с тем читатель этой книги получит еще одно свидетельство глубокого интернационализма советского народа, который был полвека назад и остается сегодня главной опорой сил демократии и мира на земле.

Советский народ твердо поддерживает последовательный курс Коммунистической партии Советского Союза «на единство действий международного рабочего класса, всех людей труда в борьбе за их общие интересы, за прочный мир и безопасность народов, за национальную независимость, демократию и социализм»[1].

Генерал-полковник
Герой Советского Союза
А. С. Желтов

---

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза (новая редакция). М., 1986, с. 74.

П. И. БАТОВ,
дважды Герой Советского Союза

ПЕРВЫЙ БОЙ С ФАШИЗМОМ

В моем личном архиве есть потемневшая от времени карта Испании. На ней красной линией отмечен боевой путь 12-й интернациональной бригады, в составе которой мне довелось сражаться против фашистов в 1936 году.

Линия эта берет начало в местечке Альбасете. Здесь формировалась наша бригада. В единый боевой строй становились люди, которые еще вчера не знали друг друга. Они прибывали в Испанию из более чем 50 стран, где каждый занимался своим мирным делом. Представители различных отрядов международного рабочего класса — класса интернационалистов по самой своей природе и сущности, они не могли не прийти на помощь своим испанским братьям в трудный час, когда разбойничья франкистская банда, опираясь на помощь фашистов Италии и Германии, поощряемая реакционными правительствами других стран, подняла мятеж против республиканцев.

Смотрю на карту и будто снова шагаю по каменистой дороге мимо оливковых рощ в сторону фронта, навстречу бою с фашистами. Над нашей колонной взлетает песня. Мощно и торжественно, как клятва перед боем, на всех языках и одновременно на одном, понятном всем языке классовой солидарности звучит «Интернационал» — наш пролетарский гимн. Он сплачивал бойцов в неодолимый монолит, вдохновлял на героические подвиги, укреплял стойкость и мужество...

Я приехал в Мадрид во второй половине октября 1936 года. Это был один из самых тяжелых периодов гражданской войны. Газеты всего мира писали в то время, что только «чудо» может спасти Мадрид. Мятежники, поддержанные фашистскими Италией и Германией, успешно продвигались вдоль долины реки Тахо в сторону столицы Испании. Захватив Толедо и подтянув резервы, они начали свое первое решительное наступление на Мадрид 15 октября. Главные силы армии Франко были сосредоточены на правом фланге, нацелены на юго-западные окраины Мадрида. Имея преимущество в боевой технике, особенно в авиации, франкисты про-

рвали фронт республиканцев и 25 октября продвинулись на 40 километров.

Разношерстные отряды и колонны Народной милиции, не имевшие единого командования и централизованного снабжения, не выдерживали ударов кадровой армии фашистских генералов и вынуждены были отступать.

Над трудовой Испанией нависла смертельная опасность.

ФАШИСТСКИЙ МЯТЕЖ В ИСПАНСКОМ МАРОККО

Часть армии в Марокко подняла оружие против Республики. Сухопутные, морские и воздушные силы, верные Республике, выступили против мятежников.

Правда, 1936, 19 июля

Согласно сообщениям из Мадрида, положение в Испании значительно обострилось. Во главе восстания стоит генерал Франко.

Военно-фашистским повстанцам в Марокко удалось высадить десант на территории Испании, в районе Кадикса, и овладеть городом. Одновременно командующий второй дивизией в Севилье поднял там восстание против правительства и захватил власть в городе. Высадившийся в районе Кадикса десант соединился с войсками, восставшими в Севилье.

Известия, 1936, 20 июля

Контрреволюция рассчитывала не на поддержку со стороны масс, а главным образом на отборные воинские части, состоящие из профессиональных солдат и сосредоточенные в Марокко.

Правда, 1936, 20 июля

Во всем мире всколыхнулось мощное движение солидарности с республиканской Испанией. Советский народ выступил в первых рядах защитников испанской демократии от угрозы фашистского порабощения. Трудящиеся СССР, ЦК ВКП(б), Советское правительство рассматривали борьбу Испанской республики против фашистской агрессии не как частное дело испанцев, а как общее дело всего передового и прогрессивного человечества.

Как и все советские командиры, воспитанные Коммунистической партией в духе пролетарского интернационализма, я был до глубины души потрясен событиями в Испании.

Сотни, тысячи рапортов писались в те дни в частях и подразделениях Красной Армии с просьбой послать

добровольцем в Испанию, чтобы там, за далекими Пиренеями, стать в боевые ряды борцов за правое дело испанского народа, дать отпор воинствующему фашизму.

Мои просьбы сначала не находили поддержки. Но однажды мне сообщили, что мое ходатайство удовлетворено и я зачислен в группу военных советников. Мне было доверено участвовать в борьбе революционной Испании против темных сил реакции, сражаться с фашизмом в одном строю с лучшими людьми мира, подлинными рыцарями международного пролетарского движения.

В первые дни по приезде в Испанию я встретился с главным военным советником Я. К. Берзиным, старшим военным советником по артиллерии Н. Н. Вороновым и военным атташе В. Е. Горевым. Они познакомили меня с моими обязанностями, с расстановкой сил в тылу и на фронте, охарактеризовали процесс становления регулярной Народной армии Испании. Товарищи порекомендовали как можно скорее отправляться в штаб 5-го полка, где надо было помочь быстро сформировать первое регулярное соединение республиканской армии и выступить с ним на фронт.

В штабе 5-го полка состоялась памятная мне первая встреча с Энрике Листером, испанским коммунистом, одним из организаторов этого соединения. Листер немного знал русский язык, и это позволяло нам обходиться без помощи переводчика.

5-й полк не был тактической или оперативной единицей, как я поначалу думал. Он представлял собой своеобразный орган, созданный по инициативе ЦК Компартии Испании для подготовки резервных контингентов и формирования подразделений для фронта. Для Коммунистической партии Испании он выполнял роль партийного военного штаба, а для Народной армии служил организационным ядром регулярных войск. Комиссар 5-го полка видный итальянский коммунист Витторио Видали в разговоре со мной сообщил, что незадолго до моего приезда из полка направлено на формирование регулярных бригад не менее 12 тысяч обученных пехотинцев, артиллеристов, танкистов, кавалеристов, истребителей танков и в ближайшие дни будет закончена подготовка такого же количества резервистов.

Командование 5-го полка было хорошо информировано о положении дел на фронте и поддерживало тес-

ный контакт с гражданским населением, тыловыми организациями и военными заводами.

Меня искренне обрадовали усилия испанских коммунистов, предпринимавших все возможное для укрепления обороны Мадрида. С глубоким удовлетворением принял я предложение Э. Листера выехать с ним в 1-ю бригаду, командиром которой он был назначен, и принять непосредственное участие в готовившемся первом крупном контрнаступлении республиканских войск.

1-я бригада находилась на марше в направлении из Алькала-де-Энарес в Вальдеморо. Мы догнали ее 27 октября вечером близ Серро-де-лос-Анхелес, где она получала вооружение и пополнялась людьми. Бригаде по штату положено было иметь 4000 человек, 51 пулемет и 12 орудий, налицо же было 3000 человек, 30 пулеметов и 4 орудия.

Всю ночь на 28 октября и до полудня мы с командиром бригады и некоторыми офицерами штаба обучали бойцов пользоваться советскими станковыми и английскими ручными пулеметами.

Главная группировка мятежников после захвата Торрехона и Гриньона, важных пунктов на железнодорожных магистралях под Мадридом, опьяненная успехом, продолжала рваться на север.

Чтобы поднять боевой дух республиканских войск и морально поддержать население столицы, необходимо было нанести противнику частичное поражение, которое хотя бы временно задержало его наступление.

Республиканское командование решило контратаковать слабо обеспеченный правый фланг армии «Тахо». Главный удар возлагался на бригаду Листера, колонны Уррибари и Бурильо, в которых насчитывалось 8000 человек. Пехоту должна была поддерживать рота танков и пять артиллерийских батарей. Группе предстояло овладеть Сесеньей, Эскивиасом и создать угрозу флангу и тылу врага.

На вспомогательном направлении с севера готовились к наступлению три колонны под командованием Модесто, Мена и Буэно также в составе 8000 человек, усиленных двумя бронепоездами и незначительным числом артиллерийских орудий.

Чрезмерно большие надежды возлагались командованием на танки и немногочисленную авиацию, которые предполагалось здесь применить. Артиллерии отводилась скромная роль. Многое в этой операции зависело от

того, насколько внезапным будет удар. Но, к большому сожалению, надежды на внезапность не оправдались.

Командование не успело также достичь четкого руководства войсками на главном направлении.

28 октября 1-я бригада выступила на фронт. Ей предстояло пройти 26 километров пешком и с ходу вступить в бой.

От Вальдеморо один батальон бригады направился в обход Сесеньи с севера, а основные силы с танковой ротой капитана Поля Армана предназначались для действий с востока. Колонна Уррибари ожидалась с юга. Группа Бурильо должна была выйти в глубокий тыл противника в районе Борокса.

Начало атаки республиканских войск намечалось на утро 29 октября. Организация взаимодействия между колоннами и элементами боевого порядка представляла огромные трудности, так как не было технических средств связи. Штаб бригады как орган управления еще не сложился. Координацию действий между колоннами осуществлял представитель Генерального штаба, но он тоже не имел средств управления. Глубокую разведку противника провести не удалось из-за нехватки времени, поэтому расположение сил мятежников предстояло выяснить в ходе боя.

Все эти недочеты неминуемо сказались в бою. Пехота, слабо обученная и не прикрытая с воздуха, чувствовала себя неуверенно и робко продвигалась вперед. Бойцы не смогли своевременно воспользоваться действиями танкистов, которые, перейдя в атаку, оторвались от пехоты и оказались без артиллерийского и пулеметного прикрытия. Но это не помешало танковой роте продвинуться в глубокий тыл противника. Успешный танковый рейд ошеломил фашистов. Однако его результаты не были закреплены.

Пехота попала под огонь уцелевших пулеметов противника. Налетевшая вражеская авиация усилила дезорганизацию в боевых порядках, и республиканцы, так и не начав преследования, отошли на исходные позиции. Лишь поздно вечером удалось частично восстановить управление войсками.

В это время на вспомогательном направлении умелое применение артиллерии дало республиканской пехоте возможность продвинуться на четыре-пять километров и овладеть Гриньоном и Торрехоном. Наши советники Н. Н. Воронов и В. Я. Колпакчи затратили много сил,

чтобы убедить испанское командование в необходимости организовать централизованное управление огнем артиллерийских орудий, что до этого в испанской армии не практиковалось.

Постигшая республиканцев тактическая неудача не имела тяжелых последствий, поскольку этот первый достаточно крупный контрудар по врагу в целом достиг цели. Готовившееся на 29 октября наступление мятежников было сорвано, их общее продвижение на Мадрид было задержано.

31 октября Франко вновь возобновил наступление. На ближних подступах к Мадриду развернулись жестокие бои. 1-я бригада, в которой осталось полторы тысячи человек, с отчаянным упорством удерживала район Вальдеморо, важный узел шоссейной и железной дорог, имевший фланговое положение по отношению к армии «Тахо».

В критический момент боя в расположение бригады прибыли руководители ЦК Компартии Испании. Тогда я впервые встретился с ее Генеральным секретарем Хосе Диасом, с Долорес Ибаррури, Педро Чека, Антонио Михе и другими товарищами. Обстановка, прямо скажу, была чрезвычайно опасной. Вражеская авиация беспрестанно бомбила и обстреливала позиции бригады. Пехота и танки противника, используя свое превосходство, упорно наседали с правого фланга, угрожая нам окружением. В штабе бригады царила растерянность. Но руководители партии, проявляя хладнокровие и мужество, находились на передовых позициях и личным примером, пламенным словом поднимали боевой дух бойцов, укрепляли уверенность в победе Республики.

Изо всех сил старались мы с Листером наладить управление войсками. Превосходящие силы мятежников теснили наши подразделения. Необходимо было срочно эвакуировать раненых и часть важного имущества. Итальянские легкие танки «ансальдо», имевшиеся у франкистов в большом количестве, появились и на нашем участке. Они беспрепятственно продвигались к месту эвакуации. Увидев, что расчет одного ближайшего орудия лишился командира и наводчика, а остальные номера не знают, что делать, я бросился к артиллеристам и помог открыть огонь по танкам. Огонь нашей пушки вскоре был поддержан другим орудием. Несколько танков загорелись, остальные повернули обратно. Атака врага захлебнулась.

Надо заметить, что разносторонняя подготовка общевойсковых командиров Красной Армии позволяла им выполнять самые разнообразные военные обязанности, возлагавшиеся на наших военных советников в Испании.

Вечером 1 ноября 1-я бригада внезапной атакой всех своих сил нанесла фашистам крупный урон и организованно заняла новый рубеж обороны. На другой день газета «Мундо обреро» подробно описала этот героический боевой эпизод и выразила уверенность, что если у Республики будут такие защитники, то враг будет остановлен и разбит у стен Мадрида.

Но враг готовился к новому прыжку, на этот раз в направлении на Хетафе. Необходимо было всемерно ослабить силу удара мятежников, сорвать их наступление.

Командование Центральным фронтом снова попыталось начать первым наступление. Для этой цели была создана маневренная группа, в состав которой вошли почти все те же войска, которые действовали несколько дней назад на этом направлении: бригада Листера и колонна Буэно для удара на Пинто и две колонны — Бурильо и Уррибари — с двумя танковыми ротами для овладения Торрехоном в глубоком тылу противника. На этот раз удалось привлечь значительно меньше сил (за исключением танков): 6500 человек, 24 орудия, 32 танка, 10 бронемашин и один бронепоезд. Общее руководство операцией было поручено подполковнику Висенте Рохо.

Мое знакомство с этим офицером состоялось только за сутки до начала боевых действий. Он производил впечатление волевого и вдумчивого человека, хорошо разбиравшегося в обстановке на фронте.

Наступление началось утром 3 ноября. Имея абсолютное преимущество в авиации, фашисты совершили налет на бригаду Листера, когда она еще не успела выступить. Вместе с колонной Буэно 1-я бригада вышла к Пинто только вечером. Огнем и атаками эта группа задержала наступление мятежников, заставила их перейти к обороне.

Крупный успех был достигнут колонной Бурильо, которая вместе с танковой ротой ворвалась к исходу дня в Торрехон и удерживала его в течение ночи.

На отвоеванных рубежах весь следующий день продолжались бои, наступление противника на правом фланге было сорвано, он перешел и здесь к обороне.

Фронт наступления армии «Тахо» значительно сузился. Ее основные усилия сосредоточились на левом фланге. Республиканские войска на этом участке, истощенные в предыдущих боях, не имея средств противотанковой и противовоздушной обороны, вынуждены были оставить вторую оборонительную полосу, а затем и третью. Враг овладел Хетафе, Карабанчель-Альто, Вильяверде.

6 ноября завязались бои за окраины Мадрида. В этот день я был отозван из 1-й бригады и получил новое назначение: мне предстояло убыть в 12-ю интернациональную бригаду, формирование которой проходило в Альбасете.

Мое перемещение имело прямое отношение к тем драматическим событиям, которые по праву называют критическими днями обороны Мадрида.

Правительство Испанской республики переезжало в Валенсию. Эвакуация правительства из прифронтовой полосы в тыл в сложившихся обстоятельствах была безусловно необходима, поскольку из глубины страны можно с большей уверенностью управлять государством и руководить дальнейшей борьбой. Но к этому предстояло тщательно подготовиться и провести эвакуацию поэтапно. Однако премьер-министр Ларго Кабальеро, выехав в Валенсию, оставил столицу фактически на произвол судьбы. Вслед за ним поспешно оставили город военное министерство и штаб фронта.

Формально оборона Мадрида возлагалась на хунту (комитет) во главе с генералом Миахой. Оставшимся войскам фактически было отказано в помощи и предлагалось покинуть Мадрид, заняв линию обороны на некотором расстоянии от него. Дело осложнялось еще и тем, что в ночь на 6 ноября на сторону мятежников перебежали пять офицеров штаба фронта во главе с начальником оперативного отдела.

Севильское радио, захлебываясь от радости, сообщило на весь мир: «Франко вступает в Мадрид! Он предписал жителям столицы в течение 48 часов, до восстановления порядка, никуда не выходить и оставаться дома». Из Южной Америки в адрес министерства иностранных дел в Мадриде пришла поздравительная телеграмма на имя «цезаря, императора Франко»...

В тысячах домов люди не ложились спать той ночью. И события развернулись не так, как предсказывали враги, паникеры и предатели.

Испанские коммунисты поставили на ноги все боеспособное трудящееся население столицы и прилегающей зоны. Комитет обороны Мадрида взял на себя всю полноту власти и ответственность за оборону города. Из 23 тысяч коммунистов столицы 21 тысяча заняла передовые окопы мадридского сектора фронта. Компартия бросила клич: «Мадрид в опасности!» Заголовки вечерних газет призывали: «Наступил решительный час для Мадрида!», «Мадрид должен стать красным Верденом!» На улицах повсюду висели плакаты: «Но пасаран!», «Лучше смерть стоя, чем жизнь на коленях!», «Мадрид, как и Петроград, никогда не достанется врагу!», «Мадрид будет могилой фашизму!» Пламенные слова отдавались в душе каждого мадридца.

Материальной основой обороны Мадрида все больше становились оружие и боевая техника, прибывавшие из Советского Союза. Первые партии советских танков, вступившие в сражение на подступах к столице в конце октября, сразу зарекомендовали себя как незаменимая ударная сила.

Надо было видеть, как разительно изменилось настроение испанцев на фронте и в тылу, когда в начале ноября в мадридском небе появились республиканские самолеты-истребители И-15 и И-16, пилотируемые советскими добровольцами, которые нанесли мятежникам первые воздушные удары. Наступил конец безнаказанности фашистских воздушных пиратов.

Франко стремился вынудить защитников Испанской республики стать на колени в день, имевший всемирно-историческое значение,— 7 ноября 1936 года, в годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Мировая реакция, воплощавшая в себе самые мрачные силы фашизма, рассчитывала этим актом не только добиться победы, разгрома республиканской Испании, но и выжечь из сознания масс даже воспоминание о всемирно-исторической дате.

Праздник Октября я встретил в небольшом городке Альбасете, который выглядел не столько населенным пунктом, сколько крупным военным лагерем. Альбасете стал своего рода Меккой для интернационалистов, или, как они сами себя называли, волонтеров свободы,— людей разных профессий, политических взглядов, религиозных верований и национальных особенностей. Их объединяло одно общечеловеческое и гуманное чувство — жгучая ненависть к фашизму, махровой империалисти-

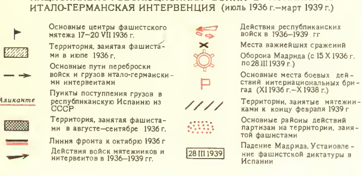
ческой реакции. Это воистину лучшие люди земли — так совершенно справедливо считали испанцы. Я счастлив, что мне оказали высокое доверие быть их наставником по военным вопросам в одном из соединений, что дало возможность сражаться вместе с ними за свободу испанского народа.

Когда я прибыл к месту формирования резервов, очередная интернациональная бригада под номером 12 только начала укомплектовываться и проходила обучение под руководством нашего военного советника В. Я. Колпакчи. Буквально на второй день прибыл и вступил в командование бригадой известный венгерский писатель, коммунист, герой гражданской войны в СССР Мате Залка. В Испании он был известен как генерал Пауль Лукач.

Слева направо: А. В. Эйснер, П. И. Батов, Фердинанд Козовский, Карло Луканов

12-я интернациональная бригада состояла из трех батальонов и одной батареи 77-миллиметровых пушек.

В составе командования бригады находились Карло Луканов, начальник штаба, Фердинанд Козовский, заместитель командира бригады,— оба болгары. Политическим комиссаром был назначен видный итальянский



НАЦИОНАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ И ИТАЛО-ГЕРМАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ (июль 1936 г.–март 1939 г.)

коммунист Луиджи Лонго. Среди бойцов преобладали молодые рабочие. Значительную прослойку составляла интеллигенция.

10 ноября 12-я интербригада, еще полностью не обученная, не экипированная, была поднята по тревоге и в эшелонах направлена в район севернее Ла-Мараньоса,

в излучину рек Мансанарес и Харама, южнее Мадрида. Ей предстояло принять боевое крещение в составе ударной группы на левом фланге Центрального фронта. В центре боевого построения была поставлена 12-я бригада. На флангах действовали испанские соединения.

Все свободные часы, включая и время следования в район сосредоточения, были заполнены напряженной боевой подготовкой. Но этого оказалось далеко не достаточно. Когда бригада за несколько часов до боя получила последнюю партию оружия и был отдан приказ: «Зарядить винтовки и поставить на предохранитель», оказалось, что многие бойцы не знали, как это сделать...

Несмотря на существенные недоработки в подготовке бойцов, к моменту наступления в подразделениях республиканских войск царили необычайный подъем и воодушевление.

13 ноября бригада, поддержанная танками, перешла в наступление и вышла к исходу дня к высоте Лос-Анхелес, на которой возвышался монастырь, ворвалась в первую линию окопов противника. Подразделения батальона «Тельман» даже достигли вершины горы, но не могли преодолеть стены монастыря и вынуждены были отойти.

Ожесточенные атаки мятежников в центре ослабли и были отбиты. Но все же контрнаступление республиканцев из-за отсутствия резервов не получило развития. Однако в целом оно сыграло положительную роль, вынудив Франко перебросить часть сил с ударного направления на фланги.

Закончился начальный и важнейший этап обороны Мадрида. Все планы франкистов и интервентов захватить столицу Испании прямой лобовой атакой провалились. Расчеты на превосходство их войск в тактическом и техническом отношении оказались несостоятельными. Армия Франко понесла крупные потери, и ее резервы были исчерпаны. Авантюра мятежных генералов оказалась на грани катастрофы. Они были вынуждены спешно перейти к обороне.

Гражданская война в Испании начала приобретать совершенно иной характер. Все более активно действовали интервенционистские силы фашистских Италии и Германии. Национально-революционная война становилась освободительной борьбой против иностранного нашествия. Требовалось дальнейшее сплочение народных

масс, перестройка всей экономики на военный лад, создание массовой регулярной армии с централизованным управлением.

Борьба за Мадрид всколыхнула всю страну, вселила в народ веру в собственные силы и наглядно показала, что Франко держится только щедрой помощью фашистских правительств Италии и Германии.

Вдохновляющей и цементирующей силой в боях за Мадрид была Компартия Испании. Испанские коммунисты находились в авангарде борьбы за свободу и независимость родины. Вместе с интернационалистами они создали мощный барьер на пути мятежников к власти, проявив в бою с фашизмом мужество и неколебимую силу духа.

Битва за Мадрид осенью 1936 года закалила республиканских бойцов. Они убедились, что фашистских генералов можно бить. Испанский народ, не видевший войны многие десятилетия, в ожесточенных боях за столицу понял, что имеет дело с коварным и жестоким врагом, что судьба всего народа и страны находится перед угрозой смертельной опасности.

Республиканская армия выдержала первое испытание огнем и становилась зрелой, закаленной армией.

ПОМОЩЬ ТРУДЯЩИХСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ИСПАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Вчера на фабриках и заводах Москвы и Ленинграда состоялись митинги солидарности с испанским народом, борющимся против фашистских мятежников.

Наемные фашистские убийцы и их германские и итальянские вдохновители стремятся потопить в крови трудящихся свободу испанского народа.

Привет защитникам свободной, демократической Испании!

Правда, 1936, 3 августа

ОБРАЩЕНИЕ МИТИНГА СОЛИДАРНОСТИ С ИСПАНСКИМ НАРОДОМ

Трудящиеся столицы Советского Союза города Москвы, собравшиеся на митинге в количестве 120 тысяч человек, выражают свою братскую солидарность с испанским народом, героически защищающим демократическую Республику и независимость своей родины против мятежа фашистских генералов, злейших врагов испанского народа, агентов итальянского и немецкого фашизма.

Трудящиеся Москвы выражают твердую уверенность, что при прочности единого Народного фронта испанский народ выйдет

полным победителем в своей благородной героической борьбе против фашистских извергов и их иностранных покровителей.

Трудящиеся Москвы обращаются к трудящимся Советского Союза с призывом организовать сбор средств в фонд помощи бойцам Испании, с оружием в руках защищающим Испанскую демократическую республику.

Да здравствует свобода и независимость Испании!

Да здравствует демократическая республика Испании!

Долой кровавый фашизм!

Председатель митинга Николай Шверник
(Всесоюзный Центральный Совет
Профессиональных Союзов СССР).
Члены президиума митинга:
Петр Макаров (завод «Серп и молот»),
Эмилия Быстрова (фабрика «Новая заря»),
Александр Фадеев (Союз советских писателей СССР),
Александр Ферсман (Академия наук Союза ССР).

Правда, 1936, 4 августа

Сбор средств в фонд помощи испанским борцам за Республику, открытый по обращению Всесоюзного Центрального Совета Профсоюзов СССР, дал сумму 12 145 000 рублей.

Правда, 1936, 6 августа

Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов сообщает, что сбор средств в пользу детей и женщин республиканской Испании, проводимый трудящимися СССР, дал на 27 октября 47 595 318 рублей 31 копейку.

На собранные средства профсоюзами закуплены и отправлены следующие продукты:

С пароходом «Нева»: 30 000 пудов масла, 95 500 пудов сахара, 17 000 пудов консервов, 18 000 пудов маргарина, 12 000 пудов кондитерских изделий.

С пароходом «Кубань»: 30 000 пудов муки, 27 000 пудов масла, 61 000 пудов сахара, 11 000 пудов копченой рыбы, 250 000 банок консервов и 1000 ящиков яиц.

С пароходом «Зырянин»: 135 000 пудов пшеницы, 40 500 пудов сахара, 375 000 банок мясных консервов и 125 000 банок сгущенного молока, кофе и какао.

С пароходом «Нева» (вторым рейсом): 117 000 пудов пшеницы, 18 500 пудов сала и копченостей, 2900 пудов масла и 235 000 банок консервов.

С пароходом «Турксиб»: 180 000 пудов муки, 60 000 пудов сахара, около 5000 пудов копченой трески, 3000 пудов конфет и печенья, 200 000 банок консервов, 10 000 комплектов одежды и обуви, в том числе детские ботинки и пальто, детские костюмы, платья, пижамы и т. п.

Поступление средств в пользу детей и женщин трудящихся Испании продолжается.

Известия, 1936, 27 октября

ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОМПАРТИИ ИСПАНИИ

Наш народ, жертвующий своей жизнью в борьбе против фашизма, хочет, чтобы вы знали, что ваша братская помощь подняла его энтузиазм, дала новую энергию бойцам и укрепила его веру в победу.

Правда, 1936, 16 октября

К. Т. ДЕМЕНЧУК

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЭСКАДРИЛЬЯ

Разными были наши пути-дороги в далекую Испанскую республику, но в главном они были очень сходными: все мы испытывали ненависть к фашизму, к фашистским мятежникам Франко и горели желанием помочь испанскому народу в его справедливой борьбе за свободу и независимость. Дух боевого товарищества, подлинного пролетарского интернационализма царил среди нас.

1-я интернациональная бомбардировочная эскадрилья военно-воздушных сил Испанской республики была сформирована в Альбасете на базе закупленных во Франции семи бомбардировщиков «Потез-54». Эскадрилья состояла из трех отрядов, два из них летали на «потезах» (по три машины в каждом), а в третий входили два или три «Бреге-19» и несколько гражданских самолетов различных типов — спортивные, авиетки и прочие. Командовал 1-й интернациональной бомбардировочной эскадрильей испанец капитан Мартин Луна, бывший офицер королевской авиации. Высокий, плотный, всегда веселый, жизнерадостный, в кожаной коричневой курточке на молнии, с шерстяным шарфом вокруг шеи — таким помню я его и сегодня... Мартин Луна приложил немало сил для создания дружного боевого коллектива, но, к сожалению, его вскоре перевели на Север, где он возглавил ВВС фронта.

Первые дни шло сколачивание вновь созданной эскадрильи. Большинство из нас (за исключением испанцев и французов) не летало на «потезах», поэтому вначале и занимались летчики провозными полетами. Остальной состав эскадрильи изучал материальную часть самолета и вооружение. Вместе с испанскими лет-

чиками готовились сражаться с фашистами французские, итальянские, бельгийские, американские и другие бойцы-интернационалисты, а также наши советские добровольцы — И. И. Проскуров, В. Н. Бибиков, И. Н. Соколов, В. А. Агуреев, В. Ф. Володин, Г. И. Тхор, Г. Н. Тупиков, В. В. Шаров, Г. Х. Петров. Технический и обслуживающий персонал был в основном испанский.

Между бойцами 1-й интернациональной эскадрильи сразу же установилась крепкая боевая дружба. Особенно хочется отметить огромную симпатию испанского народа к нашей Родине — Советскому Союзу и к нам, его представителям. Где бы мы ни появлялись, мы чувствовали, как испанцы всегда старались сделать нам что-нибудь приятное, неизменно слышали радостное: «Салуд, пилотос русос!»

На аэродроме в Альбасете сформировался и наш интернациональный экипаж: болгарин (командир экипажа), три испанца (второй пилот, бортмеханик и воздушный стрелок), два русских (воздушные стрелки), украинец (штурман).

Когда мы знакомились, черноволосый коренастый человек весело назвал свое имя:

— Халиль Экрем! — И тут же расхохотался. Поясняя, добавил по-русски: — Турок!

Он вообще любил пошутить, посмеяться, этот человек, ставший командиром нашего экипажа. Позже я узнал, что настоящие его имя и фамилия Захари Захариев, что родился он в семье учителя в глухом болгарском селе Бессарабово в 1904 году. В 16 лет вступил в комсомол и с тех пор активно работал в подпольных организациях. Его призвали в армию и, как имевшего среднее образование, направили в авиационную школу. Окончив ее, Захари Захариев стал летчиком в одной из воинских частей и начал вести пропагандистскую работу среди солдат. За участие в первомайской демонстрации коммуниста Захариева изгнали из армии и отдали под суд. Ему удалось бежать. Потом он нашел убежище в Советском Союзе, где его знали под именем Волкана Горанова. Когда началась война в Испании, Горанов служил командиром звена в авиашколе ГВФ в Тамбове. Волкан тут же решил ехать сражаться за Республику. О том, как он там воевал, свидетельствует постановление ЦИК СССР от 31 декабря 1936 года о присвоении Волкану Семеновичу Горанову звания Героя Советского Союза.

Забегая вперед, скажу, что Захари Захариев занимал посты командующего ВВС Болгарии, военного атташе НРБ в Москве, заместителя министра обороны НРБ. В 1974 году ему присвоено звание Героя Народной Республики Болгарии. Сейчас генерал-полковник Захариев заместитель председателя Всенародного комитета болгаро-советской дружбы.

Стал Героем Советского Союза и еще один член нашего экипажа — воздушный стрелок Петр Десницкий. В Испанию он приехал, когда ему исполнилось 25 лет, и был к тому времени уже опытным специалистом. Вой-

Слева направо: К. Т. Деменчук, З. Захариев, П. П. Десницкий

на в Испании явилась началом его боевого пути, который Петр Павлович завершил на Дальнем Востоке в 1945 году.

Другим воздушным стрелком был Иванов. Я не уверен в том, что это была его настоящая фамилия, но так представился нам высокого роста стройный шатен с большим маузером в деревянной кобуре на боку. О себе он сообщил коротко: воевал с 16 лет — сначала в царской армии на фронтах первой мировой войны, затем в белой армии. Бежал вместе с ней из Крыма, колесил по свету. Хлебнул немало горя. В Испании Иванов сражался очень храбро. Так же воевал и потом, в рядах

«маки». Погиб он в одном из боев на французской земле.

Штурманское место занимал я. Было мне тогда 26 лет. За плечами пять лет учебы и службы в авиации. Но боевого опыта не было.

Сразу после начала фашистского мятежа основным театром военных действий стал Центральный фронт, на котором мятежники осуществляли свои наступательные операции с целью захватить столицу Испании. Авиация своими ударами должна была помочь наземным правительственным войскам в их упорных боях по обороне Мадрида.

27 октября 1936 года состоялся первый боевой вылет нашей эскадрильи в район вражеского аэродрома в Талавере.

...Развернувшись, самолеты взяли курс на восток. Позади грохотали зенитки. Однако никакого вреда причинить нам они уже не могли: мы были далеко, хотя все еще виднелось пламя, охватившее аэродром в Талавере после того, как над ним появилась наша эскадрилья. Задание было выполнено. Наши самолеты возвращались на свою базу. Впереди, справа и слева, освободившись от своего груза, шли «потезы». Окинув небо взглядом, я быстро пересчитал их. Все были на месте. Чувство облегчения и радости охватило меня. Ведь это было наше первое боевое задание, первый боевой вылет.

Все наши самолеты благополучно совершили посадку, а много дней спустя, возвратившись на родину, я прочел в «Правде» от 29 октября 1936 года сообщение о нашем боевом вылете:

> Правительственные самолеты сделали «наиболее успешную бомбардировку за все время войны». Эскадрилья правительственных самолетов после длительного периода бездействия появилась над аэродромом мятежников в Талавере (160 км от Мадрида) и сбросила бомбы, которыми разбиты 15 самолетов мятежников. Операция была выполнена успешно, несмотря на сильный зенитный огонь. Фактически в Талавере полностью уничтожен аэродром противника.

Новый маршрут пролег на моей штурманской карте на Гранаду.

Густая облачность скрывала землю. Наш «Потез-54» с напряжением набирал высоту. Груз бомб был для него немалый: 4 стокилограммовых под крылом, 50 десятикилограммовых осколочных и зажигательных в кабине. Их будет сбрасывать вручную по моей команде борт-

механик. Определять цель мне придется «на глазок»: прицел, укрепленный у моего сиденья, визуальный — времени первой мировой войны.

Взглянув на альтиметр, я увидел, что мы уже набрали довольно приличную высоту. Правда, до тех четырех-пяти тысяч метров, которые определяли потолок нашего «потеза», было еще далеко. Облачность не уменьшалась. Лишь перед самой Гранадой появились «окна». Мы нырнули в одно из них и неожиданно обрушились на аэродром. Уповая на облачность, фашисты настолько успокоились, что даже не рассредоточили своих машин, которые стояли как на смотре — в два ряда. Мы зашли для удара, но в это время открыли огонь зенитки. Однако мы сумели сбросить свой груз точно на цель. Самолетам фашистов так и не удалось подняться в воздух: они горели на земле.

И. И. Проскуров

А мы, вернувшись к себе, насчитали не одну пробоину в своих машинах. Авиационные механики латали их наскоро, пока экипажи отдыхали в ожидании очередного вылета. Ждать приходилось недолго...

Короткие перерывы между вылетами проходили незаметно. В это время И. И. Проскуров, командир отряда, куда кроме нашего экипажа входили еще два, уточнял детали предстоящего задания.

Иван Иосифович был личностью незаурядной. Большого ума, на редкость душевный и отзывчивый человек, он пользовался общей любовью. За боевые действия в Испании он тоже был удостоен звания Героя Советского Союза, а по возвращении на родину командовал авиабригадой, ВВС округа, был заместителем наркома обороны.

Во время одного из разведывательных полетов наш экипаж обнаружил колонну вражеской пехоты с артиллерией, растянувшуюся километра на полтора. Колонна двигалась в сторону фронта по дороге Талавера — Мадрид. Нашему отряду поручили нанести по ней бомбовый удар.

Быстро дозарядили свой «потез» горючим, подвесили бомбы. Два других самолета были уже готовы к вылету. Взлетели под командой Проскурова, взяли курс на цель. Голова вражеской колонны, когда мы к ней подлетели, втягивалась в населенный пункт Леганес.

Рассредоточившись, мы сделали по нескольку заходов и, выполнив задание, возвратились на свой аэродром.

Прошло несколько дней беспрерывных полетов. Ежедневно приходилось производить по два-три вылета. Потерь 1-я интернациональная бомбардировочная эскадрилья за это время не имела. 1 ноября 1936 года «Правда» снова поместила сообщение о наших боевых действиях:

Как передает агентство Фабра,— над Навалькарнеро произошел воздушный бой, во время которого был сбит самолет противника. Два правительственных самолета, получив некоторые повреждения, приземлились в расположении правительственных войск; двое летчиков легко ранены.

Мало кому было известно тогда, что скрывалось за строчками этого сообщения, мало кто знал имена участников событий...

А дело было так. Нашей эскадрилье была поставлена задача: с рассветом нанести бомбовый удар по скоплению войск и техники мятежников в населенном пункте Навалькарнеро (в 30 километрах юго-западнее Мадрида), на обратном пути разведать дороги, идущие от Толедо на север к фронту, обратив особое внимание на населенные пункты Гриньон, Кубас, Ильескас.

В этом вылете предполагалось участие всех «потезов». В ходе подготовки оказалось, что один самолет неисправен; лететь, таким образом, должны были шесть самолетов.

Вылет намечался на 4 часа утра. В 2 часа ночи прибыли на аэродром, начали пробовать моторы, но они, несмотря на старания бортмеханика и всего экипажа, почему-то не заводились. Потом выяснилось, что в бензине заливного бака оказалась вода. Вредительство и предательство были не редкими явлениями в первые месяцы войны. Нам пришлось перейти на другой самолет, летчик которого заболел. Еще два «потеза» по каким-то причинам также были неисправными.

На аэродроме в Альбасете в то время самолеты не рассредоточивались и не маскировались, правила поле-

тов не соблюдались. Взлетал и садился каждый летчик, где и как ему вздумается. Часто бывало так, что один заходит на посадку с правым кругом, другой — с левым, а в это же время третий летчик производит взлет. Неразбериха была полная. Так получилось и в тот день. Заместитель командира эскадрильи майор Сапилло, который шел ведущим, не уточнив с летчиками на земле план выполнения боевого задания, подал команду взлетать. Было очень темно. Когда наша машина уже начала разбег, мы увидели, как справа наперерез нам взлетает другой самолет. Еще миг — и он врезался бы в нас. К счастью, Горанов вовремя заметил опасность. В нарушение всех правил взлета он вынужден был свернуть влево, так что даже плоскостью задел землю. Столкновения не произошло, все с облегчением вздохнули. Но неразбериха продолжалась и в воздухе. Из-за недоговоренности и темноты группа долго не могла собраться. Летали по кругу, пока не стало светлее. Наконец взяли курс на цель, но ведущий почему-то вдруг изменил маршрут полета. Вместо того чтобы обойти Мадрид с севера, как было указано в задании, он повел группу южнее Мадрида, очевидно решив вначале разведать дороги, идущие от Толедо на север, и почти 60 километров вел группу над территорией мятежников, параллельно линии фронта.

Как потом оказалось, делал это Сапилло с предательской целью, чтобы дать мятежникам возможность вызвать истребители.

Вскоре появились вражеские истребители. Их было восемь, лучших для того времени немецких истребителей — «Хейнкель-51». С остервенением набросились они на три старых, громоздких, тихоходных «потеза». Восемь против трех. Воздушные стрелки наших самолетов дружным огнем отразили первую атаку. «Хейнкели» атаковали вновь. Им удалось вывести из строя один из моторов нашего самолета. Мы потеряли скорость и стали отставать, хотя до цели все-таки добрались. В действие вступили зенитки, но они не сумели помешать нам сбросить бомбы на врага. Облегченный самолет вырвался из зоны зенитного огня. И опять на нас набросились четыре «хейнкеля». На этот раз четыре против одного. Атака следовала за атакой. Пулеметными очередями Десницкий сбил один самолет противника, но сам получил тяжелое ранение. С помощью бортмеханика мне удалось вытащить стрелка из нижней кабины. Бортме-

ханик оказывал Десницкому первую помощь, а я занял его место за пулеметом.

Атаки «хейнкелей» продолжались. Ранило в ногу Горанова, задело и второго пилота Переса Санчо. Одна из пуль попала сначала в Иванова, а уже на излете — в меня. В это время враги вывели из строя и второй мотор нашего самолета...

В кабине сделалось тихо-тихо, стало слышно, как стонет Десницкий. Высота 1000 метров, самолет в свободном планировании быстро терял высоту.

Казалось, пришла пора прощаться с жизнью. Больше всего пугала возможность попасть в плен. Мы знали, на какие зверства способны фашисты, и понимали, что может ожидать особенно нас, советских добровольцев. Только не плен! Если придется приземлиться на территории врага, надо будет во что бы то ни стало пробиться к своим, сражаться до последнего, оставив один патрон для себя...

Но не все еще было потеряно. Все теперь зависело от летного мастерства Горанова. Сумеет ли он, раненый, перетянуть за линию фронта? И он, стиснув зубы от боли в ноге, старался как можно дольше продлить полет.

Истребители противника отстали от нас, когда увидели, что задымил второй мотор. Возможно, у них кончалось горючее или были израсходованы все патроны, а может быть, они решили, что наш самолет горит: вода и масло, вытекая из пробитых пулями трубопроводов и попадая на раскаленные части моторов, превращались в пар и дым, длинным шлейфом тянувшиеся за нами. К счастью, не была повреждена бензопроводка. Случись это, нас бы ничто не спасло.

Земля была уже совсем рядом. Умело планируя, Горанов пошел на посадку. Я был так захвачен боем с истребителями противника, что не заметил приближения к земле. Только в последний момент Иванов успел схватить меня и вытащить из нижней кабины. Не сделай он этого, я был бы раздавлен: ведь самолет садился на фюзеляж, а кабина воздушного стрелка в «потезе» ниже фюзеляжа.

Приземлились мы между окопами мятежников и республиканцев. Быстро вынесли Десницкого, сняли пулеметы, забрали диски, в которых остались еще патроны, залегли рядом с самолетом и стали советоваться, как лучше пробраться с тяжело раненным Десницким к сво-

им. Вдруг рядом разорвалась мина, осколки с визгом разлетелись по сторонам. Затем вторая, третья. Откуда-то вновь появился истребитель фашистов и, пикируя, начал вести огонь по лежащему на земле «потезу». Пули, взметая пыль, застучали вокруг нас и самолета. Надо было куда-то прятаться. Неподалеку, к счастью, оказался окоп. Скорее туда. Но Десницкий совершенно обессилел. Тогда я взвалил его на себя и пополз с ним. Остальные члены экипажа помогали мне.

Навстречу короткими перебежками приближались бойцы республиканской пехоты, занимавшей невдалеке оборону. С их помощью добрались до командного пункта батальона, вызвали санитарную машину. Шофер быстро доставил нас в расположенный на окраине Мадрида полевой госпиталь. Десницкому срочно сделали операцию. Из ноги Горанова извлекли расплющенную пулю, хотели его госпитализировать, но командир категорически отказался.

В тот же день на транспортном самолете нас перебросили в Альбасете. Здесь мы узнали, что самолет Проскурова тоже не сумел добраться до аэродрома: приземлился он на своей территории, но машина была изрешечена.

Так закончился тот бой, о котором в нескольких строках сообщила «Правда».

Вскоре меня назначили в другой экипаж, командиром которого был Григорий Илларионович Тхор. Как уже говорилось, Григорий Илларионович одним из первых советских добровольцев прибыл в Испанию. Сначала воевал на «потезах», а потом совершил более ста боевых вылетов на СБ. Много раз летал на разведку аэродромов, портов, промышленных и административных центров на территории, занятой фашистами.

Совершал полеты на Бургос, Кадис, Севилью, Саламанку. Ему поручали очень ответственные и опасные задания. За их успешное выполнение Г. И. Тхор был награжден двумя орденами Красного Знамени.

В июне 1937 года он возвратился на родину.

В августе 1938 года он уже в рядах советских добровольцев в Китае, где плечом к плечу с китайскими летчиками сражался с японскими самураями.

За боевые полеты в Китае Григория Илларионовича наградили орденами Ленина и Красного Знамени.

С началом Великой Отечественной войны Тхор снова на фронте. В сентябре 1941 года его самолет был сбит

в воздушном бою, и Григорий Илларионович оказался в тылу врага. Прорываясь из окружения, он был тяжело ранен в неравном бою с гитлеровцами и попал в плен. Но и в лагере Тхор не прекратил борьбу. В январе 1943 года генерала Тхора не стало: его расстреляли гестаповцы.

Г. И. Тхор

Наверное, о каждом летчике нашей 1-й интернациональной бомбардировочной эскадрильи можно рассказать много интересного. Одним из тех, кто стал подлинным героем, был Примо Джибелли — веселый, остроумный, любивший петь прекрасные итальянские песни... Когда он приехал в Испанию, ему исполнилось уже 43 года — возраст для летчика солидный. Но зато и боевого опыта у него было больше, чем у остальных. Бежав от фашистов из родной Италии, Примо Джибелли вступил в Красную Армию, окончил авиационную школу. В особом авиаотряде летчик Джибелли сражался с белобандитами и был награжден орденом Красного Знамени и именным боевым оружием. К началу войны в Испании Джибелли уже не летал: здоровье не позволяло. Но все отступило на задний план, когда он услышал, что где-то идет бой с фашизмом. Слово «фашист» он не мог слышать спокойно. В Испании Джибелли вначале воевал на двухместном легком бомбардировщике «Бреге-19». На этой устаревшей машине ему неоднократно приходилось летать в глубокий тыл врага, участвовать в воздушных боях. Джибелли отличали не только высокое летное мастерство и храбрость, он был очень хорошим товарищем.

Однажды звено «Бреге-19», в котором ведущим был В. С. Хользунов, а ведомыми П. Джибелли и Г. Н. Тупиков, получило задание нанести бомбовый удар по батарее противника западнее Мадрида. Во время выполнения боевого задания самолет Хользунова был подбит и начал отставать. Казалось, ведущий вынужден будет сесть на территории врага. Джибелли не отставал от самолета ведущего, хотя ведомым была дана команда «действовать самостоятельно». Позже он объяснил, что

тоже намеревался садиться вместе с Хользуновым, чтобы помочь ему, а если нужно, то и забрать его экипаж на свой «бреге». Но Хользунов сумел устранить утечку бензина, мотор снова заработал, и самолет долетел почти до своего аэродрома.

В октябре Примо Джибелли назначили командиром экипажа одного из «потезов».

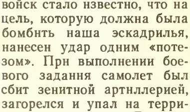
4 ноября 1936 года двум экипажам нашей эскадрильи под командованием Джибелли была поставлена задача бомбить огневые позиции мятежников западнее Мадрида. Над территорией противника ниже нас и сзади из облаков показались девять «хейнкелей». Быстро набирая высоту, они приближались к нам. Наши воздушные стрелки вовремя их заметили и встретили дружным огнем. Но плохо пришлось бы нам, если бы в этот день в воздухе не патрулировали истребители И-15, впервые введенные в строй республиканцами. Они немедленно пришли нам на помощь. Их было одиннадцать. Фашисты перестали нас преследовать и напали на наши истребители, надеясь, вероятно, быстро разделаться с ними — мятежники еще не знали боевых качеств наших машин.

Завязался воздушный бой, а мы тем временем прорвались к цели и начали ее бомбить. Выполнив задание, мы возвратились на свой аэродром и в штабе узнали о результатах полета: с линии фронта передали, что мы бомбили отлично. Республиканские истребители И-15 за семь минут боя сбили четыре «хейнкеля», в том числе и машину командира группы мятежников.

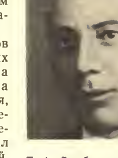
10 ноября 1-я интернациональная бомбардировочная эскадрилья получила задание уничтожить бомбовым ударом огневые позиции на фронте юго-западнее Мадрида. Вылетев всей эскадрильей в составе четырех «потезов» с аэродрома Альбасете, мы взяли курс на цель. При выходе из одного большого облака не обнаружили в строю левого ведомого, Джибелли. Очевидно, войдя в облачность, он потерял нас. Связаться с ним не представлялось возможным, так как радиосвязи на «потезах» не было.

Командир эскадрильи Ла-Рокета, не обнаружив в установленном месте истребителей, которые должны были нас сопровождать и прикрывать, отказался выполнять задание, изменил курс и повел нас на аэродром республиканской авиации в Алькала-де-Энарес, в 30 километрах от Мадрида.

Долго и тревожно ждали мы Джибелли на этом аэродроме. Из Альбасете по телефону сообщилн, что там его самолет тоже не садился.



Спустя несколько часов от командования наземных войск стало нзвестно, что на цель, которую должна была бомбнть наша эскадрилья, нанесен удар одним «потезом». Прн выполнении боевого задання самолет был сбит зенитной артнллерией, загорелся и упал на территорию протнвннка. Бойцы пехоты вндeлн, как от горящего самолета отделилось несколько человек на парашютах.



П. А. Джибелли

Как потом было объявлено, Джнбеллн, тяжело раненный, попал в плен. Фашисты долго глумились над ним, подвергали зверским пыткам, стараясь заставить рассказать, что он знает о положении республиканских частей. Но Джнбелли умер, ни слова не сказав фашистам.

Постановлением ЦИК Союза ССР от 31 декабря 1936 года Примо Джибеллн посмертно присвоено звание Героя Советского Союза...

Удары республиканской авиации становились все сильнее. 28 октября 1936 года совершили свой первый боевой вылет наши скоростные бомбардировщики СБ. Былн сформированы три эскадрнльи по 9—10 самолетов в каждой, они составили бомбардировочную группу. Ее возглавил А. Е. Златоцветов, начальником штаба стал П. А. Котов. Кроме бомбардировочной была создана истребнтельная группа, состоявшая нз трех эскадрилий самолетов И-15 и трех эскадрилий И-16 по 10 самолетов в каждой, а вскоре и штурмовая группа, состоявшая из 30 самолетов. Все авнационные группы вошли в военно-воздушные снлы Республнкн, командовал ВВС Игнасно Идальго де Сиснерос. Советнником у командующего был наш советский доброволец, замечательный командир Я. В. Смушкевич. Инженером по эксплуатацин работал З. А. Иоффе, нnженером по вооружению — П. Я. Залесский.

1-я эскадрилья скоростных бомбардировщиков базировалась на полевом аэродроме Томельосо. Командир эскадрильи — Эрнст Шахт, сын швейцарского рабочего из Базеля. Начав работать в 14 лет сначала маляром, а потом подручным электромонтера на заводе, Шахт еще в юношеском возрасте включился в революционную борьбу. В 1922 году приехал в Советский Союз, ставший его второй родиной, поступил в Борисоглебскую военно-авиационную школу. В 20-х годах участвовал в ликвидации басмаческих банд, за что был награжден орденом Красного Знамени.

Пламенный интернационалист, убежденный антифашист, Эрнст Шахт уже в октябре 1936 года обучал молодых испанских летчиков на аэродроме Алькала-де-Энарес. 28 октября он отправился в первый боевой вылет во главе эскадрильи советских бомбардировщиков. Затем еще много раз бомбил стратегические объекты мятежников, отлично выполняя боевые задания. Постановлением ЦИК Союза ССР от 31 декабря 1936 года Эрнсту Шахту присвоено звание Героя Советского Союза.

Я был зачислен штурманом во 2-ю эскадрилью, которая базировалась в Сан-Клементе. Командовал ею В. С. Хользунов, волевой и требовательный командир, искусный летчик и хороший организатор.

Еще 14-летним юношей, в 1918 году, вместе с отцом вступил он в Красную Армию и воевал с белогвардейцами до 1922 года. В 1928 году закончил Борисоглебскую военно-авиационную школу, был летчиком-инструктором, командиром звена, отряда, командиром бомбардировочной эскадрильи, а затем авиабригады.

Когда в Испании вспыхнула война, Виктор Степанович также в числе первых советских добровольцев отправился на помощь республиканцам. К тому времени скоростные бомбардировщики, закупленные республиканским правительством в Советском Союзе, еще не прибыли. Хользунов, чтобы не терять времени даром, решил использовать старые бомбардировщики, которыми располагали ВВС Республики. Тихоходный и слабо вооруженный «Бреге-19» служил хорошей мишенью для вражеских истребителей. Однако Виктор Степанович нашел выход. На бреющем полете, используя гористую местность, он внезапно появлялся над целью, наносил бомбовые удары и уходил так скрытно, что ошелом-

ленный внезапностью противник не успевал даже открыть огонь.

Э. Г. Шахт

Когда прибыли СБ, Виктор Степанович приступил к формированию эскадрильи. За короткое время он сумел создать крепкий коллектив, способный выполнять сложные боевые задачи. По оценке командования, его эскадрилья была лучшей бомбардировочной частью в авиации Республики. На боевые задания эскадрилью всегда водил командир. Под его руководством летчики наносили эффективные удары по противнику. Настойчивость в выполнении заданий и личная храбрость снискали Хользунову большое уважение. Летчики безгранично верили своему командиру, который 27 июня 1937 года был удостоен звания Героя Советского Союза.

После возвращения на родину Виктор Степанович занимал ряд командных должностей в ВВС Красной Армии. Народ избрал его депутатом Верховного Совета СССР. Летом 1939 года В. С. Хользунов погиб во время выполнения служебного задания.

Одним из больших успехов нашей эскадрильи был разгром железнодорожной станции в Талавере. Отсюда к фронту отправлялись военные грузы и воинские части. Станция прикрывалась сильными зенитными средствами. Противник встретил нас заградительным огнем всех зенитных батарей. Все небо впереди и вокруг нас заволокло клубами дыма от разрывов вражеских снарядов. Совершая противозенитный маневр, наша эскадрилья вышла на боевой курс и сбросила бомбы на здания станции и железнодорожные пути, где в то время находилось несколько эшелонов. Возвращаясь на свой аэродром, мы еще долго видели дым пожара.

А. А. ЕВТЕЕВ

ПОДГОТОВКА БОЕВЫХ САМОЛЕТОВ СБ

Я работал ведущим инженером по производству скоростного бомбардировщика — СБ. Когда стало известно, что часть СБ, серийное производство которых только что было налажено в Советском Союзе, будет направлена в Испанию, я обратился с просьбой послать меня добровольцем в Испанскую республику.

Разрешение было получено, и мне предложили подобрать бригаду из числа опытных специалистов, хорошо знающих материальную часть самолета.

В течение двух суток бригада из 29 коммунистов-добровольцев была укомплектована. В нее вошли К. А. Соколов, В. И. Лучихин, Д. И. Котов, В. С. Хаустович, М. И. Левин и другие товарищи.

Разобранные по частям бомбардировщики, надежно укрепленные в контейнерах, были погружены на железнодорожный состав. С этим поездом отправились и мы.

В Феодосии самолеты, авиабомбы и патроны для пулеметных установок были спущены в трюм транспортного парохода «Старый большевик».

Перед отходом нашего транспорта прибыла группа жизнерадостных молодых людей в штатском. Пожалуй, они выглядели моложе нас, а нам в то время было в среднем не более 28—30 лет. Как выяснилось потом, это были советские летчики-добровольцы, с которыми нам предстояло вместе защищать небо Испанской республики.

Мы познакомились, подружились и с нетерпением ждали прибытия в Испанию.

Первую ночь в пути многим не спалось. Каждый думал о своих близких, о самом дорогом... Но всех объединяло одно — стремление помочь испанскому народу в его борьбе против объединенных сил фашизма. Каждый мысленно проверял себя, на что он способен, сможет ли отдать борьбе с фашизмом все свои знания и силы, а если понадобится, и жизнь...

В ту ночь мне вспомнились семья, детские и юношеские годы, отец, вместе с которым я ушел добровольцем в Красную Армию... Промелькнули в памяти комсомольские годы — работа на заводе, учеба на рабфаке, 1926 год — год вступления в ряды Коммунистической

партии, занятия в академии Жуковского, первые шаги в конструкторском отделе по проектированию СБ и первые трудности в испытательных полетах. И тогда требовалась полная мобилизация душевных сил, воли и, конечно, инженерных знаний.

А. А. Евтеев

После нескольких дней пути показались берега Испании, один из крупнейших портов этой солнечной страны — Картахена.

В бухте нас встречали катера и шлюпки. Под радостные возгласы толпы мы вступили на испанскую землю. На виду у всех — друзей и врагов — пароход был разгружен, бомбардировщики и боевая техника отправлены на аэродромы вблизи Картахены и Альбасете.

И в первую ночь, и в последующие дни нас бомбили немецкие Ю-52. Однако в условиях затемнения и маскировки бомбы редко попадали в цель. Мы старались не обращать внимания на внезапные налеты. Вспоминается, как наши испанские друзья будили нас среди ночи с возгласом «Фасиста!», предлагая покинуть помещение и укрыться в щели, но мы так уставали за день, что продолжали крепко спать. Спали мы мало — не более четырех-пяти часов, остальное время отводилось подготовке бомбардировщиков к полетам.

Республика не располагала тогда современными самолетами. Некоторые устаревшие образцы правительство закупало, главным образом во Франции, которая по уровню развития авиации сильно отставала от других капиталистических стран.

Советские СБ обладали для своего времени большой скоростью — от 380 до 430 километров в час, большим потолком и дальностью полета, расстояние до заданных целей в условиях Испании было для них ничтожно малым, поэтому СБ представляли серьезную опасность для фашистов. Ни один германский истребитель, не говоря о бомбардировщиках, не обладал такой скоростью, как наш самолет при полной бомбовой нагрузке в 500 килограммов. К тому же кроме бомбового оснащения СБ

были вооружены четырьмя пулеметами ШКАС с большим углом обстрела.

Превосходство СБ в воздухе было очевидным. Боевые полеты скоростных бомбардировщиков проходили без сопровождения истребителей, это явилось новшеством в авиационной практике. Если вражеские истребители оказывались на близком расстоянии от СБ, в действие вступали безотказные пулеметные установки. Мы по праву могли гордиться советской боевой техникой.

Наши самолеты поднимали боевой дух республиканской армии и веру всего народа в победу над врагом.

Первые боевые вылеты СБ произвели ошеломляющее впечатление в стане врага. Бешенству фашистов не было предела. Франко объявил по радио, что «марксистские бомбардировщики» в ближайшие дни будут уничтожены, а вместе с ними советские летчики и инженерно-технический состав.

Конечно, иностранная печать не замедлила сообщить о появлении этих машин на фронте. 30 октября 1936 года английская газета «Дейли экспресс» писала из Мадрида: «Над дорогой в Аранхуэс летал громадный правительственный бомбардировщик в сопровождении двух небольших истребителей. По словам корреспондентов, до сих пор в правительственной авиации таких машин не было».

В подготовке первых боевых вылетов СБ нам помогали испанские техники, которые в относительно короткие сроки изучили конструкцию СБ. Одновременно республиканские летчики осваивали технику управления нашими бомбардировщиками. В течение нескольких суток после нашего прибытия на аэродром самолеты СБ были собраны и подготовлены к боевым вылетам. И сразу же поступил приказ командования ВВС Республики: нанести удары по аэродромам фашистов в Талавере, Севилье, Касересе, Навальморале и по порту Кадис, где разгружались войска и германское вооружение для генерала Франко.

На следующий день СБ вылетели на боевое задание в район аэродромов Саламанки и Талаверы, затем вновь бомбили аэродромы в Талавере, Саламанке, Севилье. Так продолжалось каждый день.

7 ноября 1936 года мы праздновали на испанской земле. Годовщину Октября отметили усиленными бомбардировками фашистских тылов и расположения вражеских войск на подступах к Мадриду.

В начале войны ни у Гитлера, ни у Муссолини не было зенитных орудий, которые могли бы достать наши бомбардировщики с земли. Тогда Франко сделал ставку на «пятую колонну», которая проводила диверсии в тылу республиканцев. Наш аэродром часто освещали ночью со всех сторон ракетами, чтобы указать ориентиры фашистским самолетам. В те тревожные ноябрьские дни, когда враг подступал к столице Испании, все советские истребители И-15 и И-16 были брошены на защиту Мадрида.

Итальянские и германские интервенты увеличили поставки вооружения для фашистской армии Франко, зенитная артиллерия мятежников пополнялась новыми орудиями, которые стали наносить республиканской авиации довольно серьезные повреждения. Мы начали терять самолеты, иногда СБ производили вынужденную посадку за пределами аэродрома. Однажды, в ноябре 1936 года, экипаж одного из бомбардировщиков, поврежденного зенитными орудиями фашистов, был вынужден приземлиться с убранными шасси на ничейной полосе между фашистскими и республиканскими войсками. Мы срочно выехали на место происшествия. Ночью незаметно подобрались к самолету и отремонтировали вышедший из строя трубопровод. Подкопав под фюзеляжем землю, выпустили стойки шасси и вытащили самолет за хвостовую часть на площадку, которая могла, хотя и с некоторым риском, обеспечить взлет бомбардировщика. Но выбирать не приходилось. На эту операцию ушло около трех часов. Дело близилось к рассвету. Моторы заработали исправно, самолет взмыл в небо и, сделав два-три захода, обстрелял врага из пулеметов. Ошеломленные фашисты никак не могли уразуметь, что их обстрелял подбитый накануне СБ.

В Испании я был заместителем комбрига П. А. Алексеева, который возглавлял нашу техническую группу. Выполняя обязанности старшего инженера, я отвечал за подготовку самолетов к полетам и за устранение повреждений, полученных после обстрела в воздухе и с земли. Это требовало большой оперативности, потому что в ходе войны бомбардировщики все чаще получали серьезные повреждения от зенитного обстрела.

Постепенно в ремонт и полеты на СБ все больше включались испанские техники и летчики. Конструкция и технология производства бомбардировщиков предусматривала взаимозаменяемость частей самолета, что

облегчало ремонт агрегатов и узлов, вышедших из строя. Работа ладилась. Мы жили с испанскими товарищами единой боевой семьей. Они относились к нам с любовью и уважением. Мы платили им тем же.

П. В. МАМСУРОВА

БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ

Фашистский мятеж застал меня в Мадриде. Я приехала в Испанию из Советского Союза после того, как Народный фронт победил на выборах. Мне предстояла работа в редакции прогрессивного испанского журнала «Европа и Америка». До этого я сотрудничала в одном из московских издательств.

Помню, сразу после прекращения боев на улицах рабочие организации столицы мобилизовали все свои силы на защиту Республики. Начался набор добровольцев в антифашистскую Народную милицию, сыгравшую важную роль в разгроме опорных пунктов мятежников в Мадриде. В числе первых добровольцев ушла на фронт и я.

В конце июля наша колонна двинулась в направлении Сьерра-Гвадаррамы. Солнце палило так, как оно может палить в разгар лета в Испании.

По шоссе тянулась вереница самых разнообразных машин. В машинах — милисианос. Кто нами командовал, неизвестно. Поэтому мы все — командиры. Решения принимали сообща. Крик, шум, горящие глаза, неподдельный энтузиазм, овладевший всеми. Мы победили в Мадриде и едем в Гвадарраму, чтобы окончательно покончить с фашистами, которые засели в горах.

А пока тихо. Время идет. Часов у меня нет, их с успехом заменяет желудок. Он подсказывает, что уже поздно. Очень хочется пить, есть. Но как сказать, что проголодалась? Стыдно. Все должно быть подчинено одному — найти и разгромить врага. Нет, потерплю. Разговоры постепенно стихают. Мужчины курят. Многие дремлют. Дорога все поднимается вверх.

Вдруг резкий толчок. Машина тормозит. Слышны выстрелы. Кажется, это далеко.

Выходим из машины. Безоружные с завистью смотрят на вооруженных. Какой-то парень, худой, бледный, с большими испуганными глазами, кричит:

П. В. Мамсурова

— Кто служил в армии — направо! Налево — кто умеет ухаживать за ранеными, остальные назад!

Я его знаю. Только не могу вспомнить, как его зовут. Он выступал в Мадриде на собраниях и митингах. Вспомнила: это Монталью из Союза объединенной социалистической молодежи.

Народ на шоссе неторопливо делится на три группы. Но постепенно какой-то мужчина с красно-черным платком на шее (их носили анархисты) собирает вокруг себя людей. Оттуда слышится:

— Хватит! Долой начальников! Покомандовали!

Народ колеблется. Этого типа надо немедленно нейтрализовать... Говорю спокойно:

— Да, долой плохих, кровожадных и богатых начальников. Но ты все-таки за справедливость?

Отвечает не сразу. Я тороплю:

— Ты хочешь справедливости для честных людей?

— Да, конечно.

— Вот у тебя и пистолет, и карабин, и наваха. Отдай что-нибудь товарищам, и ты всем покажешь, за что ты борешься.

До сих пор не могу понять, почему он так рассвирепел.

— Пулю я тебе по справедливости пущу!

Он вынул пистолет и направил его на меня.

Меня охватил ужас. Вокруг раздались возгласы:

— Она правильно сказала!

— Нехорошо делаешь!

Монталью ногой выбил у мужчины пистолет, поднял его с земли и сказал:

— Это будет наградой отличившемуся в первом бою.

Война стала для нас работой, обычным делом, бои — военными буднями. Мятежники рвались к Мадриду, и в ожесточенных схватках с ними закалился боевой дух милисианос, постепенно стала укрепляться дисциплина. Прошел всего месяц, а мы уже знали о войне столько, сколько не могли узнать за всю предыдущую жизнь.

Все изменилось. И в этой жестокой борьбе обрела свободу и достоинство испанская женщина. В течение веков она жила под гнетом церковных и полуфеодальных законов. Поэтому коммунистам было особенно трудно вести пропаганду среди женщин. Дело доходило до смешного: митинги, собрания нужно было проводить до наступления темноты, если мы хотели, чтобы на них присутствовали и девушки. И стояли женщины на них на противоположной стороне от мужчин.

И вот эта подавленная средневековыми обычаями женщина в течение очень короткого времени узнала, почувствовала на себе, что такое равноправие и свобода. Надо было видеть, с каким достоинством, с какой гордостью она воевала, помогала фронту.

По-другому стали относиться к женщине испанские мужчины. Ведь она тоже стала солдатом, не уступавшим им ни в храбрости, ни в выдержке, ни в выносливости.

Вскоре часть уже стала батальоном и с гордостью носила революционное название «Октябрь». Командиром был Эстельвино Вега, прекрасный организатор и опытный руководитель, всегда спокойный, немного суровый, очень требовательный к себе, что импонировало испанцам, ибо в то время необходим был особый подход к людям, ненавидевшим палочную дисциплину. Но дисциплина нужна была как воздух.

В нашем батальоне были в основном ребята из Союза объединенной социалистической молодежи, а также члены разных профсоюзов, политических партий и групп. Сплотить столь разных людей мог только умелый командир, опытный политический руководитель, а также искусный дипломат. Эстельвино делал все очень спокойно и уверенно: будучи человеком твердых взглядов, он легко убеждал других. Наш командир был расстрелян фашистами в 1939 году в Аликанте.

На собрании милисианос меня избрали заместителем командира батальона по материальному обеспечению. Я стала кем-то вроде интенданта. В той обстановке это оказалось сложной работой. Только снабжение боеприпасами было централизовано, а продовольствие мы получали от крестьян соседних деревень. Бывали случаи, когда вместо мяса нам давали арбузы. Но как бы то ни было, крестьяне выполняли свой долг перед революцией. Каждый раз, когда приходили повозки с продовольствием, мы организовывали митинг. Наш командир тре-

бовал вести строгий учет, и я учитывала привезенный груз, выписывала квитанции.

Крестьяне часто называли меня «сеньорита маэстра» — барышня-учительница,— очевидно, потому, что я умела писать, а в испанских деревнях только учитель, священник и судья были грамотными людьми. Испанские крестьяне, как правило, неразговорчивы и трудолюбивы. На своем клочке каменистой земли им надо было вырастить такой урожай, которого хватило бы, чтобы прокормить семью и выплатить налоги. И когда в их руки перешла земля помещиков, сбежавших к фашистам, крестьяне были готовы работать для Республики днем и ночью.

После участия в тяжелых боях мне казалось, что я лодырничаю, что можно делать что-то более значительное, хотя я уже понимала, что война ведется не только на передовой. Иногда, правда редко, я высказывала свои мысли вслух. Эстельвино Вега в таких случаях говорил:

— Думаю, вы понимаете, что революция нуждается в грамотных штабных офицерах.

Итак, я — грамотный штабной офицер. Это меня успокаивало до тех пор, пока я не слышала вновь рассказы о боевых эпизодах или не выезжала на передний край. Тут опять жажда подвига обуревала меня...

Однажды в конце августа или в начале сентября у штаба остановился черный лимузин. Я была на складе и, как обычно, занималась подсчетами. Пришел дежурный и сказал, что меня ищут и я должна немедленно ехать в Мадрид. Сердце сжалось: как я оставлю свой батальон? Столько пережито вместе со всеми — бои с мятежниками, ночные переходы в горах, страшные вопли марокканцев и их метко разящие пули, гибель товарищей... Нет, не поеду; пусть будут лучше эти скучные подсчеты.

— Вот русский товарищ, он хочет с вами поговорить.

Еще сильнее забилось сердце. Русский товарищ — откуда, как, почему? У меня в Москве родные. Давно ничего не слышала о них...

— Я Роман Кармен, кинооператор.

Ничего не понимаю. Здесь война, зачем нам кинооператор? Бросаю не слишком приветливо:

— А зачем вы нужны на фронте?

Кармен улыбнулся и снисходительно, как иногда разговаривают взрослые с подростками, объяснил мне, что

приехал в Испаиию сиимать киио и я ему иужна как переводчик. И серьезио добавил, что ждать ему иекогда, иужио решать сразу. Увидев мои колебаиия, ои сказал, что приехал от имеии Хосе Диаса и это мое иовое партийиое поручение. Подошли ребята и удивлеиио смотрели иа иас, ие поиимая, о чем мы говорим. Дежуриый успел кое-кому сообщить, что я собираюсь уехать в Мадрид,— тогда столица считалась глубоким тылом, в который стыдио отправляться бойцу батальоиа «Октябрь».

Товарищ Вега ие очеиь хорошо говорил по-русски, ио прекрасио разбирался в человеческой психологии.

— Товарищ Лииа должиа с иами проститься,— ои подчеркиул слово «должиа».

— Дорогие мои товарищи (ком в горле), я уезжаю потому, что моя партия — партия коммуиистов приказывает мие выполиить иовое боевое задаиие.

Подошел Вега, обиял меия и подиял кулак в традиционном республиканском приветствии. Люди подходили, прощались.

Черная машииа мчалась в иаправлеиии Мадрида по той самой дороге, по которой мы ехали полтора месяца иазад.

Кармеи миого говорил о предстоящей работе, повидимому стараясь заразить меия своим эитузиазмом. Позже я поияла, что киинокамера в руках большого мастера — грозиое оружие. Но тогда я смотрела иа иего с чувством иекоторого превосходства, как смотрят фроитовики иа штатских, со своих гвадаррамских высот. В душе я иадеялась, что эта затея с киио скоро коичится и я вериусь в батальои, как только Кармеи отсиимет свои леиты. В коице коицов, иадо помочь этому человеку, который так любит свою профессию и так хорошо рассказывает о своих впечатлеииях об Испаиии и испаицах.

В Мадриде мы поселились в гостииице «Флорида». Здесь жили иностраииые добровольцы, пришедшие иа помощь Испанской республике, а также корреспоидеиты и писатели — представители миогих страи.

Началась моя работа с Кармеиом. Ои сиимал, я переводила. Кармеи прекрасио зиал, что иужио советским зрителям, чего от иего ждут, что ои должеи делать. Ои хотел показать варварские фашистские бомбежки, страдаиия испаиского иаселения, убитых детей, жеищии, стариков, разрушеииые города и памятиики

культуры, героическую оборону Мадрида, на защиту которого поднялся весь народ. Многие ленты были посвящены боевым действиям и ударной работе на оборонных заводах в тылу Республики.

Кармен мечтал попасть на север Испании, где республиканцы, шахтеры и горняки Астурии, рабочие и население Бильбао вели жестокие бои с наступавшими фашистами.

Наконец, в начале октября Роман Кармен и Михаил Кольцов, собственный корреспондент газеты «Правда» в Испании, с величайшим трудом получили разрешение от республиканского правительства посетить Астурию и Бильбао. Взяли и меня с собою.

Лететь пришлось над территорией, занятой фашистами. Наш самолет мог быть в любую минуту обстрелян с земли. Впоследствии Кольцов подробно описал это путешествие в «Испанском дневнике».

Революционная Астурия принимала нас как почетных и дорогих гостей. Шахтерский край, край испанского пролетариата. Порядок и сплоченность чувствовались во всем. Линия фронта укреплена: хорошо оборудованные окопы и огневые точки. Боеприпасов достаточно. Но мало хлеба, одежды, табака. Сказывается оторванность от основной части Республики. Большинство шахт закрыто: горняки ушли воевать. А там, где добыча угля продолжается, рабочие — это ребята 14—16 лет, заменившие отцов и братьев, и старики.

Когда мы вернулись в Мадрид, город показался мне более суровым и озабоченным. Фронт приближался.

В начале ноября мне сказали, что я буду работать с новым начальником.

— Будете работать с Ксанти и при всех обстоятельствах останетесь в Мадриде.

От радости я не обратила внимания на слова «при всех обстоятельствах». Чем Ксанти занимается, я не знала, но уловила главное: буду на передовой, ибо Мадрид, увы, стал передовой.

С Ксанти мы были уже знакомы. На одном КП я видела этого красивого смуглого человека и запомнила его удивительно добрую улыбку.

Настоящее полное имя Ксанти — Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров, чаще его называли просто Хаджи.

В 1918 году Хаджи Мамсуров вступил добровольцем в Красную Армию, был бойцом отряда Владикавказского Совдепа, участвовал в боях против белоказачьих банд.

Х. У. Мамсуров

В 1919 году воевал в партизанских отрядах, действовавших в тылу белых. В 1921-м поступил учиться в Коммунистический университет трудящихся Востока, а потом снова сражался с бандами врагов Советской власти...

В начале ноября 1936 года, когда бои шли уже на окраине Мадрида, было решено, что Мамсуров останется в столице, если фашисты займут город.

Началась подготовка к переходу в подполье, и я поняла, что означали слова: «Вы останетесь в Мадриде при всех обстоятельствах».

В те дни Хаджи хорошо изучил подземелья Мадрида. Дело в том, что в первые дни фашистского штурма мятежники захватили головные сооружения водоканализационной сети и стали пробираться по ней к центру города. Республиканцы быстро заметили опасность. Сразу же все коллекторы, галереи, сеть подземных труб и каналов были проконтролированы, взяты под постоянную охрану и минированы.

За все время обороны Мадрида фашисты взорвали под землей шесть мин. Практически эти взрывы никак не сказались на судьбе осажденного города. Республиканцы же взорвали несколько десятков мин, что помогло задержать мятежников.

Ни в буквальном, ни в переносном смысле уходить в подполье нам не пришлось. Но готовы мы к этому были.

Конечно, Хаджи занимался не только охраной подземелий столицы. Это был лишь один из эпизодов его работы.

5—6 ноября 1936 года, когда фашисты подошли вплотную к Мадриду, состоялось заседание Политбюро ЦК Коммунистической партии Испании. Решался вопрос — удерживать или не удерживать столицу. Некоторые члены правительства пессимистически относились к возможности отстоять город. Коммунистическая партия выступила против подобных настроений. На заседании Политбюро все его члены единодушно приняли

решение оборонять Мадрид любой ценой. В эти критические дни Хаджи принимал непосредственное участие в организации сопротивления натиску фашистов.

Основной костяк отрядов Народной милиции составлял рабочий класс. При острой нехватке оружия удалось в короткий срок вооружить 50 тысяч рабочих, которые расположились на западной, южной и северо-западной окраинах Мадрида. Постепенно прибывали бойцы из других городов. Из Каталонии пришел корпус, состоящий из трех бригад, комиссаром которого был несгибаемый революционер Вирхилио Льянос. Коммунистическая бригада из состава корпуса выдержала основную тяжесть первых боев за Мадрид.

Меня часто спрашивают, что делал Хаджи в Испании. Многим это представляется нечто вроде детективного приключения. Но сам Хаджи писал: «Зона обороны Мадрида создалась и существовала как самостоятельный фронт. Возглавлял ее комитет обороны, во главе которого стоял генерал Миаха. Главным советником был Горев В. Е. Официально я считался советником при начальнике штаба Рохо, но одновременно становился советником командиров крупнейших соединений, прибывавших для обороны Мадрида с 5 ноября 1936 года до января 1937 года. Так, например, я был советником в Мадрид-Каталонском корпусе, командиром которого был известный боевик-анархист Буэнавентура Дуррути, и одновременно советником в только что сформированной и подошедшей к Мадриду 35-й дивизии, которой командовал замечательный боевой командир итальянец Нино Нанетти. Наряду с этим в моем ведении было руководство специальной работой по созданию партизанских отрядов для действий в тылу врага, обучение пулеметчиков, подготовка командных кадров совместно с Педро Чека и многое другое, что было еще в человеческих силах».

Здесь упомянуто имя Педро Чека, и я хочу, хотя бы очень коротко, о нем рассказать.

Когда в ночь на 6 ноября 1936 года Политбюро ЦК КПИ приняло постановление оборонять каждую улицу Мадрида, каждый дом силами рабочих и всех честных граждан, то уполномоченным по Мадридской партийной организации оно назначило секретаря ЦК Педро Чека. Генеральный секретарь КПИ Хосе Диас называл его истинным партийцем. Ленинские нормы партийной жизни были для Чека священными.

Хаджи Мамсуров и Педро Чека очень дружили между собой. Хаджи говорил, что Чека похож на его родных горцев, а в его устах это означало, что главными чертами Чека были смелость, решительность и упорство в достижении цели. Понимали они друг друга прекрасно, часто разговаривали без переводчика. В героические дни обороны столицы Испании они работали рука об руку.

Бывший корреспондент ТАСС Овадий Савич в своих воспоминаниях об Испании в несколько шутливой форме передал, как говорил Хаджи.

«— Я с журналистами разговаривать не люблю. Война — секретное дело, а они болтуны... Но тебя мне жалко. Я тебе кое-что расскажу, это уже можно писать. Пиши. Наши диверсанты... Нет, так не надо. Диверсанты — это всегда у врага. Пиши так: наши, то есть республиканские партизаны, пройдя по горам более двух суток, спустились в долину. Где? Так я тебе и скажу! Пиши — на Эстремадурском фронте. Это верно, а фронт большой. Спустились в долину и взорвали гидроэлектростанцию. Можешь написать большую. Она, понимаешь, по нашим понятиям маленькая, но для Испании... Или лучше напиши — значительную. Нет, еще лучше — единственную в данном районе. Это будет полная правда. Я тебе почему рассказываю? Понимаешь, фашисты-то ведь знают, что мы станцию взорвали. От кого же тогда секрет? А испанцы и наши почему-то про такие вещи считают нужным молчать. Ну и фашисты, понятно, молчат,— зачем им признаваться?»

Испания соединила наши жизни, и я благодарна судьбе, что мне довелось быть другом такого человека, как Хаджи Мамсуров.

БОРЬБА ИСПАНСКОГО НАРОДА — ОБЩЕЕ ДЕЛО ПРОГРЕССИВНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Руки прочь от республиканской Испании!

Этот клич несется по всему миру, сплачивая под знаменами братской солидарности миллионные массы.

Во Франции, в Англии, в Чехословакии, в скандинавских странах, в США, в далекой Венесуэле, во всех частях света происходят митинги и собрания солидарности с испанским народом.

...Советский Союз — этот могучий оплот всеобщего мира, оплот всего, что есть прогрессивного в человечестве, идет в авангарде международного движения солидарности.

Правда, 1936, 17 октября

ИЗ ЛОЗУНГОВ ЦК ВКП(б) к XIX ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СССР

Братский привет рабочим и крестьянам Испанской демократической республики, ведущим героическую борьбу против фашизма! Да здравствует испанский народ!

Борьба испанского народа — общее дело всего передового и прогрессивного человечества. Окружим сочувствием и окажем помощь испанскому народу!

Правда, 1936, 29 октября

Рабочие и трудящиеся всех стран!

Следуйте примеру советского пролетариата, окажите действенную помощь испанскому народу! Своими массовыми выступлениями сорвите преступную интервенцию германского, итальянского и португальского фашизма в Испании, положите конец снабжению оружием мятежников! Испанскому правительству единого Народного фронта должны быть предоставлены все материальные средства для подавления фашистского мятежа.

Исполнительный Комитет
Коммунистического Интернационала
Правда, 1936, 6 ноября

В победе испанского народа заинтересованы все те, кто не хочет в своей стране фашистского варварства. Его победа — это победа всей международной демократии, победа прогресса и культуры над фашистской реакцией, победа фронта мира над фашистскими поджигателями войны.

Г. Димитров

Да, испанский народ борется, и он имеет право рассчитывать на нечто большее, нежели сочувствие и восхищение. Он имеет право рассчитывать на нас, так как борется и страдает за наше общее дело, за дело свободы и мира во всем мире.

Есть ли еще пролетарии, которые не понимают значения борьбы наших испанских братьев для защиты интересов международного пролетариата, для защиты социальных и политических завоеваний рабочего класса?

Нужно бороться, а борясь, нужно добиваться применения санкций к фашистскому агрессору в соответствии с уставом Лиги наций.

Нужно без промедления начать оказывать непрерывное и действенное давление на правительства. Мы не позволим застать себя врасплох и тотчас начнем изо дня в день, ежечасно и ежеминутно, по всей нашей стране и всеми способами собирать силы для борьбы в защиту Испанской республики.

Морис Торез

В. А. СУЯЗИН

В БОЙ ВСТУПАЮТ ИСТРЕБИТЕЛИ

Мои испанские воспоминания неразрывно связаны с воздушными боями над столицей Республики — Мадридом.

С осени 1936 года командиром истребительной группы был замечательный летчик и талантливый командир Петр Иванович Пумпур. Он вводил в бой вновь прибывавшие группы, определял их дислокацию в зависимости от обстановки, часто использовал истребители для разведки наземных войск, нередко сам участвовал в воздушных боях.

При основной группе истребителей существовал маленький резерв из пяти-шести самолетов, в который были включены наиболее опытные советские летчики — Иван Копец, Антон Ковалевский, Евгений Ерлыкин и трое испанцев — Алонсо, Лакалье и Хименес.

Базировались мы неподалеку от Мадрида, на аэродроме Алькала-де-Энарес. Группой из трех эскадрилий И-15 командовал Павел Рычагов, начальником штаба был я.

Для того чтобы читатель смог в какой-то мере представить себе нашу боевую работу в небе Испании в памятном 1936 году, расскажу о нескольких особенно запомнившихся днях — так, как они остались в моей памяти.

4 ноября 1936 года

Этот день начался для всех летчиков нашей группы до рассвета.

Еще не погасли звезды в черном, как антрацит, испанском небе, а все уже собрались у небольшого кирпичного здания с наблюдательной вышкой, где размещался командный пункт. Сосредоточенные, посерьезневшие лица. Все внимательно вслушивались в каждое слово командира. Павел Рычагов еще раз назвал основные пункты, определившие линию Центрального фронта под Мадридом. Летчики сверили ее по своим картам. Фашистские части под командованием генерала Мола подходили к западным, юго-западным и северо-западным окраинам Мадрида.

Накануне Рычагов и я были у Г. И. Кулика, советника командующего Мадридским фронтом Миахи. Ставя

перед истребителями задачу прикрыть Мадрид с воздуха, Кулик сказал:

В. А. Суязин

— Обстановка такова, что фашисты с часу на час могут войти в Мадрид. Особые надежды они возлагают на свою бомбардировочную авиацию, которая безнаказанно действует с минимальной высоты. Необходимо положить конец бомбежкам города и защищающих его войск.

Когда все присутствующие уяснили обстановку и боевую задачу, к летчикам обратился полковник П. И. Пумпур:

— Вы должны искать противника в воздухе, не ждать, когда он вас обнаружит и атакует первым. Вы сами должны навязать ему бой, диктовать свою волю. Атаковать надо смело и решительно. Держитесь компактно. Поле боя покидайте только тогда, когда в воздухе не останется ни одного вражеского самолета. Достаточно один раз уступить противнику, и потом вам будет очень трудно стать хозяевами мадридского неба.

Едва Пумпур закончил, как раздался телефонный звонок. Я подошел к телефону. Из Мадрида сообщили, что над городом показались фашистские самолеты.

На аэродроме мгновенно все пришло в движение, один за другим загудели моторы. Взлетели звеньями. Через три-четыре минуты после сигнала на вылет самолеты скрылись из виду. Наши летчики устремились в первый в своей жизни воздушный бой, первое испытание в бою предстояло выдержать и истребителю конструкции Н. Н. Поликарпова И-15.

Оставшиеся на земле долго смотрели вслед самолетам. Минут через тридцать нам сообщили, что над пригородом Мадрида в районе Карабанчеля идет воздушный бой. Эти сведения передал начальник связи группы Соленко, который в это время находился на наблюдательном пункте, оборудованном на самом высоком здании Мадрида — «Телефонике». Из донесения Соленко узнали также, что наши истребители сбили четыре фашистских самолета, заставив остальных уйти.

П. И. Пумпур

Прошло 50 минут с момента вылета наших. Все, кто остался на аэродроме, с нетерпением поглядывали на небо. Наконец в бескрайней синеве возникли черные точки.

Каждый с тревогой считает, все ли возвращаются домой.

Машины заходят на посадку. Четко, на три точки, садятся и заруливают каждая на свое место. Свободных мест не остается. Значит, вернулись все!

Взволнованные, разгоряченные летчики окружили Пумпура и Рычагова. После приветствий и обмена первыми впечатлениями начался подробный разбор воздушного боя. Анализировали его тщательно и придирчиво. Ведь летчикам впервые пришлось столкнуться не с условным противником, а с настоящим, к тому же коварным и хитрым, имевшим уже достаточный боевой опыт. Поэтому было очень важно выслушать каждого и глубоко проанализировать действия.

Не успели мы закончить разбор, как раздался телефонный звонок и над аэродромом вновь взвилась ракета. На этот раз в воздух поднялась десятка самолетов во главе с Павлом Рычаговым.

Летчики двух других эскадрилий остались у самолетов, готовые в случае необходимости вылететь на помощь товарищам. Такая напряженность, постоянная готовность к боевому вылету объяснялась тяжелой обстановкой на Мадридском фронте. Мы понимали, что Мадрид надо удержать во что бы то ни стало.

В зависимости от воздушной обстановки оставшиеся на аэродроме эскадрильи могли быть введены в бой сразу или в два эшелона — по одной эскадрилье. Дальнейший опыт боев подтвердил правильность этой тактики, так как фашисты совершали налеты на Мадрид и позиции республиканских войск иногда большими группами бомбардировщиков, а иногда мелкими подразделениями на различных участках фронта одновременно. Когда появлялись мелкие подразделения с прикрытием до десятка истребителей, мы посылали одну эскадрилью

и этого было достаточно, но, если противник действовал крупными группами бомбардировщиков — свыше 15 самолетов под прикрытием 20 и более истребителей, в воздух поднималась вся наша группа и мы оставались без резерва на земле. Так продолжалось до тех пор, пока на Центральном фронте не начала действовать вновь прибывшая группа истребителей И-16 под командованием Сергея Тархова.

4 ноября было первым днем крупных сражений в небе Мадрида. Во время второго вылета наша десятка встретилась с шестью самолетами фашистов Ю-52 под прикрытием нескольких истребителей. После короткого боя истребители противника обратились в бегство, а «юнкерсы», успев сбросить только небольшое количество бомб, повернули обратно. Один Ю-52 был сбит. У нас потерь не было.

Не успели наши самолеты зарулить на свои стоянки, как над аэродромом вновь взвилась ракета. В воздух поднялась оставшаяся в резерве эскадрилья под командованием Егора Захарова. Применяя тактику методической бомбардировки, фашисты, очевидно, рассчитывали на то, что у нас не хватит сил противостоять им. Но нехватка самолетов в республиканской авиации компенсировалась большим напряжением полетов. Наши истребители снова обратили в бегство два звена бомбардировщиков, шедших под прикрытием десяти истребителей, причем один вражеский истребитель был сбит.

На этом боевые действия 4 ноября не кончились. На исходе дня снова прозвучала команда «Боевая тревога!». Защищать Мадрид вылетели истребители под командованием Павла Рычагова. В ожесточенном бою они сбили еще один «юнкерс».

Вечером все мы подробно, не упуская ни одной детали, провели анализ боевых действий за день. Сбито семь фашистских самолетов, у нас потерь нет.

5 ноября

На рассвете снова раздался сигнал боевой тревоги. Наблюдатели с «Телефоники» докладывали: над городом появилось девять бомбардировщиков Ю-52 и десять истребителей. Навстречу им вылетела эскадрилья Захарова.

Вскоре начался бой. Истребители Франко повернули обратно, бросив своих бомбардировщиков, которые по-

П. В. Рычагов

следовали их примеру. Однако одного «юнкерса» удалось сбить.

Около двенадцати часов дня на Мадрид вылетели две эскадрильи под командованием Павла Рычагова. На этот раз фашисты бросили на город более крупные силы. Наши истребители сбили три самолета, но и сами потеряли одного из воздушных бойцов — Петра Александровича Митрофанова. Большинство наших самолетов вернулось с пробоинами в плоскостях, фюзеляжах и спинках сидений. Стало очевидным, что место пилота в истребителях защищено плохо, особенно сзади.

Летчик Антон Ковалевский сделал эскиз броневой спинки сиденья самолета и показал его техникам. Испанские товарищи приняли экстренные меры. Бронеспинку изготовили на одном из мадридских заводов и вскоре установили на самолетах.

Бои не затихали целый день. Последняя группа самолетов приземлилась на аэродроме с наступлением темноты.

Как и в предыдущую ночь, технический состав набивал патроны в пулеметные ленты, подвешивал бомбы, латал и чинил машины, чтобы на заре все были в боевой готовности. А в общежитии летчики снова тщательно разбирали воздушные бои прошедшего дня. Они показали, что численное преимущество по-прежнему на стороне противника, к тому же он использует любое наше упущение. Однако летное мастерство и стойкость наших летчиков оказались неизмеримо выше. Именно это дало возможность за два дня уничтожить 11 самолетов противника. Действия республиканской авиации заставили фашистских пилотов прекратить бомбардировки Мадрида и позиции его защитников с высоты 500—700 метров. Им пришлось подняться на высоту от 800 до 2000 метров. Начало неплохое, но впереди главное — отвоевать господство в воздухе.

Фашисты ежедневно подтягивали новые силы. Следовало ожидать, что воздушные налеты на республикан-

ские позиции и на город будут еще более интенсивными.

После разбора воздушных боев истекшего дня Павел Рычагов прочел воззвание ЦК Компартии Испании к народу и защитникам столицы. В нем говорилось, что сегодня больше, чем когда-либо, все усилия должны сосредоточиться на одной цели — спасти Мадрид. Люди, оружие, продовольствие, все необходимое для Мадрида и ради Мадрида наша столица должна получить, ибо Мадрид — это Испания, Республика, революция.

Внимательно слушали летчики воззвание. Каждый из них готовился сделать все, что было в его силах, во имя защиты столицы Республики.

6 ноября

На небе ни облачка. Слабый ветерок чуть-чуть колышет ветки деревьев и кустарника, опоясывающих аэродром. Такая погода благоприятна для активных действий авиации. Это понимаем мы, но это знает и враг. Летчики занимают места у самолетов. Всем известно, что из ставки Франко в Бургосе фашистским войскам посланы поздравления со вступлением в Мадрид. Ясно, что сегодня бои будут особенно упорными. Ну что ж, республиканские летчики готовы во всеоружии встретить фашистов.

Команду на вылет ждали недолго. Поступило сообщение, что на Мадрид двигаются две группы бомбардировщиков под сильным прикрытием истребителей. С командного пункта аэродрома в воздух поднялись одна за другой три ракеты. В ту же минуту загудели моторы на всех стоянках. Самолеты взмыли вверх.

Над городом еще не успели отзвучать сирены воздушной тревоги, как в небе появились наши истребители. Они встретили фашистские самолеты на подходе к Мадриду и мгновенно вступили с ними в бой. Вот как вспоминает об этом бое командующий испанской республиканской авиацией Игнасио Идальго де Сиснерос: «Смелые, сильные и ловкие, они устремились навстречу фашистским самолетам... В акробатических фигурах пилотажа, боевых разворотах, в гуле пулеметных очередей мадридцы увидели, как республиканские летчики подбили один за другим девять самолетов противника...»

Жители Мадрида оставили свои убежища, вышли на улицы города и с восторгом наблюдали за воздушным боем.

Из этого воздушного боя все наши самолеты вернулись на свой аэродром. Многие машины, правда, полу-

чили пробоины, а два летчика — легкие ранения, однако строя они не покинули.

В этот же день было еще пять вылетов отдельными эскадрильями. Франкисты не прекращали воздушные налеты и атаки наземными войсками, решившись на любые жертвы ради захвата города. К исходу дня фашистам удалось продвинуться до мостов через реку Мансанарес, где они были окончательно остановлены защитниками Мадрида.

7 ноября

Наступила 19-я годовщина Октябрьской революции. Праздник мы встречали в бою. Задолго до рассвета все механики были на ногах. Под руководством своего начальника инженера Степанова они еще раз придирчиво осмотрели технику. Все в полнейшем порядке. Как всегда, еще до восхода солнца заняли свои места около самолетов летчики. Из вечерней сводки боевых операций за 6 ноября нам было известно, что войска противника продолжают пополняться свежими резервами, танками, артиллерией. Зафиксировано появление на фронте итальянских танков и новых подразделений конницы. День предстоял нелегкий. Командование предупредило о возможности использования нашей истребительной группы в качестве штурмовиков. Для этого была подготовлена 3-я эскадрилья под командованием Карпа Ковтуна.

Решено вылетать на патрулирование Мадрида, не ожидая сообщения о появлении вражеских самолетов, чтобы не допустить бомбардировки города в этот день. Первой ушла в небо эскадрилья под командованием Павла Рычагова. Едва наши самолеты появились над городом, как показались фашистские бомбардировщики, которые шли навстречу. Но вдруг головная вражеская машина изменила курс, ее примеру последовали другие. Не сбросив ни одной бомбы, фашисты покинули небо Мадрида.

А в это время на аэродроме шла подготовка к штурмовым действиям. Вернувшись с боевого задания и ознакомившись с обстановкой, Рычагов принял решение атаковать фашистскую конницу силами двух эскадрилий — своей и Ковтуна — под прикрытием эскадрильи Захарова.

Сигнал — и группа, поднявшись в воздух, пошла на Мадрид.

Штурмовой удар по коннице, которая вместе с танками и при поддержке артиллерии наступала на южную окраину столицы, был весьма своевременным. Фашисты пытались обойти парк Каса-де-Кампо и ворваться в город с юго-запада. Но это им не удалось. Контратаки республиканских частей при поддержке танков, артиллерии и истребителей сорвали план мятежников.

После выполнения задания истребители в полном составе вернулись на свой аэродром. Заправившись горючим и боеприпасами, они снова вылетели к Мадриду и охраняли его до наступления ночи.

В день Великого Октября истребительная группа сделала свыше 100 самолето-вылетов. Она от восхода до заката солнца обеспечивала защиту с воздуха Мадрида и республиканских позиций. Героические части 5-го полка вместе с рабочими Карабанчеля значительно потеснили франкистов в этом предместье и заняли выгодные для себя позиции.

Вечером весь коллектив группы собрался в столовой на праздничный ужин. Повар Пако проявил все свое мастерство, ужин удался на славу. Произносили речи на испанском и русском языках, зачитывали поздравления от министерства обороны, Центрального Комитета Коммунистической партии Испании, от командующего республиканской авиацией. Пели песни, танцевали. Но вечер пришлось закончить пораньше: на другой день предстояли новые бои.

Убедившись в безрезультатности атак непосредственно на город, фашисты предприняли попытку обойти его с севера, перерезать дорогу Мадрид — Эскориал, чтобы изолировать гвадаррамский сектор. В середине ноября в этом районе начались ожесточенные сражения.

Не менее напряженными были бои в воздухе. Особенно запомнились 13, 14, 16 и 20 ноября. Наша группа сбила в этих боях 20 фашистских самолетов — 9 истребителей и 11 бомбардировщиков. Мы потеряли три самолета. Отдали свою жизнь за Испанскую республику отважные воздушные бойцы К. И. Ковтун, М. В. Воронов, П. А. Пуртов.

16 ноября

В этот день вместе с двумя эскадрильями вылетел на боевое задание и Павел Рычагов. Над Мадридом они встретили семь фашистских бомбардировщиков под прикрытием восьми истребителей. Через некоторое время

появились еще десять вражеских истребителей. Воздушный бой длился около получаса.

В ходе боя Рычагов увлекся преследованием «юнкерса», оторвался от своего звена и попал под перекрестный огонь бомбардировщиков и крупнокалиберных пулеметов истребителей. Изрешеченный пулями, самолет Рычагова потерял управление. Убедившись в том, что машину спасти не удастся, Павел решил прыгать с парашютом. Это было рискованно, поскольку высота составляла не более 150 метров. На глазах изумленных жителей города, которые, как всегда, наблюдали за воздушным боем, парашют раскрылся почти над самыми крышами домов, и Рычагов благополучно приземлился в центре города, на бульваре Кастельяно. Пока командир группы опускался, Захаров патрулировал над ним сверху, чтобы фашистские истребители не расстреляли его.

Мгновенно собралась большая толпа. Рычагова подхватили на руки, качали, обнимали и даже отнимали друг у друга, чтобы донести на руках до Комитета обороны Мадрида. Не знаю, как Павлу удалось уговорить восторженных испанцев, но он настоял, чтобы его посадили в машину. Позже он рассказывал, что больше всего боялся, как бы мадридцы не уронили его на камни мостовой — Рычагов был довольно грузен...

Вернулся Павел на аэродром поздно вечером. Несмотря на то что до его возвращения никто не садился за стол, мы сначала выслушали рассказ обо всем пережитом. При этом командир опасливо поглядывал на нас, и мы поняли, что качать его больше не стоит.

На следующий день Рычагов получил другой самолет и снова повел в бой истребительную группу.

За умелое руководство истребительной группой и проявленный героизм Павел Рычагов — Пабло Паланкар, как его называли в Испании, одним из первых был удостоен звания Героя Советского Союза. Одновременно звание Героя Советского Союза было присвоено Николаю Шмелькову и Карпу Ковтуну (посмертно).

За героизм в борьбе с фашистами звания Героя Советского Союза были удостоены П. И. Пумпур и И. И. Копец.

Подходил к концу первый месяц героической обороны Мадрида. Испанский народ не отдал врагу своей столицы. Для нас, летчиков, это был период беспрерывных боев, в которых закалилось и окрепло мастерство, пришел первый боевой опыт.

ДВАДЦАТЬ ДНЕЙ БОЕВ ЗА МАДРИД

Мадрид, 27 ноября (по телефону)

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА
ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» МИХАИЛА КОЛЬЦОВА

Двадцать дней прошло с того момента, как вооруженный фашизм пробрался к самому сердцу Испании и начал штурмовать столицу...

Двадцать дней и ночей яростных боев, артиллерийского обстрела, воздушных бомбардировок, баррикадных схваток, танковых атак и контратак, пожаров и рукопашной борьбы.

Тысячи бойцов пали смертью храбрых у ворот Мадрида. Погибли прекрасные командиры, боевые руководители масс — Дуррути, Эредиа, Вилли Вилле и многие другие.

С военной точки зрения оборона Мадрида оказалась важнейшим этапом борьбы с далеко идущими последствиями.

В момент стремительного наступления фашистских войск, при появлении их в окрестностях столицы фашистскому командованию, да и кое-кому в республиканских военных кругах взятие Мадрида казалось неизбежным. Оно вообще воспринималось как факт больше политического, чем военного значения. Обе стороны полагали, что решающий поединок двух армий произойдет уже за Мадридом, а с самой столицей будут расправляться черная жандармерия и фашистская тыловая «фаланга».

На деле вышло совсем другое. Оборона Мадрида, во-первых, состоялась, что вряд ли кто-нибудь возьмется опровергать. Во-вторых, эта оборона развернулась в генеральное, а может быть, и решающее сражение гражданской войны в Испании. И это сражение идет пока с превосходными для республиканцев результатами.

За предыдущие двадцать дней на путях к Мадриду противник прошел около 120 километров, в среднем по 6 километров в день. У Мадрида в последующие двадцать дней Франко подвинулся на два километра, т. е. совсем не продвинулся. Мадрид остановил фашистскую армию. И не только остановил. Защищая свой город, мадридские части постепенно притянули к себе весь основной массив военных сил противника. Франко находится здесь почти со всей армией и по логике борьбы вынужден подтягивать сюда же все новые резервы и даже новые формирования. Защитники Мадрида, принимая на себя все удары осаждающих сил, наносят еще большие удары противнику.

Нигде Франко не имел таких больших чувствительных потерь, как под Мадридом. Парк Каса-де-Кампо — настоящая мельница, где фашистские части перемалываются под республиканским огнем. Мятежникам приходится беспрерывно менять войска, посылаемые в парк,— больше двух дней там никто не выдерживает... Сильный отпор оказался жестоким сюрпризом для солдат и офицеров, надеявшихся брать Мадрид голыми руками.

Притянув к себе основные силы противника и держа их в постоянном напряжении, Мадрид сковывает их, лишает прежней мобильности, отрывает от других секторов и фронтов и тем самым поддерживает другие республиканские фронты и секторы...

Наконец, и это, пожалуй, главное — под Мадридом в огне перерождаются сами республиканские войска. Сейчас можно с

уверенностью сказать, что это — крепкие, храбрые, обстрелянные части. Посещая знакомые частн, удивляешься, как в них изменились и солдаты и командиры. Появились спокойствие, выдержка под огнем, уверенность в своих силах, трезвая, без паники, оценка противника, инициатива и предприимчивость. Даже ночью — о чем раньше и речи не было — ведутся поиски противника, боевая разведка, и, как правило, возвращаясь, бойцы приносят не только впечатления, но и что-нибудь вещественное: пулемет противника, винтовки, пленного.

Под Мадридом республиканцы освоили множество новых для них видов борьбы — от танков и истребителей до простых гранат и волчьих ям. Здесь они научились сопротивляться тем же видам оружия в руках у противника...

Двадцать кровавых, мучительных, напряженных дней. Никогда их не забыть! Но эти же двадцать дней — радостные дни. Дни поворота, дни обновления боевого духа защитников республиканской Испании.

Правда, 1936, 28 ноября

А. А. ШУХАРДИН

ТАНКОВАЯ БРИГАДА ЗАЩИЩАЕТ МАДРИД

Летом 1936 года, как всегда в эту пору, наша механизированная бригада, стоявшая в Бобруйске, отправилась в лагеря. Все, чему мы научились за зиму, предстояло отработать в походах, на стрельбах, на учениях, максимально приближенных к боевой обстановке. Какова она, эта настоящая боевая обстановка, большинство из нас могло судить лишь по тому, что писали о войне теоретики. Одни представляли будущие сражения как арену действия главным образом авиации, другие писали о битвах бронированных чудовищ — танков. Так или иначе, но все сходились в одном: будущая война — война моторов.

О том, что она уже началась, мы знали.

За событиями в Испании следили пристально. Помочь испанскому народу в его справедливой борьбе был готов каждый...

— Ваша просьба удовлетворена.

И мы отправились в Москву. Нас разместили в казармах военно-технического училища. Командиром группы был назначен комбриг Д. Г. Павлов, начальником штаба — я.

Из Москвы уезжали в штатской одежде. Я не сразу узнавал своих товарищей, настолько непривычными были

для меня их костюмы, шляпы, галстуки. Да и на вокзале наш респектабельный вид привлекал внимание.

А. А. Шухардин

— Кто такие?

Мы бодро отвечали:

— Стахановцы.

Заняли «стахановцы» свой вагон, и поезд отправился на юг. Прибыли в Севастополь. На борту парохода «Чичерин» встретились с теми, кто уехал раньше. Как только корабль взял курс в открытое море, стали мы курсантами Ленинградского высшего морского училища, совершающими плавание по маршруту Одесса — Ленинград.

Расписание занятий на палубе и всевозможные наглядные пособия вызывали у нас поначалу немало шуток. Но шутить стали меньше, когда на подходе к Сицилии нам выдали спасательные пояса и приказали в них спать. Мы явственно ощутили дыхание войны. Какие тут шутки! Все всерьез.

А наутро на горизонте обозначилась узкая полоска берега — Испания. И тут же мы увидели корабли. Чьи?

Какое-то время прошло в томительном неведении, потом стало ясно: корабли — немецкие эсминцы. Их было три. Они быстро приближались к нам, отрезая путь к берегу. Вспомнились наставления: если корабль...— плыть на юг: там Алжир.

Но «Чичерин» продолжал держаться курса. Очертания эсминцев стали совсем отчетливыми. Дальше все произошло как в кинофильме со счастливой развязкой. В небе появились самолеты республиканцев, а наперерез эсминцам фашистов устремились республиканские корабли. Мы благополучно вошли в Картахену.

Девять дней продолжалось наше путешествие, пока мы наконец ступили на испанский берег. И сразу же первая неожиданность. Едва наши автобусы появились на улицах города, как мы увидели встречавших нас людей, поднятые в республиканском приветствии кулаки и услышали: «Вива Русиа!» Это доставило радость, но не погасило недоумения: ведь мы считали, что наш приезд сохраняется в тайне.

В Арчене, небольшом городке в 90 километрах от Картахены, действовал центр по подготовке танкистов для республиканской армии, которым командовал полковник Паредес.

До того, как были обучены испанские танковые экипажи, советские танкисты-добровольцы приняли участие в боях с мятежниками. Одной из первых ударных подвижных групп была рота капитана Поля Армана в составе 15 танков.

В распоряжении его группы были танки Т-26 — лучший в то время образец танка. На его вооружении имелись 45-миллиметровая пушка и пулемет. Достаточно надежной была и броневая защита. Все это в сочетании с хорошей маневренностью, проходимостью и высокой скоростью давало Т-26 огромные преимущества над имевшимися в армии мятежников немецкими танками Т-1 и итальянскими «ансальдо».

26 октября 1936 года был получен приказ погрузиться на поезд на станции Арчена, и к вечеру следующего дня танкисты прибыли на фронт под Мадридом.

Республиканское командование готовило в направлении от Вальдеморо на Сесенья-Ильескас контрудар по фашистским мятежникам, которые намеревались возобновить решительное наступление на столицу.

Однако обстановка была неясной. Не было точных сведений ни о противнике, ни о расположении республиканских сил. По донесениям, поступившим от передового батальона бригады Листера, Сесенья противником не была занята. Поэтому, когда танкисты в походной колонне с открытыми люками подошли к Сесенье, то Арман, увидев группу военных, принял их за республиканцев (форма одежды в это время была у обеих воюющих сторон одинаковая). Он подъехал к ним с поднятой правой рукой, сжатой в кулак, и крикнул: «Салуд!» Те, видно, не расслышали приветствия из-за лязга гусениц. Арман по-французски потребовал отвести стоявшую на дороге пушку и скоро увидел, как из Сесеньи выходят шесть марокканцев. Стало ясно, что он разговаривает с фашистами. Он дал сигнал «Вперед», быстро опустился в танк и выстрелом оповестил всех танкистов, что начался бой.

Танки ворвались на улицы, уничтожая оторопевшую пехоту противника, легковые машины с офицерским составом, конницу и артиллерийские орудия. Столкнув-

шнсь в узком переулке с двумя эскадронами марокканской коннницы, онн почтн целнком нх передавилн.

Пройдя Сесенью, рота направилась к восточной окраине Эскивнаса. Здесь завязался второй бой. Он вошел в историю танковых войск, потому что впервые танки сражалнсь с танкамн. Было разбнто два нтальянских «ансальдо», прнчем однн из них лейтенант Семен Осадчий тараном сбросил в ущелье.

П. М. Арман

Итоги этого первого дня действий группы Армана были очень велики: уннчтожено и рассеяно всадннков и пехоты около двух эскадронов и двух батальонов, выведено нз строя 12 оруднй, два-трн десятка транспортных машин с грузамн, а также два танка.

Но н наши танкисты понесли большне потери: три машины не вернулнсь, их экнпажн погиблн.

Интересной судьбы человек был Пауль Матнсовнч Арман. Я знал его еще до Испанин, мы служнлн в одной брнгаде: он командовал одним нз батальонов, я был комиссаром в другом. Так что встречалнсь часто. Еще юношей Арман принял участне в революцнонном движеннн Латвин, затем эмнгрировал во Францню, а оттуда в Советский Союз.

В Испанин Арман проявнл свон незаурядные качества организатора н команднра. Он был смел, быстр н находчив в решеннях. За мужество и отвагу, проявленные в боях, П. М. Арман однмм нз первых советских добровольцев в Испанни удостоен звания Героя Советского Союза. Погиб он в 1943 году на Волховском фронте...

Как только мы прнбылн в Арчену, Поль Арман ознакомил нас с обстановкой. Важнейшим, на что предстояло обратить вннмание, были разведка н взанмодействие войск.

Республнканскне частн, как правнло, разведку в полосе свонх действнй не велн, не зналн расположення огневых точек врага. Танкн буквально натыкалнсь на ннх, едва начннали двнженне к переднему краю протнвника. Отсюда н потерн, которых можно было нзбежать.

А когда все-таки танкам удавалось добиться успеха, пехота его не развивала и не закрепляла.

Так воевать дальше было нельзя. Комбриг Д. Г. Павлов, возглавивший в то время советских танкистов-добровольцев в Испании, решил прежде всего установить непосредственные контакты с командирами частей, в боевых порядках которых предстояло действовать танкам.

Мы с ним отправились в войска. Встречаясь с командирами, мы говорили: если хотите, чтобы помощь танкистов была ощутимой, дайте нам перед атакой схему расположения огневых точек мятежников. Когда атака начнется, не отставайте.

Все с нами соглашались. Обещали впредь поступать именно так, как надо. Но республиканская армия только начинала воевать, и многому ей еще предстояло научиться.

Танкисты нашей группы приняли боевое крещение в районе Лас-Росас и Махадаонда, на северо-западе от Мадрида.

Франкисты укрепились здесь довольно основательно. Вообще надо сказать, что для атакующих испанские селения — крепкий орешек. Массивные каменные дома, узкие улочки делают их весьма удобными для обороны. Почти без каких-либо дополнительных укреплений обыкновенный городок превращается в опорный пункт. Именно такими были Лас-Росас и Махадаонда, которые нам предстояло взять.

Утром 30 танков батальона под командованием М. П. Петрова двинулись в атаку. Но тут же ее пришлось прекратить: вся местность у переднего края обороны противника оказалась хорошо пристрелянной. Схема расположения огневых точек оказалась по меньшей мере неточной.

Все, о чем мы договорились с командиром пехотной части и что он обещал сделать, оказалось невыполненным. Чтобы избежать напрасных потерь, мы решили не вводить танки до тех пор, пока не будет точно известно расположение всех огневых средств врага. С большим трудом и не сразу удалось нам этого добиться.

Несколько дней шли упорные бои. В них наши танкисты проявили свои лучшие качества. Я вспоминаю командиров рот Малышева и Коробкова, командиров взводов Склезнева, Алябьева, Колосова. Если я не упоминаю фамилии других, то только потому, что многие имена память просто не удержала.

Во время одного из боев в районе Махадаонда танкисты, которыми командовал Г. М. Склезнев, двинулись в обход вражеских позиций, чтобы нанести фланговый удар, и обнаружили колонну грузовиков, направлявшуюся к передовым позициям. Склезнев приказал с ходу идти в атаку. Танки открыли огонь, врезались в колонну и почти полностью ее уничтожили.

Попытка франкистов овладеть Мадридом с северо-запада потерпела неудачу. В этом была немалая заслуга и нашей бригады. Республиканское командование высоко оценило действия танкистов, которые неоднократно вырывались вперед и вели бой самостоятельно, нанося большие потери мятежникам.

В середине января 1937 года нашу танковую бригаду вывели в резерв, но передышка была короткой. В феврале начались бои на Хараме. Небольшая река южнее Мадрида приковала к себе внимание всего мира. Здесь фашисты предприняли очередное наступление на Мадрид. Их целью было окружение испанской столицы с юга, а для этого они стремились прежде всего перерезать единственную дорогу, соединявшую Мадрид с Валенсией, Картахеной и Аликанте — важнейшими портами, через которые шло обеспечение Республики оружием и боеприпасами. Мятежникам удалось потеснить наши части, но большого успеха они не добились.

Танкистам пришлось действовать в сложных условиях. Еще до рассвета машины выходили в район сосредоточения и возвращались с наступлением темноты. А в течение дня — непрерывное участие в атаках или отражение контратак противника. Нервное напряжение было настолько сильным, что некоторые экипажи приходилось заменять, давая им отдых.

В это время начали прибывать к нам первые выпускники учебного центра в Арчене — испанцы и интербригадовцы. Они сразу же вступали в бой. Танки не могли простаивать ни минуты, они нужны были буквально на каждом участке: ведь других подвижных огневых средств у республиканцев не было, да и вообще огневых средств было мало.

Вспоминается одна из атак марокканцев.

Мы с Д. Г. Павловым находились в тот момент в одном окопчике вместе с советником Центрального фронта К. А. Мерецковым и командиром 11-й интернациональной бригады генералом Клебером — Манфредом Штерном. Разведка сообщила, что в каждом под-

Д. Г. Павлов

разделении у марокканцев — немецкий офицер. Мятежники наседали отчаянно. Развевались на ветру бурнусы, доносились дикие вопли... Республиканцы дрогнули, начали отходить.

Я оглянулся на Павлова, а он уже выскочил из окопа. Через некоторое время мимо нас промчалось несколько танков, ведомых Павловым в атаку. Марокканцы были смяты. Во много раз быстрее, чем двигались вперед, они покатились обратно. Линия обороны республиканцев была восстановлена.

Смелый, решительный, Дмитрий Григорьевич на первый взгляд казался очень суровым командиром. На самом же деле он был просто требовательным во всем, до мельчайших деталей, но всегда справедливым к своим подчиненным.

Сын костромского крестьянина, он добровольцем ушел в Красную Армию. В гражданскую воевал в составе кавалерийских частей, затем учился, потом командовал мехполком и мехбригадой — той самой Бобруйской бригадой, в которой служил и я. Павлов был человеком, влюбленным в свое дело, и не щадил сил и жизни в сложных боевых условиях в Испании. У танкистов он пользовался большой любовью. В том, что бригада танкистов в Испании стала боевым и дружным коллективом, в огромной степени заслуга комбрига Павлова.

Была на нашем участке фронта высота Пингарон. Она господствовала над местностью, и с вершины ее хорошо просматривался даже Мадрид. Отбить ее у мятежников было необходимо. Выполнить это задание поручили 70-й бригаде, придав ей в помощь батальон танков под командованием М. П. Петрова.

Танки двинулись вперед и ворвались на высоту, но вынуждены были отойти обратно: пехота их не поддержала. Так повторилось трижды. Во время четвертой атаки комбат Петров выскочил из танка, схватил чью-то винтовку и устремился вперед. Увидев советского командира, идущего в атаку с винтовкой наперевес, пехотин-

цы оставили свои окопы и последовали за ним. На Пингароне водрузили знамя Испанской республики.

Г. М. Склезнев

Бывший питерский рабочий, красногвардеец, участвовавший в штурме Зимнего, Михаил Петрович Петров за подвиги в Испании удостоен звания Героя Советского Союза. В годы Великой Отечественной войны он командовал мехкорпусом, погиб на Брянском фронте.

12 февраля фашисты возобновили наступление. В бой были брошены все имевшиеся у республиканцев силы. Незадолго до этого начальником штаба батальона был назначен уже не раз проявивший отвагу и воинское мастерство Г. М. Склезнев. В соответствии со своими новыми обязанностями он мог не идти в бой. Но Склезнев ушел вместе с другими. К вечеру с поля боя на сборный пункт не вернулось несколько танков. Не было и танка Склезнева. Как только совсем стемнело, поисковая группа направилась на розыск товарищей, но проникнуть в расположение мятежников не смогла: фашисты освещали все пространство прожекторами, вели огонь по пристрелянным ориентирам...

Бригада несла потери. Отдали свою жизнь за свободу испанского народа замечательные люди — начальник штаба батальона Г. Склезнев, командир взвода К. Билибин (обоим посмертно присвоено звание Героя Советского Союза), механик-водитель К. Черненко, башенный стрелок Л. Филатов и немало других наших товарищей.

До конца февраля продолжались ожесточенные бои на Хараме. В ходе их была разбита 40-тысячная группировка фашистских войск. Попытка франкистов захватить Мадрид с юга также окончилась неудачей.

Крепко пришлось поработать нашим танкистам на Хараме. У нас к тому времени накопился довольно большой опыт. Отдельные отряды республиканской армии были сведены в дивизии; это улучшило нашу связь с командирами пехотных частей. Для сбора информации о положении дел на том или ином участке мне уже не надо было объезжать все части подряд, достаточно было

отправиться в штаб дивизии и там получить все необходимые сведения.

Харамская операция закончилась в конце февраля, а уже в начале марта нашу бригаду перебросили на гвадалахарское направление. Здесь начал свое наступление на Мадрид итальянский экспедиционный корпус.

Командование республиканской армии срочно стягивало сюда свои резервы, в том числе и все танки, имевшиеся тогда в нашем распоряжении.

Надо сказать, что условия для действия танкистов были в тот период крайне неподходящими. В лощинах еще лежал снег, но лили дожди, и почва превратилась в вязкую грязь. Передвижение войск ограничивали и горы. Однако мятежников надо было остановить во что бы то ни стало.

В тех боях нам хорошо помогли летчики. После того как авиация нанесла удар по колоннам итальянского экспедиционного корпуса, двинулись вперед танки.

В разных пунктах завязались бои. В районе Альмадронеса шесть наших танков атаковали врага. Две машины были подбиты, но их экипажи не покинули поле боя: вооружившись снятыми с танков пулеметами, они вместе с пехотой уничтожали фашистов.

Два других танка сошли с шоссе на грунт и тут же увязли в грязи. Тогда экипажи превратили их в неподвижные огневые точки. Своими орудиями и пулеметами танкисты нанесли немалый урон мятежникам.

На другом участке фронта танковая рота Г. Малышева во время атаки вынуждена была оставить в расположении франкистов два танка. Командир роты решил вытащить их. Со взводом танков он отправился за ними, но на пути натолкнулся на вражескую колонну танков и пехоты на автомашинах. Малышев не растерялся. Мгновенно открыв огонь, он со своим взводом вывел из строя до двадцати фашистских танков и уничтожил несколько машин с пехотой.

К 18 марта стало ясно, что интервенты выдыхаются. Упорная оборона наземных частей, сокрушительные налеты республиканской авиации сделали свое дело. Теперь нужен был решительный удар, чтобы итальянцы покатились назад.

Командование отдало приказ о наступлении. Мы ввели в действие наш резервный батальон. К этому времени в рядах итальянского экспедиционного корпуса

началась паника. Пехота бросала оружие и отступала или сдавалась группами в плен.

Мы продвигались вперед довольно быстро. Танки мятежников бездействовали. На пути мы то и дело встречали брошенную вражескую технику.

Гвадалахарское сражение было закончено. Вся республиканская Испания праздновала победу своих вооруженных сил на Мадридском фронте.

А вскоре наша бригада провожала на родину советских танкистов. Среди них были Герои Советского Союза комбриг Д. Павлов, командир роты Д. Погодин, командир танка В. Новиков, кавалеры боевых орденов В. Баранов, А. Войновский, Ф. Вальченко, А. Панов и другие. Уезжали также наши воентехники, обеспечившие эвакуацию и ремонт подбитых танков,— П. Глухов, А. Шабохин, К. Гонценбах, Д. Новицкий и другие.

Советские добровольцы-танкисты были верны духу пролетарского интернационализма, боевой дружбе. Они показали себя бесстрашными и самоотверженными воинами в борьбе с фашизмом на испанской земле за свободу и мир народам. Память об этих битвах будет всегда жить в наших сердцах.

НА МАДРИДСКОМ ФРОНТЕ

Неудача фашистского «северного похода» на Мадрид весьма показательна. Республиканская армия в серьезных столкновениях с регулярными частями итальянской и германской армий показала свою зрелость и подготовленность. Судьбу встречного сражения на гвадалахарской дороге решило умелое применение командованием республиканской армии мощной авиационной группы, танковых частей, артиллерии и быстрое подтягивание необходимых пехотных резервов.

Правда, 1937, 21 марта

Отступающие в беспорядке итальянские части бросают оружие и боеприпасы. Весь район Арагонского шоссе забит танками, броневиками, орудиями, пулеметами и средствами автотранспорта, оставленными противником.

Правда, 1937, 22 марта

Р. Я. МАЛИНОВСКИЙ,
дважды Герой Советского Союза

ТРИ СРАЖЕНИЯ[1]

Ранней весной 1937 года республиканская армия готовилась к проведению так называемой Харамской операции. Краткая предыстория ее такова.

В январе мятежники получили от германо-итальянских интервентов большое количество техники и снаряжения. К этому времени в основном была завершена переброска в Испанию итальянского экспедиционного корпуса — в первых числах февраля он уже участвовал в боях за город Малагу. Силы мятежников росли, а республиканская армия ощущала острую нехватку оружия и людей. Испанские порты были блокированы разбойничьими действиями германских и итальянских военно-морских сил, а также вследствие контроля пресловутого лондонского комитета по невмешательству. Не одно судно, направлявшееся в порты республиканской Испании, нашло себе могилу на дне Средиземного моря. Жертвами фашистских подводных лодок стали советские торговые суда «Комсомол», «Тимирязев» и «Благоев». В конце 1936 года Муссолини с цинизмом профессионального убийцы похвалялся, что с начала фашистского мятежа итальянские подводные лодки потопили судов водоизмещением свыше двухсот тысяч тонн.

Несколько позже, как об этом свидетельствуют материалы захваченных при разгроме германского фашизма секретных архивов министерства иностранных дел Германии, Муссолини и Франко заключили соглашение, по которому фашистская Италия обязалась обеспечить кровавому каудильо «свою поддержку и свою помощь для восстановления социального и политического порядка внутри страны», то есть для удушения Республики. Эти же документы свидетельствуют о том, что вкупе с итальянскими интервентами в тело республиканской Испании вцепился и главный вдохновитель войны на Пиренейском полуострове — германский фашизм. А возможностей для этого было больше чем достаточно.

День и ночь у лиссабонской гостиницы «Авис», где обосновался штаб испанских мятежников, толпился всякий сброд — тут шла открытая вербовка «добровольцев» в армию Франко. Германские и итальянские пароходы,

[1] Из книги «Под знаменем Испанской республики» (М., 1965).

приходившие все в тот же Лиссабон, снабжали мятежников всем необходимым. Для удобства они были освобождены даже от таможенного досмотра и пошлин.

Р. Я. Малиновский

Силы были явно не равны. Но Республика сражалась. После удара, нанесенного мятежникам в ходе Махадаондской операции, испанские патриоты готовились к новому подвигу. Одновременным ударом с севера — из района Торрелодонес через Брунете — и с юго-востока — из района Ла-Мараньоса — на Мостолес они решили разгромить армию мятежников, засевшую под Мадридом, и отбросить врага от столицы.

Для проведения этой операции в республиканской армии было сформировано десять новых резервных бригад, которые намечалось усилить артиллерией (120 орудий), танковой бригадой и авиацией в количестве 100 самолетов. Эти бригады и должны были составить группировку, силами которой предстояло нанести главный удар.

Все было бы хорошо, если бы республиканскому командованию удалось сохранить свой замысел в секрете. Но задолго до Харамской операции о ней уже шли оживленные разговоры. По меткому выражению Михаила Кольцова, для шпионов в Испании была не работа, а отдых. Планы республиканцев, разумеется, тотчас же стали достоянием генерала Франко, который в то время как раз готовился к новому наступлению на Мадрид, причем с двух направлений: с юга — по восточному берегу реки Харамы и с северо-востока — от Сигуэнса через Гвадалахару. Мятежники решили упредить удар республиканских войск (это привело к тому, что франкистам не удалось увязать задуманные операции в одно целое, и они протекали изолированно: Харамская — в феврале, а Гвадалахарская — в марте 1937 года, причем обе окончились их полной неудачей). Республиканское командование еще не успело сосредоточить свои войска, как мятежники перешли в наступление через реку Харама севернее Аранхуэса. С первых же часов

сражения их идея стала нам ясна: перерезать единственную хорошую шоссейную дорогу, соединяющую Мадрид с провинциями Новая Кастилия, Валенсия, а также с портами средиземноморского побережья.

Начались ожесточенные, кровопролитные бои.

Я мог бы по памяти нарисовать карту местности, на которой развивались харамские события,— так отчетливо запечатлелись они с тех давних пор... Река Харама, текущая почти строго с севера на юг. Именно к ней было приковано пристальное внимание той и другой стороны. Вот синие стрелы, обозначавшие направления вражеских ударов, пересекли извилистую линию водной преграды. К 12 февраля мятежники завершили форсирование реки и начали пробиваться на Мората-де-Тахунья и Арганду.

Сколько пришлось тогда поколесить по раскисшим глинистым дорогам — собирать и поторапливать резервы, укреплять стыки и фланги республиканских войск, помогать командирам бригад организовывать контратаки. Главную роль в этом памятном сражении, пожалуй, играли наши танкисты.

На одном участке десятикилометрового фронта противник бросил на позицию республиканцев несколько десятков итальянских танков. Дрогнули бойцы, помрачнело лицо командира пехотной бригады. А танки надвигались, поливая республиканские цепи свинцом своих пулеметов. Пришлось вызвать к месту боя быстрые и более мощные Т-26.

— Но пасаран! Но пасаран! — в возбуждении кричал тогда командир бригады.

Да, там, где появлялись республиканские танки, фашисты не проходили.

Грозно урча и содрогаясь от выстрелов своих пушек, двинулись вперед наши бронированные машины. Что могли сделать с ними итальянские танкетки, вооруженные пулеметами? Вот вспыхнула одна вражеская машина, задымила вторая, третья...

Бойцы выскочили из окопов, подбрасывая вверх свои пилотки и береты — испанцы не могут скрывать эмоций! Да и нам, людям, давно привыкшим к боям, трудно было удержать свою радость при виде поспешного бегства итальянских интервентов с поля боя. Грудь распирала гордость за советскую боевую технику, за наших людей, для которых высшее благо — выручить товарища из беды.

Кстати сказать, в ходе Харамской операции республиканские танки, оснащенные пушками, добились полного господства на поле боя. Итальянские машины, вооруженные лишь пулеметами, оказались против них совершенно бессильными.

Фашисты могли противопоставить Т-26 только немецкие противотанковые пушки, которых у мятежников было немало. Приходилось сначала подавлять их силами артиллерии, а затем уже пускать в прорыв свои машины. И все же наши танки понесли тяжелые потери.

Навсегда, наверное, запомнятся мне картины, когда наши машины врезались в атакующие цепи мятежников. Надо заметить, что на самых тяжелых участках фашисты пускали вперед марокканцев. Те шли в своих красных фесках, белых шарфах, в земляного цвета бурнусах, под дикие воинственные выкрики. Хотелось крикнуть им: «За что проливаете вы кровь, темные, обманутые люди?»

Эта кровь, как и все другие преступления,— на черной совести фашизма. В наиболее напряженные дни потери мятежников на фронте исчислялись тремя-четырьмя тысячами солдат...

В ходе операции я понял, что мое место здесь, в войсках, где непосредственно куется победа. Поделился своими мыслями со старшим советником Центрального фронта Г. И. Куликом (Купером). Он согласился со мной.

И вот я уже на командном пункте народного героя Испании Энрике Листера, назначенного командиром одной из первых дивизий Народной армии.

Как сейчас, вижу эту встречу с ним. Мятежники пристрелялись к его командному пункту, расположившемуся в пастушеском домике. В домик угодило несколько снарядов — засуетились санитары, забелели бинты. Потом начался пулеметный обстрел... А он стоит во дворике, подтянутый, в лихо заломленной фуражке, при галстуке, и изучающе посматривает на меня: как, мол, тебе нравится такая музыка? Не начнешь ли кланяться пулям?

Советником к Листеру шел я, надо заметить, с известным опасением. Укрепилась за ним репутация командира храброго, тактически грамотного, но не терпящего постороннего вмешательства и тем более какой бы то ни было опеки. Владея немного русским языком (Листер побывал в Советском Союзе, был бригадиром за-

бойцов на строительстве Московского метрополитена), он посылал к чертовой матери всех, кто под горячую руку совался к нему с неразумными советами.

— Не сработаешься, Малино,— предупреждали меня.

А я решил: «Сработаюсь». И теперь видел: Листер устраивает мне своеобразный экзамен.

Над головами, над чахлыми безлистыми кустиками посвистывают пули. Мы прохаживаемся с Листером от домика до дворовой изгороди, от изгороди до домика. У него вид человека, совершающего послеобеденный моцион, я тоже показываю, что пули беспокоят меня не более, чем мухи. Перебрасываемся короткими деловыми фразами... От домика до изгороди, от изгороди до домика... Начинает смеркаться. Будто невзначай рассматриваю на своем рукаве рваный след пули.

Я никогда не был сторонником показной храбрости и тогда, на командном пункте, понимал, что наша рисовка друг перед другом ни к чему. Но, что поделаешь, разумная осторожность могла уронить меня в глазах этого храброго человека.

К удивлению многих, с Листером мы сработались очень хорошо. Я всегда старался щадить его самолюбие, давал те или иные советы так, чтобы этого никто не слышал, и никогда не превышал своих полномочий. Все решения он принимал единолично, а когда ставил перед подчиненными боевые задачи, меня никогда не было рядом с ним.

Дивизия Листера вела ожесточенные бои несколько дней. Высота Пингарон, за которую дрались та и другая сторона, несколько раз переходила из рук в руки. Помню, с каким волнением наблюдал Листер со своего командного пункта у Каса-Сола за контратакой вводимой в бой 66-й бригады — последнего его резерва. Эта бригада была только что сформирована на гвадалахарском участке.

Теперь она здесь, на Хараме, принимает боевое крещение. Атакует бригада замечательно! Фашисты открыли по наступающим бешеный огонь из всей артиллерии, даже зенитной, бойцы несут потери, но упорно идут вперед. На командном пункте Листера появляется молоденький советский капитан — инструктор при командире бригады. Он ранен, но лицо его сияет, когда докладывает о том, как хорошо атакует бригада... Жаль, не запомнилась фамилия этого славного парня.

Справедливости ради надо сказать, что в боях за

Пингарон хорошо дралась и 70-я бригада анархистов. Правда, советником пришлось назначить в нее заместителя командира танковой бригады товарища Петрова. Он-то и водил бригаду в атаку, причем все время находился в цепях наступающих, с винтовкой в руках. Бойцы были в восхищении от храбрости «камарада советико» и шли за ним вперед.

Помнится, не меньше симпатии вызывал у испанцев и советский доброволец Павлито, под именем которого в 1-й бригаде Листера дрался с врагом в будущем прославленный генерал, дважды Герой Советского Союза Александр Ильич Родимцев. Прекрасный знаток пулеметного дела, он воспитал тогда в бригаде целую плеяду мастеров меткого огня и сам всегда находился на наиболее опасных участках сражений. Кстати, первая Звезда Героя засветилась на груди Александра Ильича там, под знойным небом Испании.

Нельзя умолчать и о наших героических женщинах, которые работали в те дни переводчицами у наших советников,— Марии Фортус, Елизавете Тихоновой, Лене Лебедевой, Ляле Константиновской и многих других.

Харамскую операцию можно считать выигранной республиканской армией. Противник так и не смог овладеть важной в оперативном отношении дорогой. Правда, контрнаступление республиканцев не дало желаемых результатов с точки зрения территориальной, зато оно сильно обескровило врага и разгромило все его резервы. В этом, пожалуй, главное. Мятежники уже не смогли оказать помощь итальянскому экспедиционному корпусу под Гвадалахарой. В марте он был разгромлен республиканскими войсками.

Гвадалахара... По праву стала она символом доблести и мужества республиканских войск.

Итальянцы, подогретые легкой победой в Абиссинии и под Малагой, представляли себе эту операцию в виде прогулки по Сарагосскому шоссе. Планы командования итальянского корпуса сводились к ни на чем не основанному календарю блистательных побед. Темп наступления — 25 километров в сутки. 9 марта — Ториха, 11 марта — Гвадалахара, 12 марта — Алькала-де-Энарес, 15 марта — Мадрид. Расчет на отсутствие сколько-нибудь серьезных республиканских сил на северо-восточном направлении и резервов, расчет на внезапность. Порядок построения корпуса исходит из безостановочного движения вперед по узкой долине, ограниченной горным хреб-

том Сомосьерра и берегом реки Тахунья. Три дивизии в затылок одна за другой, четвертая — «Литторио» — в резерве...

Недооценка противоборствующих сил и переоценка собственных — самое опасное, что может быть на войне. Боевой порядок, основанный на голых предположениях,— гибель. Итальянское командование, уповая на мощь своего корпуса, сбросило со счетов такие «мелочи», как громадный патриотический энтузиазм республиканских бойцов, решивших предпочесть смерть сдаче Мадрида интервентам. Оно сбросило со счетов и тот очевидный факт, что боевой порядок корпуса и условия окружающей местности позволяли республиканцам создать сильную оборону слабыми средствами и быстро подтянуть резервы.

Что и говорить, перевес в силах снова был на стороне интервентов: 8 марта в районе Мирабуэна они двинули 15 вооруженных до зубов батальонов против трех слабо оснащенных батальонов 12-й республиканской дивизии. Но уже на следующий день сюда была переброшена 11-я интернациональная бригада с ротой танков Т-26. Маневрируя и действуя из засад, эти танки встретили интервентов жесточайшим огнем. Еще через день в сражение вступили 2-я бригада Листера и 12-я интернациональная. За три дня наступления фашисты смогли продвинуться на 30 километров вместо запланированных двадцати пяти ежесуточно.

Тем временем к месту сражения спешили резервы. 12 марта в составе республиканских войск уже действовали три республиканские дивизии и два батальона танков Т-26 под командованием генерала Д. Г. Павлова. Одновременно на врага обрушились республиканские летчики на советских самолетах. Непрерывными бомбовыми ударами и пулеметным огнем они разгромили ближайшие резервы интервентов.

Это был триумф республиканской авиации. Летчики вылетали на задание большими группами, и вели их лучшие, испытанные бойцы, крупные авиационные командиры, включая самого Игнасио Идальго де Сиснероса — начальника авиации республики. Об этом человеке, выходце из богатой и высокопоставленной семьи, можно было бы написать много, но лучше всего о нем рассказала его жена Констансия де ля Мора в своей книге «Вместо роскоши». Да, всем фамильным привилегиям семья Сиснероса предпочла тяжелую борьбу за свободу

родной Испании. Начальник республиканской авиации обладал качествами настоящего бойца и лично водил своих питомцев в наиболее ответственные полеты. И еще поручал это дело своему советнику, замечательному советскому летчику Якову Владимировичу Смушкевичу. Так было и в описываемые нами дни.

Вскоре инициатива перешла полностью на сторону республиканцев, и 18 марта они начали решительное наступление. Вот теперь темп движения частей итальянского корпуса действительно достиг 25 километров в сутки. Только двигались они не вперед, а назад — вдоль все того же Сарагосского шоссе. Через несколько дней итальянский экспедиционный корпус перестал существовать. Кстати, большой вклад в его разгром внесли итальянцы-интернационалисты батальона имени Гарибальди.

Лично мне непосредственного участия в боях с итальянским экспедиционным корпусом принимать не приходилось. После Харамской операции меня назначили советником во 2-й мадридский корпус, командиром которого был полковник Альсугарая, старый офицер королевской армии, но честный человек, на совесть служивший Республике. А начальником штаба корпуса вскоре стал тот самый офицер, который впервые сопровождал меня на фронт под Мадрид, теперь уже подполковник,— Эстрада. Работали мы с ним дружно. Да и с Листером, с Лукачем не терял связи, наезжал к ним под Гвадалахару. Но все же дела заставляли почти неотлучно находиться в Мадриде. По этой причине так и не удалось мне свидеться со своим однокашником по академии имени М. В. Фрунзе полковником А. П. Фоминым, который запомнился мне скромным человеком и умным артиллеристом.

Он прибыл под Гвадалахару в самый разгар боев. Я в это время был целиком поглощен Мадридом, только поговорил с ним по телефону и условился о встрече после боев. А полковник Фомин выехал на фронт. В деревне Трихуэке, наблюдая за ходом боя с колокольни, попал под бомбежку. И был убит. Такая печаль нахлынула, когда дошло до меня это известие!

Война есть война, и скорбные, тяжелые вести обрушивались на нас довольно часто. Незадолго до гибели А. П. Фомина мы потеряли на Южном фронте прекрасного артиллериста полковника В. И. Димитрова, а позднее, уже на Арагонском фронте, на командном пункте генерала Вальтера был убит еще один наш прекрасный

товарищ — полковник И. Г. Пидгола. Сложил голову за свободу Испанской республики легендарный генерал Лукач — Мате Залка. Тяжелые, невосполнимые жертвы...

Итак — новое место работы. Появились иные заботы, нужно было привыкать к другим людям. Корпус вел в основном бои по обороне Мадрида. На некоторых участках, например перед Аравакой, мы без особых усилий улучшили свои позиции. Пробовали выбить фашистов из Университетского городка, однако сделать это республиканцам так и не удалось.

Штаб нашего корпуса располагался в старом королевском дворце, сооружении столько же внушительном, сколько и знаменитом. Дворец этот знал на своем веку немало жестоких интриг, сопутствовавших всем поколениям испанских королей и описанных в свое время немцем Георгом Ф. Борном в известных «Тайнах Мадридского двора», за достоверность которых, впрочем, трудно поручиться. Во всяком случае для штаба корпуса удобнее помещение трудно было найти. Возведенный на высоком восточном берегу реки Мансанарес, за которой раскинулся столичный парк Каса-де-Кампо, дворец, образуя глубокий внутренний двор, наполовину уходил в землю, а наполовину возвышался над городом своими двухметровыми стенами, от которых фашистские снаряды отскакивали как горошины. Штаб корпуса находился на первом этаже, обращенном в сторону города. Наверху же было самое подходящее место для наблюдательных пунктов. Там они и располагались, защищенные мешками с песком,— артиллерийский, оперативного отдела, представителей авиации и службы ПВО.

Со стороны города перед дворцом красовалась небольшая площадь, окруженная статуями королевских особ и утопающая в цветниках, а к ней примыкал оперный театр, превращенный в артиллерийский склад. Невдалеке — площадь Пуэрта-дель-Соль. Обычно она кишела людьми, что привлекло к ней внимание фашистских артиллеристов. Когда сюда залетали снаряды, площадь моментально пустела, но через несколько минут снова заполнялась громкой и оживленной толпой.

Своеобразно жил Мадрид. У стен его, обращенных в сторону противника, проходила передовая линия, и тут смерть косила людей, а несколько кварталов в глубь города — совершенно иная атмосфера: бойко торгуют магазины, вовсю работают кафе, кино, театр оперетты, спектакль «Мухерес де фуэго» («Женщины огня») не

сходит со сцены, и зал битком набит солдатами. Наплевать, что над головой зияет оставленная снарядом пробоина и в нее заглядывают крупные южные звезды,— вентиляция лучше!

Дети играют на улицах в войну и посещают зоопарк, который никто и не думал закрывать. Разорвется снаряд — ребятишки шарахаются в подворотни, а потом снова выбегают крича и жестикулируя. Бывало и так, что после артиллерийского обстрела какой-нибудь курчавый малыш со сбитыми коленками лежит в луже крови и его подбирают, как солдата в бою.

На Гран-Виа — четырнадцатиэтажная «Телефоника». Это — центр международной связи. Здесь вас могут соединить с Москвой, Лондоном, Парижем, Лиссабоном и даже с Нью-Йорком.

И здесь же, на «Телефонике»,— командный пункт республиканской авиации. Когда фашистские бомбардировщики прилетают бомбить Мадрид, офицеры вызывают свои истребители, и над городом закипают жаркие бои. Отсюда же корректируется огонь республиканской дальнобойной артиллерии, отсюда изучает поведение противника оперативный наблюдатель штаба фронта.

Так живет и воюет Мадрид. Работает метрополитен, но в его шахтах расположены и мастерские по изготовлению артснарядов. А в железнодорожных депо республиканцы наладили даже производство прожекторов для борьбы с авиацией фашистов. Помню, в какой восторг пришли рабочие, когда под лучами их прожекторов, проходивших испытание, загорелась толстая сосновая доска, а наш советский товарищ, интернационалист-зенитчик Н. Н. Нагорный дал прожектору высокую оценку.

В штабе 2-го мадридского корпуса шла обычная боевая работа. Меня удивляло лишь, что никто не выезжал в войска и предпочитал наблюдать обстановку на участке корпуса из-за толстых стен дворца. Пробовал я говорить кое с кем по этому поводу, но мне невозмутимо отвечали:

— Зачем же ездить, если и так все видно?

Сдается мне, что я стал жертвой остроумия. Однажды я заметил, что офицер, вышедший из милисианос, не умел читать топографическую карту, и хотел объяснить ему, что к чему.

— Помилуйте! — отшутился он.— Зачем мне фотография местности, если перед моими глазами оригинал?

Исключение из офицеров корпусного управления составлял лишь комиссар корпуса Гонсалес Молина. Он часто, почти ежедневно, в компании со мной бывал в передовых траншеях. Возле Университетского городка, попав под минометный обстрел, комиссар был тяжело ранен.

Живой достопримечательностью королевского дворца был дворецкий, вечно бродивший с огромной связкой ключей: комнат было неисчислимое множество, а доверить ключи кому-нибудь другому этот человек, носивший монашеское одеяние, не мог — службу нес исправно. Вспомнился он мне потому, что одно время по вечерам с верхнего этажа кто-то сигнализировал противнику азбукой Морзе с помощью фонаря, и мы должны были сначала искать дворецкого с его злополучными ключами, а потом того, кто подавал сигналы. В конце концов удалось обнаружить под крышей сигнальное устройство. От него шли два провода куда-то внутрь стены. Куда? Это, как мы шутили, осталось тайной мадридского двора. Провода перерезали, сигнализация прекратилась, а заниматься дальнейшими поисками злоумышленника было, откровенно говоря, некогда...

В один из июньских дней 1937 года меня пригласил начальник Генерального штаба республиканской армии полковник Рохо. Мне не однажды приходилось встречаться с этим человеком, и он всегда производил на меня впечатление умного и храброго военачальника. Выходец из бедной семьи, Висенте Рохо посвятил себя военному делу. Преодолевая косность и рутину старой королевской армии, изучал стратегию, тактику, историю военного искусства и в свое время преподавал тактику в кадетском корпусе. А когда грянул фашистский мятеж, без колебаний встал на сторону Республики и во главе народных колонн храбро сражался на подступах к Мадриду, сражался с теми самыми дворянскими сынками, которым вдалбливал военную премудрость и которые обратили ее против своего народа. Можно ли удивляться тому, что Рохо, профессор кадетского корпуса, стал видным республиканским командиром и, будучи начальником штаба у бесславного Миахи, в сущности, возглавил героическую борьбу испанского народа за Мадрид.

От души радовались мы, военные специалисты, при известии о назначении в мае 1937 года Висенте Рохо начальником Генерального штаба. Очень скоро мы почувствовали, что у кормила этого «мозгового центра»

республиканской армии стоит дельный и очень нужный Испании человек...

При встрече Висенте Рохо сразу же завел речь о положении на фронте.

— Посмотрите, полковник Малино,— говорил Рохо, пригласив меня к большой настенной карте,— здесь от Сомосьерры до Харамы занимает фронт мадридский корпус мятежников. Это весьма сильный корпус — пятьдесят пять тысяч солдат, триста орудий, сто танков. Сто самолетов могут поддержать мятежников. К тому же в Толедо и Талавере — резервы в десять тысяч солдат, а где-то здесь,— Висенте Рохо очертил район юго-западной Эстремадуры,— более крупные резервы, их численность нам пока неизвестна.

Все, о чем говорил полковник, я отлично знал и невольно возникал вопрос: «Зачем он повторяет мне это?»

— Правда, фронт мятежников не сплошной, состоит из отдельных опорных пунктов. Каждый обороняется одним-двумя батальонами. Ко всему прочему и у нас сил немало, кое в чем мы даже превосходим противника...

Все понятно: в голове полковника Рохо возникала идея новой операции.

— Вы правы,— сказал я, продолжая мысль собеседника,— удар можно нанести из-под Мадрида на юг.

Рохо оживился:

— Мы, кажется, поняли друг друга. Не возьмете ли вы, советские военные специалисты, на себя труд разработать операцию? — И задумчиво произнес: — По-видимому, она будет называться Брунетской.

В ту минуту я был очень признателен полковнику за доверие и от чистого сердца поблагодарил его за это.

— Лишь небольшая просьба к вам,— заметил я как бы мимоходом.— Позвольте нам не только разработать операцию, но и подготовить работу по сосредоточению войск.

По лицу Висенте Рохо пробежала горькая усмешка:

— Да, я понимаю, опыт Харамы... К сожалению, он ничему не научил наше командование. Вы имеете в виду, конечно, сохранение тайны? Что ж, согласен.

Так началась подготовка к Брунетской операции. Вскоре окончательно сформировался ее замысел: два армейских корпуса, нанося главный удар из района северо-западнее Мадрида, прорывают фронт мятежников, наступают на юг, через Брунете, затем Навалькар-

иеро и обрушиваются на мадридский корпус с тыла. Еще два корпуса наносят вспомогательные удары из районов севернее Аранхуэса и юго-восточнее Мадрида навстречу главным силам Центрального фронта. В результате важнейшие коммуникации мадридского корпуса должны были быть перерезанными, а часть вражеских частей — окруженными. После этого уничтожить их уже не составляло бы особого труда.

Мало-помалу начали сосредоточивать резервные соединения фронта в районе к северо-западу от Эль-Пардо, почти до Эль-Эскориала. Разумеется, такая крупная перегруппировка войск была замечена всеми в штабе Центрального фронта.

— Что это вы там затеяли? — допытывался начальник штаба фронта Матальяна.

— Проводим большие тактические учения, войска надо тренировать,— отвечали ему.

Матальяна, очевидно, оценил организованные мною ранее учения со штабами частей и бригад и поэтому успокоился.

Каково же было его удивление, когда за сутки до начала операции он узнал правду. Темперамент испанца этого перенести не мог, и Матальяна взорвался бурным негодованием. Как, от него, начальника штаба фронта, скрыли операцию, которую он должен проводить!

На помощь опять пришел Висенте Рохо. Основной удар он, как говорится, принял на себя, а всем вместе нам уже нетрудно было успокоить разъяренного Матальяна. Тем более что замысел операции пришелся ему по душе. В конце концов он пожал плечами и с улыбкой проговорил:

— Что за выдержка у вас, русских!

В ночь на 6 июля 5-й армейский корпус, а с утра 6 июля 18-й армейский корпус начали наступление. 11-я пехотная дивизия Листера, ночным маневром обойдя опорные пункты мятежников в Льянес и Кихорна (не зря упирал Рохо на прерывность обороны мятежников), на рассвете была в Брунете. Тяжелее сложилась борьба за остальные укрепленные пункты, и мне спешно пришлось убыть к месту боев.

Утром 6 июля республиканцы приготовились к штурму Вильяиуэва-де-Каньяда. Но атака не принесла успеха, и командир корпуса Хурадо недоумевал:

— Ничего не могу понять. Все было сделано — и

артиллерийская подготовка проведена, и самолеты ударили, а толку нет.

Вскоре стали ясны причины неудачи. Здесь, под Вильянуэва-де-Каньяда, повторилась обычная ошибка, которую допускали республиканцы: слишком велика была пауза между артподготовкой и атакой. Мятежники успели оправиться от потрясения, покинуть укрытия и отбить республиканцев организованным огнем.

— Очевидно, вы правы,— согласился со мной командир корпуса, когда я высказал ему эти соображения.

Дело было, однако, не только в этом. Уже в ходе повторной атаки было видно, как плохо взаимодействовали пехота, танки, артиллерия и авиация. Пришлось заняться этим уже под вражескими пулями. К вечеру опорный пункт мятежников в Вильянуэва-де-Каньяда пал. На следующий день был взят Льянес, а 9 июля — Кихорна.

Тем временем командование мятежников успешно подтянуло к месту прорыва резервы, в том числе снятые с Северного фронта лучшие дивизии. Фронт как бы застыл в форме мешка, который фашисты могли срезать фланговыми ударами. В этих условиях нужно было спешно принимать меры к устойчивой обороне. К счастью, враг не использовал выгоднейшей возможности окружения республиканских войск и 24 июля нанес фронтальный удар. Захват Брунете стоил ему больших жертв, и дальнейшее продвижение мятежников захлебнулось.

С начала сражения к северо-западу от Мадрида (7 дней назад) республиканские войска очистили от мятежников полосу глубиной в 16 километров и заняли 6 важных пунктов. На всем протяжении этой части Мадридского фронта продолжаются исключительно ожесточенные бои, так как мятежники, подбросив сюда подкрепления и до 100 самолетов, оказывают очень сильное сопротивление. До настоящего дня наступление республиканцев продолжается успешно, невзирая на отчаянные контратаки мятежников.

Правда, 1937, 13 июля

12 июля в районе Мадрида с обеих сторон участвовало в операциях до 200 самолетов. Мятежники потеряли 13 машин, республиканцы — 3. За последнюю неделю правительственная авиация уничтожила на аэродромах мятежников в общей сложности около 30 самолетов.

Известия, 1937, 14 июля

В. В. ПУЗЕЙКИН

В НЕБЕ ИСПАНИИ

В декабре 1936 года пришло разрешение на отправку первой группы ленинградских летчиков в Испанию. В нее кроме меня входили Константин Беляков, Александр Зайцев и Николай Виноградов.

В тот же день мы выехали в Москву. Нас провожали друзья-летчики и командиры. Они откровенно завидовали нам, а мы воистину были счастливы.

После оформления документов, необходимых для поездки, мы отправились в путь. Наш маршрут пролегал через Польшу, гитлеровскую Германию, Бельгию и Францию, затем Порт-Боу — и мы в Испании.

Сделав в Валенсии пересадку, добрались до Альбасете, где размещался штаб военно-воздушных сил Испанской республики. Нас принял Иван Иванович Копец — заместитель командира истребительной авиации, высокий блондин с мужественным и добрым лицом.

Ознакомившись с нашей служебной биографией, И. И. Копец рассказал нам о положении на фронтах, познакомил вкратце с тактикой фашистских летчиков и тактико-техническими данными разных типов самолетов, принимающих участие в боевых действиях.

И. И. Копец прибыл в Испанию в сентябре 1936 года в числе первых, вместе с летчиками-истребителями Евгением Ерлыкиным и Антоном Ковалевским, воевавшим под псевдонимом Казимир. Обоих этих летчиков уже нет в живых: Антон Ковалевский погиб в одном из боев под Малагой; Евгений Ерлыкин, командир первой сборной интернациональной группы истребителей, позднее Герой Советского Союза, генерал-майор авиации, командовавший во время Великой Отечественной войны истребительным авиационным корпусом противовоздушной обороны Ленинграда, в 1969 году умер и похоронен в городе, небо которого он защищал в годы Великой Отечественной войны.

В то время в Испании еще не было советских самолетов. Летчикам пришлось тренироваться и воевать на различных истребителях устаревших типов: «ньюпор», «спад», «луар», «девуатин», «боинг». Из самолетов-бомбардировщиков имелись только «Потез-54» и «Бреге-19». Всем этим типам самолетов лучше было бы красоваться в музее истории авиации, а не принимать участие в

боевых действиях. Но даже на таких древних машинах летчики республиканской авиации успешно наносили удары по врагу.

В Альбасете в момент нашего приезда находилась истребительная эскадрилья Павла Рычагова, уже прославившаяся в воздушных боях. Часть личного состава эскадрильи, в том числе и сам командир, готовилась к отъезду на родину. Им, первым летчикам-истребителям, воевавшим в Испании, было

В. В. Пузейкин

присвоено высокое звание Героя Советского Союза за отвагу и героизм, проявленные в воздушных боях с противником в небе сражающейся Испании.

После разговора с Копцом нам стало ясно, что в республиканской Испании мало самолетов И-16 и довольно много летчиков, на них летавших. И наоборот: есть самолеты И-15, но не хватает летчиков для них. Ничего не оставалось, как предложить себя в качестве пилотов на И-15. Испанцы прозвали их «чатос» (курносые), а самолеты И-16 — «москас» (мушки).

Ждать, когда освободится место в эскадрилье И-16, бездействовать, когда представляется возможность воевать?! Тут выбора не было.

Все это я и Александр Зайцев высказали командиру. Иван Иванович слушал нас с улыбкой одобрения.

— Ну, я вижу, вы быстро освоились с обстановкой,— сказал он.— Повоюете на И-15, а потом переведем вас на И-16.

На аэродроме в Альбасете количество самолетов строго соответствовало числу летчиков. Совершать учебные полеты было не на чем. Поэтому нас решили сначала ознакомить с материальной частью, а потом отправить в Картахену, где имелись самолеты, для переучивания.

В течение дня мы с интересом изучали самолет и потом вылетели в Картахену на пятиместном самолете «локхид». Его пилотировал американский летчик Розен, которого наши почему-то прозвали Роза-Мари. Машина была его собственная, и он работал по контракту.

Под руководством П. Е. Агафонова мы приступили к тренировочным полетам на И-15. Три полета по кругу и один в зону дали достаточное представление о летных качествах самолета. Машина оказалась послушной и маневренной. Можно было надеяться, что с пилотированием справимся.

На другой день мы вылетели одновременно с Александром Зайцевым в зону для пилотажа. Задача: встретиться через десять минут над аэродромом, провести учебный воздушный бой и стрельбу.

Бой вели на повышенных режимах работы моторов и через несколько минут оказались на высоте 4 тысячи метров. В тот же день провели еще один учебный воздушный бой и стрельбу по щиту, который находился в бухте Мар-Менор на якоре. Инструктор был доволен.

Самолет И-15, созданный Н. Н. Поликарповым, развивавший скорость 360 километров в час, очень маневренный. Он выполнял вираж за восемь секунд — самое малое время виража для всех истребителей, когда-либо существовавших в мире. Летчики шутили: «Если хорошо постараться с выполнением виража, то есть возможность догнать собственный хвост». В свое время И-15 считался лучшим истребителем в мире.

На аэродром в Альбасете мы вернулись уже на своих самолетах и присоединились к эскадрилье.

В начале февраля 1937 года началось наступление войск мятежников южнее Мадрида — на реке Харама. Республиканская авиация была малочисленной, и командование перебрасывало ее туда, где назревала наибольшая опасность.

Наш маршрут лежит на северо-запад, к району боевых действий, на аэродром Темблеке. Внизу простирается плато Ла-Манча... Пристально вглядываюсь в местность. Она не радует глаз. Растительность бедна, однообразна. Только долины рек зелены и живописны.

Подлетаем к Темблеке. Аэродрома не вижу, внизу — виноградник. Через некоторое время появляется посадочное «Т», выложенное из полотнищ прямо на винограднике. Только когда самолет ведущего плавно побежал по земле, стало ясно, что «виноградник» — это маскировка, искусно созданная аэродромной командой испанцев на дне высохшего озера.

После обеда и короткого отдыха нас ознакомили с обстановкой на Мадридском фронте, уточнили линию фронта (это делалось ежедневно, иногда и по нескольку

раз в день, если она менялась). Все летчики старательно вычерчивали линию соприкосновения войск на своих полетных картах. Ведь мы, «чатос», не только вели воздушные бои, но и штурмовали войска противника, действовали не только пулеметным огнем, но и бомбами. Значит, ошибки не должно быть. Кроме того, на войне иногда метры решают судьбу летчика при вынужденной посадке или при прыжке с парашютом. Незнание линии фронта может стоить жизни.

Наступление фашистских войск поддерживалось артиллерией, танками и авиацией — истребителями «Хейнкель-51» и бомбардировщиками «Юнкерс-52», «Юнкерс-86», «Дорнье-17».

В октябре 1936 года немецкие фашисты направили для боевых действий против республиканской Испании эскадрилью генерала Рихтгофена, оснащенную новейшими самолетами. Она была гордостью фашистского командования и входила в состав «легиона Кондор».

Итальянские фашисты тоже предоставили Франко свои лучшие самолеты: «фиат», «Капрони-101», «Савойя-81». Таким образом, в небе Испании сосредоточились самые совершенные типы самолетов.

Наши летчики на самолетах И-15, И-16, «P-Z» и СБ уже несколько месяцев успешно вели бои против фашистской авиации и наземных войск. Боевые качества наших самолетов, появившихся в составе республиканской авиации, признавали даже фашистские летчики. «Мы вдруг поняли всю серьезность положения,— вспоминал один из летчиков «легиона Кондор», капитан Хоувальд.— Наши старые «Хейнкели-51» были слишком медлительны по сравнению с этими новыми «крысами» (так фашистские летчики называли наши истребители.— *В. П.*). Это казалось невероятным, но они подымались выше нас и могли играть с нами, как им захочется. В довершение всего у них были новые советские «мартин бомберы» (то есть бомбардировщики СБ.— *В. П.*), превосходившие наши машины в скорости по крайней мере на 50 километров» [1].

Для нас начались напряженные боевые дни. Ежедневно мы вылетали на прикрытие войск от ударов фашистских бомбардировщиков, сопровождали свои штурмовики и бомбардировщики, вели воздушную раз-

[1] Война и революция в Испании 1936—1939. М., 1968, т. 1, с. 504.

ведку. Приходилось делать по пять — семь вылетов и постоянно вести воздушные бои.

11 февраля 1937 года республиканская истребительная авиация получила задание прикрыть войска от бомбардировщиков противника. В течение целого дня мы находились над полем боя. «Юнкерсы» пять раз пытались бомбить наши войска, но каждый раз наши авиаторы отгоняли их прочь.

В тот день мы провели самый большой с начала войны воздушный бой. В нем участвовало свыше ста самолетов. Бой захватывал огромный район по фронту и по вертикали: разбившись на отдельные очаги, группы самолетов, как рой шмелей, гонялись друг за другом, ведя огонь. Наблюдавшие все это с земли утверждали, что зрелище было необычайно драматичным. Рев моторов, треск пулеметов, падающие самолеты с огненно-черными шлейфами, спускающиеся на парашютах летчики со сбитых самолетов. А мы в бою видим только преследуемый самолет противника, своего напарника и того фашиста, который пытается зайти в хвост. Надо успеть поразить самолет противника, за которым гонишься, и не дать возможности другому выпустить прицельную очередь по твоей машине. Для этого приходилось выделывать такие фигуры пилотажа, которых никто никогда не описывал. Летчик ведет воздушный бой, находясь в сильнейшем нервном напряжении, в азарте смертельной схватки с врагом. И такое напряжение переживали не раз и не два в день, а по пять раз и более, порой несколько дней подряд...

14 февраля на земле продолжались ожесточенные бои. Наши самолеты все время висели над полем боя. Фашистская зенитная артиллерия обстреливала каждый из них.

В 14 часов фашистская авиация попыталась бомбить позиции республиканских войск. В налете принимали участие шесть «юнкерсов», которых сопровождали 36 истребителей. 40 наших истребителей И-15 и И-16 встретили эту группу противника в районе Арганды. Завязался ожесточенный воздушный бой. Атаки фашистских самолетов были отбиты.

17 февраля республиканская авиация действовала с самого утра. Штурмовики, прикрываемые истребителями, нанесли мощный удар по фашистским войскам, обеспечив переправу танков и наступление республиканской пехоты в направлении населенного пункта Арансьоса.

В середине дня начался ожесточенный воздушный бой. Четыре эскадрильи (около 50 самолетов) республиканских истребителей вступили в бой с 15 «юнкерсами», которых прикрывали 30 истребителей. Бой шел на различных высотах, от малых и до 5 тысяч метров, а по фронту — длиной до 10 километров. Вражеских бомбардировщиков не допустили даже к позициям наших войск, и им пришлось сбросить бомбы где попало. Хваленая эскадрилья генерала Рихтгофена потеряла семь самолетов. Многие истребители и бомбардировщики врага получили повреждения. Мы потеряли три самолета.

Наши успехи в воздухе воодушевляли пехоту, и она с громкими криками поднималась в атаку. Это наполняло нас гордостью и придавало силы.

Слева направо: И. И. Копец, Я. В. Смушкевич, К. М. Гусев, И. И. Проскуров

Фашисты побеждали только в тех случаях, когда их преимущество в воздухе было подавляющим. Так, капитана Антонио — Сергея Тархова они сбили вшестером, Владимира Михайловича Бочарова — Хосе Галарса — впятером. В неравных боях погибли испанские летчики Энрике Лопес и Франсиско Осуна, которого враги прозвали «красным дьяволом». В одном из воздушных боев на Арагонском фронте Франсиско сбил три вражеских

бомбардировщика противника и обратил в бегство истребитель, который их охранял.

Были и досадные потери. Летчик Карп Иванович Ковтун из эскадрильи Павла Рычагова при вылете по тревоге не застегнул карабин парашюта на груди. В бою его подбитый самолет потерял управление. Ковтун покинул его, но, когда парашют раскрылся, ножные обхваты соскользнули, и летчик выпал из подвесной системы...

В боях на Хараме республиканская авиация стала действовать более четко, наладились связь, наблюдение за воздухом, за противником и своевременное оповещение истребителей. Прекрасно показали себя наши И-16 и И-15.

Летчики узнавали своих командиров в воздухе. Особый «воздушный почерк» были у Якова Владимировича Смушкевича, Петра Ивановича Пумпура и Ивана Ивановича Копца.

Игнасио Идальго де Сиснерос, начальник авиации Испанской республики, в своих воспоминаниях высоко оценил боевые действия нашей авиации на реке Харама, подчеркнув, что в то время республиканская авиация в своем большинстве была представлена советскими летчиками и их усилиями в Харамском сражении Мадрид был спасен еще раз. Республиканская авиация, отлично зарекомендовавшая себя в Харамском сражении, снова подтвердила данное ей народом название «ла глорьоса» — «славная».

После боев на Хараме наша эскадрилья под командованием Александра Петровича Осадчего перебазировалась в район севернее Алькала-де-Энарес. Аэродромом, который назывался «Сото», нам служил... ипподром на территории помещичьей усадьбы, расположенный вблизи фруктового сада. Это хорошо маскировало самолеты. Эскадрилья оставалась интернациональной, но большинство летчиков были испанцами: Хименес, Андрес Лекалье, Гуаса, Алонсо, Мануэль Сарауса и другие. Были в составе эскадрильи американцы Альберт Баумлер и Франсиско (его настоящего имени я не знаю), австрийцы Вальтер Короуз и Том Добиаш... Прекрасным летчиком и замечательным товарищем был югослав Божидар Петрович.

На фронте наступило затишье, но мы летали ежедневно. 8 марта утром после артиллерийского обстрела позиций республиканцев у Мирабуэно и на высотах у

Эль-Мераичель, а также налета 30 итальянских самолетов на населенные пункты Альмадронес и Мирабуэно неожиданно началось новое крупное наступление фашистов.

В штабе фронта никто не верил в серьезность намерений противника.

В полдень наше звено — Георгий Захаров (командир), Андрес Лекалье и я — вылетело на разведку. Полет проходил в сложных метеорологических условиях, шел мокрый снег и дождь. Летели под облаками на высоте 400—500 метров. Обойдя с юга Гвадалахару, направились на северо-восток вдоль Сарагосского шоссе к Сигуэнсе. Я летел левым ведомым и поэтому был ближе к шоссе. Сразу же за Альгорой я обнаружил длинную автоколонну. Мы насчитали около 400 машин, растянувшихся по шоссе на 10—15 километров. На этом же шоссе увидели скопление пехоты, до трех-четырех батальонов, и много танков. Нас заметила и обстреляла зенитная артиллерия противника из района Альгоры. Итак, факт установлен — фашисты затевают крупное наступление. Такого большого количества войск нам еще не приходилось видеть. Об этом надо было немедленно доложить командованию, поэтому мы решили произвести посадку на аэродроме Алькала-де-Энарес, так как там имелась прямая связь со штабом авиации.

Командир группы истребителей Иван Копец доложил результаты разведки в штаб. Но там усомнились в наших данных — никто не ждал наступления на Мадрид со стороны Гвадалахары.

На аэродром приехали Я. В. Смушкевич и П. И. Пумпур. Они решили сами произвести воздушную разведку. Мне впервые довелось наблюдать за взлетом Смушкевича — Дугласа, как его называли в Испании. Он сел в самолет на стоянке и после запуска мотора дал полный газ, удерживая самолет на тормозах. Затем отпустил тормоза и, не поднимая хвоста, производящего разбег «чато», на коротком расстоянии оторвал его от земли. Затем немного выдержал самолет над землей, чтобы набрать скорость, у самой земли заложил глубокий крен и виражом начал уходить вверх. Этот взлет показал, на что способен И-15 и, конечно, летчик. Машина не требовала большой длины площадки для разбега и могла взлетать в направлении горы или другого препятствия, уходя от него крутым разворотом. Это было очень важно в условиях горной местности Испании.

Оба командира успешно произвели разведку. Наши данные подтвердились.

Оказалось, что на Гвадалахару по Сарагосскому шоссе двигались войска итальянского экспедиционного корпуса, в составе которого находились четыре хорошо вооруженные дивизии. Боевые действия корпуса поддерживала авиация в составе около 80 самолетов.

Республиканская авиация получила приказ приготовиться к боевым действиям. Все истребители были готовы к вылету на штурмовку войск противника, на И-15 подвесили бомбы. Но погода ухудшилась.

Используя малейшее улучшение погоды, истребители вели разведывательные полеты. Вообще в период всей Гвадалахарской операции разведку вели только истребители.

Все, что произошло в решающие дни сражения, хорошо сохранилось в моей памяти. И хотя я не вел никаких дневниковых записей, все же события как бы сами собой располагаются в календарной последовательности.

9 и 10 марта. Вся республиканская авиация находилась в готовности к бою, но бездействовала из-за плохой погоды; беспрерывные дожди и мокрый снег при облачности высотой 50—100 метров не позволяли даже думать о боевых вылетах.

11 марта. Весь день шел дождь при облачности 150—200 метров. Все же разведчики обнаружили в Бриуэге скопление итальянских войск. Эскадрилья «чатос» атаковала противника внезапно. Штурмовой удар с высоты 150 метров был эффективным. Итальянцы метались в панике, не думая о каком-либо противодействии. Позже пленные рассказывали о больших потерях и моральном потрясении оставшихся в живых.

12 марта. С утра погода стала улучшаться, осадки прекратились. Прошедшие дожди расквасили аэродромы. О вылетах бомбардировщиков и штурмовиков нечего было и думать, командование возложило всю ответственность за боевую деятельность на истребителей. Разведка подтвердила: войска противника в большом количестве, на автомашинах, движутся по Сарагосскому шоссе от Альмадронеса к фронту.

По приказу командира истребительной группы все И-15 вылетели для штурмовых действий. Автоколонну атаковали бомбами и пулеметным огнем. Колонна была большой, поэтому мы построились в кильватер по одному и образовали большой круг. Автомашин было так

много, что мы успевали по нескольку раз атаковать их, прежде чем добирались до конца колонны. Для повторного захода летели параллельно колонне и смотрели, как ее штурмуют наши товарищи. После первой атаки многие машины загорелись, некоторые столкнулись, часть перевернулась в кюветы. Солдаты разбегались в стороны от дороги и падали в грязь. Мы вели бой, пока полностью не израсходовали патроны. Сопротивление попытались оказать зенитчики, но после налета нескольких истребителей на их позиции огонь прекратился.

Второй удар мы произвели по скоплению войск в Бриуэге. Улицы города были забиты автомашинами, войсками и артиллерией. Бомбы и пулеметный огонь сделали свое дело.

Третий вылет совершили в район действий нашей пехоты. На высоте 2500 метров заметили пять бомбардировщиков «савойя», летевших под прикрытием двенадцати истребителей «фиат». С первой атаки сбили «савойю» и один «фиат». Завязалось несколько поединков. Я атаковал «фиат», который оказался около меня. Он боя не принял и пытался уйти от преследования, но неудачно спикировал и попал в ущелье. Выходя из пике, во избежание столкновения со стеной ущелья, он вынужден был набрать высоту, и вот тогда-то я дал по нему длинную очередь из всех четырех пулеметов. Когда я решил атаковать его вторично, то увидел, что «фиат» атакует еще один «чато» под номером 8. В результате наших совместных усилий «фиат» врезался в землю и взорвался. «Чато» пристроился к моему самолету. Летчик улыбался и показывал мне большой палец. Я узнал испанца Алонсо.

В этом воздушном бою наши летчики сбили три «савойи» и два «фиата».

Чтобы поддержать контратаки республиканских войск, наши самолеты, вылетевшие в четвертый раз, атаковали артиллерийские позиции и резервы противника в районе Трихуэке-Каса-дель-Кобо, на перекрестке дорог у 83-го километра Сарагосского шоссе.

Напряженный боевой день закончился. Все наши самолеты вернулись на аэродром. Подсчитали: за день произведено 178 самолето-вылетов, израсходовано 500 бомб и 200 тысяч патронов!

Командование республиканской авиации и Я. В. Смушкевич организовали взаимодействие авиации с наземными войсками. 12 марта был нанесен удар по мотоколонне

дивизии «Литторио», который сорвал развертывание войск на опасном для республиканцев направлении. Второй удар авиация нанесла по артиллерийским позициям, заставив на 20 минут замолчать вражеские батареи. За это время наши танки смяли пехоту.

13 марта. Погода плохая, но нужно помочь наземным войскам в Трихуэке. Все эскадрильи готовы к вылету. Ждем улучшения погоды. К середине дня облачность немного уменьшилась и, несмотря на дождь, улучшилась видимость. Вылетело 26 самолетов. Летели под облаками на высоте 300—400 метров. Противник нас не ждал. Бомбами и пулеметным огнем ударили по технике и пехоте итальянских легионеров. На аэродроме нам сообщили, что сразу же в Трихуэке ворвались танки, а затем батальоны республиканской пехоты. Противник отступил, оставив много техники и убитых.

Это не единственный пример успешного взаимодействия авиации с наземными войсками, но здесь в результате был занят важный населенный пункт.

Пленные, взятые в Трихуэке, рассказали об огромных потерях итальянского экспедиционного корпуса за последние дни, особенно от ударов авиации и танков, о подавленном состоянии солдат и офицеров.

Эта победа ознаменовала начало перелома в ходе Гвадалахарской битвы. Инициатива переходила к республиканцам.

День закончился еще одной штурмовкой войск противника в районе Бриуэги.

14 марта. Во второй половине дня 28 наших самолетов нанесли большой урон батальонам мятежников в районе Бриуэги, сорвав готовившуюся контратаку против 12-й интернациональной бригады, захватившей замок Паласио де Ибарра.

15—17 марта. Период относительного спокойствия. Командир итальянского экспедиционного корпуса генерал Роатта отказался от мысли продолжать наступление на Мадрид и начал выводить свои войска «на отдых».

Республиканские войска, выстояв в героической борьбе против превосходящего численностью и вооружением противника, приводили себя в порядок и готовились к наступлению.

Погода улучшилась, что активизировало действия авиации как той, так и другой стороны.

«Юнкерсы» ночью безнаказанно бомбили селения, города, аэродромы, мосты и другие объекты. Республиканцы не могли оказать ночным разбойникам противодействия, так как аэродромы не имели необходимого оборудования: не было даже прожекторов, без которых не могли обойтись зенитки. Правда, потерь республиканцы почти не несли, так как фашисты бомбили неточно.

Летчики предпочитали на ночлег уезжать с аэродромов в другие населенные пункты, не представлявшие интереса как военные объекты. Спокойнее было отдыхать и в Мадриде, несмотря на его положение прифронтового города.

Зато днем в воздухе господствовала республиканская авиация. Запомнился мощный налет, в котором участвовали все 70 самолетов, действовавших под Гвадалахарой. Кроме 45 истребителей и 14 штурмовиков в нем приняли участие 11 скоростных бомбардировщиков, летавших здесь впервые.

Бомбардировщики первыми сбросили бомбы на скопление автомашин и пехоты в Бриуэге, а также на артиллерийские позиции севернее этого населенного пункта.

Штурмовики бомбами и пулеметным огнем обрушились на цели, оставшиеся неповрежденными.

Истребители, обеспечив боевые действия бомбардировщиков и штурмовиков, сами переходили в атаку.

18 марта. Погода ухудшилась. При низкой облачности и дожде звеньями атакуем итальянские войска, спешно отходящие по Сарагосскому шоссе. Удар авиации внес дезорганизацию и беспорядок в убегающие части.

На нашем аэродроме летчики и техники оживленно обсуждают наши успехи.

20 марта. Воздушная разведка подтвердила, что итальянский корпус выводится из боя. Все дороги и населенные пункты Альмадронес и Альгора заполнены автомашинами с войсками.

Командование решило нанести удар по фашистам силою всей авиации. Я. В. Смушкевич совместно с командующими истребительной и бомбардировочной авиацией тщательно разработали тактику каждого вылета.

В назначенное время в воздух поднялись 14 штурмовиков, 11 бомбардировщиков и 42 истребителя. Линию

фронта перелетели в одном месте с определенным интервалом. Уже при подходе к ней были видны все самолеты. Впечатляющая картина — мощный массированный удар по противнику!

Внизу бреющим полетом шли штурмовики, ведомые командиром эскадрильи Константином Гусевым, сзади на высоте 1500—2000 метров летели бомбардировщики под командой командиров Ивана Проскурова и Василия Бибикова. Их зорко охраняли «чатос», ведомые Александром Осадчим; в стороне и выше всех летели истребители-монопланы — «москас» командира эскадрильи Константина Колесникова.

Удары наносились строго по плану. Звено штурмовиков остановило колонну автомобилей, двигавшихся в два ряда, что создало пробку и внесло панику в ряды противника. А в это время основная группа штурмовиков бомбами и пулеметным огнем атаковала колонну с хвоста. Уже после первых бомб загорелись автомашины. Солдаты на ходу покидали их и разбегались в стороны от шоссе. Штурмовать было легко, цель — огромная автоколонна, растянувшаяся на 10 километров.

После штурмовиков перешли в атаку истребители. Заходили строго вдоль шоссе и били на пикировании пулеметным огнем, на выходе из пике — бомбами; затем взмывали вверх и снова полого пикировали и обстреливали из пулеметов автомашины и группы солдат, прятавшихся в кюветах у дороги.

Одновременно бомбардировщики нанесли удар по населенному пункту Альгора, в котором скопилось много автомашин и пехоты. После удара бомбардировщиков в атаку снова перешли истребители. Налет продолжался 20 минут. После него остались горящие и искалеченные автомашины, масса убитых и раненых солдат.

Истребительная авиация противника опоздала к месту боя.

Зенитки противника подбили один самолет Р-5 из группы штурмовиков. Но экипаж, возглавляемый И. С. Солдатенко, проявил большое мужество и, перетянув через линию фронта, посадил машину.

В тот же день был нанесен повторный удар. Колонну автомашин атаковали 8 штурмовиков и 40 истребителей, а бомбардировщики обрушились на железнодорожные эшелоны станции Сигуэнса. На этот раз истребители мятежников оказали противодействие, но наша авиация их одолела. В воздушном бою мы сбили четыре «фиата».

Враг потерял около 300 автомашин и сотни убитых и раненых.

Победа под Гвадалахарой подняла моральный дух республиканских войск и их веру в возможность полной победы.

А. Ф. ВОЙНОВСКИЙ

ВОЛОНТЕРЫ СВОБОДЫ[1]

В 1936 году я командовал курсантской ротой в учебном батальоне одной из бригад механизированного корпуса имени Калиновского. Когда начались испанские события, я, в числе многих, попросил отправить меня в Испанию сражаться с фашистами.

В октябре был уже в Барселоне. После короткой встречи с генеральным консулом В. А. Антоновым-Овсеенко едем в Мадрид...

Франкисты чуть ли не с первых дней войны ввели в бой значительное количество броневых машин, которыми их усердно снабжали Муссолини и Гитлер. Это были главным образом танки типа «ансальдо» и Т-1, далеко не совершенные, но все же достаточно мощные. Испанские «милисианос» (бойцы отрядов Народной милиции, составлявшие в первое время главную силу обороны Мадрида) не сразу научились преодолевать страх перед «стальными чудовищами» и не сразу овладели навыками борьбы с ними.

Как ни странно может это показаться на первый взгляд, но немалую роль в преодолении «танкобоязни» сыграло советское кино. Я имею в виду то огромное воздействие, которое оказывал на защитников Мадрида фильм по сценарию Всеволода Вишневского «Мы из Кронштадта». Вспоминаю просмотр фильма в одном из кинотеатров. У входа висел огромный плакат: «То, что устроил народ Петрограда белым в 1919 году, устроит Мадрид мятежникам Франко в 1936 году». В переполненном зале в течение всего сеанса раздавались восторженные возгласы и аплодисменты. Аудитория была захвачена фильмом, ни одна деталь не ускользнула от ее внимания. Когда русский моряк подорвал танк гранатой, большинство зрителей вскочили со своих мест. Многие

[1] Из книги «Ленинградцы в Испании» (Л., 1973).

А. Ф. Войновский

хватались за оружие. Раздавались возгласы: «Вива Русиа, вива!»

А когда в конце фильма один из героев воскликнул: «А ну, кто еще хочет в Петроград?» — восторженные эмоции зрителей достигли наивысшего предела.

Именно в те дни в республиканской армии появились первые герои — истребители танков: Антонио Колль, Хосе Карраско, Корнехо, Грау и другие. Они в совершенстве овладели приемами противотанковой борьбы, бесстрашно вступали в единоборство с вражескими танками. Помню, механик-водитель моей машины Луис обратил внимание на красочно оформленный плакат: могучая рука рабочего держит лавровую ветвь с фамилиями лучших охотников за фашистскими танками...

Однако было ясно, что одним энтузиазмом бронированные фашистские силы не остановишь. На помощь республиканцам пришел советский народ, пославший в Испанию свои танки и своих танкистов.

К моменту моего прибытия в Мадрид наших танков было здесь мало. Мне было приказано следовать с ротой танков в расположение командира 12-й интернациональной бригады генерала Лукача. Я не знал тогда, что Пауль Лукач — это псевдоним знаменитого венгерского писателя-коммуниста Мате Залки, живущего в СССР.

Лукач — среднего роста, в расстегнутой шинели, с живыми ясными глазами, энергичным лицом, аккуратно подстриженными усиками. О нем кто-то сказал: невысок, да густо замешен. Докладываю, что по приказанию командира танкового батальона прибыл в его распоряжение с задачей взаимодействовать с бойцами бригады в предстоящем бою. Сообщаю также данные о состоянии роты: машины все исправны и находятся в боевой готовности, экипажи состоят из опытных танкистов, правда еще не обстрелянных в боях.

Внимательно выслушав доклад, генерал приветливо улыбнулся доброй и мягкой улыбкой, крепко пожал мне

руку и начал расспрашивать о боевых качествах танка Т-26, о хозяйственном обеспечении роты...

Бригада готовилась к своему боевому крещению, ставшему таковым и для танковой роты, которой я командовал.

Перед бойцами-интернационалистами была поставлена задача атаковать Серро-де-лос-Анхелес (Гору ангелов) — высокий холм на юго-восточных подступах к Мадриду, господствующий над местностью.

На вершине холма стоял монастырь — три больших каменных здания и церковь, обнесенные стеной. В монастырь вела только одна дорога, с запада. Крутые склоны холма, укрепленные бетонированными пулеметными гнездами, мало чем отличались от крепостных стен. Фашисты вырыли на склонах глубокие окопы.

В этом первом бою нам не все удалось. Поддержанные огнем танков, подразделения бригады отбросили фашистов, прикрывавших подступ к горе, и подошли к ней вплотную, а потом стали штурмовать и вершину. Но танки были не в состоянии преодолеть крутой подъем. Пехота, не сумевшая перебраться через стену, отошла под огнем противника. Всю ночь на 14 ноября бойцы пролежали у подножия горы в исходном положении для атаки. Но и на следующий день наши усилия не увенчались успехом.

Мятежники пытались в это время с ходу взять столицу. Получив отпор, они возобновляли атаки то в одном, то в другом направлении, стремясь прорваться к городу. По этой причине и 12-я бригада не задерживалась на одном месте: ее перебрасывали на разные участки фронта, где кипели наиболее горячие бои. Упорные сражения шли в районе Университетского городка. Условия, в которых здесь пришлось действовать танкам, были необычны и требовали от нас большой гибкости и настороженности. Танки действовали главным образом из засады, как неподвижные, хорошо замаскированные артиллерийские установки. Обычно они занимали позицию за высокой стеной и вели оттуда обстрел пулеметных гнезд, орудий, скоплений пехоты из специально пробитых амбразур.

Иногда фашисты совершали вылазки из захваченных ими домов, просачиваясь в районы, занятые республиканцами. В таких случаях наши Т-26 делали внезапные броски, отсекая и уничтожая группы вражеской пехоты.

Мате Залка — генерал Лукач

По ночам рота выставляла дозоры и засады. Но ночные действия противник предпринимал редко.

В эти дни я еще раз увидел генерала Лукача. Он приехал к танкистам непривычно сумрачным. Когда все собрались, генерал сказал:

— Я должен сообщить вам печальное известие...— Лукач развернул газету и прочел: — «Телеграф принес печальную весть из Советского Союза: умер пролетарский писатель Николай Островский...»

Немного помолчав, он заговорил снова:

— Пришел я сюда, чтобы разделить с вами горе и рассказать о моем друге. Три года назад я познакомился с Островским и вскоре близко сошелся с ним...

Генерал Лукач стал рассказывать о своем знакомстве с писателем в Сочи, о частых встречах с ним.

— Он еще мог долго жить. Какой это был чудесный человек! И какую прекрасную книгу он написал!

И тут я вспомнил о книге «Как закалялась сталь», которая лежала в моей машине. Я обнаружил ее в одном из принятых мною новых танков.

Внутри танков, прибывающих из Советского Союза в Испанию, мы иногда находили то пачку хороших папирос, то плитку шоколада, то газету с обведенной красным карандашом информацией о боях под Мадридом, то письмецо, то книгу. Книгу Н. Островского, найденную в танке, читали бойцы нашей роты. Читали и перечитывали.

Водитель Луис по моей просьбе принес книгу и передал генералу. На ее обложке был вытиснен серебром красноармейский штык с зеленой веткой.

Генерал Лукач вопросительно посмотрел на меня. Я рассказал историю моей находки. Генерал поцеловал книгу и поднял ее над головой.

— Эта книга,— сказал он,— замечательный рассказ о мужестве, которое ничто в мире не может сломить.

Было уже совсем темно, когда генерал Лукач попрощался с нами и уехал. Он спешил в район, где готовилось наступление.

Этот эпизод с книгой Островского имеет продолжение.

Приехав в Ленинград, я много лет бережно хранил драгоценный экземпляр романа «Как закалялась сталь», с которым были связаны воспоминания об Испании. Как-то, уже после Великой Отечественной войны, работая на Кировском заводе, я рассказал сослуживцам про книгу. Все очень заинтересовались и попросили принести ее на завод. Узнали об этом и в нашей многотиражке «Кировец». Вскоре на страницах газеты (а затем и на страницах «Вечернего Ленинграда») появилась статья о примечательном экземпляре книги Н. Островского. Автор статьи посоветовал мне передать книгу в Московский музей-квартиру Николая Островского. Это и было вскоре сделано. В Москве я встретился с вдовой

писателя Раисой Порфирьевной Островской, хранительницей музея.

В беседе со мной она рассказала, как волновали Н. Островского события в Испании. За день до смерти он спрашивал, держится ли Мадрид. Узнав, что Мадрид не сдался, обрадованно произнес: «Молодцы ребята! Значит, и мне надо держаться!»...

Новогодняя ночь и первый день 1937 года для нас были напряженными до предела.

На рассвете 1 января 12-я интернациональная бригада всеми своими батальонами при поддержке роты танков атаковала фашистов. Внезапный и мощный удар во фланг противнику принес нам успех. К вечеру республиканцы выбили фашистов из городков Мирабуэны и Альгоры. Мятежники подтянули резервы и бросили их в бой, но бригаде удалось отразить контратаку. С наступлением темноты установилось затишье.

Поздно ночью батальон бригады, занимавший Альгору, внезапно атаковали с севера и северо-запада пять рот фашистов. На улицах разгорелся бой. Противнику удалось сильно потеснить наши подразделения. Тогда танки открыли пушечный и пулеметный огонь вдоль улиц. Фашисты дрогнули и побежали, оставив на улицах Альгоры много убитых и раненых...

Бойцы интернациональной бригады и танкисты радовались, что первый бой в новом, 1937 году увенчался победой республиканцев.

Арганда... Вот первое название, которое всплывает в памяти, когда я думаю об увиденном и пережитом в боях у реки Харама.

Арганда — это небольшой городок с характерными для Испании низкими, очень прочными каменными домами и с неизменной церковью. Он стоит на Валенсийском шоссе — важнейшей магистрали. Сюда и прибыла переброшенная из-под Мадрида 12-я интернациональная бригада.

Совместно с бригадой должен был действовать весь танковый батальон, которым командовал капитан Виктор Ильич Баранов. В состав этого батальона входила и наша рота.

На Хараме в это время создалась опасная и напряженная обстановка. Наступление мятежников было нацелено на Арганду, где шоссе особенно близко подходит к реке.

Враг уже нанес бригаде чувствительный удар. В ночь

на 11 февраля марокканцы вырезали роту франко-бельгийского батальона, охранявшую одну из переправ — мост Пиндоке. Известие о гибели целого подразделения потрясло всех бойцов.

Обстановка требовала от республиканского командования организации немедленной контратаки. Она была проведена в тот же день, 11 февраля. В ней участвовали все батальоны 12-й бригады (итальянский имени Гарибальди, польский имени Домбровского и франко-бельгийский), а также часть подразделений 11-й интернациональной бригады. Пехоту поддерживал наш танковый батальон.

Танки батальона пошли в атаку одновременно, широким фронтом. Пехота не поспевала за ними. Но батальон атаковал столь внезапно и быстро, что ему без поддержки пехоты и артиллерии удалось выйти почти к самым переправам через реку. Танки уничтожили тогда несколько сот фашистов, в том числе подразделение марокканской конницы, пытавшейся задержать наше продвижение. От огня наших орудий сильно пострадала и артиллерия противника.

13 и 14 февраля бои достигли наивысшего напряжения. После 17 февраля инициатива перешла в руки республиканцев, а к 27 февраля бои постепенно затихли...

Не успела 12-я бригада как следует оправиться от изнурительных харамских боев, как пришел приказ срочно перебросить ее под Гвадалахару.

10 марта мы вступили в соприкосновение с наступавшим со стороны Бриуэги противником. Началась знаменитая Гвадалахарская операция. Она привела, как известно, к разгрому итальянского экспедиционного корпуса, имевшего целью захватить Мадрид.

После тяжелых боев, продолжавшихся 8—9 дней, республиканские войска одержали победу. Началось бегство легионеров Муссолини. На дорогах валялись пулеметы, снаряды, ящики с боеприпасами. Вдоль шоссе под деревьями стояли брошенные грузовики, тягачи, артиллерийские орудия, легкие мортиры. Кроме оружия и военного снаряжения всюду были разбросаны походные сумки, каски, шарфы, документы и письма.

В эти дни в Бриуэге и ее окрестностях мне приходилось видеть немало пленных итальянцев. Они испуганно жались в кучу: им внушили, что в плену их ждет жестокая расправа. Разумеется, республиканские бойцы не

трогали безоружных пленных, и те понемногу ободрились.

Интересно было наблюдать, как республиканские добровольцы-итальянцы из батальона имени Гарибальди подходили к своим пленным соотечественникам. Помню одну сценку. Группа гарибальдийцев затеяла разговор с пленными солдатами. Угощали друг друга сигаретами, перебрасывались скупыми фразами, вопросами. Пленный унтер-офицер быстро произнес несколько фраз, я услышал имя Муссолини. Один из гарибальдийцев, закуривший сигарету, сделал глубокую затяжку, а затем, выпустив вверх густую струю дыма, быстро рассеял дым рукой и произнес несколько слов, вызвавших одобрительный смех окружающих. Кто-то из бойцов бригады, вместе со мной слушавших беседу, объяснил мне, что гарибальдиец показал, какая судьба ожидает фашистского дуче.

Уже после того как нас вывели из боя, где-то под Бриуэгой я видел, как солдат-республиканец пытался обучить военнопленных итальянцев известной антифашистской песне «Бандьера росса». Энергично взмахивая рукой, он запевал куплет песни, а пленные подпевали...

После гвадалахарских боев мне пришлось побывать и на других участках фронта, где наши танки по-прежнему поддерживали боевые действия 12-й интернациональной бригады.

Остался я с ротой, которая была придана генералу Лукачу и тогда, когда 12-я бригада была переформирована и на ее базе возникла 45-я дивизия, вскоре отправленная под Уэску, на Арагонский фронт.

11 июня 1937 года генерал Лукач, направляясь к району боев по дороге, простреливаемой противником, был смертельно ранен осколком снаряда. На рассвете 12 июня жизнь его угасла.

День его похорон был объявлен республиканской Испанией днем национального траура. Похоронили его в Валенсии. По улицам города, до самого кладбища, где стояли в почетном карауле солдаты республиканской армии, протянулись тесные ряды валенсийцев и жителей других городов, прибывших сюда почтить память героя. Люди встречали гроб символическим приветствием — поднятым сжатым кулаком.

В 1979 году благодаря многолетним усилиям правительственных и общественных организаций Венгрии останки генерала Лукача, Мате Залки, были перевезены

из Валенсии в Будапешт. Здесь они перезахоронены в Пантеоне борцов рабочего движения. Праху замечательного сына венгерского народа, легендарному интернационалисту были отданы высокие воинские почести.

Много лет прошло с той памятной поры. Простившись тогда с Испанией, я на всю жизнь сохранил глубокое уважение к ее мужественному, талантливому и свободолюбивому народу. Революционная Испания навсегда вошла в мое сердце.

П. Я. ЛЮДВИК

В 15-Й ИНТЕРБРИГАДЕ

Я переходил франко-испанскую границу совместно с другим советским сапером — Паулем Фестерлингом нелегально, темной октябрьской ночью 1937 года в составе группы иностранных добровольцев, насчитывавшей примерно 50 человек. Вел нас человек, хорошо знающий эти места.

Как только стемнело, мы вышли из небольшой гостиницы в предгорье Пиренеев, недалеко от Перпиньяна, и, спрятавшись в роще, ждали, когда пройдут французские пограничники. Большая машина с яркими фарами проскочила мимо нас, и мы тронулись в путь. Шли гуськом по тропинкам, спотыкаясь в темноте и проклиная французские власти: по их милости нам, чтобы прийти на помощь испанскому народу, приходится пробиваться через Пиренеи как контрабандистам. Шли всю ночь, через небольшие речки вброд, поднимаясь все выше и выше. Раза два-три отдыхали. Подъемы казались бесконечными. Но к рассвету мы достигли снежных вершин. Вид был великолепный. Первые лучи озарили снега розово-фиолетовым светом, но очень скоро они засверкали на солнце белизной. Далеко-далеко внизу искрились голубые ленты рек.

Воспрянув духом и с возгласами «Вива ла република Эспаньола!» мы начали спускаться вниз. Вскоре встретились с двумя молодыми республиканскими солдатами, которые тепло нас приветствовали. Они проводили нас вниз до шоссейной дороги, куда подъехал грузовик и доставил нас до Фигераса — города-крепости недалеко от французской границы, где собирались иностранные добровольцы, переходившие границу нелегально.

П. Я. Людвик

Из Фигераса мы проехали поездом в Альбасете — базу интернациональных бригад, расположенную на юго-востоке страны, примерно в 200 километрах юго-восточнее Мадрида. Наш поезд был наполнен добровольцами, и мы без конца пели революционные песни на многих языках. У нас даже была музыка: один итальянский доброволец сумел пронести с собой скрипку. В поезде завязались знакомства, и началась наша интернациональная дружба, хотя мы плохо понимали друг друга. Работающие в поле крестьяне поднимали головы, когда наш поезд проходил мимо, и приветствовали нас антифашистским салютом, то есть поднятым кулаком. Так же встречали нас жители Барселоны и Валенсии, когда мы строем шли в столовую. Женщины с грудными детьми подбегали к нам, чтобы мы поцеловали их детишек.

В Альбасете ожидал оркестр, и мы шли строем с музыкой к базе интернациональных бригад, в центр города.

Нас приветствовали политические комиссары на немецком, итальянском, французском и английском языках. Они коротко рассказали о положении на фронтах и о том, чего от нас ожидают.

Меня и Пауля Фестерлинга отправили в офицерскую школу в Пасарубию. Школа готовила командные кадры для интернациональных бригад из добровольцев, уже отличившихся в боях. Инструкторами в основном были молодые советские офицеры. Начальник школы майор Клаус, немецкий антифашист, кадровый офицер, в годы первой мировой войны возглавлял штаб 15-й интернациональной бригады. Политкомиссаром школы был капитан Эгон Шмидт, коммунист, очень симпатичный человек. Однажды вечером, ожидая назначения во фронтовую часть, мы долго беседовали с ним, не предполагая, что встретимся при необычных обстоятельствах и мне придется похоронить его в горах Сьерра-Пандольс, о чем я расскажу дальше.

По одному саперы стали отбывать в части. Скоро и мы с Паулем получили назначение в штаб 35-й дивизии, находящейся на Арагонском фронте.

Командиром 35-й дивизии был генерал Вальтер (Кароль Сверчевский), в прошлом преподаватель Военной академии имени Фрунзе, поляк. Генерал решил откомандировать нас в интернациональные бригады, чтобы наладить фортификационные работы. Пауля — в 11-ю немецкую бригаду начальником инженерной части, а меня откомандировали в 15-ю (англо-американскую) бригаду.

15-я бригада в то время отдыхала и занималась военной подготовкой в районе деревни Амбите, недалеко от Мадрида. Штаб ее помещался в нескольких больших комнатах при мельнице, хозяин которой сбежал к фашистам. Мельница перешла к сельскому кооперативу. Командиром бригады был подполковник Владимир Чопич, югослав, кадровый офицер австро-венгерской армии, бывший депутат парламента, видный деятель Коммунистической партии Югославии. Он обладал хорошим голосом и вместе с солдатами любил петь национальные и советские песни. Начальником штаба бригады был майор Роберт Мэрриман, высокий, очень симпатичный американец, профессор Калифорнийского университета, который до приезда в Испанию провел два года в Советском Союзе, изучая сельское хозяйство.

Литературоведы говорят, что Роберт Мэрриман послужил прототипом Роберта Джордана — героя романа Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол». Будучи корреспондентом американской газеты в Испании, писатель часто навещал нашу бригаду, подолгу беседовал с американцами-линкольновцами. Политическим комиссаром бригады был Дэйв Доран, энергичный американский коммунист, который у себя на родине возглавлял Коммунистический союз молодежи.

15-я интернациональная бригада, одна из шести интернациональных бригад республиканской армии, состояла из четырех батальонов: английского, американского, испанского и канадского, в каждом около 800—1000 человек. В испанском было много добровольцев из латиноамериканских стран. К ноябрю 1937 года бригада уже накопила богатый военный опыт.

Социальный состав, политические убеждения и национальность бойцов и офицеров бригады были очень разнообразны. В основном это были рабочие, но имелись

и интеллигенты, студенты, крестьяне. Национальный состав бригады тоже был разнообразен: англосаксы из Англии, Соединенных Штатов, Канады, украинцы из Канады, евреи из различных стран, русские (среди них бывшие белогвардейцы из Франции, которые надеялись завоевать право вернуться на родину, сражаясь за Испанскую республику). В английском батальоне воевали ирландские католики и протестанты как из Ирландской Республики, так и из Северной Ирландии. В сражении на реке Харама, например, пали смертью храбрых протестантский священник Роберт М. Хиллиард из Белфаста и католический монах Рамон Мак Гротти из Дерри. Были добровольцы из далекой Австралии и Новой Зеландии.

В интербригаде было особенно много коммунистов и комсомольцев, но встречалось немало и социал-демократов, социалистов. Среди медперсонала и переводчиков были женщины, сражались за Республику супружеские пары, братья, сестры, отцы и сыновья. И вся эта довольно пестрая масса в несколько тысяч человек была в короткий срок выкована исключительно суровыми испытаниями в боевую часть, успешно сражавшуюся против кадровых немецких, итальянских и испанских воинских частей. В интербригаде царили высокий моральный дух, глубокое убеждение, что во что бы то ни стало надо остановить «коричневую чуму» от распространения по Европе, сознание, что, борясь против фашизма в Испании, они защищают свои очаги, свои семьи.

Винтовки, пулеметы и противотанковые оружия в бригаде в основном были советские. Помню прекрасного инструктора, нашего добровольца, симпатичного молодого парня, очень популярного среди интербригадовцев. Все его звали по имени — Максим, а фамилии не знали. Отличным оружейным мастером был Эмиль Штейнгольд — другой советский доброволец, моряк, один из лучших снайперов бригады.

Мне поручили возглавить инженерную часть. Начал я с создания краткосрочных саперных курсов в Амбите, под Мадридом. Командование бригады прислало на курсы по 10—15 солдат из всех четырех батальонов. Знание английского языка помогало мне проводить инструктаж по саперному делу (строительство глубоких окопов, пулеметных гнезд, выбор хороших огневых позиций для пулеметов, особенно в гористой местности, соо-

ружение противотанковых препятствий и т. д.). Для испанцев текст переводился. Таким образом, бойцы, владеющие или английским, или испанским языком, легко усваивали эту науку. Мы построили недалеко от штаба бригады образцовую пехотную позицию. В течение двух недель слушатели познакомились с основами саперного дела, в основном на практике. Потом были созданы саперные отделения в каждом батальоне, которые отвечали за фортификационные работы в своих батальонах. Эта подготовка заметно сказалась на качестве фортификационных работ, способствовала успешному выполнению бригадой боевых заданий с меньшими потерями. Все бойцы бригады принимали активное участие в саперных работах, и наши позиции, как правило, были хорошо выбраны и укреплены. И хотя эта работа в гористых районах Испании была адски трудна, но она себя оправдала.

Декабрьским пасмурным днем подполковник Владимир Чопич послал меня в Мадрид познакомиться с укреплениями в Университетском городке. На фронте стояло затишье. Народу и транспорта в столице было мало. Терпеливо выстаивали в очередях у магазинов женщины.

Боевое крещение я получил во время Теруэльской операции в январе 1938 года. Теруэль — сильно укрепленный город в горах. Он был окружен и взят испанскими частями республиканской армии в канун нового, 1938 года. Затем Франко предпринял яростное контрнаступление, чтобы вернуть его обратно. На долю двух интернациональных бригад, 11-й и нашей 15-й, выпала задача защищать центральный участок республиканского фронта непосредственно перед Теруэлем.

Время стерло последовательность событий. Помню, что стояли необычные для Испании холода. Дороги в город — узкие, скользкие и извилистые, местами очень опасные. На одной из этих горных дорог, недалеко от Теруэля, я увидел первого мертвого человека. Не доезжая до окраины города, мы встретили большую группу испанских мужчин и женщин, освобожденных из городской тюрьмы. Одна из женщин оказалась матерью нашего солдата, и мы были свидетелями их волнующей встречи. Ее посадили в тюрьму за то, что сын воевал на стороне республиканцев.

Многие жители покинули город. В глубоком убежище одного здания в центре города я встретился с команди-

ром 5-го корпуса Хуаном Модесто, который дал в мое распоряжение саперный батальон для укрепления наших позиций. Помню наши ночные вылазки против фашистов, окопы которых местами находились почти рядом с нашими. Иногда наши и фашистские саперы работали ночью близко, и мы их ясно слышали. Были у нас убитые и раненые. Помню, как украинцы-добровольцы из канадских степей пели по ночам свои и советские песни. Помню кавалерийский рейд эскадрона марокканской конницы в глубь позиций канадского батальона, который был отбит штабными работниками с помощью нескольких тяжелых пулеметов, за что командир батальона капитан Сесиль Шмидт, журналист из Торонто, получил звание майора. Но больше всего я помню, как мы по ночам после многодневных ожесточенных фашистских атак быстро строили новые траншеи, пулеметные гнезда. Нередко на следующий же день они смешивались с землей ожесточенной фашистской бомбардировкой и артиллерийским обстрелом.

Несмотря на наши большие потери — мы потеряли несколько сот человек убитыми и ранеными,— Теруэль не сдали.

Второе событие, которое оставило большой след в моей памяти,— это глубокий прорыв Арагонского фронта фашистами в марте 1938 года и отступление республиканских войск по широкому фронту. В результате войска Франко дошли до Средиземного моря и разрезали территорию Испанской республики на две части.

В течение этого злосчастного марта наша 15-я интернациональная бригада отступила с арьергардными боями примерно на 150 километров, часто без поддержки с флангов вырываясь из окружения. Переправившись через Эбро, укрепились на левом берегу реки. Около Каспе многих интербригадовцев, в том числе и меня, вывезли из окружения на советских танках.

2 апреля 1938 года, когда фашистские танки уже ворвались в Мора-де-Эбро, мы взорвали фундаментальный 150-метровый мост через Эбро, соединяющий Мора-де-Эбро и Мора-ла-Нуэва. Мы с трепетом наблюдали, как большая многопролетная махина поднялась в воздух и, искалеченная, рухнула в воду. Дорога фашистам в Каталонию была наглухо закрыта.

Но и наши потери были велики. Мы с болью прощались с погибшими. Ведь эти люди в большинстве своем в расцвете сил бросили свой дом, родных, любимых и

устремились в далекую Испанию, чтобы защитнть свободу ее иарода. Среди них были наш славный начальинк штаба майор Роберт Мэрримаи, иаш храбрый комнссар Дэйв Дораи и миогие, миогне другие. Мы знали цеиу этнм людям. Мы узнали ее ие на митннгах, а иа поле боя.

На левом берегу Эбро весной 1938 года в районе Фальсеты нашу бригаду реоргаиизовали. Нам придали последние несколько сот иностранных добровольцев из Альбасеты, молодое испанское пополнение. Прибыли в брнгаду миогие раненые из госпиталей, некоторые досрочно. Вернулся и капитан Эгои Шмидт из офицерской школы в Пасарубии — опять стал комаидовать саперной ротой. Подполковник Владимир Чопнч после 18 месяцев пребываиия на фронте передал командование бригадой испаискому майору Хосе Валедору, испытанному командиру партизаиского формирования в Астурии.

Несмотря на наши потери, моральиый дух солдат и офицеров не был сломлен. Мы опять занималнсь фортификациоиными работами на левом берегу Эбро. В спокойные часы капитан Шмидт читал на русском языке отрывки из «Евгения Онегнна». И мы завороженно слушали, как любила и страдала русская девушка Татьяиа, под яркими звездами испаиского неба.

Наступили крнтические для Республики дии. Фашистские войска медленно, но неотвратимо продвигались по побережью Средиземного моря в направлеиии Сагунто н Валенсии. Чтобы приостановить их, комаидование республнканской армии решилось на смелый шаг — форсировать Эбро, нанести мощный удар по фашистским войскам на правобережье реки.

Начальниками двух переправ (всего было шесть переправ) были назначены советские саперы. Мне поручалось командовать переправой двух интернациональных бригад (13-й н 15-й) почти напротив Аско, а мой друг Пауль Фестерлннг — переправой 11-й немецкой бригады выше по реке, напротив Фликса.

Форсированию реки предшествовала большая подготовка. Надо было незаметно по ночам подвести к реке около ста лодок со Средиземного моря, скрытно срубить камыши и выбрать проходы для лодок на берегу рекн, обеспечить переправу материалами для постройки понтонного моста и т. д.

Эбро — большая, глубоководная и быстрая река. Она унесла немало интербригадовцев, не умеющих плавать.

Переправа началась темной ночью 24 июля. Сигнал — мой выстрел из пистолета. Саперы вместе с разведчиками из 13-й польской бригады начали стаскивать в воду лодки. Фашисты на противоположном берегу услышали скрежет лодок по камням и открыли пулеметный огонь. Польские пулеметчики ответили концентрированным огнем из шести пулеметов, и через несколько минут фашисты замолчали. 13-я бригада начала переправляться.

К рассвету она была на противоположном берегу, обошла Аско и вклинилась во вражескую территорию.

Второй форсировала реку наша 15-я бригада. К этому времени мы успели навести понтонный мост. Итальянский самолет-разведчик попытался нас обстреливать из пулеметов, но мы его быстро отогнали массированным огнем из винтовок и пулеметов, и за несколько часов вся бригада успела благополучно переправиться.

Мы застали фашистов врасплох. Вполне вероятно, что они слышали о том, что мы собираемся форсировать Эбро, но, очевидно, не поверили в вероятность такой солидной операции. За несколько дней испанские республиканские части и три интернациональные бригады успели вклиниться в глубь фашистской территории на 40—45 километров, захватили несколько городов и десятки деревень, тысячи пленных и вели бой за Гандесу. Однако овладеть городом нам не удалось. Франко успел подбросить свежие силы.

В течение августа и сентября мы вели ожесточенные оборонительные бои в горах Сьерра-Пандольс и Сьерра-Кабальс, отстаивая завоеванную территорию, успешно отражая попытки мятежников оттеснить нас к Эбро. Фашистское наступление по побережью Средиземного моря было приостановлено.

За эту операцию мы заплатили дорогой ценой — потеряли сотни замечательных товарищей, в том числе нашего капитана Эгона Шмидта, командира саперной роты. Бесстрашный воин, он будто играл со смертью, и она догнала его в горах Сьерра-Пандольс, в нескольких километрах южнее Гандесы. Шмидт спешил в штаб бригады со срочным донесением с передовой позиции. Перед ним были две дороги — одна безопасная, но более длинная, вторая гораздо короче, но обстреливалась вражеской артиллерией. Он, конечно, выбрал ее...

Мы похоронили нашего капитана с почестями. На могиле установили бетонную плиту, где написали его имя, год и место рождения и дату гибели. По решению командования бригады рядом с могилой капитана Шмидта установили памятник бойцам и командирам бригады, погибшим в горах Сьерра-Пандольс.

В сентябре 1938 года по решению правительства Народного фронта, все интербригадовцы были отозваны с фронта. В апреле 1939 года вернулся в Москву и я.

* * *

Полвека минуло с тех пор. Многих нет среди бывших интербригадовцев. Но дело, начатое в Испании, продолжается. Бюро Испанской группы Советского комитета ветеранов войны поддерживает контакты со многими зарубежными организациями ветеранов, старается использовать свой опыт в воспитании советской молодежи в духе патриотизма и интернационализма. В СССР приезжают бывшие республиканские бойцы и офицеры из Испании, ездим и мы в Испанию и другие страны, где рассказываем широкой общественности о мирном труде советского народа, о том, что войны мы не хотим. Наши американские товарищи принимают активное участие в антивоенном движении, против происков американского империализма в Латинской Америке, собирают средства для покупки медикаментов для сальвадорских патриотов. Канадцы нам сообщают, что они активно участвуют в движении протеста против испытания американских крылатых ракет в Канаде.

Иногда в Москву приезжают ветераны 15-й интербригады. Мы вспоминаем боевые дни, проведенные в Испании, рассказываем друг другу о том, как боролись против фашизма во время Великой Отечественной войны. Нас объединяет одно большое стремление — жить в мире, бороться против угрозы ядерной войны.

Братское содружество, выкованное на поле сражения в Испании между советскими добровольцами и интербригадовцами многих стран, продолжает жить и укрепляться.

Н. Г. КУЗНЕЦОВ,
Герой Советского Союза

ОБОРОНА МОРСКИХ ПЕРЕВОЗОК ИЗ СССР В ИСПАНИЮ[1]

Несомненно, самым ценным вкладом республиканского флота в борьбу с мятежниками было обеспечение морских перевозок в Испанию и из Испании. Поддержание коммуникаций Республики с внешним миром, важное при любых условиях, приобретало особое значение в 1936—1937 годах в силу некоторых специфических обстоятельств.

Когда вспыхнул мятеж и в Испании началась война, Англия и Франция добились заключения между всеми европейскими государствами соглашения о невмешательстве в испанские дела. СССР, присоединившись к этому соглашению, продолжал активно защищать интересы республиканской Испании, разоблачая в то же время истинный смысл политики западных держав в отношении Испанской республики. Очень скоро выяснилось, что Германия и Италия, подписав соглашение о невмешательстве, нагло нарушают его, посылая Франко оружие, военных советников и даже целые армии, в то время как Англия, Франция, США отказываются продавать законному правительству Испанской республики даже противогазы. СССР тогда открыто заявил, что он не считает возможным соблюдать соглашение в большей мере, чем некоторые другие его участники (имелись в виду Германия и Италия), и стал продавать вооружение и боеприпасы Испанской республике. С этого времени основным поставщиком оружия стал Советский Союз; без его помощи испанскому народу было бы трудно продолжать борьбу против фашизма. В 1936—1937 годах транспортировка вооружения шла преимущественно морем — из советских портов на Черном море в испанские порты на Средиземном море, в первую очередь в Картахену. Франкисты, а также фашистские Италия и Германия стремились всеми возможными способами (включая обстрел, бомбардировку и торпедирование судов) препятствовать свободным коммуникациям между СССР и Испанией. Республиканский флот должен был в любых условиях проводить суда с драгоценным грузом в Испанию. Надо прямо сказать, что, несмотря на все трудно-

[1] Из книги Н. Г. Кузнецова «На далеком меридиане» (М., 1966).

сти, республиканский флот справился с этой задачей. Более 20 крупных транспортов благополучно прошло из Советского Союза в Испанию до сентября 1937 года, и только активное вмешательство итальянских кораблей нарушило морскую коммуникацию с Востоком в конце 1937 года. Мне хочется здесь кое-что рассказать об этой славной странице в истории республиканского военно-морского флота.

Н. Г. Кузнецов

Еще в сентябре 1936 года советские суда «Нева» и «Кубань» прибыли из Одессы в Аликанте с продовольствием и одеждой для испанских женщин и детей, посланными советскими профсоюзами. С октября начали приходить суда с оружием и боеприпасами. Первым таким судном был «Комсомол», доставивший танки, автомашины и небольшое количество пушек. Подобно «Неве» и «Кубани», «Комсомол» шел без всякого обеспечения со стороны республиканских военных судов. Только лоцман на катере встречал его, чтобы указать место стоянки в порту. Капитаном транспорта был Г. А. Мезенцев. На судне была группа добровольцев-танкистов во главе с С. М. Кривошеиным. Вскоре после этого в Испанию прибыл большой транспорт «Курск», который доставил первую партию самолетов-истребителей, авиабомбы и бензин. Самолеты, так же как и танки, были необходимы для борьбы под Мадридом.

С приходом этих транспортов связаны интересные воспоминания. Когда «Комсомол» отдал якорь в гавани Картахены, я на катере отправился к капитану транспорта. Мы быстро договорились с ним, с танкистами дело оказалось сложнее. С. М. Кривошеин, как старший, потребовал от меня документы, дающие мне право распоряжаться грузом. Таких документов тогда не могло быть ни у меня, ни у кого другого. Только ему одному было ведомо, какой груз и в каком количестве он доставит. Мне же было лишь известно, что этот груз нужно как можно скорее отправить в Арчену, а затем в Мадрид. Представителя испанской армии в Картахене

в тот момент не оказалось, но времени терять было нельзя: в любой час можно было ожидать налета франкистской авиации. Секретность в условиях Картахены являлась делом безнадежным, и я попытался убедить танкистов сразу становиться под разгрузку. Пока Г. А. Мезенцев швартовался, в арсенал прибыл сухопутный или, вернее, танковый товарищ, которому Кривошеин поверил как коллеге по специальности, хотя он мандата тоже не имел.

Первая партия танков еще стояла в арсенале за высокой стеной, а весь город уже знал и оживленно обсуждал это событие. Когда же танки своим ходом направились через город в Мурсию и далее в Арчену, где им предстояло спешно приготовиться к боям за Мадрид, ликованию населения не было конца.

— Вива, Русиа, вива! — кричали из толпы и бросали вверх головные уборы.

Из Мадрида торопили, там был дорог каждый день, а франкистский генерал Кейпо де Льяно из Севильи, пронюхав о прибытии партии оружия республиканцам, уже угрожал по радио уничтожить Картахену и осыпал площадной бранью всех «красных».

Разгрузка шла медленно, но, главное, беспокоила та беспечность, с которой испанцы обращались с боеприпасами и бензином. Ящики со снарядами бросали на машину, как будто это были апельсины. Курение около бочек с бензином являлось вторым бичом, и дон Антонио — командир базы — несколько раз обращался к рабочим с увещеваниями, но это помогало мало. Почему же люди, готовые отдать жизнь за Республику, не понимали элементарных вещей? Мне кажется, это можно объяснить наивной беспечностью, столь свойственной испанцам-южанам, и отсутствием военного опыта (ведь Испания по-настоящему не воевала со времен Наполеона).

Пришлось просить танкистов и экипаж корабля установить собственную охрану на причале, хотя это делать было не совсем прилично в чужом порту. Но иного выхода не было; сами испанцы это понимали и не обижались.

Так или иначе, танки, готовые к бою и полностью укомплектованные, через несколько дней ушли по назначению. Именно эти танки в начале ноября приняли на себя удар рвущихся к столице мятежников и помогли отстоять Мадрид.

Некоторых товарищей-танкистов мне через несколько

месяцев довелось снова увидеть, когда они отправлялись на отдых или лечение домой. Среди них были уже Герои Советского Союза, и, провожая их в Валенсии или Картахене, мы с удовольствием вспоминали первые шаги на этой прежде незнакомой, а теперь такой близкой земле.

В конце октября в Картахену прибыл советский транспорт «Курск». На нем находились самолеты-истребители, бомбы, бензин и значительное количество муки в трюмах. Мука предназначалась для Барселоны, а военный груз следовало принять здесь. Скопление транспортов в Картахене затрудняло немедленную разгрузку «Курска», как этого требовал И. Прието. Дон Индалесио частенько звонил по телефону: «Дон Николас, как идет разгрузка важных грузов?» — интересовался он и убедительно просил ускорить ее, не особенно заботясь о секретности при разговорах по обычному проводу.

Надвигались ноябрьские бои за Мадрид, и каждый час был действительно дорог.

Несмотря на значительный риск, мы решили направить груз и транспорт в Аликанте. Этот порт был совсем не приспособлен для военных целей и плохо защищен с воздуха. Он не отвечал самым элементарным требованиям безопасности, но что было делать? Только быстрота разгрузки и внезапность такого рискованного мероприятия могли обеспечить успех.

Огромный транспорт ошвартовался у одного из причалов, и население с любопытством посматривало на него, но затем насторожилось, когда из трюмов стали подниматься огромные ящики с «курносыми» истребителями И-15, а за ними и бомбы. Может быть, было и не очень гуманно подвергать опасности женщин и детей, но война предъявляла свои права, а Мадрид требовал помощи.

Когда основная масса грузов, привезенных «Курском», уже была на колесах или на причалах, несколько самолетов мятежников появилось над портом. Отразить их нам было нечем. Положение создалось крайне напряженное. Выручил неожиданный случай: в порту Аликанте в тот момент стоял аргентинский крейсер «25 мая». Крейсер в порядке самозащиты открыл огонь по франкистским самолетам. Это подействовало, и мятежники поспешили удалиться. Тем не менее мы сразу после этого отправили «Курск» в Барселону и больше таких экспериментов в Аликанте не повторяли.

Примерно тогда же, во второй половине октября 1936 года, мне пришлось организовать операцию совсем особого рода и притом в противоположном направлении — из Испании в СССР. Дело в том, что республиканское правительство, производя большие закупки оружия и боеприпасов в нашей стране, решило перебросить в Москву часть своего золотого запаса. Я не был знаком со всеми предварительными переговорами между Мадридом и Москвой по этому вопросу, но помню только, что золото, подлежавшее отправке, было доставлено в Картахену и временно помещено в пороховых складах. Ввиду спешности и секретности столь необычной операции фактор времени имел большое значение. Концентрировать большие партии драгоценного металла на одном транспорте также было нежелательно. Поэтому я предложил, кроме находившихся в тот момент в Картахене «Невы» и «Кубани», использовать еще пару транспортов и отправлять их один за другим с суточным интервалом. Республиканский флот должен был находиться в море.

Для согласования всех вопросов в Картахену прибыл Х. Негрин, который был тогда министром финансов республиканской Испании. Я был с ним уже немного знаком, мы встречались в Мадриде; теперь он пригласил меня к себе и представил мне тех своих работников, которые должны были сопровождать золото в Советский Союз. Среди них оказался и мой старый знакомый Хосе Лопес, с которым мы вместе летели из Парижа, ночевали в Тулузе и виделись после этого раза два в Мадриде. «Салуд!» — приветствовал он меня, когда Негрин собирался его представить, и тут же, улыбаясь, рассказал Негрину о нашей встрече в самолете.

Доставка ящиков с золотом из пороховых складов на корабли меня касалась мало, но зато я должен был обеспечить охрану «золотых» транспортов в базе и в море. Нужно было выбрать место стоянки, время выхода и курсы движения транспортов до безопасных территориальных вод Африки. Небольшая на первый взгляд работа на деле оказалась трудной. В намеченные сроки мы не уложились, и выход флота в море пришлось задержать. Меня смущала также огласка, которую вся эта операция получила в городе, особенно среди анархистов. Секретный груз уже на следующий день был самой свежей сенсацией. Команды пароходов также посмеивались, говоря, что грузят фрукты, ибо маленькие ящики были необычайно тяжелы.

Когда я прибыл на крейсер «Либертад», чтобы договориться с командующим флотом М. Буиса об обеспечении этих транспортов выходом эскадры в полном составе в море, оказалось, что ему уже все известно, и он просил только уточнить сроки пребывания в море.

Замиравшая на день работа возобновлялась с наступлением темноты, и машины одна за другой курсировали между складами и причалами.

Погрузка на последний транспорт еще не была закончена, когда первый уже вышел в море. Эскадра находилась на линии Картахена — Алжир для обеспечения. Капитаны транспортов получили указание следовать вдоль берегов Африки, как можно ближе к территориальным водам, и в случае неприятности пользоваться ими. Опасность существовала как со стороны кораблей мятежников, так и со стороны итальянских военных кораблей. Особо опасными районами следования были Тунисский пролив и Дарданеллы.

Когда последний транспорт был у берегов Алжира, эскадра вернулась на базу. Опасность оставалась, но флот уже был бессилен. Успокоился я только тогда, когда последний транспорт вышел из Босфора в Черное море[1].

Возвращаясь к эпизоду погрузки золота, вспоминаю, как я побаивался анархистов. Они могли поднять шум в Картахене и испортить все дело. Уже позднее я слышал, что «пистолерос» готовились устроить засаду на пути машин от складов к причалам, но «гвардия роха» своевременно заметила это и усилила охрану. Анархисты причиняли немало неприятностей республиканскому правительству. Многие их поступки, их непоследовательность зачастую пугали население. Этим, кстати говоря, широко пользовались фашисты. В своей пропаганде они обыгрывали действия анархистов в Каталонии.

После больших перемен на всех кораблях на флоте установился относительный порядок. Комитеты декретом

[1] В последние годы франкисты пытались поднять шум вокруг «испанского золота», якобы незаконно присвоенного Советским правительством в 1936 году. Утверждалось, будто бы суммы, отправленные тогда Негрином в СССР, были лишь частично использованы республиканским правительством и будто бы у Советского правительства осталось много золота, которое оно не хочет вернуть Испании. Все эти рассказы являются клеветой. На самом деле все депонированное в Москве испанское золото было израсходовано республиканским правительством в годы войны.

правительства были заменены комиссарами, и эскадра стала управляться командующим флотом. В Картахене еще шли горячие споры, переходившие временами в открытые столкновения, между социалистами и анархистами, но влияние анархистов явно падало. Лозунги компартии становились достоянием широких масс и пользовались популярностью. Даже те, кто числился социалистами или анархистами, нередко поддерживали коммунистов.

Ноябрь 1936 года был тяжелым. Положение под Мадридом временами становилось критическим. Обстановка на море ухудшилась. Крейсер «Канариас», который превосходил по скорости и вооружению все корабли республиканцев, окончательно перебазировался на Гибралтар и выходил в Средиземное море. Республиканские транспорты, идущие из Черного моря, требовали солидного обеспечения. Картахена подвергалась более сильным воздушным атакам. Опыт разгрузки первых «игреков» (так в переписке обозначались транспорты, прибывавшие из СССР) выявил массу недостатков. Работали медленно, с боезапасом обращались небрежно, а анархистские профсоюзы то и дело срывали работу в порту, увлекая за собой часть рабочих. Прибывшие на первых транспортах истребители, танки, пушки, винтовки без достаточной охраны лежали на причалах, медленно вывозились. Не лучше было и на железной дороге. Сотни вагонов, готовых к отправке, стояли из-за нехватки паровозов. Все это становилось известно мятежникам. Вместо обязанностей военно-морского атташе пришлось взяться за работу главного морского советника. В Валенсии моряку делать нечего, и только на случай приезда я сохранил номер в гостинице «Метрополь». Основная задача на ближайшие месяцы заключалась в обеспечении морских коммуникаций, прежде всего с Советским Союзом. Трудность работы заключалась в том, что я не мог никому приказывать и в то же время должен был влиять на командующего флотом, добиваясь точного выполнения своих советов. Так, в строго назначенный день и час корабли флота должны были выйти в море, встретить где-нибудь у берегов Алжира транспорт с оружием и по строго разработанному плану доставить его в порт. Для этого, получив из Москвы извещение о вышедших из Черного моря транспортах, я, произведя необходимые расчеты, назначал место их встречи с республиканскими кораблями. Как правило, это место было у мыса Тенес

(на африканском побережье в 120—150 милях от Картахены). Впоследствии место приходилось менять.

Поехал в Валенсию к И. Прието. Министр незамедлительно принял меня. Он имел привычку разговаривать на диване, подобрав под себя ноги. Его не смущали даже частые телефонные звонки; он каждый раз поднимался, шел к письменному столу и потом снова возвращался на свое место. Так было и теперь. Я рассказал о предполагаемых операциях флота и просил его дать нужные указания командующему флотом М. Буиса и командиру базы А. Руису. Прието, казалось, дремал, но я уже знал его манеру слушать.

«Я дам все нужные указания»,— встрепенувшись, отвечал он и тут же вызвал своего секретаря. Тот, по обыкновению, явился с развернутым блокнотом, готовый стенографировать все приказы своего министра. Дон Индалесио продиктовал нужные указания.

«Я вас прошу лично мне докладывать о всех недоразумениях, которых, однако, я не ожидаю»,— закончил он, и глаза его сверкнули из-под нависших бровей. Это был теперь тот Прието, про которого испанцы многозначительно говорили «дон Инда» и поднимали указательный палец. Внешне неповоротливый, с ленивыми движениями, он был старым и опытным политиком.

Мое личное участие в походе эскадры на Север в данном случае очень пригодилось. М. Буиса, с которым я ближе познакомился во время перебазирования флота на Север, охотно советовался со мной по всем вопросам, а я старался не ущемлять его самолюбия и, где только можно, соглашался с его рекомендациями. Ему одному я доверял сведения о времени подхода очередного транспорта, чтобы успеть подготовиться к походу флота, а он умел не разглашать секретов.

В 1936 году в базе и на флотилии эсминцев ощущалась особая нужда в советниках. Именно в эти дни и приехали ко мне два наших волонтера: С. Рамишвили и В. Дрозд. Они появились поздно вечером 10 или 11 ноября 1936 года. Будущих советников я знал по работе на родине и, учитывая черты их характера, попросил С. Рамишвили взять на себя обязанности советника у командира базы, а В. Дрозда — поработать вместе с командиром флотилии эсминцев. Как показали дальнейшие события, выбор оказался удачным. Рамишвили, знавший французский язык, быстро научился говорить по-испански, прекрасно ладил с людьми и через два

месяца знал базу со всем ее огромным хозяйством не хуже дона Антонио. С раннего утра он со своим шофером и другом Хосе уже колесил по причалам порта, беседовал то с одним, то с другим должностным лицом, и все это у него получалось складно, а испанцы, видя его энергию, никогда не отказывались слушать его советы. Командир базы Руис первое время не поспевал за ним, а потом успокоился, передоверив многие вопросы дону Хуану Гарсиа (Рамишвили).

К весне 1937 года обстановка на море изменилась. С появлением двух новых крейсеров мятежников в районе Картахены, с базированием их на остров Мальорка война на море вступила в новую фазу. Нетрудно было догадаться, что основное внимание противника теперь сосредоточится на морских коммуникациях, и прежде всего связывающих Испанию с портами Черного моря, откуда поступало оружие. Становилось очевидным, что ограничиваться выделением нескольких кораблей для встречи «игреков» уже нельзя. Было опасно впредь назначать точку встречи где-нибудь около мыса Тенес, у берегов Алжира, и оставлять неприкрытым путь транспорта от Бизерты до Тенеса. А между тем транспорт, к тому же самый крупный, «Санто Томе» уже был готов к выходу, и от меня требовалось срочно ответить в Москву, в каком пункте и какие корабли его будут встречать. Груз на этом лайнере был слишком ценным, чтобы рисковать им. До сих пор мы не потеряли ни одного корабля с военным снаряжением, и тем более это было бы недопустимо теперь, когда формирование новых частей Народной армии (после Гвадалахары) целиком зависело от поступающего груза. Уже около года шла гражданская война. От отдельных случайных стычек кораблей обе стороны переходили к более систематическим боевым операциям. Теперь уже нельзя было пренебрегать наличием крейсеров мятежников, как это делалось в сентябре — октябре 1936 года во время северного похода.

Преимущества первых месяцев войны, когда на стороне республиканцев оказался весь личный состав, кроме офицеров, в это время сказывались меньше. Хотя моральный фактор по-прежнему играл огромную роль, успех боя зависел от мощи кораблей и умения использовать свои силы. На повестке дня стоял вопрос об усилении республиканской эскадры подлодками, торпедными катерами и авиацией. Опыт предыдущих месяцев пока-

зывал, что М. Буиса смело поведет в бой крейсер, на котором он держит свой флаг командующего, но едва ли сумеет управлять сложным морским боем. Да и зависело это не только от него. При невысокой грамотности и выучке достаточно командиру одного корабля поступить неправильно, сделать ошибочный маневр, как это приведет в замешательство все другие корабли. Напрашивалась мысль о взаимодействии надводного флота с подводным и с авиацией.

Я отправился на «Либертад», чтобы переговорить с командующим, узнать, как он оценивает новую обстановку в Средиземном море и как, по его мнению, лучше организовать встречу следующего «игрека».

Сидя у него в каюте, я рассказал ему о скором приходе транспорта и важности груза.

«Мы выйдем всем флотом и встретим его около мыса Тенес»,— сказал командующий. Но этого-то я и опасался. Я считал, что надо отказаться от старой схемы встречи транспортов недалеко от мыса Тенес, тем более что длинный путь от Тунисского пролива до Алжира транспорту предстояло идти без всякого прикрытия. Да и состав встречающих кораблей хотелось увеличить. Не случайно я получил специальное предостережение из Москвы о важности груза и надежном обеспечении. Я высказался за более восточную точку встречи. После короткого совещания решили: выйти с флотом раньше, произвести отвлекающий маневр до темноты и ночью пройти на восток для встречи транспорта. Я записал широту и долготу условленного места рандеву с «игреком», чтобы сообщить об этом в Москву.

Оставшихся пяти-шести дней до выхода флота было вполне достаточно для текущего ремонта, приемки топлива и отдыха личного состава. Мы еще долго сидели и обсуждали различные флотские проблемы. Меня больше всего занимало, как относится командующий к вопросу об использовании в море, и прежде всего для обеспечения морских сообщений, имеющихся подлодок, самолетов и ожидавшихся торпедных катеров. Кстати, когда Буиса узнал, что с очередным транспортом прибудут торпедные катера, он пришел в восторг. Прекрасно понимая роль авиации, он просил меня увеличить количество самолетов, приданных флоту. На использование подводных лодок совместно с надводными кораблями дон Мигель смотрел скептически. Да их к этому времени и не было в Картахене.

Я очень осторожно, чтобы не задеть самолюбие комфлота, спросил, как, по его мнению, лучше всего действовать, если республиканская эскадра встретит оба крейсера мятежников. Буиса заявил, что он не боится такой встречи и атакует корабли противника с разных направлений крейсерами и эсминцами. Забегая вперед, следует отметить, что он так и действовал, когда такая встреча произошла в сентябре 1937 года, но, увлекшись боем с «Канарнасом» и «Балеаресом», не выполнил главной задачи: провести транспорты.

Вышли на верхнюю палубу. В воздухе чувствовалась весна. Горы, не успев выгореть, зеленели, и город выглядел не таким мрачным и пыльным, как летом. Корабли стояли около мола и в арсенале. Личный состав готовился к выходу в море. Начинался новый, более сложный этап борьбы на море. Увеличилась роль наших волонтеров-моряков. Они достаточно освоились с работой на кораблях, и без них я уже ничего делать не мог. По сложившемуся правилу я пригласил к себе на совещание наших советников с крейсера, эсминцев и Рамишвили. От их умения и опыта многое зависело, особенно теперь, когда к выходу в море готовился весь флот.

Находясь на мостиках кораблей, наши советники невольно становились и участниками боев, их рекомендации в обстановке, требующей принятия быстрых мер, были нередко одновременно и советом и распоряжением. Я видел, как во время операции по обстрелу побережья и Малаги на мостике находились командир флотилии и наш советник В. П. Дрозд. Они спокойно обсуждали положение, когда противник был далеко, а стоило появиться на горизонте «Канариасу», когда каждая секунда приобретала значение, В. П. Дрозд только показывал рукой, куда бы он пошел, а Висенте, в случае согласия, немедленно отдавал нужные приказания. На подводных лодках советник становился командиром, и там ему приходилось просто отдавать приказы. Его положение, нужно сказать, было очень трудным. Требовалась выдержка. От этого часто зависела судьба лодки

Основной заслугой республиканского флота было успешное обеспечение коммуникаций (и прежде всего с Советским Союзом) в 1936—1937 годах, без чего невозможно было бы формирование новой республиканской армии и ведение войны на всех фронтах.

Организованная встреча и проводка транспортов с востока закончилась операцией 7 сентября 1937 года.

Транспорты «Альдекса» и «Антонио» были республиканской эскадрой у Алжира взяты под охрану. Встретив около 10 часов крейсеры мятежников, республиканская эскадра вступила в бой, но не добилась решающих результатов, вследствие чего транспортам пришлось зайти в Алжир.

В октябре 1937 года транспорт «Санто Томе», шедший в Картахену с военными грузами, был атакован в Средиземном море, за пределами радиуса действия республиканского флота, двумя итальянскими эскадренными миноносцами. Команда транспорта героически сражалась с превосходящими силами противника, но его слабая артиллерия, конечно, не могла одержать победу. Команда транспорта, не желая отдать свой транспорт противнику, взорвала его, а сама спаслась на шлюпках в территориальных водах африканского государства. На этом и прервались очень важные морские перевозки из советских портов Черного моря в Испанию, так как в дальнейшем транспорты перехватывались итальянскими кораблями.

Для доставки грузов в Испанию пришлось избрать другой путь: из Балтики во французские порты Гавр, Шербур, а оттуда по железным дорогам Франции. Однако эти грузы французскими властями то пропускались, то задерживались, что впоследствии сыграло роковую роль в деле военного снабжения Испанской республики.

В национально-революционной войне в Испании флот играл немалую роль, которая определялась полуостровным положением страны, ее зависимостью от морских коммуникаций и большой протяженностью прибрежной полосы.

Когда война приняла затяжной характер и республиканскому правительству пришлось почти заново формировать армию, потребовались большие перевозки морем военного имущества и вооружения. Задачу обороны морских коммуникаций длительное время выполнял флот, и, не преувеличивая, можно сказать, что без надежного обеспечения морских коммуникаций Испании ее народ не смог бы так долго и упорно сопротивляться превосходящим силам мятежников и интервентов.

С. С. РАМИШВИЛИ

МОРСКИЕ ВОРОТА РЕСПУБЛИКИ

Наконец после пяти дней томительного ожидания в Париже все необходимые формальности выполнены, все добрые советы и указания от наших парижских друзей получены, и мы, два советских моряка — я и Валентин Петрович Дрозд, готовы к отъезду в Испанию. Наша цель — участие в справедливой войне испанского народа за свою свободу и независимость, против фашизма.

От парижских друзей мы узнали, что положение под Мадридом тяжелое: отборные части мятежников рвутся к городу. Без решительной и немедленной, именно немедленной помощи извне — в виде самолетов и танков — и, самое главное, без подлинного объединения всех демократических сил внутри самой Испании, без твердого единоначалия и железной военной дисциплины в рядах республиканской армии Испания может стать жертвой кровавого фашизма. Под самым носом лондонского «комитета по невмешательству» Гитлер и Муссолини обильно снабжали испанских мятежников артиллерией, танками и самолетами, а правительство Франции расторгло торговое соглашение с Испанией о закупке во Франции оружия.

Но есть и хорошие, замечательно хорошие новости. Правительство СССР 23 октября 1936 года решительно заявило, что «оно не может считать себя связанным соглашением о невмешательстве в большей мере, чем любой из остальных участников этого соглашения». Это значит, что великая страна социализма готова оказать истекающей кровью Испании не только моральную, но и материальную помощь.

Мы въезжаем в Пертюс — маленький городок, расположенный на самой линии границы: северная часть во Франции, а южная, через мост,— в Испании.

Совершив необходимые формальности в местной таможне, трогаемся в дальнейший путь. Подъезжаем к шлагбауму. Французский пограничный офицер с напускной деловитостью осматривает наши документы, небрежно заглядывает в машину, затем дает сигнал вооруженному пограничнику открыть шлагбаум и, отойдя от машины, торжественно-холодно козыряет: можно ехать.

Машина резко трогается с места и, набирая скорость, стрелой проносится мимо испанского часового, который,

потрясая поднятой над головой винтовкой, громко кричит:

— Вива Эспанья!

После двух суток езды прибыли в Картахену. Здесь мы должны были поступить в распоряжение капитана I ранга Н. Г. Кузнецова.

С. С. Рамишвили

Николай Герасимович встретил нас, как встречают тех, кого ждут давно и с нетерпением.

— Вы приехали очень кстати,— сказал он.— У наших друзей-испанцев энтузиазма хоть отбавляй, а знаний и опыта явно не хватает. Особенно тяжелое положение здесь, на базе. Наши товарищи сделали немало на боевых кораблях флота, а вот Картахена, единственная база на Средиземном море, пока сильно отстает от флота именно потому, что мы не смогли выделить советников на этот ответственный участок. Признаться, я рассчитываю на кого-либо из вас.

На следующий день мы получили назначения: Дрозд — советником к командиру флотилии миноносцев Висенте Рамиресу, а мне поручалось, как выразился Николай Герасимович, «заняться здешними делами», то есть Картахенской базой.

Через несколько дней под именем Хуана Гарсиа меня зачислили на службу в испанский республиканский флот на должность советника командира Картахенской военно-морской базы.

Древнюю Картахену уже много веков называют морскими воротами Испании. В начале III века до нашей эры под названием Нового Карфагена она служила основным центром владений Карфагена на Пиренейском полуострове и опорным пунктом его борьбы с Римом. Затем городом овладели римляне. А потом в каких только руках не побывал этот город-порт...

В 1936 году Картахена волею революционных моряков испанского флота стала одним из решающих форпостов революционной борьбы.

Штаб Картахенской военно-морской базы, существовавший до мятежа, полностью распался, а новый так и не был создан. Задача заключалась в том, чтобы пре-

вратить Картахену в современную военно-морскую базу, способную полноценно решать многообразные задачи боевого обеспечения деятельности республиканского флота на Средиземном море.

К тому времени, когда мне была поручена должность советника, Картахенская база представляла собой довольно немощную организацию. Противовоздушной обороны, по сути, не было; зенитных батарей мало, да и орудия установлены неправильно, команды батарей обучены плохо, зенитных прожекторов не было вовсе; местная гражданская противовоздушная оборона отсутствовала; истребительной авиации не было и в помине. Охрана водного района находилась в зачаточном состоянии.

Мятежники знали все это и широко использовали все слабые стороны обороны порта, подвергая Картахену почти безнаказанным воздушным бомбардировкам, особенно в ночное время.

Однажды поздно вечером Николай Герасимович сказал мне:

— На днях из Севастополя выйдет очередной «игрек». Тебе нужно подготовиться к его встрече и разгрузке: мятежники в такие дни бомбят порт особенно интенсивно.

— Завтра же начну подготовку.

— Только учти, посвящать в это дело пока никого не надо. При наличии хорошей связи встреча транспорта — дело несложное. Но меня беспокоит охрана водного района на подходах к Картахене. Правда, один замечательный испанский подводник, Вердия, с которым я тебе очень советую познакомиться, уверяет, что в руки мятежников не попало ни одной подводной лодки. Но ведь лодки могли попасть к ним и иным путем... Кроме того, не исключено, что противник сумел или сумеет установить минные банки около самого берега. Возможна и атака торпедных катеров. К сожалению, надо признать, что охраны водного района пока не существует. Тебе нужно заняться этим делом в первую очередь. Прадо, командир крейсера «Мендес Нуньес», рекомендовал мне одного испанца, который тебе очень пригодится в этом деле. Он из младших офицеров и до восстания был командиром военного буксира в Ферроле. Поговори с ним.

Речь шла об «альмиранте Лаго» (адмирал Лаго) — так все в шутку звали Рамона Родригеса Лаго, 35-лет-

него «гальего», уроженца Галисии, области на северо-западе Испании.

Через день состоялась моя встреча с Рамоном. Ниже среднего роста, крепко сложенный, угловатый, с загорелым скуластым лицом, казавшийся простоватым, нелюдимым, Лаго при более близком знакомстве поражал острым практическим умом и отличным знанием своей морской профессии. Рамон произвел на меня впечатление добросовестного, знающего свое дело человека.

— Как вы смотрите на предложение занять пост командира охраны водного бассейна? — спросил я его.

Рамон смущенно покраснел, потом развел руками, что должно было означать: чему быть, того не миновать.

— Я сделаю все, что от меня зависит, камарада! — с волнением сказал он.

Мы сразу же поехали по причалам и вместе с главным инженером арсенала отобрали из числа «инкаутированных» (отчужденных) у частных владельцев судов три небольших рыболовецких траулера. Главный инженер обещал срочно оборудовать отобранные суда для дозорной службы. Было решено поставить на них по одному малокалиберному орудию или по два пулемета, небольшую радиостанцию и устройство для сбрасывания глубинных бомб. К сожалению, арсенал не располагал никакими гидролокационными средствами для обнаружения подводных лодок, плавающих на глубинах ниже перископных. Одновременно командир базы обратился в морское министерство с просьбой передать нам еще около десятка мобилизованных судов, находившихся в различных портах республиканской Испании.

— Как вы думаете, когда мы получим первые дозорные суда, готовые для несения службы? — спросил я Рамона после возвращения из арсенала.

Вместо ответа он в свою очередь задал вопрос:

— Простите, камарада, вы хотите установить дозор к приходу транспорта с оружием?

— Какого транспорта? — удивился я. — О чем вы говорите?

— В Картахене все знают, что транспорт с оружием на подходе и флот готовится к его встрече. Это замечательно, оружие сейчас так нужно на фронте!

Я был поражен. На кораблях было прекращено увольнение в целях сохранения тайны. И вот теперь, за сутки до выхода флота, о приходе транспорта уже «все знают»...

Пытаюсь узнать у Рамона, где и от кого он слышал эту новость. Честный и прямой, Рамон после некоторого размышления вспоминает, что о приходе транспорта он услышал в кафе из разговоров каких-то гражданских лиц.

— Скажите, дон Рамон, неужели это — предательство?

— Нет, уверяю вас, нет. Это только беспечность.

«Если бы только это»,— подумал я.

В назначенный день испанский флот в составе двух крейсеров — «Либертад» и «Сервантес» — и восьми миноносцев вышел из Картахены для встречи «игрека». Чтобы скрыть от разведки франкистов истинную цель операции, корабли сразу по выходе из базы взяли курс на юго-запад, с тем чтобы с наступлением темноты повернуть к берегам Алжира для встречи с «игреком» в районе мыса Тенес.

Накануне прихода «игрека» мы с Рамоном решили ночевать в здании интендантства — поближе к гавани.

С рассветом мы на ногах. Выходим на узенький каменный балкон. Обычно в эти часы город еще спит, но теперь я вижу у балюстрады, идущей вдоль нашей улицы, на балконах и на самой набережной десятки, нет, сотни людей в праздничных нарядах.

— В чем дело? — спрашиваю я у начальника интендантства полковника Матео.— Откуда они знают о приходе транспорта?

— О, добрые вести имеют крылья, сеньор!

«Вот так дела»,— думаю я, но в этот момент на горизонте показываются дымки, и я забываю обо всем. Ведь это первый транспорт с родины, который мне предстоит встретить здесь, на земле борющейся с фашизмом Испанской республики. Постепенно вырисовываются характерные мачты испанских крейсеров, а вот и наш «игрек». Посредине группы эскортирующих его эсминцев он медленно приближается к гавани. И тогда огромные толпы народа, заполнившие бульвар и все набережные, взрываются восторженными криками:

— Вива Русиа!

— Вива Эспанья!

— Абахо эль фасизмо! [1]

Испанский транспорт «Мар Кантабрико» — наш «игрек» — прибыл из Советского Союза с грузом танков, истребителей и винтовок.

[1] Долой фашизм!

За день нам не удалось его разгрузить. Сумерки сгущались быстро, работы по разгрузке пришлось приостановить.

«Надо отвести корабль на ночь в другое место, чтобы сбить авиацию со следа»,— подумал я, и в этот момент раздался оглушительный взрыв. В наступившей кромешной тьме среди затихающего грохота разорвавшейся где-то совсем близко бомбы послышались тревожные крики и гулкие шаги бегущих по улице людей.

Так началась первая в моей жизни бомбежка. Продолжалась она часа три. Не дожидаясь конца ее, я побежал в порт. К моей бесконечной радости, я увидел транспорт; он стоял целый и невредимый. А на причале неподалеку — группа наших. И среди них мой товарищ по путешествию в Испанию — В. П. Дрозд.

— Чудеса! — говорит он.— Это не бомбежка, а ночное учение. У этих разбойников все как по нотам расписано: освещение — как днем. Вон, смотри, на горизонте прямо против порта стоит какое-то ярко освещенное судно — его приспособили в качестве ориентира. И все-таки итальянцы бьют наугад.

— Ты считаешь, что нас бомбили итальянцы?

— Несомненно. Они тут же, на Пальме,— рукой подать.

Флоту авиация противника ущерба не причинила, но город пострадал сильно. Полностью были разрушены целые кварталы, было много жертв.

Еще одно событие связано с крейсером «Сервантес».

Утро 22 ноября 1936 года было ясное, в заливе полный штиль. «Сервантес» стоял на якоре на внешнем рейде Картахены. Взрыв, образовавший огромную пробоину у ходового мостика крейсера, оказался для командования республиканского флота полной неожиданностью. Тщательные исследования показали, что крейсер, атакованный подводной лодкой, был поврежден торпедой, не состоявшей на вооружении испанских подводных лодок. Не оставалось никакого сомнения, что эта атака представляла собой прямой акт агрессии против республиканской Испании со стороны иностранной державы.

Выход из строя «Сервантеса» — одного из двух современных крейсеров республиканского флота — осложнял обеспечение жизненно важных морских коммуникаций на Средиземном море. Поэтому его восстановление стало самой неотложной задачей.

Поврежденный крейсер прибуксировали на базу и поставили у стенки ботопорта сухого дока.

Я пришел в кабинет начальника арсенала дона Патрисио Касадо, где уже сидели его заместитель Франсиско Терейро, главный инженер, начальник корпусного цеха и молодой человек, оказавшийся председателем местного комитета профсоюза рабочих арсенала. Все они уже побывали на «Сервантесе» и собрались, чтобы обсудить его дальнейшую судьбу.

Все молчали. Первым заговорил дон Патрисио.

— Надо еще знать, можно ли вообще начинать ремонт.

Казалось невероятным, но то был факт: мятеж и война в Испании не внесли существенных изменений в организационную структуру и финансово-экономическую деятельность англо-испанской судостроительной компании. Ее филиал в Ферроле — на захваченной мятежниками территории — достраивал для фашистов крейсеры «Канариас» и «Балеарес», а филиал в Картахене заканчивал два республиканских миноносца — «Хорхе Хуан» и «Юлоа». Оба филиала получали финансово-производственные планы и материалы из Лондона, где находилось главное управление компании. Барыши текли в сейфы английских банков, владевших большинством акций, испанских финансистов, бежавших после восстания в лагерь мятежников. Поистине его величество капитал не знал национальных границ, не считался с интересами Испании и руководствовался лишь соображениями наживы.

Я спросил дона Патрисио:

— Скажите, пожалуйста, а если Лондон не разрешит ремонтировать «Сервантес», разве мы не можем решить этот вопрос самостоятельно?

— Отказ маловероятен, сеньор, это ведь в интересах самой компании. Что касается самостоятельных действий, то мы абсолютно бессильны, так как у нас нет необходимых материалов. А неуместная самостоятельность может вызвать законные претензии со стороны правления компании.

— Претензии, претензии! — не выдержал Терейро.— Испания ведет войну! Не на жизнь, а на смерть! Мы не можем считаться с претензиями англичан!

— Ты же знаешь, что у нас нет никаких материалов,— попытался остановить его дон Патрисио.

— О каких материалах идет речь? — спросил я.

— Стальные листы, трубы, спецкабель, электромоторы,— загибая один за другим пальцы левой руки, стал перечислять дон Патрисио.

— Разве в Испании нет этих материалов? Может быть, запросить Валенсию или Барселону?

— Видите ли, заводы в Сагунто не вырабатывают той марки стали, которая нужна для «Сервантеса», спецкабель до войны поставляла итальянская компания. Правда, в Каталонии производятся почти все нужные материалы, но достать их там не так-то просто...

— Сеньоры, сеньоры,— вмешался в разговор главный инженер,— вы забываете о самом главном: ведь наш сухой док не может вместить «Сервантеса», а без постановки в док немыслимо произвести корпусные работы на крейсере.

— Знаю, знаю,— ответил Терейро,— я уже прикинул кое-какие цифры: док следует удлинить на шесть метров с небольшим, технически это не представляет проблемы.

— Пойдемте посмотрим на месте,— неожиданно предложил дон Патрисио.

Внутри дока толпились рабочие и матросы. Они с тревожным любопытством рассматривали стоявший у ботопорта крейсер. Мы подошли к нему.

— Как дела, Сакристан? — спросил Терейро долговязого испанца с повязкой на левой руке «Гвардиа роха» (Красная гвардия).

— Все в порядке! — ответил тот.— Ребята согласны хоть сейчас приступить к работе.

Подошли к северной стене дока. Над ней возвышалась голая скала высотой около 10 метров. Задача расширения дока у подножия скалы казалась фантастической...

Вокруг нас собралась большая группа рабочих и матросов.

Дон Патрисио повернулся к собравшимся. Все мгновенно затихли.

— Я хотел спросить вас, согласны ли вы взяться за расширение дока для «Сервантеса», если правительство решит его ремонтировать?

В ответ послышались одобрительные возгласы.

По ходатайству командования флотом испанское правительство дало указание о восстановлении крейсера «Сервантес» в арсенале Картахены.

Начали с расширения дока в длину и ширину. Из скалы вынули огромное количество грунта, построили

стапеля для постановки крейсера, который стоял на воде с наведенными пластырями.

После долгих хлопот удалось изготовить сталь нужных марок на заводе в Сагунто, возле Валенсии. В результате длительной переписки пришли к соглашению об оплате труб и электромоторов. Спецкабель удалось достать во Франции.

Так было положено начало этой необычной стройке, которая длилась около восьми месяцев и стала символом подлинного трудового героизма славного коллектива рабочих и служащих Картахенского арсенала.

М. М. ЛЕВИНА

ЗАЩИТНИКИ МАЛАГИ

Когда в октябре 1936 года начались ожесточенные бои за Мадрид, я обратилась к главному военному советнику Я. К. Берзину с просьбой перевести меня с аэродрома, где я работала переводчицей, ближе к передовым позициям. Мою просьбу вскоре удовлетворили, направив в Валенсию, где товарищ Берзин познакомил меня с полковником В. И. Киселевым, который был назначен советником на Малагский фронт. Это был опытный военный специалист, участник первой мировой и гражданской войн, а впоследствии и Великой Отечественной.

Малага — один из древнейших городов Испании, основанный финикийцами, которые назвали его «Царицей» за живописные окрестности. Город действительно очень красив, особенно набережная с ее стройными рядами финиковых пальм и зарослями роз, которыми увиты почти все дома.

К тому времени, когда мы приехали в Малагу, обстановка в самом городе и на фронте была довольно сложной. Частей регулярной армии Республики здесь не было, и оборону занимали отдельные отряды, созданные политическими партиями, входившими в Народный фронт. Их действия должен был координировать штаб фронта, но фактически отряды подчинялись своему партийному руководству. Следить за ними было очень трудно, тем более что многие отряды состояли из анархистов и не признавали ни командования, ни дисциплины. Большую роль в сплочении республиканских войск на Малагском

фронте сыграл комиссар фронта коммунист Каэтано Боливар.

М. М. Левина

Несмотря на то что прошло уже 50 лет, я вижу его как живого... Высокий, широкоплечий, добродушный. Его любили. И как было не любить этого врача бедняков, предоставившего все свои знания, силы и средства для лечения самых неимущих слоев населения. На путь революционной борьбы Боливар вступил в 20-е годы, будучи еще студентом. Не раз власти бросали его в тюрьму. Из последнего заключения его освободил народ: в 1933 году Боливара заочно избрали от всех демократических партий провинции Малаги депутатом кортесов.

Боливар активно участвовал в подавлении фашистского мятежа в Малаге, а затем в организации обороны города. Бойцы часто видели его на передовых позициях. Он знал, что отстоять город может только хорошо вооруженная и сплоченная армия, и прилагал все силы, чтобы добиться ее создания. Боливар ездил в Валенсию, обращался во все правительственные инстанции, добивался оружия и военного снаряжения для бойцов, но его старания чаще всего оказывались тщетными.

Самолеты противника бомбили город и позиции войск совершенно безнаказанно. От налетов немецких «юнкерсов» и итальянских «капрони» в Малаге погибло много мирных жителей. Лишь когда над городом нависла серьезная угроза, в распоряжение Малагского фронта прибыло несколько самолетов республиканской истребительной авиации.

С этой группой летчиков приехал и советский доброволец Антон Ковалевский. Высокий, веселый, он отличался незаурядной храбростью и имел уже большой боевой опыт, который приобрел в боях под Мадридом.

В первые же дни пребывания на нашем фронте Ковалевский во время разведки увидел в горном ущелье отряд марокканской конницы, атаковал ее и своим пулеметным огнем нанес ощутимый урон франкистам.

Активную деятельность развил в Малаге В. И. Киселев. Используя весь свой опыт и знания, он всячески старался помочь формированию регулярной армии. Киселев принимал участие в военной подготовке офицеров и бойцов, умело привлекая к этой работе специалистов старой испанской армии. Особое внимание Василий Иванович уделял подготовке молодых командиров из рядов Народной милиции.

В. И. Киселев помогал мобилизовать все силы для обороны Малаги, активно участвовал в разработке и проведении военных операций местного значения. Помню, как готовилось наступление в районе важного стратегического пункта, чтобы закрыть подступы к городу. Прежде всего надо было захватить высоту, где укрепились фалангисты. Местные крестьяне по горным тропинкам провели взвод республиканцев в тыл мятежников. Взвод атаковал высоту с юга и разгромил фашистов.

Испанские товарищи высоко ценили помощь В. И. Киселева.

В середине января 1937 года фашисты начали генеральное наступление по всему Малагскому фронту силами итальянского экспедиционного корпуса. У республиканских войск по-прежнему ощущался большой недостаток в боеприпасах и оружии. В некоторых подразделениях была одна винтовка на двоих, а в самой Малаге скопилось 5 тысяч совершенно безоружных бойцов. Артиллерии и танков на этом фронте не было.

Республиканцам пришлось несколько отступить, но фронт все же держался. Фашистов приостановили. Было совершенно очевидно, что эта передышка временная, и республиканцы спешно укреплялись на занятых позициях. Многие жители города, особенно рабочие, хотели присоединиться к войскам, просили оружия, но его не хватало даже для бойцов.

В те трудные дни приходилось работать днем и ночью. Василий Иванович постоянно находился на передовых позициях.

Помню, однажды во время подготовки одной операции нам пришлось безвыездно пробыть в горах две недели. Я все время сопровождала Василия Ивановича пешком по горам, и вскоре у меня совершенно развалились ботинки, порвались чулки, и я страшно мерзла, потому что уже был январь. Каково же было мое удивление, когда утром испанский боец передал мне большой

пакет, в котором оказались шерстяные чулки, варежки и туфли. Кто все это достал, я так и не узнала.

Наступило 1 февраля 1937 года. Стояло ясное солнечное утро. Василий Иванович Киселев направился на позиции. Едва мы отъехали от города, как пришлось остановить машину и выйти: в небе показался бомбардировщик «капрони». Фашист начал снижаться, чтобы обстрелять шоссе. В ту же минуту появился наш истребитель. Дежурным на аэродроме оставался один Ковалевский, у которого самолет был не совсем исправен, но мы сразу догадались, что это он. Не прошло и нескольких секунд, как Антон приблизился к итальянцу и дал по нему очередь из пулемета. «Капрони» сразу загорелся. Мы ожидали, что он рухнет на землю, но бомбардировщик, оставляя дымный след, все-таки потянул к своим, а наш самолет начал падать. Холодея от ужаса, я проводила его глазами до самой земли, не в силах поверить, что Антон погибнет...

Ковалевского хоронила вся Малага. Толпы народа заполнили улицы, по которым шла похоронная процессия.

Вскоре войска Муссолини возобновили наступление крупными силами с танками, артиллерией и авиацией. С моря их поддерживали военные корабли.

В первых числах февраля Каэтано Боливар добился перевода на Малагский фронт двух коммунистических батальонов из Мотриля. В то время я не раз встречалась с Боливаром, и мне показалось, что он постарел в те трагические дни на несколько лет. Затем мы с ним расстались и уже больше не виделись. Много лет спустя я узнала, что он сражался с франкистами до конца. После поражения Республики он был ими схвачен и расстрелян.

Защитники Малаги сражались героически. Но силы были слишком неравны. Республиканцам нечего было противопоставить огромной массе войск и техники объединенной армии мятежников и интервентов.

8 февраля Малага пала.

Началось отступление. Почти весь путь мы прошли вместе с войсками. Сопротивление республиканцев было сломлено по всему фронту. Штаб потерял связь с подразделениями, ведущими арьергардные бои.

По единственному шоссе, соединявшему Малагский фронт с республиканской территорией, которое идет вдоль побережья, устремились жители Малаги и ее провинции.

Войска и гражданское население уходили вместе. Машины, облепленные людьми, двигались очень медленно. Ослики везли детей и домашний скарб. Но большинство шло пешком. Тысячи людей спасались от ненавистных фашистов, но итало-германские самолеты и военные корабли мятежников преследовали их. Самолеты безнаказанно снижались и на бреющем полете расстреливали людей. Не прекращался обстрел корабельной артиллерией. Сколько было убито ни в чем не повинных женщин, детей, стариков!

После падения Малаги штаб Южного фронта обосновался в Альмерии. Здесь В. И. Киселев помогал испанским товарищам переформировывать отступившие войска.

В этом крупном портовом городе с богатыми революционными традициями скопилось несколько тысяч беженцев. Большая часть из них оставалась под открытым небом: городские власти не были готовы принять такую массу оставшихся без крова людей. Несмотря на это, в городе был полный порядок. Партийные комитеты руководили эвакуацией беженцев. Надо было торопиться, чтобы избежать жертв. Город почти ежедневно подвергался бомбардировкам с воздуха и обстрелу с моря. Особенно жестоким был обстрел германскими военными кораблями 31 мая 1937 года, хотя в то время в Альмерии не было никаких военных объектов. Фашисты зверски уничтожали мирных жителей и исторические памятники.

Падение Малаги многому научило испанский народ. Надо было восстановить линию обороны. Под давлением масс правительство издало декрет о введении обязательной воинской повинности, провело частичную мобилизацию и ряд других мер по укреплению республиканской армии. Изменилось положение на Южном фронте. Во вновь сформированные части влились отряды, созданные из местного населения. Кроме того, подошли войска, имевшие уже опыт боев под Мадридом.

Фронт стабилизировался южнее Мотриля.

ИЗ СТАТЬИ Г. ДИМИТРОВА «УРОКИ АЛЬМЕРИИ»

Разгром Альмерии и убийство мирных жителей, женщин и детей фашистскими интервентами вызвали бурю народного возмущения во всех странах. Поднимается общественность, приводятся в движение миллионы трудящихся. Но задача состоит в том, чтобы организовать эти силы для действенного отпора фашистским насильникам.

Судьба испанского народа и дело всеобщего мира настоятельно требуют от всех международных рабочих организаций единства действий. Бомбардировка Альмерии — это серьезный урок для всех трудящихся, независимо от их политических взглядов и организационной принадлежности. Это серьезное предостережение против дальнейшего разъединения сил рабочего движения.

Правда, 1937, 4 июня

Газета «Дейли уоркер» поместила большую статью о партизанской войне в тылу испанских мятежников.

Из истории известно, пишет газета, что испанцы — хорошие партизаны.

Горнстый район вокруг Севильи в настоящий момент является ареной ожесточенной войны, которую ведут около 5 тысяч сторонников испанского правительства. Эти люди ушли в горы несколько месяцев назад. Они используют каждый дюйм прикрытий, каждый горный выступ и каждую скалу. Вначале они были вооружены старыми охотничьими ружьями. В настоящее время у них имеются германские пулеметы и винтовки, захваченные у мятежников после рукопашных схваток.

Партизаны знают местность как свои пять пальцев. Они пользуются поддержкой со стороны населения, которое снабжает их продовольствием и укрывает у себя в случае необходимости. Партизанские отряды состоят из горняков медных рудников Рио-Тинто, сельскохозяйственных рабочих из больших поместий Андалусии и других... Все усилия мятежников заставить крестьян прекратить оказание помощи партизанам оказались тщетными.

Правда, 1937, 4 августа

А. К. СТАРИНОВА

В ТЫЛУ У МЯТЕЖНИКОВ

Много лет прошло с тех пор, как пробиралась я с испанскими партизанами по тылам фашистских мятежников, но и сегодня отчетливо помнятся подробности давних боевых походов, испытанная в те дни великая сила интернационального братства, которая роднила людей разных национальностей, возрастов, мировоззрений.

Во время моего пребывания в Испании я была назначена переводчицей к И. Г. Старинову, военному советнику и инструктору в отряде специального назначения. Командовал отрядом Доминго Унгрия. Об этом первом в Испании партизанском отряде я и хочу рассказать.

А. К. Старинова

И. Г. Старннов, принявший в Испанин имя Родольфо, приехал в Валенсню, когда отряда практически еще не существовало. Не было даже помещения, в штабах республикаиской армии не верили в эффективность партизанской борьбы. Много пришлось потратить сил, чтобы подобрать и подготовить кадры для нового, малоизученного дела.

Сначала стали обучать пять человек. Это были хорошие, преданные Республике люди, но уже пожилые, непрнгодные к военной службе: при быстрой ходьбе они задыхались. После встречи Старинова с Хосе Диасом н Долорес Ибаррури прислали еще 12 молодых, уже обстрелянных бойцов. Отряду выделнли одну грузовую н две легковые автомашины, отвели дом в пригороде Валенсии, где была органнзована школа обучения тактике н технике партизанских действий.

Во второй половине декабря 1936 года мы отправились иа первое боевое задание в район Теруэля — сдавать экзамен «на зрелость».

В тыл протнвника вышлн засветло; впереди проводники, за иими капитан Уигрия, Родольфо и я, за нами первый заместитель командира Рубио с ручным пулеметом и Антонио Буйтраго, второй заместитель комаидира.

На спине у каждого белые лоскутки с привязанными к ним гнилушками. Они светятся в темноте и помогают не терять из виду идущнх впереди. Ночь в Испании иаступает быстро, и если нет луиы, то сразу становится темно.

Подошли к лесу. Идем почти бесшумно, иногда останавливаемся. В ночиой темноте, споткнувшись, падает Рубио. Останавливаемся. Все тихо. Опять вперед. Чем дальше углубляемся в тыл врага, тем увереииее идем.

Часа через два остаиовились отдохиуть и закусить. Разрешено курить, но с соблюдеиием маскировки: укрывшись с головой куртками. Бойцы курили, а я в тре-

вожном раздумье вспомнила свою семилетнюю дочь, оставшуюся в Москве. Как-то она там?..

Через полчаса Родольфо шепчет:

— Пора.

Я перевожу на ухо Доминго, он шепотом подает команду остальным.

По дороге переходим ручей, альпаргатас — тряпичные туфли — промокли, ноги зябнут.

И. Г. Старинов

Линия фронта далеко позади, но близость противника не чувствуется, мы полностью доверяем проводникам и потому идем спокойно.

Только к трем часам ночи вышли к автомобильной дороге Теруэль — Каламоча. Я с непривычки устала, заметно устали и другие. Дорога от нас всего метрах в ста. Показались огоньки, мимо пронеслась легковая машина.

Небольшой отдых — и приступили к работе.

Группа Доминго должна была разрушить связь и подорвать однопролетный железобетонный мост. Ширина дороги — около 10 метров, взрывчатки у партизан немного.

— Что будем делать? — спросил Доминго, когда мы остановились под мостом.

Родольфо ответил не сразу. Он измерял балки. Потом подвел капитана к опоре и сказал:

— Минируйте так, как на занятиях по дороге Валенсия — Альбасете, только побольше камней поставьте для забивки.

— Согласен,— ответил Доминго и добавил: — Здесь можно сделать хорошую забивку — камней вокруг много.

Мы затаились. Промчался еще автомобиль. Группа Доминго приступила к работе, а мы, переждав еще одну машину, направились к железной дороге.

Шли около 10 минут, часто прислушивались, но все было спокойно. У металлического моста длиной около восьми метров быстро установили приготовленные заряды, заминировали железную дорогу и принялись за столбы линии связи. Времени оставалось мало, спеши-

ли, не все ладилось. Наконец фитили подожжены, и мы стали поспешно отходить.

— Легковая машина! — предупредил Рубио.

Едва мы достигли шоссе, как яркая вспышка осветила все вокруг, раздался взрыв. За ним последовали другие. Мы пересекли автомобильную дорогу, прибавили шагу, спеша на сборный пункт. И вовремя.

Большой огненный столб поднялся в ночное небо, потом донесся сильный взрыв. Было слышно, как ударились о землю падающие обломки разрушенного железобетонного моста. Люди ликовали.

— Формидабле! Муй бьен! [1] — бурно выражали свой восторг наши проводники.

И снова взрыв — теперь на железнодорожном мосту. Все радовались, позабыв, что находятся в тылу противника, который в любую минуту мог организовать поиски диверсантов.

В обратный путь шли налегке, довольные удачей, не чувствуя усталости.

На Теруэльском фронте мы провели еще несколько успешных операций.

Наступил январь. Нам приказали срочно выехать на Южный фронт. Все обрадовались, особенно Доминго: он родился в тех местах и хорошо знал окрестности.

В Альбасете наш отряд пополнили интербригадовцы — поляки, югославы, болгары, чехи, словаки, немцы, австрийцы, итальянцы, один американец, финны и французы. В отряде стало больше ста человек.

Был среди интербригадовцев и югослав Иван Хариш, прославившийся в годы второй мировой войны на своей родине. За дерзкие диверсии в тылу оккупантов Хариша прозвали Ильей Громовником. После окончания войны Иван Хариш, народный герой Югославии, стал генерал-майором югославской Народной армии.

Но все это было потом, а тогда, в январе 1937 года, мы готовились к выполнению нового задания и переходу линии фронта под Вильянуэва-де-Кордова.

Переход группы Хариша в тыл противника был назначен на вечер. На командный пункт командира батальона прибыли засветло.

— Все готово,— доложил комбат.

Хариш был благодушно настроен. Шутил. Он мог

[1] Замечательно! Очень хорошо!

шутить: у него все до деталей было продумано, предусмотрено.

— Что же у вас так мало патронов? — спросил командир батальона у Хариша.

— Но зато у нас много взрывчатки,— ответил Хариш.— Перестрелка нам невыгодна, помощи нам ждать не от кого. Противник своих раненых в госпиталь повезет, а мы должны нести. Когда же на нашей мине подорвется машина или упадет поезд с насыпи, то стрелять в нас уже будет некому.

Начинало темнеть. Хариш отдавал последние приказания.

— Дорогой мой капитан,— обратился Иван Хариш к комбату.— Обязательно предупредите, чтобы при возвращении в нас не стреляли!

Мы простились, и через несколько минут группа бесшумно исчезла в темноте. Изредка до командного пункта доносились одиночные выстрелы, потом все затихло. Часа через два возвратились проводники. Старший доложил капитану, что группа прошла мимо передовых постов франкистов.

Первым известием об успехе партизан было сообщение от республиканских летчиков. В районе действий группы Хариша они обнаружили пущенный под откос эшелон с техникой и боеприпасами. Через трое суток Хариш со своей группой возвратился.

Вылазки в тыл врага стали обычной работой партизан. Однако переход в тыл, особенно возвращение оттуда, были сопряжены с большой тратой времени, с риском быть убитым своими. Поэтому при первой возможности была создана скрытая база в тылу фашистов.

Первой такой базой стал заброшенный маслодельный завод в 12 километрах северо-западнее Адамуса. Ее организовали по инициативе и с помощью командира роты республиканской армии. Он лично принимал участие в операциях нашего отряда. На базу доставили несколько сот килограммов взрывчатки, запас боеприпасов и продовольствия. Оттуда совершали вылазки на коммуникации мятежников.

Базу организовали в середине февраля, но я туда поехала позже, сопровождая очередную партию.

Боеприпасы и продовольствие к исходу дня погрузили на мулов и сосредоточили на нашем переднем крае. В бинокль мы наблюдали передвижение вражеских патрулей, изучали расположение постов противника. С на-

ступлением темноты двинулись вперед. Копыта животных были обернуты кусками фланелевых одеял. Обутые в альпаргатас, мы шагали бесшумно. Мулы, точно понимая опасность, тоже шли осторожно.

Идти было тяжело. Пересекали канавы и ручьи, поднимались в горы, опускались в низины. Казалось, нашему походу не будет конца.

Но вот впереди зашевелился светлячок. Через две-три минуты к нам подошли два партизана и повели на базу.

Темные, низкие здания. Около одной из стен, на которой, как в сказке, навешаны светящиеся гнилушки и натянуты многочисленные провода, стояли часовые. Охрана ввела нас в закопченное помещение. Слабо горели дрова в камине. На полу спало человек двенадцать. Вокруг сидели караульные.

Во дворе тихо, никаких признаков жизни. Доминго стал знакомить меня с базой. Первым делом он показал стену около часовых.

— Но пасаран! — сказал капитан с гордостью.— Все эти проволочки, светлячки связаны с проводами и сигналами на подходах к базе. Свои знают, где и как можно пройти, как предупредить охрану. А тот, кто этого не знает, обнаружит себя. Тут много поработали Родольфо и интербригадовцы.

С северо-запада доносился гул падающей воды.

— Электростанция по прямой всего в двух с половиной километрах, но мы ее не тронем,— шептал мне капитан.— Для нас она отличное прикрытие. Фашисты и не подумают, что мы так близко от станции и не трогаем ее.

Утром вернулись с задания группы Рубио, Яна Тихого и Алекса, единственного в нашем отряде американца.

На базе больше 50 человек. Перемещение по ее территории строго ограничено. Ходить можно только так, чтобы не было заметно ни малейших признаков людей в полуразрушенном, забытом заводике, где до войны вырабатывалось оливковое масло.

Заводик скрывала оливковая роща. С востока — крутой подъем, заросший деревьями. С запада и юго-запада — спуск в долину, по которой протекала небольшая река. На ней и были построены высокая плотина и гидростанция. В бинокль хорошо просматривались часовые на плотине.

— Если фашисты нападут на нас до обеда, нам трудно будет продержаться до темноты. Если во второй половине дня — мы заставим их развернуться на дальних подходах, поставим мины замедленного действия и отойдем на запасную базу. А ночью уйдем через линию фронта к своим,— пояснял Доминго.

Предстояла операция по крушению поезда и подрыву двух небольших, но высоких мостов на железной дороге, идущей к Кордове.

Перед заходом солнца три группы направились на задание. Одна под командованием молодого моряка Руиса должна была подойти к железной дороге Монторо — Кордова с севера. С ним пошли Родольфо, Доминго, Ян Тихий и еще шесть человек.

Наступила ночь. Я осталась на базе. Меня поражало полное спокойствие, уверенность людей в своей безопасности. Во дворе ходили парами часовые. Вечером в помещении с плотно занавешенными окнами ярко горел камин, партизаны слушали радио. А рядом гидростанция, охрана мятежников. Линия фронта — в десяти километрах.

На базе остался со своей группой Хуан Гранде. Они должны были идти на задание на следующий день, а пока их черед нести охрану. Еще с вечера Хуан проверил всю систему сигнализации, проинструктировал людей.

В ту ночь я не ложилась спать, и мы сидели и беседовали с Хуаном Гранде, настоящее имя которого было Иван Попович.

Вдруг до нас донесся гул далекого взрыва.

— А может, нам это только показалось, потому что мы ждем взрывов? — спросила я черногорца.

— Нет. Был взрыв, большой взрыв. Это не поезд, это на мосту.

Утром вернулся Руис со своей группой. Все устали, но были довольны.

— А где Доминго и Родольфо? — спросила я у Руиса.

— Пошли прямо в Адамус. Товарный поезд упал, надо добивать.

Перед обедом мы услыхали взрывы со стороны Монторо.

Поздно ночью вернулись на базу Доминго, Родольфо и Тихий. Они принесли радостную весть об успешном выполнении задания и о том, что удалось уничтожить вражеские машины, вывозившие боеприпасы

из потерпевшего крушение воинского эшелона под Монторо.

Следующей ночью Родольфо, Доминго, я и шесть человек сопровождающих покинули базу. Ехали на мулах. До предполагаемой линии фронта добрались без приключений. Но где именно находятся подразделения противника — этого мы не знали. Дальше решили идти пешком. Мулов повели за собой, благо животные они смирные.

Вдруг где-то слева раздалась перестрелка. Значит, враг рядом, но близко и свои войска. Хосе, пожилой крестьянин, работавший до мятежа на том самом маслозаводе, где оборудовали партизаны базу, прекрасно знал местность. Он вывел нас к ручью, за которым накануне были республиканские войска. У нас был пароль, но кто мог гарантировать, что вместо отзыва не раздастся очередь из пулемета?..

Пройдя около полукилометра, остановились. Проводник ушел в сторону. Минут через двадцать он возвратился с двумя республиканскими солдатами. Мы среди своих, в тылу республиканских войск...

Группы отряда Доминго усиливали удары по тылам мятежников. Все успешнее выполнялись сложные задания: подрывались на минах автомашины, под откос летели поезда. На участке Кордова — Монторо и внутри сильно охраняемого туннеля по дороге Кордова — Пеньярроя были подорваны железнодорожные составы. Но самым большим успехом, достигнутым бойцами отряда, был взрыв поезда с итальянскими фашистами, среди которых было много офицеров. В газетах, издаваемых на территории, занятой мятежниками, им были посвящены пышные некрологи. Франкисты безуспешно терроризировали местное население, стараясь найти виновников этого дерзкого покушения,— правды они не дознались.

После этого взрыва Доминго Унгрия вызвали с докладом к начальнику Генерального штаба Висенте Рохо, который подписал приказ о создании специального батальона для действий в тылу противника. Так Унгрия стал «хефе дель батальон эспесиаль» — командиром специального батальона.

Успешное выполнение заданий в тылу врага доставило отряду Доминго не только много радостей, но и немало хлопот.

На базу в Вильянуэва-де-Кордова началось паломничество корреспондентов.

Из конспиративных соображений Доминго и Родольфо старались не попадаться им на глаза. Капитан внушил всем на базе, чтобы «держали язык за зубами».

Журналистов принимали гостеприимно, с ними беседовали, но на вопросы, кто и как осуществил диверсии, вежливо отвечали:

— Война еще не кончилась. Рано рассказывать о средствах и способах, о людях.

Одним из первых на базу приехал Илья Эренбург. Доминго показал Илье Григорьевичу свое хозяйство. Первым делом повез к конным диверсантам.

И. Г. Эренбург, испанский поэт Апарсио

— А это что за наездник? — удивленно спросил писатель, увидев восьмилетнего Антонио, сидевшего на породистом рысаке.

— Это мой сын,— с гордостью ответил Доминго.

Вечером в честь гостя был дан ужин.

Илья Эренбург поинтересовался, все ли интербригадовцы знают испанский язык.

— Два югослава, итальянцы и французы понимают, а другие, когда поступили в отряд, знали всего несколько десятков слов, а теперь уже все могут объясняться,— ответил Доминго.

Обратившись к сидевшему рядом Хуану Гранде, Эренбург спросил его:

— Почему вы пошли в партизаны?

— Потому что приехал в Испанию воевать против фашистов.

— Но воевать можно на фронте, там фашистов тоже много и иностранцам проще: не обязательно знать язык,— допытывался Илья Григорьевич.

— В тылу врага бьешь там, где он не ждет. Мятежники в поездах и машинах как змеи в клетках. Вот и бьем их, пока не выползли,— объяснял Хуан.

Уезжая, Илья Григорьевич обещал:

— Я напишу о вас с полным соблюдением конспирации.

Очерк Ильи Эренбурга был опубликован в газете «Известия». Когда я перевела его Доминго, он остался доволен: конспирация была на высоте.

ИЗ СТАТЬИ ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА «ПАРТИЗАНЫ ИСПАНИИ»

Возле Кордовы партизаны уничтожили 11 поездов. Возле Гранады они взорвали мост Пинос-Пуэнте. Железнодорожное сообщение между Гранадой и Малагой было прервано в течение 12 дней. Недалеко от Касереса партизаны разобрали путь. Эшелон итальянцев, направлявшийся в Саламанку, был уничтожен.

Ночью партизаны нападают на заставы фашистов...

Мосты в районе Кордовы теперь охраняются отрядами по 100 человек. Поезда ходят пустыми. В автомобилях фашисты передвигаются только днем.

О партизанах ходят легенды: это — страх одних, надежда других...

Партизаны издают подпольные листовки. Вот листовка, составленная крестьянами Андалусии: «Фашисты свои и чужие пьют нашу кровь. Они отбирают скот. Они грабят дома. Убивайте фашистов, кто как может! Отвинчивайте гайки на путях! Стреляйте в автомобили! Если у тебя нет ружья, убей фашиста и возьми его ружье!»

Известия, 1937, 23 марта

Осенью 1937 года командование республиканской армии приняло решение объединить все силы, действовавшие в тылу противника. Так был создан знаменитый 14-й специальный корпус, который до самого конца национально-революционной войны осуществлял боевые операции. Его подразделения продолжали борьбу в Андалусии, Кастилии, Каталонии и после падения Республики.

Бойцы 14-го корпуса, оказавшись в концентрационных лагерях во Франции, бежали оттуда и с началом второй мировой войны включились в партизанскую борьбу в тылу врага в нескольких странах, оккупированных фашистскими войсками, в частности в Югославии, Италии, Польше.

В самой Франции в середине 1942 года 14-й корпус был заново организован. Командиром испанских партизан в занятой гитлеровцами зоне был Антонио Буйтраго. Но вскоре его смертельно ранили в бою, и командовать корпусом стал Хесус Риос. За отвагу и мужество, за активное участие в движении Сопротивления многие испанцы были награждены французским правительством. В Сен-Дени близ Парижа есть улица, которая носит имя испанца Кристино Гарсиа.

Во время Великой Отечественной войны на территории Советского Союза в составе оперативно-учебного центра Западного фронта и 5-й отдельной инженерной бригады специального назначения, которыми командовал полковник И. Г. Старинов, воевало свыше 300 бойцов 14-го спецкорпуса испанской республиканской армии, в том числе и его первый командир Доминго Унгрия.

В тылах «голубой дивизии», которую Франко послал на помощь фашистским захватчикам, совершали налеты, минировали пути сообщения Франсиско Гульон, Анхель Альберка, Педро Подалье, Бенито Устаррос и их боевые друзья.

В станице Шабельской на южном берегу Таганрогского залива в братской могиле похоронен отважный командир дивизии испанской республиканской армии Мануэль Бельда.

Уроженец Барселоны, изобретательный подрывник, Франсиско Гаспар возглавил группу, которая действовала на территории Белоруссии, Смоленской и Калининской областей и нанесла немалый урон гитлеровским фашистам.

Хуан Иглесиас со своей группой средь бела дня осенью 1942 года подорвал воинский эшелон фашистов на железнодорожном перегоне Полоцк — Невель.

В Брянской области свято чтят память партизана Леонардо Гарсиа, прикрывавшего отход отряда до последнего дыхания.

Вместе со своими советскими друзьями испанские товарищи выбрасывались с парашютами в тыл врага на

Северном Кавказе, где тоже уничтожали фашистских оккупантов. Не увядают цветы на братской могиле Хусто Родригеса, Сейхо Гарсиа, П. А. Семенова, С. А. Васильева и других героев-десантников.

В марте 1943 года в Крыму совершила подвиг группа под командованием Хосе Фусиманьеса. Вблизи станции Владиславовка она пустила под откос три вражеских поезда. Гитлеровцы окружили группу. Трое суток сражались партизаны. Они все погибли в неравном бою, но не сдались фашистам.

Советские люди пришли на помощь испанскому народу, когда на него обрушились объединенные силы фашизма. Пролили свою кровь, защищая свободу и независимость первой в мире страны социализма, и испанские товарищи, и мы свято чтим наше интернациональное братство, скрепленное кровью отважных сынов Испании и Советского Союза.

А. А. ШУКАЕВ

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Осенью 1936 года бои республиканских войск с мятежниками юго-западнее Мадрида носили особенно ожесточенный характер. Враг, не считаясь ни с какими потерями, вводил в бой все новые силы и упорно рвался к столице.

В конце ноября группа штурмовой авиации под командованием советского добровольца майора Константина Михайловича Гусева вела активные боевые действия, штурмуя фашистские войска и аэродромы базирования итало-немецкой авиации.

Эскадрильей, в которой я служил, командовал замечательный советский летчик Георгий Николаевич Тупиков. В Испанию он прибыл в сентябре 1936 года с первой группой советских летчиков-добровольцев. До перевода его в ноябре на должность командира штурмовой авиаэскадрильи он воевал в составе 1-й интернациональной бомбардировочной эскадрильи и летал на устаревших, периода первой мировой войны, самолетах — других самолетов в то время у испанцев не было. Летая на тихоходных «этажерках», Георгий не раз попадал под огонь фашистских истребителей, садился на подбитом и горящем самолете, но ему всегда удавалось выйти невредимым из самых трудных переделок.

Тупиков старался использовать любую возможность, чтобы подняться в воздух,— то была его стихия...

А. А. Шукаев

Вечером 2 декабря командир нашей эскадрильи проводил разбор полетов после возвращения с боевого задания.

Затем командир группы К. М. Гусев поставил эскадрилье боевую задачу. Нам предстояло на следующий день, то есть 3 декабря, перебазироваться на аэродром Гвадалахара, а 4 декабря с рассветом быть в готовности вылететь на железнодорожный перегон, чтобы не допустить движения эшелонов к линии фронта.

Утром 3 декабря наша эскадрилья нанесла бомбоштурмовой удар по боевым порядкам франкистов в районе Каса-де-Кампо, пригороде Мадрида, а в середине дня девять экипажей перебазировались в Гвадалахару.

На аэродром эскадрилья прибыла с рассветом 4 декабря. Было очень морозно. Самолеты, приборы, авиабомбы покрылись изрядным слоем инея и льда. Замки бомбодержателей и пулеметы не работали. С таким явлением мы столкнулись впервые. Но надо было готовиться к выполнению задания.

Летный состав приступил к изучению предстоящего маршрута полета и района боевых действий, а инженеры и техники занялись подготовкой самолетов к вылету.

Вскоре аэродром затянуло туманом. Еще не легче! День начинался явно неудачно.

Потеплело только к полудню; вскоре и туман стал рассеиваться, и наша девятка взлетела и легла на курс к цели.

Железнодорожный перегон почти на всем протяжении был закрыт густой дымкой. Отыскивая открытые участки, командир эскадрильи обнаружил в стороне от цели вражеский аэродром, на котором находилось 13 немецких бомбардировщиков Ю-52 и 4 истребителя, и решил его атаковать. Внезапный удар наших самолетов был очень эффективен: мы уничтожили 8 «юнкерсов» и

4 истребителя. Остальные самолеты получили значительные повреждения.

Мы уже отходили от цели, когда на нас напали «фиаты». Эскадрилья растянулась в змейку. Наш самолет, который вел Григорий Никифоров, был замыкающим. Я увидел, что на нас заходят сразу два истребителя, и решил взять в прицел ведущего. Огни трассирующих пуль прошили самолет фашиста. Оставляя за собой черный мохнатый шлейф дыма, он пошел к земле. Но второй «фиат» успел пристроиться в хвост к нам и открыл огонь...

Что-то больно ударило в голову, кровь залила лицо. Протерев глаза, я увидел, что земля стремительно приближается.

— Что случилось, Григорий?

— Пытаюсь как-нибудь сесть.

Наш самолет тяжело приземлился возле оливковой рощи на окраине полуразрушенного городка.

Ранение мое, к счастью, оказалось нетяжелым. Наскоро сделав повязку, мы осмотрели самолет. В радиаторе зияла огромная дыра, на плоскостях лапшой болталась обшивка. Мотор заклинило, о взлете не могло быть и речи. Я достал зажигалку и поднес ее к свисавшей с плоскостей перкали. Пламя вспыхнуло мгновенно.

Надо было быстрей уходить: падение наше не осталось незамеченным и нас уже, наверное, ищут.

За оливковой рощей лежало открытое поле, а впереди метрах в 100—150 виднелись какие-то строения. Но только мы вышли из-за деревьев, как прогремели два глухих выстрела и почти у самых наших ног взвились песчаные фонтанчики.

Попробовал отползти в сторону. Тишина. Приподнялся. Выстрелов нет. Тогда я что было сил бросился бежать к строению. Навстречу мне прогремел новый выстрел. Я упал. Григорий успел забежать в полуразрушенный домик.

— Саша, сюда!

Я вскочил и метнулся в дверь. Снова выстрел. Пуля впилась в стену рядом с дверью.

Дом был пуст. Стекла выбиты, на всех окнах железные решетки. Послышались голоса. Я выглянул в окно и увидел двух мужчин с винтовками.

Я выстрелил и встал в простенок. Из другого окна вел огонь Григорий.

Из комнаты, где мы очутились, две двери вели в другие помещения, дальше виднелась лестница на чердак. С двух сторон в окна стреляли. Пригнувшись, мы отбежали к лестнице. Я поднялся наверх, Григорий за мной. В крыше зиял пролом. Я вылез через него, но тут же по крыше застучали пули, разбивая в куски черепицу. Внизу оказался небольшой двор, обнесенный с трех сторон каменным забором метровой высоты, а прямо подо мной я увидел кучу мякины. Не раздумывая, спрыгнул и в ту же секунду почувствовал в правой ноге нестерпимую боль. Попытался выбраться из соломенной трухи, но упал и потерял сознание.

Очнулся от боли. Меня волокли за ноги двое в синих форменных рубашках. На левой стороне груди я заметил эмблему — пять красных стрел, расположенных веером. Это были фалангисты — испанские фашисты.

У одного из них за поясом висели носки — я узнал носки Григория. Второй держал его куртку. В стороне стоял третий фашист. Он был одет в мою куртку.

С трудом разомкнув спекшиеся губы, я спросил по-испански (язык я знал сносно):

— Где мой товарищ?

В ответ сильный удар ботинком по лицу, сопровождаемый ругательством. Я опять потерял сознание.

Вновь очнулся в грузовике от боли в ноге и неимоверной тряски. Шофер гнал машину, словно на гонках. Сумасшедшая езда закончилась, когда уже наступили вечерние сумерки.

Грузовик остановился около каменного одноэтажного здания. Меня втащили в небольшую полутемную комнату. Внесли керосиновую лампу, и я увидел четырех военных: майора, капитана и двух лейтенантов. Один из военных доложил, откуда и кого привезли. Он сказал, что наш самолет сгорел и что второй пилот в перестрелке убит. Во время доклада вошел еще один лейтенант. Он внес два обгоревших пулемета, видимо снятых с нашего самолета, и какие-то бумаги, положил все на стол.

Стоять я не мог, и два фашиста поддерживали меня под руки. Поднять голову не было сил. В ушах шумело, мысли мешались. Решил притвориться, что плохо слышу.

Майор спросил, как меня зовут. Я ничего не ответил. Тогда подскочил молодой лейтенант и закричал по-русски:

— Как тебя зовут, красная собака? — и ударил кулаком по лицу.

Я снова потерял сознание. В чувство привели с помощью нашатырного спирта. Но не надолго. Второй вопрос, второй удар — и снова тяжелое забытье.

Убедившись, что в таком состоянии от меня ничего не добиться, майор приказал отвезти меня в госпиталь. Из сказанного я понял, что нахожусь в Толедо.

В госпитале мне сделали перевязку, на правую ногу наложили гипс. Затем отвезли в небольшую палату на первом этаже, с низким сводчатым потолком и железной решеткой на окне. В палате было очень холодно.

У дверного проема круглосуточно дежурили два фалангиста. Менялись они через каждые три-четыре часа.

Спать мне не давали. Как только я закрывал глаза, сейчас же подходил фашист, толкал и кричал: «Не спать!» Так продолжалось всю ночь и весь день в течение трех суток. Когда я совершенно обессилел и впал в забытье, меня оставили в покое.

Трое суток никто меня не допрашивал. Лишь дважды в день в палату приходила санитарка — миловидная испанская девушка Мария. Она приносила кружку жидкости, отдаленно напоминавшей бульон, и кусок окаменевшего хлеба.

Казалось, что обо мне забыли, но вот в коридоре послышались шаги, и в палату вошли врач, майор и тот самый лейтенант, который особенно зверствовал на первом допросе.

Вопросы все те же: кто я и откуда.

— Зовут Александр,— ответил я.— Фамилия — Александрович. По национальности латыш. Родился в Риге в 1911 году. Жил в Югославии. Механик. В Испанию был завербован на работу. Прибыл пароходом в Барселону. Название аэродрома не знаю. Находился где-то далеко от Мадрида.

Лейтенант нагнулся к майору и тихо что-то ему сказал. А затем произнес громко:

— Таких латышей, чехов, поляков, как ты, у нас уже несколько человек. Все вы — русские коммунисты. Мы точно знаем, кто ты и другие. Ну ничего, ты у меня заговоришь...

И они ушли.

Прошел почти месяц. Охранял меня теперь только один фашист. Другого угнали на фронт.

Однажды Мария, как обычно, зашла в палату, но в руках у нее вместо кружки был пакет с апельсинами. Положив его, она прошептала:

— Готовься к побегу... Тебе помогут... В пакете нож...

В пакете оказался кривой испанский нож — наваха.

К тому времени я уже стал понемногу ходить. И вот настало памятное для меня январское утро 1937 года. Было еще темно, когда в палату вошла Мария. Она разбудила меня и тихо сказала:

— Все готово. Беги в левую железную дверь. На улице тебя будут ждать три человека в черных беретах.

Я быстро оделся, взял припрятанную наваху и вышел в коридор. Было тихо. Только я подошел к большой литой чугунной двери и стал ее открывать, как откуда-то на меня набросился верзила с черной бородой. Случилось непредвиденное: смена караула произошла раньше обычного времени.

Очнулся в палате с наручниками на руках.

Когда стемнело, пришел лейтенант.

— Вставай, большевистская собака. Пошли!

Я поднялся и, стараясь превозмочь боль, вышел из палаты. Минут через тридцать ходьбы по улицам города мы вошли в низкое сводчатое помещение, напоминавшее могильный склеп.

На стенах и потолке, сложенных из необработанного булыжника, лежал толстый слой многовековой копоти. При входе пахнуло гнилью. Поднялись по лестнице на второй этаж. Миновали одну дверь, вторую, третью, около четвертой остановились. Скрип ключа в замочной скважине. Я вошел в камеру, и дверь захлопнулась...

Я остался наедине с непроглядной тьмой. На полу нащупал немного истертой соломы. На стенах плесень. С потолка капала вода. Видимо, эта тюрьма была построена во времена средневековой инквизиции, но и фашистские инквизиторы не давали ей пустовать.

Через два дня дверь камеры открылась, и вошел все тот же лейтенант. Он раскрыл папку и прочитал:

— Александр Александрович, рождения 1911 года, латыш по национальности, за участие в налете на аэродром, уничтожение авиационной техники и летного обслуживающего персонала приговорен военным трибуналом к смертной казни — расстрелу. Приговор привести в исполнение в течение 24 часов.

С наступлением темноты внизу послышались голоса. Какой-то человек громко называл фамилии. Затем послышались возгласы:

— Да здравствует Республика!

— Смерть Франко!

— Прощайте, товарищи!

Это уводили на расстрел очередную партию.

Я ждал своего часа. Ночь тянулась очень долго. Наконец стало светать. За мной не пришли.

Несколько дней ожидал я приведения приговора в исполнение, но вместо расстрела меня перевели в общую камеру. Она быстро заполнялась новыми людьми. Здесь были местные жители и жители других городов, недавно захваченных фашистами. В большинстве своем это были коммунисты, сторонники Республики. Всех ожидал смертный приговор. Они знали это, но держались так, что я только поражался их мужеству и стойкости. Когда им объявили приговор, они выслушали его с гордо поднятой головой. В камере стояла гробовая тишина, и вдруг словно раскат грома: испанцы выкрикивали здравицы в честь Испанской республики, Советского Союза, Компартии Испании.

Подали команду на выход. Уходя, каждый жал мне руку и с поднятым кулаком молча выходил из камеры. Тот небольшой скарб, который имели некоторые товарищи,— белье, манты (одеяла), куртки — оставляли в камере со словами: «Алехандро, пусть останется здесь. Может, кому пригодится».

Один пожилой испанец снял свой берет и надел его на меня.

— Пусть, сынок, будет тебе на память. Вспоминай, как умер за правду честный испанец учитель Хосе Эрнандес.— Он поцеловал меня и добавил: — Где-то и мой сын сражается за Республику...

Меня ждали новые испытания. Вскоре моим пристанищем стал «пантеон» — каменный мешок. Три шага вперед, три шага назад. В нем я был замурован полтора месяца. В полной темноте, не слыша человеческой речи, наедине с собой, со своими мыслями...

Только в начале марта меня перевели в центральную тюрьму Саламанки и поместили одного в камеру №5. Через несколько дней вызвали на допрос. В комнате, куда меня ввели, за столом сидели три испанских, один немецкий и один итальянский офицеры. Каждый в военной форме своей страны.

Начался допрос.

Я отвечал так же, как и на допросах в Толедо.

Испанский майор спросил:

— Какую летную школу вы закончили, где и когда?

Я ответил, что ни в какой летной школе не учился. Он закричал:

— Врешь, бандит! За что ты был приговорен в Толедо к расстрелу?

— За попытку бежать из госпиталя.

— А почему приговор не привели в исполнение?

— Откуда мне знать.

Но я уже начинал понимать, что, очевидно, невыгодно фашистам расстреливать пленных. Ведь у республиканцев в плену находилось много итальянских и немецких летчиков, тогда как у франкистов республиканских летчиков было куда меньше. Фашисты, тем более итальянцы и немцы, скорее всего, рассчитывали высвободить своих путем обмена.

— Вы утверждаете, что вы латыш, следовательно, должны знать русский язык. Латвия ведь входила в состав Российской империи,— сказал немец.

Я подумал мгновенне и ответил:

— Да, я понимаю по-русски.

Тут молчавший до сих пор итальянский полковник поднялся из-за стола, почти вплотную подошел ко мне и неожиданно заорал по-русски:

— Встать, большевистская зараза!

Я молча поднялся. Удар стеком заставил меня пошатнуться, но я устоял.

Видимо, такой оборот дела не входил в планы остальных. Бывшему белогвардейцу, одетому в итальянскую военную форму, по требованию остальных пришлось удалиться. Уходя, он повернулся в мою сторону:

— Погоди, ты у меня еще попляшешь!

Один в камере я просидел недолго.

Я догадывался, что кроме меня в саламанской тюрьме есть еще советские летчики. Впоследствии мне стало известно, что в те дни там находились Н. Зверев, В. Кондратьев и И. Волков. Самой большой и, признаться, приятной в те страшные дни неожиданностью было для меня появление в камере Георгия Тупикова. Вдвоем все-таки легче...

Через несколько дней нас стали выпускать на прогулку. И мы совсем ожили. Особенно дорога была забота о нас заключенных-испанцев, с которыми мы ви-

делись в тюремном дворе. Они относились к нам с подчеркнутым вниманием, каждый делился с нами последним куском, когда кому-либо приносили передачу.

Однажды поздно вечером, когда мы уже спали, меня вызвали на допрос.

Привели в знакомую комнату. Войдя, я снова увидел белогвардейца. Он стоял посредине комнаты подбоченясь, широко расставив ноги, и улыбался. Справа от него два итальянских солдата держали винтовки с приставленными штыками в форме кинжалов.

— Теперь поговорим наедине, «товарищ»!..

Он кивнул солдатам. Те надели на меня наручники и к вискам приставили штыки. Сделали они это молниеносно, чувствовалось, что прием этот у них хорошо отработан.

Я не мог даже шевельнуться.

И опять те же вопросы: имя, отчество, фамилия, откуда приехал... Я повторил все, что говорил раньше.

— Врешь, большевистская зараза! Ты русский, ты коммунист, ты из большевистской России!..

Удар в лицо. Бил он кулаком в черной кожаной перчатке.

— Ты русский коммунист, ты из Советской России! — повторял белогвардеец в ярости.— Говори откуда, из какого города, или я уничтожу тебя...

— Я латыш из Югославии.

Опять удар в лицо. И снова вопросы, и снова черный кулак в лицо. Так вот кого подбирают франкисты в прислужники...

Через некоторое время белогвардеец что-то крикнул солдатам по-итальянски. Они моментально повалили меня на пол и все втроем стали зверски избивать. Помню только, что сначала я руками прикрывал голову от ударов...

Очнулся в камере. Около меня сидел Георгий и влажной тряпкой стирал кровь с лица и рук. Благодаря Тупикову и испанским друзьям, благодаря их заботе и вниманию на третьи сутки я поднялся и смог выйти на прогулку.

Наступил апрель. Тюрьма была переполнена, но приходили все новые и новые партии заключенных. Камеры были забиты смертниками. Расстрелы начинались с наступлением темноты и заканчивались на рассвете.

Бывший белогвардеец, а ныне итальянский фашист не оставил своих попыток заставить меня говорить.

В один из допросов он приказал вывести меня во двор, наглухо огороженный со всех четырех сторон, и поставил спиной к стенке. Солдаты стояли напротив с винтовками на изготовку.

Г. Н. Тупиков

— Ну, будешь отвечать?

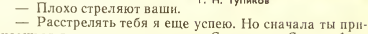
Я молчал.

— Что хочешь сказать перед смертью?

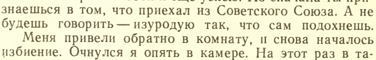
— Ничего.

Он подал солдатам команду. Пули пролетели над головой.

— Плохо стреляют ваши.



— Расстрелять тебя я еще успею. Но сначала ты признаешься в том, что приехал из Советского Союза. А не будешь говорить — изуродую так, что сам подохнешь.



Меня привели обратно в комнату, и снова началось избиение. Очнулся я опять в камере. На этот раз в таком же состоянии после допроса был и Тупиков. Белогвардеец не унимался. Он каждый раз применял все новые и новые издевательства.

Страшное обличье фашизма пришлось нам рассмотреть с близкого расстояния, лицом к лицу, за четыре года до начала Великой Отечественной войны...

Наступило 15 июня 1937 года. Меня и Тупикова вызвали к начальнику тюрьмы. Он объявил, что нас повезут на обмен. В наручниках, под охраной гвардейцев мы сели в грузовую машину.

Проехали несколько больших и малых населенных пунктов, выехали на побережье Бискайского залива. Море бушевало. Через полчаса остановились у конечного пункта нашего путешествия — пограничного городка Ирун.

Нас высадили из машины, сняли наручники. Затем мы прошли по деревянному мосту, перекинутому через небольшую речушку, и остановились у шлагбаума.

Французские пограничники выполнили соответствующие формальности, открыли шлагбаум, и мы вступили на французскую территорию.

Встречали нас сотрудник испанского посольства и представители Красного Креста. Здесь же, рядом с пограничной заставой, в небольшом двухэтажном особня-

ке произошла церемония обмеиа. Тупикова, меия, испаиского летчика, сражавшегося иа стороне Республики, и корреспондеита французского агеитства Гавас обмеияли иа трех немецких летчиков, сбитых на севере Испании.

Вскоре мы уже поднимались на борт советского теплохода «Дзержинский», бросившего якорь в Гавре. А еще через несколько дией ступили на родиую землю. Из Леиинграда в этот же деиь поездом отправились в Москву.

Прошло немного времени, и мы с Тупиковым сиова встретнлись, иа сей раз в Кремле, где Мнханл Иванович Калиини вручил иам ордеиа Красного Знамеии.

Б. К. МАКАСЕЕВ

ИЗ ХРОНИКИ ГЕРОИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

23 августа 1936 года мы с Романом Кармеиом перешли небольшой мост, и Фраиция осталась позадн. Начиналась Испаиия — тревожиая, бурная, словно взорванная.

Мы иаходились в Ируне, в том самом Ируне, который вскоре превратился в арену чудовищиых преступлеиий. Нас встретили ие обычные пограничиики. Это были горнякн, рабочне, крестьяие, портовые грузчнкн, одетые в рабочне блузы, с красными платками, повязаиными на шее, вооружеииые охотиичьими ружьямн, самодельиыми граиатами, иекоторые опоясаны пулеметиымн леитами.

Оии прияяли нас как родиых. Мы не зиали испаиского языка, и первым словом, запомиившимся навсегда, было слово «камарада» — товарищ. Когда мы показали свои красиые паспорта с вытесиеиным золотом гербом Советского Союза, восторг стал всеобщим, паспорта передавали из рук в руки.

Ируи готовнлся к защнте, на улицах города строились баррикады. Мальчишки помогали взрослым подносить мешки с землей н укладывать нх штабелями. Для строителей обороиы в больших котлах варился общественный обед, жеищииы резали хлеб, расставляли иа столах посуду, кувшнны с виином и водой.

В первый день мы сиимали строительство укреплеиий, рытье окопов, прокладываиие телефоииого кабеля

для связи передовых лииий со штабом укреплениого райоиа города.

Мануэль Кристобаль, иачальник и комиссар штаба, секретарь коммунистической организации Ируна, предложил нам посетить важнейшие фроитовые участки. Мы этого только и ждали — хотелось скорее попасть в гущу военных событий.

Ехали по горной дороге, вдоль которой тянулись повозки с ранеными, боеприпасами, продовольствием. На широком повороте дороги расположился временный госпиталь — большой автобус, замаскированиый ветками. Мы беспрестанно снимали, перезаряжали аппараты и следовали дальше. Кристобаль, красивый, широкоплечий, обвешанный пулеметными лентами, принимал в съемке деятельное участие, помогал советами.

Командный пункт находился в монастыре Сан-Марсиаль, здесь же была сконцентрирована телефонная связь всего фронтового участка. Примерно в трехстах метрах виднелась цепь фашистских укреплений.

Бойцы-республиканцы в окопах приветствовали Кристобаля как старого друга и командира, хотели и с нами познакомиться покороче. Не зная языка, мы поднимали вверх крепко сжатые кулаки, обнимали друзей. Каждый предлагал вино из своей фляги, суп из своей миски. Мы тоже делились, чем могли...

Пролетела группа итальянских бомбардировщиков «капрони». Через некоторое время послышались взрывы бомб, сброшенных в порт, куда пришли пароходы с грузами для фронта и питанием населению.

Много бомб упало в воду, поднимая столбы сверкающей воды. Обстановка для съемок была непривычной. Снимать приходилось лежа на животе или на спине, с колена, согнувшись в три погибели. Кругом свистели пули. Сняли бой, бойцов в окопах, крупным планом командиров, отдающих распоряжения. Спустились к республиканской артиллерии, состоявшей всего из одной пушки. КоротКоствольная, с широким жерлом, эта пушка могла бы быть музейным экспонатом, но она делала свое дело. Калибр снарядов не соответствовал калибру пушки, однако после выстрела, пролетев несколько сот метров, снаряды попадали в фашистские укрепления. Засняли работу и этой пушки.

Следуя вдоль фронтовой полосы, мы приехали в Сан-Себастьян, курортный город на берегу Бискайского залива. Войны здесь словно не бывало. Воскресенье. На-

рядный, утопающий в густой зелени город. Кругом шумно, весело, где-то играет музыка. В кафе много посетителей. На бульварах толпы гуляющих, женщины катают детей в колясках. Это тоже Испания, и мы ее засняли.

Вдруг послышался пронзительный вой сирены. Люди стали разбегаться. Вынув детей из колясок, женщины прятались в дома с надписью «рефухио» — убежище. Начался обстрел с фашистского линкора «Эспанья».

Тревога окончена. На бульваре снова народ, в кафе допивают остывший кофе... Едем в центр города. Ряд зданий разрушен, на мостовых глубокие воронки от снарядов огорожены пустыми бочками.

Штаб обороны. У входа встречаемся с группой девушек-санитарок.

— Возьмем под объектив,— предложил я Кармену.

Заметив направленные на них аппараты, санитарки, смеясь, сказали нам, что они актрисы и с кинооператорами сталкиваются не впервые. В суровые для Испании дни они стали санитарками Народной армии.

Недалеко от Уэски нам удалось снять блиндированный поезд, который смастерили крестьяне. Состоял он из паровоза и платформы, обложенной мешками с землей, посредине которой стояла маленькая пушка...

Барселона. Красавица Барселона, столица Каталонии, крупнейший промышленный город и порт Испании. Улицы полны народа. Столики кафе, расставленные на тротуарах, заняты. Здесь много мужчин в военной форме и комбинезонах, все вооружены.

На главной площади дома украшены портретами Карла Маркса, Долорес Ибаррури, Хосе Диаса, множеством лозунгов.

Двухэтажные трамвайчики тоже в лозунгах: «Долой Франко-пекеньо» (коротышку), «Наш друг — СССР».

На стенах отдельных домов висят портреты с надписями. Они украшены цветами — в память революционеров, погибших здесь во время уличных боев.

Квадратный двор казармы имени Карла Маркса полон народу. Женщины провожают мужей, братьев, сыновей на передовые позиции. Сюда стекаются тысячи добровольцев. Здесь формируется интернациональный батальон. Снимаем тельмановцев под красным знаменем, французов, голландцев, австрийцев и других иностранцев, живущих в Барселоне.

В порту на рейде испанский линкор «Хаиме I». Это испанский броненосец «Потемкин». В первые дни фа-

шистского мятежа матросы «Хаиме I» арестовали офицеров и овладели кораблем. Теперь он обстреливает порты мятежников. Жители Барселоны приветствуют моряков республиканского линкора...

В Мадрид приехали поздно ночью. Было темно, в городе соблюдалась светомаскировка. Днем в Мадриде людно, шумно, звенят трамваи, сигналят машины, торгуют магазины, работает метро. В сентябре фронт был еще далеко от столицы, но Компартия Испании призывала народ к обороне города. Снимаю, как жители Мадрида роют окопы. Вместе со всеми работают Долорес Ибаррури и Хосе Диас.

Каменистая земля плохо поддается, кирка — тяжелое орудие, да и жара сильно утомляет, но руководители компартии показывают пример стойкости и вдохновляют всех своим трудом.

Хосе Диас, Б. К. Макасеев, Долорес Ибаррури

В воздухе фашистские самолеты. Люди бросаются в укрытия, в подвальные этажи высоких домов. Мы снимаем бегущих людей, показываем дорогу в убежища, помогаем переносить детей. Задыхаясь от горя и ярости, снимаем разрушения, убитых детей, стариков и женщин, попавших под бомбежку.

Нижний этаж отеля «Капитоль» занимал кинотеатр. Там демонстрировались советские фильмы. Задолго до начала утренних сеансов у входа собиралась большая толпа. Большинство одето в военную форму, вооружено пистолетами и винтовками. Заходим в зрительный зал. Интересно, как воспринимают наши картины. Шел фильм «Мы из Кронштадта». В момент, когда матрос падает в море, один из зрителей выстрелил в группу белых на экране. Фильм имел огромный успех, в течение двух с половиной месяцев не сходил с экранов города.

На улицах Мадрида плакаты: «Мадрид — это Петроград», «Защищайте Мадрид, как русские рабочие защищали революционный Петроград». Часто после демонстрации советских фильмов зрители стоя, с поднятыми вверх кулаками пели «Интернационал».

Целый день провели в казармах 5-го полка, организованного Центральным Комитетом Коммунистической партии Испании. Снимали прославленных командиров — бывшего каменщика из Галисии Энрике Листера и андалусского столяра Хуано Модесто. На большом плацу казармы и на близлежащих улицах района Тетуан опытные военные обучали вновь мобилизованных, показывали приемы боя и стрельбы с разных положений.

Утро. Едем на фронт. Полированный асфальт дороги блестит черной лакированной лентой. Автомобили движутся навстречу искоса падающим лучам солнца. Ветерок шуршит по еще зеленым, но уже сухим листьям. По канавам с обеих сторон дороги движется бесконечная вереница людей. За спиной у каждого ранец, скатанное одеяло или зеленая плащ-накидка без рукавов, винтовки на ремнях, широкие пояса с бесконечными карманами, в которых лежат патроны и гранаты на коротких палках-ручках.

Люди и машины движутся в одном направлении — в сторону фронта.

Обгоняем грузовики с людьми, вооружением и боеприпасами. Некоторые машины замаскированы ветками. Доносятся выстрелы, пулеметная трескотня слышится резче, в небе видны клубы дыма от разрыва шрапнельных снарядов. В двух километрах отсюда идет бой. Артиллерия стреляет через головы своих наступающих частей.

Бойцы с обочины дороги выходят на поле и двигаются шеренгами — готовятся к наступлению. Над головами свистят пули, заставляя пригибаться к земле.

Роман Кармен

Бой в разгаре. В воздухе пыль, жара, дышать нечем. К канонаде артиллерийских залпов н трескотне пулеметов прнсоединяются пронзительные сигналы санитарных машнн.

С командного пункта видна картина всего боя. Снимаем панорамой. Справа двигаются танки. Шрапнельные снаряды, разрываясь, образуют над ними маленькие облачка. Часто меняем кассеты с пленкой; нам тоже жарко. Под тенью деревьев стоит цистерна со свежей водой; бойцы наполняют фляги н бегом возвращаются на позиции. Короткий металлический звук. Пуля пробила корпус цнстерны. Люди прижимают флягу к образовавшемуся отверстию. Мимо нас проскочил раненный в шею мотоцнклист и направился к санитарному пункту. Не прошло и десяти минут, как он вновь затарахтел и помчался по полю в сторону фронта...

Когда мятежники стали подходить к Мадриду, правительство Республики приняло срочные меры, чтобы обезопасить ценнейшие национальные сокровища. Компартия организовала их эвакуацию. Несколько дней подряд я работал с группой художников-бойцов, упаковывал драгоценные картины Гойи, Веласкеса, Эль Греко, которые были перевезены в Валенсию.

В результате налетов фашистских бомбардировщиков разрушен замечательный дворец герцога Альбы и много других исторических зданий и памятников.

На площадях Мадрида происходила отправка детей в СССР. Большие междугородные автобусы заполнены маленькими испанцами. Им предстоит длинный путь. Муниципалитет снабдил каждого ребенка продуктовыми пакетами, сладостями, фруктами. В автобусах ящики с лимонадом и бидоны с водой. Сборы н отправка были недолгими: боялись налета вражеских самолетов.

Мы снимали почти непрерывно. В город возвращались лишь для того, чтобы обработать снятый материал н отослать его в Москву.

Но скоро и Мадрид стал фронтом. Решили снять уличные бои. Нас провели в одно из разрушенных университетских зданий, откуда мы и произвели съемки.

На крыше брошенного замка в Эскориале я нашел верхнюю точку для съемок масштабного плана. Около окна на чердаке обнаружил под чехлом телескоп, который позже был установлен на 16-этажном здании «Телефоники Сентраль» — главного наблюдательного пункта в Мадриде. С помощью телескопа хорошо просматривалась взлетная дорожка аэродрома Хетафе, откуда поднимались фашистские самолеты. Сведения наблюдателей немедленно передавались командованию ВВС в Алькала-де-Энарес.

В Испанию приходило много советских пароходов с ценными грузами для бедствующего населения и для фронта. Мы засняли прибывший в порт Аликанте пароход «Нева». Работницы табачной фабрики устроили советским морякам бурную встречу. Когда «Нева» уходила к родным берегам, население Аликанте украсило борта и перила парохода ветками с плодами апельсинов. Пароход, похожий на фруктовый сад, покидал город под возгласы: «Вива Русиа!», «Вива а лос совьетикос!»

Десятки километров под пулями, под огнем фашистов. Тысячи метров кинопленки, запечатлевших мужественную борьбу испанского народа, самоотверженность интернационалистов, вступивших в единоборство с фашизмом. 22 специальных киновыпуска, советские, французские, американские полнометражные фильмы, в которых использованы наши съемки,— таков итог нашей работы.

Н. Г. ЛЯЩЕНКО

НА ЮЖНОМ И ВОСТОЧНОМ ФРОНТАХ

По приезде в Испанию группы советских добровольцев меня назначили советником в 20-ю пехотную дивизию 9-го корпуса на Южном фронте. Стояла ранняя весна 1937 года.

Мне выделили переводчика. Он довольно сносно говорил по-русски. Утверждал, что был лейтенантом югославской армии. Однако военные познания имел довольно скудные. Но постепенно, как и шофер Хосе, усвоил

материальную часть оружия, потом помогал собирать, разбирать, готовить к стрельбе пулеметы, оборудовать для них позиции и обучать этому офицеров и солдат республиканской армии.

Н. Г. Лященко

Командир дивизии и наш старший военный советник ознакомили меня с обстановкой в полосе обороны дивизии, а также с настроениями в войсках. После этого, уточнив в штабе дислокацию частей, я отправился на передний край.

Состояние обороны дивизии на переднем крае произвело на меня тяжелое впечатление.

Первая линия обороны представляла, как правило, всего одну неполного профиля траншею, хотя бои под Мадридом и в самом городе подтвердили необходимость создания глубокой позиционной обороны с траншеями, с укрытиями и ходами сообщений, оборудованными площадками под пулеметы и позициями для орудий. Маскировка совершенно отсутствовала. Нередко далеко были видны развевающиеся на ветру знамена над командными и наблюдательными пунктами, особенно у анархистов.

Что это? Вызов противнику или свидетельство боевых намерений? Пожалуй, ни то и ни другое — просто неграмотность и беспечность.

На переднем крае одного из батальонов я застал следующую картину: на бруствере мелкого и узкого окопа стоит грязный пулемет «максим». Под оливами разбросаны пачки с патронами и тут же небрежно набитые пулеметные ленты. На позиции, кроме наблюдателя, ни души. Солдаты и командиры находятся в палатках метров за полтораста от траншеи, играют в карты, потягивают вино.

Поинтересовался у комбата Пабло: где противник?

— Там,— махнул в сторону широкоплечий, давно не бритый мужчина и удивленно посмотрел на меня, мол, зачем спрашиваешь?

— Враг у нас один — генерал Франко, будем его бить, где бы ни обнаружили, а что до стоящих против

нас марокканцев, вон их окопы виднеются. Чего вам еще нужно?

Кроме общих фраз о противнике, ничего не смогли добавить начальник штаба, командиры рот. Я попытался подсказать, что при таком «порядке» враг может внезапно напасть, захватить позиции и нанести нам потери. Пабло ответил:

— На это он не пойдет. Танки его к нам не пустят оливы, а на дороге подготовлена большая мина.

Комбат говорил о ней с гордостью, на самом же деле это была примитивная самодельная мина, которая вряд ли могла причинить большой ущерб противнику.

Дисциплина среди анархистов хромала на обе ноги. Нередко группы солдат бродили в ближайших деревнях, без разрешения ходили в гости к родственникам, даже когда они жили за линией фронта. За стаканом вина они, несомненно, вели разговоры о своей жизни, об обстановке в частях, так что сведения об этой мине уже успели дойти до противника.

Все это требовало срочного наведения порядка. Нужны были занятия по инженерному оборудованию районов обороны, тактике ведения оборонительного и наступательного боя. Пришлось остаться там надолго.

В бригаде я провел занятие с офицерами штаба по тактической подготовке на учебном ящике с песком, который мы соорудили. Большинство командиров к занятиям отнеслись серьезно. Но нашлись и такие, которые скептически оценили тактическую летучку. Сделал вид, что не замечаю этого.

Следующее занятие — по подготовке ротного района обороны. Помогал мне молодой офицер Санчо. Он дотошно расспрашивал меня о каждом элементе инженерного оборудования. Уяснив все сам, тут же собирал офицеров, унтер-офицеров, растолковывая им, требовал того, чтобы бойцы точно выполняли все указания, а в ходе занятия следил за четкостью действий командиров и бойцов.

В батальонах и ротах было оружие многих иностранных марок и систем. Как правило, старое, без запасных частей, с ограниченным количеством боеприпасов. Это усложняло обучение личного состава и ведение боевых действий.

За работой незаметно летело время. Я продолжал жить в ротах, батальонах, помогал испанцам овладевать военным делом, учил их язык, знакомился с бытом и

нравами. Научился читать испанские газеты. Ожидал с нетерпением прихода нашей «Правды», «Известий».

В результате успешного наступления республиканцев в направлении на Брунете Северный фронт получил передышку. На нашем Южном фронте республиканские войска предприняли наступление на Алькала-ла-Реаль (юго-западнее Хаэна) и перерезали дорогу, идущую на Гранаду.

В конце июля меня вызвали в Убеду, к корпусному советнику В. И. Кумелану. Он выслушал доклад, расспросил о нуждах окопной жизни, о настроении людей, угостил кофе.

— Вашей работой довольны,— сказал он в конце беседы.— По докладам командиров частей, вы нашли общий язык с представителями всех партий. Это очень хорошо. Но не время ли, капитан Николас, как, знаю, величают вас испанские товарищи, переходить на самостоятельный участок?

Я пожал плечами.

— Поедете советником в 21-ю пехотную дивизию. Думаю, справитесь с этой работой. Но до этого мы с вами побываем на левом фланге под Гранадой. Примем участие в бою одной из бригад.

Выехали рано утром. Косые лучи солнца только что высветили верхушки деревьев, изумрудом заиграли в каплях росы.

Сектор наступления был выбран в направлении на Серро-Негро. Бригаде предстояло овладеть господствовавшим над окружающей местностью перевалом и закрепиться на нем. После уточнения деталей план операции был одобрен.

Ночь прошла спокойно. Разведчики республиканцев побывали в тылу у противника, принесли ценные сведения. Работники штаба тут же внесли коррективы в план предстоящей операции.

В восемь утра началась артиллерийская подготовка. По общему сигналу батальоны перешли в атаку. Отозвались пулеметы мятежников. Плотный огонь противника мешал продвижению республиканцев. Наши артиллеристы подавляли пулеметы врага. Но артогня было явно мало.

Часам к двум республиканцы продвинулись километра на четыре, овладели частью высот. Появилась фашистская авиация. Самолеты сделали разворот, начали сбрасывать бомбы. Один из стервятников спикировал

на НП бригады. У нас укрытия не оказалось. У республиканцев, особенно в анархистских частях, было не принято заниматься инженерным оборудованием местности. Пришлось залечь на открытом скате высоты.

Я смотрел, как от самолета отделялись бомбы. Вылетали они в полунаклонном положении, затем принимали вертикальное, увеличиваясь в размерах. В этот момент хотелось вжаться в землю. Скосил глаза на полковника Кумелана. Он лежал с травинкой во рту и смотрел на приближающиеся смертоносные чудовища.

Взрыв потряс землю. Просвистели осколки, зазвенело в ушах. Дым, пыль окутали наблюдательный пункт. Старший советник обернулся в мою сторону:

— С крещеньицем, Николас!

Я впервые был под вражескими бомбами.

Наступление республиканцев развивалось медленно. Артиллерия бригады никак не могла подавить опорный пункт противника в глубине обороны. Фашисты приспособили под него каменные здания электростанций и мельницы. Мы с моим начальником предложили комбригу вывести батарею горных пушек на прямую наводку. Комбриг согласился, хотя и с неохотой.

Ночью батарея вышла на позицию, окопалась, а с рассветом орудия открыли огонь прямой наводкой. Снаряды довольно быстро разрушили здания. Опорный пункт пал. Республиканцы торжествовали. Но время было упущено. Фашисты уже успели подбросить резервы и артиллерию.

На том закончилась частная операция по овладению высотами у Серро-Негро. Она не принесла республиканцам желаемых результатов, кроме, конечно, того, что войска приобрели некоторый опыт. Сказалась нехватка артиллерии, снарядов, резервов.

После возвращения из Серро-Негро я простился с испанскими товарищами из 20-й пехотной дивизии и направился к новому месту службы — в качестве советника в 21-ю дивизию. Командир дивизии оказался кадровым офицером, грамотным и рассудительным человеком. Симпатизировал коммунистам. Он довольно радушно меня принял, познакомил с офицерами штаба, с положением на участке обороны.

Решил не задерживаться в штабе и на второй день выехал на передний край. На главном направлении оборонялась 78-я бригада анархистов. Ей поручалось прикрытие важного в военном отношении направления. Че-

рез занимаемый ею район проходило шоссе Гранада — Хаэн.

В батальоне встретил комиссара — рослого, статного человека с пересекающим лицо шрамом. Знакомство начал с вопроса:

— Зачем приехал?

— Посмотреть, как обороняется ваш батальон. Возможно, требуется какая-то помощь? — ответил ему спокойно.

Комиссар Леонсио скептически улыбнулся, пожал плечами, небрежно обронил:

— Хорошо, поедем на передний край. Там узнаешь, как живем, чем занимаемся...

Подали лошадей. Мне подвели явно застоявшегося жеребца. Коневод с ухмылкой предупредил: «Смотрите, камарада, он кусается».

Я взял в руки повод, потрепал коня по загривку — он нетерпеливо перебирал ногами — и вскочил на него. Пригодилась выучка на конном заводе.

Выехали на шоссе. Конь перешел на галоп. Комиссар с группой охраны отстал. Километра через два лошадь успокоилась и пошла спокойно. Догнал меня Леонсио и спросил:

— Николас — казак?

— Нет, кузнец.

— О, хорошо! — улыбнулся он.— Рабочий человек. Я — тоже,— ткнул он себя в грудь.

Показалась наша позиция и первая траншея противника. Леонсио поднял руку:

— Здесь опасно, Николас. Фашисты лощину простреливают. На днях пулеметной очередью офицера срезали.

Леонсио предложил спешиться. Я кивнул на лошадей, мол, проскочим. Комиссар согласился. Пришпорили коней.

Лощину миновали благополучно. Подъехали к району обороны батальона. Спешились. Леонсио представил меня командиру роты. Прошли вдоль траншеи. И здесь, как везде, плохо подготовлены площадки под пулеметы, отсутствуют ячейки для стрелков. Из перекосившегося на бруствере «максима» торчала грязная н плохо набитая лента.

— Плохо стреляет,— похлопал по затыльнику пулемета командир роты лейтенант Мануэль.— Лента застревает, горит ствол.

Комиссар воспользовался случаем:

— Может, русский советник покажет, как нужно вести огонь из пулемета?

Леонсио с интересом посмотрел на меня. Ждал, что отвечу. Я понимал: момент непростой. Спасуешь — пойдет бродить по фронту, обрастая небылицами, худая слава о советском советнике, о советском оружии. Снял пилотку, засунул ее за пояс, обернулся к переводчику:

— Пойдем!

Начали готовить пулемет и позицию для стрельбы. Повозиться пришлось изрядно. «Максим», совсем еще новенький, оказался не очищенным даже от заводской смазки. Отделил так называемый горевший ствол и поразился: опорная площадка для газов имела вид проржавевшего металла. Непроизвольно стукнул по ней отверткой. От площадки откололся кусок. Посмотрел — нагар. Начал было корить пулеметчиков. В ответ услышал:

— Мы его не разбирали. У него пружины стреляют. Осталась одна.

Действительно, у замка пулемета тугая боевая пружина. При неумелом обращении она может далеко отлететь. Разобрал пулемет, показал, как надо отделять и вставлять боевую пружину. Вычистил и собрал замок. Когда повторил разборку и сборку с завязанными глазами, Леонсио, Мануэль, подошедшие командиры и пулеметчики зацокали языками. Дооборудовали окоп и площадку для пулемета.

Командир роты хлопнул меня по плечу и сказал: «Муй бьен (очень хорошо), камарада русо!»

Мануэль тут же лег за пулемет. Вставил ленту. Выпустил длинную очередь. Пулемет строчил без заминок, пули летели куда надо.

— Ну как? — обернулся я к испанцам.

— Бьен, муй бьен! — послышалось со всех сторон.

Комиссар поблагодарил меня, предложил объехать остальные подразделения, распорядился также оборудовать позиции для всех пулеметов. Такой же урок повторился и в следующей роте.

На Южном фронте я пробыл без малого год. Последнее время работал советником командира 22-й дивизии. Крупных военных действий в то время здесь не проводилось. Принимал участие в подготовке и осуществлении целого ряда небольших операций, в частности по овладению горной грядой Коговес-де-Вега. Это был

сложный бой двух бригад, который выиграли республиканцы.

В начале апреля 1938 года меня телеграммой вызвали в Барселону. В штабе добровольцев главный военный советник Григорий Михайлович Штерн расспросил о настроении на Южном фронте, о боеспособности частей, поблагодарил за работу.

— Вас мне рекомендовал старший военный советник Фролов,— сказал Григорий Михайлович.— Знаю, что устали, время домой, но поймите, обстановка сложная. Республиканская Испания разделена на две части. Просил бы еще остаться на несколько месяцев. Новым людям будет трудно работать.

Я, конечно, согласился. Не задерживаясь, выехал к новому месту. До штаба армии добрался благополучно. Армейским советником оказался Павел Семенович Курбаткин. Он сразу же принял меня.

— Где я мог вас видеть, товарищ Лященко? — задумчиво произнес Павел Семенович.

— В Туркестане. Мы служили с вами вместе в Кушке.

Он тепло улыбнулся:

— Значит, сослуживцы?

— Так точно.

В конце беседы Курбаткин сказал, что мне предстоит взять на себя временно обязанности советника 41-го армейского корпуса. Там тяжело: республиканцы отступали под натиском фашистов.

В штаб корпуса прибыл под вечер. Комкора на месте не оказалось. Офицеры штаба о положении частей имели смутное представление. Связь с войсками отсутствовала.

Поехал с переводчиком и охраной вдоль реки Сегре. Навстречу шли разрозненные подразделения, остатки тылов. Командиры не знали, где противник и сколько его, говорили приблизительно и путано.

Недалеко от испано-французской границы встретили группу штабных офицеров одной из дивизий. Они рассказали, что бригада дивизии под натиском противника вынуждена была интернироваться в Андорру. Андоррские власти людей не обезоружили, но потребовали вынуть затворы из винтовок и пулеметов, собрать запалы ручных гранат, погрузить все на мулов. В таком виде провели бригаду через свою территорию и выпроводили в Испанию. О других частях дивизии пока сведений нет.

Командованию потребовалась неделя, чтобы собрать войска на рубеже реки Сегре. Отдельные части возвра-

тились из-под Риполя, Манресы, а то и от самого морского побережья.

Постепенно положение стабилизировалось. Прибыл выздоровевший советник корпуса. Я попрощался с офицерами, убыл в распоряжение армейского советника. Курбаткин выслушал мой доклад, дал два дня отдохнуть, а затем направил меня советником в 18-й армейский корпус, которым командовал Хосе дель Баррио.

— От него уезжает советник,— сказал Павел Семенович.— Вам придется принять эту должность. Хватит возиться с анархистами, а то недолго и самому принять их веру,— пошутил он,— поедете к коммунисту.

Через день, получив «сальвокондукто» (пропуск), я выехал под Лериду.

С командиром корпуса встретились во дворе. Хосе дель Баррио взял меня под руку, повел к штабу. На ходу начал рассказывать о делах на фронте, затем изложил заботы и нужды корпуса.

— Беспокоят меня 60-я и 61-я дивизии. Они только что сформированы, да и то не полностью. Не хватает офицеров, унтер-офицеров, недостает орудий, пулеметов, машин. В частях пока не налажена учеба.

— Многие командиры,— продолжал Баррио,— недавно выдвинуты из числа унтер-офицеров или взводного звена. На прежних должностях они справлялись неплохо. Но во главе рот и батальонов пока что не могут найти себя. Берутся за все, но мало что из этого получается. Правда, кое-что я уже предпринял. Перевел в дивизии часть офицеров из двадцать седьмой. Но этого, чувствую, мало. Прошу тебя, если не возражаешь, начни работу с 60-й и 61-й дивизий. Побывай там, помоги наладить учебу.

На следующий же день началось знакомство с частями корпуса. Прибыл в 61-ю дивизию. Командный состав штаба произвел неплохое впечатление. Люди подобрались толковые, работящие, хорошо знали настроение личного состава. Боролись с паникерами и пораженцами, разносчиками франкистской пропаганды.

Две бригады дивизии вели инженерные работы на оборонительном рубеже. И, надо сказать, неплохо. На совесть оборудовали траншеи, стрелковые ячейки, пулеметные площадки, окопы. Даже ходы сообщений отрывали в полный профиль. Видимо, многому уже научила война.

Во втором эшелоне дивизии дела шли хуже. Части располагались открыто. Солдаты бродили группами или лежали под кустами. Боевая подготовка штабом бригады даже не была спланирована.

Нужно было срочно выправлять дело. Предложил командиру дивизии собрать офицеров, до командира роты включительно, чтобы провести с ними занятия по огневой и тактической подготовке. Подготовили для этого одну из стрелковых рот.

Занятие прошло организованно. Бойцы и командиры роты Висенте действовали слаженно.

На следующий день занимался с офицерами, которые не смогли присутствовать на первом занятии. К вечеру приехал командир корпуса Хосе дель Баррио. Несмотря на протест комдива, он усадил меня в машину, сказал:

— С командирами взводов и унтер-офицерами проведут занятия сами. Опыт теперь имеют. Поедем в 60-ю дивизию...

Дни были заполнены до предела. Не заметил, как вступило в свои права лето — сухое и знойное даже на севере Испании. Несмотря на стабилизацию фронта по реке Эбро, положение по-прежнему было напряженным. Противник пытался отдельными подразделениями форсировать Сегре. Продолжались бои под Тортосой. Почти не прекращались бомбардировки городов Каталонии.

В один из дней к нам приехали заместитель главного военного советника Кузьма Максимович Качанов и старший военный советник армии Павел Семенович Курбаткин. Они побывали в частях корпусного подчинения, в дивизиях, осмотрели передовые позиции, присутствовали на занятиях, штабном учении бригады, встретились с командирами. Остались довольны.

Уже было принято решение провести силами нашей восточной и 5-й армий крупную операцию. Началась подготовка: рекогносцировочные работы, подвоз боеприпасов, перемещение частей.

По плану боевых действий корпуса 27-я пехотная дивизия под командованием Усаторре должна была форсировать реку Сегре по плотине в темное время суток. Предполагали, что шум падающей воды даст возможность перейти реку скрытно, приблизиться к позициям противника и внезапно атаковать его.

После захвата плацдарма бригадой дивизия должна была переправить основные силы на противоположный берег реки и овладеть прилегающими высотами.

60-я пехотная дивизия в это время должна была вместе с частями 35-й дивизии 5-й армии ликвидировать плацдарм фашистов и захватить железобетонный мост, а затем также совместно с частями 5-й армии штурмом взять город Балагер. В этой операции должна была участвовать и 27-я пехотная дивизия, действовавшая по правому берегу реки Сегре.

После форсирования Сегре восточной и 5-й армиям предписывалось наступать в направлении Сарагосы, чтобы соединиться с войсками центральной части республиканской Испании. При благоприятном развитии боевых действий наших армий задачей Центрального фронта было начать встречное наступление.

Полтора месяца работы по подготовке войск к предстоящей операции дали неплохие результаты. Части и соединения были готовы к наступлению, хотя отдельные командиры еще не избавились от шока недавних неудач.

В середине июля было решено начать боевые действия. Наступили самые напряженные дни. Почти безвыездно я находился в дивизиях. Проигрывали со штабами варианты боя и уточняли взаимодействие, вели усиленную разведку. Порой приходилось улаживать трения, возникавшие между командирами.

22 июля 1938 года под покровом темноты усиленный батальон 27-й пехотной дивизии приступил к форсированию реки Сегре. Противник вел себя спокойно. Лишь временами сполохи ракет скупо освещали местность.

Но вот противоположный берег реки отозвался выстрелами. Через несколько минут стрельба смолкла. В штабном окопе зазвенел телефон. Командир корпуса взял трубку. Звонил Усаторре. Выслушав комдива, Хосе дель Баррио облегченно вздохнул.

— Николас, порядок! — обернулся он ко мне. — Батальон захватил плацдарм.

И уже в трубку:

— Усаторре, поздравляю! Действуй по плану.

Напряжение немного спало. Прошло минут сорок. В землянку, заляпанный грязью, вошел офицер связи.

— Батальон возвратился,— устало доложил он.

— Какой батальон? — переспросил комкор.

— Тот, что форсировал Сегре.

— Что?!

Баррио побагровел, схватил телефонную трубку. В дивизию и бригаду понеслись звонки. Вначале там толком

не смогли объяснить, кто отдал батальону приказ на отход. Наконец к аппарату подошел Усаторре.

— Кто-то позвонил,— доложил он.— Передал телефонисту приказ: батальону возвратиться назад. Боец в суматохе боя не спросил кто, поспешил доложить распоряжение комбату. Тот отвел батальон. Очевидно, рука «пятой колонны». Сейчас разберемся.

— Разбирайтесь быстрее! — пророкотал в трубку Хосе дель Баррио.— Телефониста вместе с командиром батальона доставить ко мне! К вам выезжает комиссар корпуса. Встречайте!

Начинать форсирование реки в этом месте вновь смысла не было. Противник был начеку и освещал плотину ракетами. Оставалась надежда на 60-ю дивизию.

Утром после короткой артиллерийской подготовки 60-я дивизия вместе с соседом перешла в атаку. Передовые роты преодолели оборону фашистов, даже ворвались на мост, завязали бой за овладение безымянными высотами. Но поддерживающие их танки, натолкнувшись на противотанковый ров, по которому маневрировали противотанковые орудия врага, остановились. Несколько наших боевых машин были подбиты.

Внезапность была упущена и на этом участке. Фашисты разобрались в обстановке, сосредоточили плотный огонь по выдвинувшимся значительно вперед подразделениям 93-й бригады. После артогня и ударов авиации превосходящими силами франкисты контратаковали левый фланг бригады. Бригада, понеся потери, отошла на исходные позиции.

Настроение среди командного и рядового состава корпуса было подавленным. 93-я бригада понесла значительные потери. Хотелось успокоить старого знакомого по Южному фронту майора Альберто. Командир 60-й дивизии, провожая меня туда, сказал:

— Альберто очень переживает за неудачу. Даже к телефону не подходит.

Я не узнал Альберто: вместо веселого и жизнерадостного человека я увидел мрачного, небритого комбрига, в измятом обмундировании.

— Колас, Колас,— качал головой Альберто.— Все погибло. Потерял Диаса. Помнишь комбата Диаса? Как он на Южном фронте геройски овладел Пиньоном! Не хуже дрался и теперь. И вот его нет, как и многих ротных и взводных командиров, бойцов. Лучшие люди бригады лежат на этих высотах, а задание не выполнено.

Как мог, я утешил комбрига, поговорил и с командирами штаба, комбатами и ротными. Нацелил их на необходимость закрепить рубеж на случай контратаки фашистов. Поступили сведения, что в Балагер прибыли танки и свежие пехотные части противника. Не добились успеха соединения и 5-й армии, наступавшие левее.

Перед обедом фашисты открыли артиллерийский огонь из тяжелых орудий по переднему краю бригады. Один из снарядов угодил в КП. Взрывной волной меня отбросило в сторону. Попал в госпиталь.

Между тем положение республики с каждым днем ухудшалось. Несмотря на требования мировой общественности немедленно открыть французскую границу, чтобы переправить задержанные грузы, она продолжала оставаться закрытой, а с моря Испанская республика была блокирована фашистами. Недели через две я вернулся из госпиталя в корпус. Обстановка в республиканской Испании усложнилась. Блокада ее фашистами и измена привели к трагическому концу. Общая борьба с фашизмом сблизила нас. И поныне у меня сохранились самые добрые воспоминания об испанском народе, о его храбрых солдатах и командирах, которые так мужественно сражались за свободу родины.

Б. М. СЛОНИМЕР

ТЫЛ ПОМОГАЕТ ФРОНТУ

Весна 1937 года. Вот уже пять месяцев мы с Андреем Васильевичем Куликовым помогаем налаживать военное производство на ряде предприятий Каталонии.

К тому времени Каталония — наиболее промышленно развитая часть Испании — достигла многого в перестройке своих предприятий для выпуска вооружения, хотя раньше она военного снаряжения не производила.

На автомобильном заводе «Испано-Суиза» в Барселоне начался выпуск бронемашин и велась подготовка к производству винтовок и пулеметов, производился ремонт танков и автомашин. На заводах, где раньше штамповали консервные банки, канистры и прочие бытовые изделия, начали выпускать винтовочные патроны, а на машиностроительном заводе в Бадалоне изготовлялись по советским чертежам сложные патронные станки и

корпусы для снарядов. Там, где ранее могли делать лишь детские игрушки и будильники, приступили к производству взрывателей для снарядов. В Барселоне был пущен в эксплуатацию большой патронный завод, закупленный в одной из европейских стран. Хорошим подспорьем в снабжении республиканской армии патронами послужили организованные по нашему предложению фронтовые бригады по сбору стреляных гильз, которые после переобжима вновь поступали в Барселонский арсенал на снаряжение.

Б. М. Слонимер

В марте мы получили указание выехать в Валенсию. От Таррагоны путь наш пролегал главным образом по извилистым горным дорогам, выходящим время от времени к самому морю. Кругом все зеленело, просторы виноградных плантаций и прямые ряды оливковых деревьев подступали к самому шоссе. Ближе к Валенсии раскинулись апельсиновые рощи и рисовые поля. Недалеко от дороги золотились горы апельсинов, напоминая терриконы в шахтерских поселках. Урожай пропадал...

В Таррагоне, Тортосе, Винаросе и других прибрежных городах много войск. Это самый уязвимый участок республиканской земли. Отсюда до ближайшего, Теруэльского фронта всего около 100 километров и немногим больше до военно-морской и воздушной базы франкистов на Балеарских островах. Мятежные генералы не скрывали своего намерения именно здесь разрезать Республику на две изолированные части.

Чем ближе мы подъезжали к югу, тем чаще попадались туннели, охраняемые вооруженными жителями ближайших селений. Наш лексикон испанского языка обогатился словами «сальвокондукто» — пропуск и «консигна» — пароль. Мы, конечно, паролей не знали, но, подъезжая к очередному патрулю при въезде в селение или туннель, поднимали кулак и говорили: «Русо, совьетико». Этого было вполне достаточно, чтобы подозрительность сменилась дружественными улыбками и приветствиями.

В затемненную Валенсию приехали поздно вечером. Добравшись до гостиницы «Метрополь» — базы добровольцев-интернационалистов, мы оказались в кругу советских людей.

Валенсия — один из самых старинных городов Испании; одна часть города — средневековая, вторая — современная. Стоял март, но по-летнему грело солнце, цвели розы, жасмин, глицинии. На улицах масса молодежи в гражданской и военной одежде. По мостовым двигались, расталкивая толпу, камуфлированные военные автомобили. Транспарантов меньше, чем в Барселоне, в городе порядок, военные приветствовали друг друга, как это положено в регулярной армии. На Валенсию часто совершали налеты немецкие и итальянские бомбардировщики, базировавшиеся на острове Мальорка. Вой сирен вскоре стал привычным и для нас.

В Валенсии находилось правительство Республики, все министерства, штабы, здесь же располагался и штаб нашего главного военного советника Яна Карловича Берзина.

По характеру своей деятельности мы встречались с Берзиным несколько раз и всегда уходили от него заряженные его оптимизмом, сознанием важности выполняемого нами интернационального долга.

— Нас беспокоит,— говорил Ян Карлович, когда мы встретились с ним впервые,— обеспечение боеприпасами прибывающего в Республику советского стрелкового оружия. Помогите сейчас наладить в Валенсии восстановление стреляных гильз — их уже набралось около миллиона. Затем поезжайте в Эльче и Новельде: туда прибыло закупленное оборудование для двух патронных заводов, их надо быстро построить и пустить в эксплуатацию.

В тот же день мы познакомились с заместителем начальника комиссариата по вооружению сеньором Ротондо, с которым нам и предстояло работать. Сеньор Ротондо, типичный испанский интеллигент лет 45, держался вежливо, но просто, по-деловому. Мы с ним работали в продолжение полугода, и всегда он был неизменно внимателен и точен во всем, что имело отношение к сфере его деятельности, связанной с нуждами обороны Республики.

Две недели ушло у нас на помощь испанским товарищам в перестройке и наладке в Валенсии двух заводов, которые раньше производили различные металли-

ческие изделия, а теперь перешли на переобжим, то есть восстановление стреляных гильз.

В день отъезда из Валенсии мы решили побывать в театре.

Я. К. Берзин

Когда занавес опустился, к рампе вышел один из исполнителей и объявил, что в зале находятся бойцы интернациональных бригад и советские добровольцы. Зал встал в приветствии. На сцену вышла вся труппа, дирижер повернулся лицом к зрителям, оркестр заиграл «Интернационал». Слова международного рабочего гимна лились на разных языках мира, утверждая единение в борьбе и интернациональное братство трудового народа.

Эльче оказался небольшим городом, в центре которого, как во всех провинциальных городах Испании, большая площадь с фонтаном, гостиницей, рестораном и стоянкой для ослов, велосипедов и машин. Эльче расположен на бойком месте: здесь проходит самый короткий путь по шоссейной и железной дорогам из военно-морской базы Картахены и центра провинции Мурсии в Валенсию.

И вот в этом и соседнем городке Новельде следовало построить патронные заводы. В Эльче — завод по изготовлению латунных гильз, а в Новельде наладить производство пуль и снаряжение патронов порохом.

Директора завода в Эльче мы не застали, и нам указали на прихрамывающего человека средних лет в военной форме. Это был комиссар завода товарищ Висенте. Он очень обрадовался нашему приезду, и у нас сразу установились дружественные отношения. Директором завода вскоре был назначен один из работавших на заводе французских специалистов, инженер автомобильного завода Рено коммунист Пети.

В Новельде строился второй завод, но здесь все было проще, так как изготовление пуль не столь сложно, как основной части патрона — гильзы.

Строительство шло успешно. Заводы приступили к наладке оборудования. Но тут возникли трудности с ин-

струментом. Оба завода были закуплены в одной из капиталистических стран, и только злым умыслом можно было объяснить отсутствие в комплекте оборудования станков для инструментальных цехов. Такое положение ставило под угрозу срыва всю работу.

Мы решили поехать в Картахену, где при портовом арсенале работал патронный завод, эвакуированный из Толедо. Возглавлял завод полковник старой армии Ортего, о котором еще в Валенсии мы слышали много хорошего как о специалисте и патриоте, проявившем инициативу при налаживании эвакуированного предприятия.

Встретивший нас, несмотря на ранний час, полковник Ортего оказался человеком преклонного возраста. Одет он был в военную форму старого покроя, из-под фуражки виднелись седые волосы. «Старый, усталый человек»,— подумал я, знакомясь с ним. Но первое впечатление оказалось обманчивым. Когда мы пошли по цехам, расположенным в полутемных крепостных казематах, Ортего весь преобразился. Перед нами был специалист, любящий свое дело и преданный ему.

Хотя помещения были явно не приспособлены для заводских условий, у станков царил полный порядок, не было суеты, каждый занимался своим делом. Хорошо организована транспортировка полуфабрикатов между технологическими переходами, тара единообразная, между рядами станков ходят наладчики, а у столов с готовой продукцией стоят лейтенанты и проверяют качество. Все как должно быть на военном предприятии.

— Ну а какой вы нашли выход с инструментом? — спрашиваю я.

— Знаете,— говорит Ортего,— мы вывезли этот завод из-под носа у франкистов. Я выезжал с эшелоном из города, когда марокканцы уже входили в Толедо. Но инструментальный цех мы не вывезли из-за отсутствия транспорта. А здесь вопрос с инструментом решили следующим образом: мы добились приказа военных властей о мобилизации из Картахены и ближайших селений всех кустарей вместе с их оборудованием. Они работают здесь на своих станках, хорошо зарабатывают и делают все очень добросовестно. Они знают, что после окончания войны мы их вместе со станками вернем на старые места — об этом каждому выдана письменная гарантия.

По нашей просьбе Ортего поехал с нами в Мурсию, где в провинциальных профсоюзных комитетах рассказал, как они обеспечивают завод инструментом. Однако

здесь все оказалось сложнее, чем в районе военно-морской базы. Предприятиями и мастерскими Мурсии, как и повсюду на территории Республики, руководили профсоюзы. Большинство из них входило в крупнейший профцентр — Всеобщий союз трудящихся, но значительную силу представляла и анархо-синдикалистская Национальная конфедерация труда.

Как и следовало ожидать, анархо-синдикалисты воспротивились повторению опыта Картахены. Они назвали это покушением на свободу личности.

Увидев безнадежность спора, я выдвинул свой вариант: привлечь предприятия Мурсии, Аликанте и других городов провинции к изготовлению инструмента, не трогая станки и их собственников с места. Это предложение без особых пререканий было всеми принято. Но у меня и у Куликова добавилось работы. В профсоюзах нам дали списки механических предприятий и мастерских. Мы должны были их посетить, изучить там оборудование и квалификацию работников, возможность изготавливать тот или иной вид инструмента.

Знакомство с предприятиями оказалось полезным. В Аликанте и Мурсии имелись неплохо оборудованные ремонтные базы, мелкие мастерские и автостанции. Мы их брали на учет и через некоторое время имели нечто вроде производственных паспортов, где было отмечено, что́ можно изготовлять на том или ином предприятии.

Скоро инструменты стали поступать в Эльче и Новельде. Дела пошли веселей, постепенно, операция за операцией, началось освоение сложной технологии изготовления гильз. Однако брак был велик, ощущалась нехватка квалифицированных рабочих. По нашей просьбе на завод из числа выздоравливавших после ранения бойцов интернациональных бригад прислали 25 специалистов.

Мне особенно запомнился один австрийский коммунист. Звали его Карл (фамилию, к сожалению, забыл). С 1915 года вплоть до Февральской революции 1917 года в качестве военнопленного работал он на Луганском патронном заводе в Донбассе. Вернувшись на родину, вступил в Красную гвардию, а в 1919 году с большой группой венских рабочих отправился в Будапешт для защиты Венгерской республики. В 1934 году, во время февральских событий в Австрии, он стоял во главе вооруженных рабочих, захвативших оружейный завод в Штайре. Когда выступление рабочих было подавлено,

Карл нелегально перешел чехословацкую границу, откуда перебрался во Францию. С первой группой добровольцев он прибыл в Испанию и вступил в интернациональную бригаду.

С Карлом было легко работать. Он прекрасно разбирался в производстве, знал русский язык, был трудолюбив и беспредельно предан делу, которому отдал свою жизнь. На его плечи легли все вопросы наладки технологического процесса и пооперационного контроля. По-новому был организован распорядок рабочего дня. До сих пор работали с восьми утра и до двенадцати, потом до четырех — до спада жары — был перерыв. С четырех снова приходили на завод и работали до восьми вечера. В субботу рабочий день кончался в двенадцать дня, а затем отдых до понедельника.

В напряженной обстановке, когда фронт требовал огромного количества боеприпасов, так продолжаться не могло.

Собрали заводской комитет, я рассказал о положении на фронте, о состоянии производства и необходимости перейти на режим работы, соответствующий требованиям военного времени. Без особых возражений приняли решение о переходе на трехсменную работу без выходных дней.

Чтобы создать условия для нормальной работы, все окна и верхние фонари закрасили синькой, специально выделенный персонал поливал водой двор и цехи, были установлены дополнительные вентиляторы. В воскресенье работали только мужчины. Введение нового порядка оформили приказом, который подписали директор, комиссар и заводской комитет.

Прошла первая неделя. Никаких признаков недовольства новым порядком не было.

Но вот прибежал Висенте и, волнуясь, сообщил: звонили из профсоюза и предупредили, что на площади какие-то люди собирают народ и призывают освободить завод от якобы засевших там контрреволюционеров. Особенно много анархистов, кто-то кричит, что на заводе восстанавливаются капиталистические порядки.

Актив завода собрался во дворе. Приняли решение усилить охрану завода и пойти на площадь, чтобы разъяснить собравшимся истинное положение. Главное обвинение, выдвинутое против нас представителями анархо-синдикалистов,— почему не работают на заводе члены их организации — было снято после нашего заявления

о том, что рабочих на заводе не хватает и что мы будем рады всем, кто придет к нам, независимо от партийной и профсоюзной принадлежности. После этого переговоры быстро пришли к успешному завершению, стала ясной суть затеянной контрреволюционной провокации. Сразу же была открыта запись желающих работать на заводе. Смутьяны куда-то исчезли.

В тот же вечер товарищи из Народной милиции вместе с представителями рабочих произвели обыски в гостинице, увеселительных домах, автогаражах и на пригородных виллах. В результате выловили более 50 подозрительных лиц, оказавшихся монархистами. Некоторые из них были вооружены. В одном гараже нашли взрывчатку, предназначенную для диверсии на заводе. Здесь же арестовали руководителя местной троцкистской организации.

Арестованные на допросах заявили, что хотели расправиться с советскими и французскими специалистами и разрушить завод.

В последние дни апреля 1937 года мы с Андреем Куликовым были заняты в горах недалеко от Новельде — организовывали стрельбища и знакомились с работой пиротехнической мастерской, предназначенной для обеспечения капсюлями новых заводов.

Когда мы вернулись в Эльче, здесь полным ходом шло приготовление к празднованию 1 Мая. Мы сидели в завкоме и слушали сообщение Висенте о плане первомайского вечера. В это время вошел товарищ из охраны и сказал:

— Камарадас, вас спрашивает военный, по-испански не говорит, мы поняли только слово «русо».

Мы с Андреем вышли на улицу и увидели две большие автомашины. Оказалось, что они везли в Лос-Алькасарес советским летчикам и в Арчену танкистам праздничные подарки. После обычных вопросов — как дела, что дома — нам вручили по большому фанерному ящику, на которых были наши фамилии и надпись: «С праздником 1 Мая», а с другой стороны мы прочли: «Родина помнит».

Очень было радостно. Мы несколько дней ходили именинниками. Родина помнит! Родина заботится! Родина поздравляет!

Мы, конечно, всем делились с товарищами. Сорок пачек «Казбека» стали достоянием всех курящих.

Вечером 1 Мая состоялся торжественный концерт.

Удивительно талантливо, ярко исполняли испанцы народные песни, танцы. В нашу честь прозвучала русская песня, французским товарищам была посвящена «Марсельеза», которую подхватил весь зал.

Международный день солидарности трудящихся всего мира стал днем единения и для коллектива завода в Эльче.

ИЗ СТАТЬИ МИХАИЛА КОЛЬЦОВА «ВТОРАЯ ЗИМА В ИСПАНИИ»

Трудно переоценить успехи испанских рабочих за эти пятнадцать месяцев. Раздробленные организационно и политически, они снизу, из массы, заставляют профсоюзных и партийных руководителей договариваться, крепить единство Народного фронта.

Терпя лишения по вине не своей, иногда даже не из-за войны, а из-за бюрократизма и саботажа ведомственных и профсоюзных чиновников, они обнаружили замечательное терпение и упорство, огромный трудовой энтузиазм, много инициативы и изобретательности. Именно этим в основном можно объяснить успехи испанской военной промышленности, которая при всех своих недостатках работает все лучше.

Нельзя не аплодировать, например, полному освоению в пять месяцев выпуска самолетов-истребителей новейшего типа с мотором; или в три месяца — выпуска броневиков, сложнейших прожекторов противовоздушной обороны, автоматического скорострельного оружия; или организации на случайных заводах, в первых попавшихся мастерских производства десятков тысяч снарядов ежедневно...

Трудящиеся Испании, и прежде всего рабочий класс, готовы бороться, сколько нужно будет. Им нужны лишь хорошая организация, порядок и дисциплина...

Возможности и ресурсы Испании в ее освободительной войне против иностранного и местного фашизма сильно напряжены. Но они далеко не исчерпаны. Наоборот, чем дольше идет эта война, чем труднее она становится — тем выносливее и терпеливее, тем деловитее и изобретательнее становится испанский народ.

Сейчас командование Франко, по всем данным, готовит новое наступление на республиканскую Испанию. Интервенты приготовили свежие итальянские дивизии, огромное количество артиллерии и авиации. Удар все откладывается, очевидно, для лучшей его подготовки, и это уже вызвало нервозность среди фашистских государств, которые хотят, наконец, завершить свою испанскую экспедицию и насладиться ее плодами.

Но суета эта преждевременна. Республиканская армия готова и к большому сражению. Собрав все силы, испанский народ продолжает и будет вести бой, пусть в неравных условиях.

Правда, 1937, 27 ноября

М. И. ЗАЙЦЕВА

ВОЕННЫЕ ПЕРЕВОДЧИКИ

Советские командиры-добровольцы, поехавшие в Испанию помогать ее героическому народу вести борьбу с фашизмом, испанского языка в большинстве своем не знали. В то же время, становясь советниками испанских командиров — различного ранга и всех родов войск, они должны были повседневно, ежечасно, ежеминутно общаться с испанскими товарищами, решая важные вопросы самого разного характера. Для того чтобы такое общение оказалось возможным, сразу же потребовалось довольно много переводчиков.

Если обычно на войне устный перевод нужен только при допросе пленных, то здесь положение было совсем иным. Нередко разговор происходил под бомбежкой, в условиях артиллерийского и даже пулеметного обстрела, на «ничейной» территории (в командирской разведке), во время полетов над территорией противника, в походах военных кораблей и, наконец, в тылу врага.

Речь шла о военных операциях, иногда малейшая ошибка в переводе могла привести к непоправимым последствиям. Поэтому напряжение было огромным.

Был такой случай: только что прибывшая переводчица повергла в полное изумление испанского полковника, переведя ему предложение нашего советника перебросить две дивизии на другие позиции. Такая передислокация полностью оголила бы ответственнейший участок фронта. К счастью, очень быстро выяснилось, что речь шла всего-навсего о двух артиллерийских дивизионах. Русское слово «дивизион» девушка по созвучию перевела испанским словом división — дивизия.

Переводчикам приходилось изучать военную терминологию в процессе работы. На первых порах, прежде чем переводить тот или иной военный термин, мы просили говорившего коротко объяснить, что он означает, затем переводили это собеседнику и от него узнавали соответствующий термин на другом языке. Помню, как я растерялась, когда в первые же дни моей работы главный советник артиллерии полковник Н. Н. Воронов попросил меня перевести: «Построить параллельный веер». Все эти слова в отдельности я по-испански знала, но совершенно не была уверена, что это и по-испански звучит так же.

М. И. Зайцева

Но поскольку практика была непрерывной в буквальном смысле этого слова, мы очень быстро приобрели необходимые знания и навыки. Многие из нас вскоре добились такого беглого и точного перевода, что разговаривавшие между собой русские и испанцы переставали замечать, что ведут разговор через переводчика.

Наши военные советники в Испании завоевали всеобщее уважение не только своими знаниями и военным мастерством, но и личным мужеством и хладнокровием в боевых условиях. И всегда, в любой обстановке рядом с ними находились переводчики, в большинстве своем совсем молодые женщины, от которых требовалось не меньшее мужество и хладнокровие. И не просто присутствовали, а выполняли очень трудную и ответственную работу. Желание помочь испанскому народу заставило их расстаться с семьями, отказаться от привычной мирной обстановки и отправиться делить все тяготы фронтовой жизни с кадровыми военными.

Переводчиков обычно прикрепляли к какому-нибудь одному советнику, но, во-первых, прикрепление это часто было временным, а во-вторых, даже имея своего постоянного начальника, нередко приходилось переводить и другим. За 13 месяцев пребывания в Испании мне довелось работать с капитаном А. И. Родимцевым, майором Б. Ф. Дудаковым и последние полгода — с комдивом Г. М. Штерном. Однако при различных обстоятельствах мне приходилось переводить также артиллеристам, танкистам и летчикам.

К сожалению, мне не пришлось работать с моим мужем — Рубеном Сергеевичем Аваковым. Прибыл он в Испанию одновременно со мной в октябре 1936 года и принимал участие в подготовке танковых подразделений республиканской армии. Первые экипажи формировались из испанцев и бойцов интернациональных бригад, главным образом немцев, среди которых было много техников и механиков. Обучение шло ускоренным темпом, но весьма успешно. Этому способствовало и то,

Р. С. Аваков

что муж применял собственные методы обучения. В частности, он использовал изобретенное им за год до этого устройство, принятое на вооружение Красной Армией и описанное в специальной литературе как «светопушка Авакова». Оно позволяло проводить обучение стрельбе из танка по движущимся мишеням без траты боезапаса, пользуясь световым лучом. Можно представить себе, как пригодилось это изобретение тогда, в сражающейся Испании, где на счету был каждый патрон.

Одним из первых заданий, выполненных Рубеном, была встреча и разгрузка прибывшего в Картахену советского транспорта с танками и боеприпасами. Прибытие транспорта держалось в тайне, но каким-то образом фашисты узнали о нем, и разгрузка оружия проводилась под непрерывной бомбежкой. Тем не менее удалось обойтись без потерь.

Командование высоко оценило работу лейтенанта Авакова в Испании: он был награжден орденами Красной Звезды и Красного Знамени.

Р. С. Аваков погиб в 1942 году на фронте Великой Отечественной войны, в которой участвовал с первого дня...

Большинство наших переводчиков в Испании были женщины, но мне хочется вспомнить также трех переводчиков-мужчин и коротко рассказать о них.

Федор Иосифович Кравченко родился на Кубани в семье крестьянина-бедняка. В годовалом возрасте он оказался в Уругвае, куда в поисках спасения от нищеты уехал с семьей его отец. Испанский язык стал вторым родным языком Феди. Будучи еще совсем юным, он примкнул к молодежному революционному движению. В 1929 году Федя вернулся на родину и работал в Коммунистическом Интернационале Молодежи. Естественно, что, когда началась война в Испании, комсомолец Кравченко поехал в Испанскую республику и работал там до середины 1938 года.

Г. М. Штерн

Мне много раз приходилось слышать, как Федя переводил. Это была работа на очень высоком профессиональном уровне. Говорил он всегда тихо, ровным, спокойным голосом, предоставляя собеседникам возможность воспринимать интонацию друг друга. Никакая бомбежка, никакая опасность не могла вывести его из равновесия, нарушить его невозмутимость. Усталости он не знал.

В годы Великой Отечественной войны Ф. И. Кравченко сражался в партизанском отряде, получил звание Героя Советского Союза.

Отличным переводчиком был и Иван Акимович Триста. Сын русской учительницы и кубинского врача, он родился и вырос на Кубе, поэтому для него, как и для Феди Кравченко, оба языка — испанский и русский — были родными. Он работал переводчиком у советника артиллерии, великолепного специалиста Николая Александровича Клича.

Мишу Макарова я знала еще по институту иностранных языков. В октябре 1936 года мы вместе прибыли в Испанию на одном пароходе. Военного образования Миша не имел. Его послали работать переводчиком в летную часть, где он быстро овладел специальностью стрелка-радиста и справлялся со своими новыми обязанностями ничуть не хуже профессионалов военных, принимал участие в боях. Миша погиб во время Великой Отечественной войны.

Отдельно мне хочется вспомнить о работе с Григорием Михайловичем Штерном, который был сначала заместителем главного советника, а с мая 1937 года по апрель 1938 года — главным военным советником при республиканском правительстве Испании. Это был прирожденный военный, что называется, командир «милостью божьей». Я, разумеется, не берусь оценивать его стратегические способности, его вклад в разработку военных операций. Но, судя по тому огромному уважению, с которым относились к нему испанские кадровые офицеры, военные-интербригадовцы и наши советники.

по тому вниманию, с которым выслушивались его советы и рекомендации, знания и талант Г. М. Штерна признавались всеми.

Из моих непосредственных впечатлений в памяти остались его огромная работоспособность, мужество и хладнокровие в самых экстремальных ситуациях, необычайная четкость и точность в изложении мыслей и доводов. Поэтому переводить его было одновременно и легко и трудно — хотелось найти в испанском языке аналогичные емкие и точные формулировки, особенно при таких ответственных разговорах, как с начальником Генерального штаба полковником Рохо, военным министром Прието и другими.

Дальнейшая деятельность Григория Михайловича подтверждает, что слава крупного военачальника была им вполне заслужена. После возвращения из Испании Г. М. Штерн уже в звании комкора назначается начальником штаба Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, руководит боями у озера Хасан (за что получает третий орден Красного Знамени), с 1938 года командующий армней, в 1939 году участвует в боях на Халхин-Голе, за что удостоен звания Героя Советского Союза, затем командует армией в войне с белофиннами. Все время в действующей армии, все время в самых горячих точках... Летом 1940 года ему было присвоено звание генерал-полковника, в начале 1941 года он был назначен командующим войсками Краснознаменного Дальневосточного фронта, а затем — начальником Управления противовоздушной обороны Красной Армии.

В числе фронтов республиканской армии был Арагонский, на котором были дислоцированы в основном анархистские части. Долгое время мятежники не предпринимали здесь никаких военных действий, не вели наступления и республиканцы. Но в начале июня 1937 года республиканское командование стало разрабатывать операцию под Уэской, и Г. М. Штерн отправился туда.

Жара стояла страшная. В безводном Арагоне она переносится особенно тяжело. Поехали мы на фронт вместе с советником Арагонского фронта комбригом В. А. Юшкевичем и представителем испанского командования. Машина мчалась по пустынному шоссе, поднимая высокий, густой столб пыли, она лезла в глаза, нос, уши, хрустела на зубах. Ужасно хотелось пить, но нигде не было никаких признаков ни жилья, ни колодца.

Наконец мы прибыли в штаб одной из бригад. Умываться было некогда, и мы, утолив жажду, направились в расположение частей. Появление представителя штаба фронта не произвело на бойцов никакого впечатления. Винтовки стояли как попало. Никто толком не мог ответить, где командир. Его пришлось долго разыскивать.

Конечно, не все позиции Арагонского фронта были так неприглядны, но все же боеспособность его частей вызывала серьезные опасения. Позже на укрепление фронта были переброшены надежные, испытанные соединения, в том числе 12-я интернациональная бригада под командованием Мате Залки, знаменитый 5-й корпус и другие.

Немало было тяжелых дней в то жаркое лето. Но один из них запомнился мне особенно остро.

11 июня Григорий Михайлович поехал на командный пункт одного из соединений, участвовавших в операции под Уэской. Путь лежал по дороге, которая вздымалась круто в гору. Слева хорошо была видна занятая фашистами Уэска. Столбы пыли, поднимаемые каждой проезжавшей машиной, служили превосходным ориентиром для противника, свободно простреливавшего артиллерией эту дорогу. Поэтому с целью маскировки левая сторона шоссе на всем его протяжении была огорожена своеобразным частоколом из тростника. Но пыль поднималась выше этой изгороди и предательски выдавала каждую двигавшуюся по дороге машину.

Наша машина проехала часть пути, когда встретившийся патруль сказал нам, что полчаса назад здесь осколком снаряда убит генерал Лукач — Мате Залка и ранен находившийся с ним советский полковник П. И. Батов. Как потом оказалось, генерал Лукач был не убит, а смертельно ранен. Все мы тяжело переживали гибель талантливого военачальника, полного кипучей энергии мужественного борца-антифашиста, чудесного человека... Мне не раз приходилось встречаться с ним в Испании, и в моей памяти он остался живым, веселым и жизнерадостным — таким, каким я его знала.

Очень тяжелое положение создалось в то время на Севере, с самого начала войны отрезанном от остальной территории Республики. После полуторамесячных напряженных оборонительных боев против превосходящих сил фашистов республиканским войскам пришлось оставить город Бильбао.

Однако, несмотря на успехи противника на Севере, основные события развивались по-прежнему на Центральном фронте, у Мадрида. Именно здесь необходимо было организовать крупное наступление, чтобы создать перелом в ходе военных действий. С этой целью в июле 1937 года была предпринята наступательная операция республиканской армии, вошедшая в историю под названием сражения под Брунете.

Армейские корпуса, наступавшие на главном направлении с северо-запада, должны были прорвать фронт, захватить несколько населенных пунктов, в том числе Брунете, и продвигаться на юг, чтобы установить огневую связь с корпусом, наносившим удар с юго-востока от Мадрида в направлении Карабанчель-Альто.

Операция началась в ночь на 6 июля. К пяти часам утра 6 июля части, которыми командовал Энрике Листер, окружили, а еще часа через два, не понеся потерь, заняли Брунете. К этому же времени части дивизии под командованием Хосе Мария Галана после мощного бомбового удара и получасовой артиллерийской подготовки начали наступление на другой опорный пункт фашистов — деревню Вильянуэва-де-ла-Каньяда.

На рассвете 7 июля Вильянуэва-де-ла-Каньяда была взята.

Во время сражения под Брунете нам пришлось быть свидетелями первого ночного воздушного боя.

Как известно, в тылу республиканских войск активно действовала «пятая колонна». Сейчас все знают, что означает это выражение, но мало кто помнит, откуда оно пошло. Это слова франкистского генерала Мола, который накануне наступления фашистов на Мадрид осенью 1936 года сказал, что наступление это будет вестись четырьмя колоннами, а пятая будет действовать в самом городе.

Действовала «пятая колонна» и в Брунетской операции. Командный пункт наших советников находился недалеко от Брунете, в одиноком домике. В первую же ночь после начала операции мы увидели вокруг себя осветительные ракеты. Назначение их мы поняли, когда услышали над головой мощный гул авиационного мотора. Нужно сказать, что из-за жары мы спали на улице, поэтому могли, насколько это позволяла темнота, наблюдать за тем, что происходило. Самолет — судя по звуку, бомбардировщик — довольно долго кружил в небе. А потом загрохотали взрывы. От зажигательных

бомб загорелась трава. Противовоздушная оборона республиканцев на этом участке отсутствовала. Второй заход, третий. Опять взрывы бомб. И так всю ночь.

На следующую ночь мы с тоской глядели в прекрасное, расцвеченное звездами ночное небо Испании и ожидали появления вражеских самолетов. Мы лежали без сна, а над нами тяжело гудел и завывал вражеский бомбардировщик. Но что это? К его гудению вдруг прибавился какой-то новый звук. Показалось? Нет, в воздухе явно появился еще самолет. Звук его мотора был тоньше. Он мог исходить только от истребителя. Мы вскочили и стали всматриваться в темное небо, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть. Вдруг гул моторов прорезали пулеметные очереди. Через несколько секунд горящий самолет прочертил в воздухе огненную дугу. Это был фашистский бомбардировщик. Мы не верили своим глазам. Вести бой ночью, вслепую, и сбить врага — вот это класс!

Очень скоро мы узнали, что «юнкерс» был сбит советским летчиком Михаилом Якушиным. С тех пор на Мадридском фронте фашисты ночью летать опасались.

Во время Брунетской операции нам приходилось проезжать по дороге, простреливаемой артиллерией противника. Мне это было уже знакомо. Как-то группа наших советников, поднимаясь к наблюдательному пункту, попала под сильный артиллерийский обстрел. Снаряды проносились над головой с отвратительным воем и свистом. Николай Николаевич Воронов, как специалист, на ходу объяснил мне, что такой снаряд уже не страшен. Если слышишь свист, значит, снаряд уже пролетел. А вот когда раздается выстрел, тут лучше пригнуться, потому что кроме опасности взрыва есть еще опасность контузии струей воздуха, если снаряд пролетает достаточно низко.

Через несколько шагов Воронов с любопытством спросил меня:

— А вы почему не пригибаетесь? Храбрость демонстрируете?

— Вовсе нет. Просто в вас два метра, а во мне полтора. Как вы ни сгибайтесь, я все равно окажусь ниже. И не только вас, а и всех остальных.

Моя аргументация рассмешила всех. А ведь говорила я совершенно серьезно — впервые в жизни мой маленький рост предоставил мне некоторые преимущества.

Нужно сказать, что в результате Брунетской операции республиканцы получили очевидный стратегический успех. Это наступление сорвало сроки выполнения первого этапа общего стратегического плана летней кампании противника — ликвидации Северного фронта. Фашисты оказались вынужденными снять с Северного фронта часть сил, дав северной армии республиканцев возможность укрепить подступы к Сантандеру и оправиться от полученных ударов.

С 14 июля части республиканцев по приказу командования перешли к обороне. Мы снова стали ездить ночевать в Мадрид, в отель «Гайлорд». 17 июля республиканскому командованию стало известно, что на следующий день фашистами назначено генеральное контрнаступление. Нужно было срочно принимать меры.

Утром 18 июля на командном пункте собрались испанские командиры и наши советники. Я, как обычно, переводила. Но вдруг все поплыло у меня перед глазами и мне стало дурно.

К вечеру стало плохо и Штерну. На командный пункт поступили донесения из других частей об аналогичных случаях с нашими советниками и переводчиками. Врачи установили острое отравление. Анализ показал: мышьяк. Выяснилось, что все отравленные — их оказалось 22 человека — завтракали в «Гайлорде». Кто-то постарался накануне решающего сражения вывести из строя наших советников.

Нас привезли в «Гайлорд». К этому времени органы безопасности арестовали несколько человек из обслуживающего персонала гостиницы, но через два-три дня все они были выпущены на свободу «за отсутствием прямых улик». А нам было очень тяжело. Трое из нас — болгарин Цвятко Радойнов, работавший в штабе Центрального фронта, молодой итальянец Маркуччи и я — находились между жизнью и смертью. Нужно было достать молоко, а его в осажденном Мадриде не было даже для детей. И все-таки испанцы где-то раздобыли немного молока, которое, вероятно, и спасло нам жизнь.

В заключение мне хочется отметить, что народ Испании относился к нам с трогательной любовью и теплотой. На фронте испанцы всячески старались облегчить нам жизнь, хотя сами находились в таких же тяжелых условиях. Наша дружба — это фронтовая дружба, она закалена в боях и скреплена кровью наших погибших товарищей.

13 Заказ 73

БОМБАРДИРОВКА ГЕРНИКИ

26 апреля германские самолеты подвергли бомбардировке Гернику — прежнюю столицу Басконии, городок с 10 тысячами населения, расположенный в 20 километрах от Бильбао.

Известия, 1937, 28 апреля

Кровавая бойня, учиненная германскими интервентами и испанскими мятежниками в баскском городке Герника, продолжает волновать мировое общественное мнение. Баланс этого чудовищного преступления огромен: цветущий город, древняя столица Страны Басков, превращен в развалины; в один день было убито 800 стариков, женщин и детей, число раненых не поддается учету...

«Это подлинная репетиция «тотальной войны», произведенная Германией и Италией в Испании,— той войны, которая никого не щадит, сеет повсюду смерть и разрушение»,— констатирует парижская радикальная газета «Эвр».

«Налет на Гернику был задуман и проведен с изумительной точностью,— пишет лондонская «Дейли геральд».— Все самолеты и бомбы были германского происхождения. Летчики — немцы. Не захотела ли фашистская Германия испытать на беззащитном городе эффективность своих воздушных сил?»

Правда, 1937, 9 мая

А. В. КРУЧЕНЫХ

ОПЕРАЦИЯ «МАЯТНИК»

В июне 1937 года после ожесточенных боев республиканские войска вынуждены были оставить Бильбао и отошли на заранее подготовленные рубежи к западу от города.

Северный фронт находился на побережье Бискайского залива. Приморские фланги линии фронта находились примерно в 80 километрах к востоку от Сантандера и в 25—30 километрах к западу от Хихона — двух наиболее крупных городов и портов, оставшихся в руках республиканцев на севере Испании.

Положение со снабжением фронта создалось тяжелое. Местные ресурсы и возможности были крайне ограниченны. Не хватало вооружения, боеприпасов и особенно самолетов: в распоряжении командования Северным фронтом оставалось всего несколько истребителей, в то время как на стороне противника действовали крупные немецкие и итальянские соединения истребителей и бомбардировщиков. Остро ощущался

недостаток продовольствия и топлива для кораблей. Все это могло быть доставлено только морским путем, так как Северный фронт был отрезан от других районов страны. Но фашисты блокировали с моря порты Сантандер и Хихон вспомогательными артиллерийскими канонерскими лодками, которых поддерживал крейсер мятежников «Альмиранте Сервера», маневрировавший на видимости Сантандера, и вражеская авиация.

А. В. Крученых

Они не пропускали торговые суда с грузами в республиканские порты. Если пароходы все же пытались зайти в прибрежную зону, фашистские корабли начинали их обстреливать, и транспорты отходили обратно в море. Лишь отдельные смельчаки рисковали прорваться в порт. Но тогда в действие вступала вражеская авиация, которой могла противодействовать только малочисленная зенитная артиллерия республиканских кораблей да две-три зенитных батареи, оборонявшие порты.

В середине июля у Сантандера и Хихона собралось значительное количество транспортов с грузами. Фашистские корабли не пропускали их в порты, но и не трогали, так как они принадлежали нейтральным странам, с которыми фашисты, по-видимому, не хотели осложнять взаимоотношения.

В тот период республиканским флотом на Севере командовал дон Валентин Фуэнтес, советником при нем был капитан II ранга Александр Петрович Александров, человек высокообразованный, энергичный, сделавший много для поднятия боеготовности республиканского флота. Должность начальника штаба флота исполнял я. Нам предстояло по заданию командования Северным фронтом отогнать противника и обеспечить прорыв транспортов в Сантандер и Хихон. Задача на первый взгляд казалась не особенно трудной: в составе республиканского флота имелось два эскадренных миноносца — «Сискар» и «Хосе Луис Диес»,— которые вполне могли справиться с канонерскими лодками фашистов.

Однако постоянное пребывание крейсера мятежников в районе Сантандера и наличие авиации у фашистов лишали нас возможности победить в открытом бою в море, так как положение с боезапасом и топливом на наших кораблях было тяжелое: на каждом из них имелось не более 15—25 снарядов на орудие при норме 100—125 и примерно половина запаса топлива без какой-либо надежды на пополнение.

Получив задачу, штаб флота в короткий срок разработал план операции, сущность которой сводилась к следующему. С наступлением темноты одному республиканскому миноносцу, «Сискару», следовало отвлечь крейсер мятежников от района, где находились транспорты. В случае удачи из Сантандера должен был выйти второй миноносец — «Хосе Луис Диес», отогнать канонерские лодки противника и ввести транспорты в порт. Тем временем «Сискар», оторвавшись от крейсера, должен был подойти к Хихону, отогнать блокирующие корабли и ввести находившиеся там транспорты в порт. Сторожевому кораблю, имевшемуся в составе республиканского флота, а также береговой и сухопутной артиллерии, расположенной на побережье, предстояло прикрыть огнем входящие корабли.

Вечером в день начала операции мы с А. П. Александровым прибыли на борт миноносца «Сискар». Корабль был в полной боевой готовности и вскоре снялся с якоря, а я отправился в штаб флота и распорядился, чтобы все посты наблюдения, расположенные на побережье, внимательно следили за обстановкой на море и немедленно передавали поступающие сообщения в штаб.

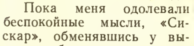
Доложив командующему флотом, что операция началась, я вышел на балкон.

Близилась полночь. Несмотря на темноту, в узкой Сантандерской бухте четко вырисовывался силуэт выходившего в море «Сискара». Все иллюминаторы миноносца были задраены, ходовые огни выключены. Бискайский залив, славящийся своими штормами и иногда называемый «кладбищем кораблей», уже несколько дней был гладким, как зеркало. Не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. На улицах никого не было, так как в это время движение по городу запрещалось. Казалось, затемненный город мирно спал...

На душе было тревожно: каким будет исход встречи миноносца с фашистским крейсером? Уж очень неравны силы. Тем не менее я надеялся, что смелость и

А. П. Александров

находчивость молодого командира миноносца Хосе — Антонио Кастро и опытность Александрова обеспечат нам успех. Кроме того, по сравнению с крейсером у миноносца было преимущество в скорости. Все зависело от того, как разовьются события при встрече с фашистским крейсером: ведь один случайно попавший снаряд мог лишить миноносец хода.



Пока меня одолевали беспокойные мысли, «Сискар», обменявшись у выхода из бухты опознавательными сигналами со сторожевым кораблем, скрылся в ночной тьме.

Время тянулось очень медленно, напряжение возрастало. Склонившись над картой, я обдумывал различные варианты вероятных действий. Так длилось часов до четырех утра, когда принесли радиограмму с миноносца «Сискар». «Иду полным ходом в океан, крейсер «Сервера» преследует меня»,— сообщали Кастро и Александров.

Произошло следующее.

Выйдя из Сантандера, «Сискар» сразу же натолкнулся на фашистский крейсер «Сервера», для которого эта встреча оказалась совершенно неожиданной. Вместо того чтобы открыть по миноносцу огонь, «Сервера» резко отвернул в сторону. Лишь после этого на крейсере прозвучала боевая тревога. Положение миноносца относительно крейсера оказалось неблагоприятным для применения торпедного оружия. Вступать в артиллерийский бой при крайней ограниченности боезапаса было рискованно. Поэтому командир «Сискара» Кастро, как и предусматривалось планом, повернул в противоположную от фашистского крейсера сторону, дал полный ход и начал отрываться от него, следуя вдоль берега в сторону порта Хихон. Крейсер погнался за миноносцем, стремясь отжать его от берега. Гонка продолжалась до рассвета. Когда стало светло, крейсер несколько раз пытался обстрелять миноносец. Но чтобы получить возможность вести огонь бо́льшим числом орудий, крейсеру приходилось изменять курс. При этом он

терял скорость и отставал от миноносца. После двух-трех залпов «Сервера» опять ложился на курс, которым уходил от него миноносец. «Сискар» отвечал редким огнем. Так повторялось несколько раз. Корабли шли с предельной скоростью, миноносец, используя свое преимущество, медленно, но неуклонно увеличивал разрыв между собой и крейсером.

По донесению с «Сискара» я нанес координаты миноносца и крейсера на карту, доложил командующему флотом содержание радиограммы и свои соображения о том, что настало время выводить в море второй корабль. Получив согласие, я отправился на миноносец «Хосе Луис Диес».

Было около пяти часов утра. Солнце уже взошло. Погода стояла великолепная. Север Испании отличается от юга страны богатой растительностью, свежестью зелени и мягким климатом. Сантандер — известный курорт, очень живописный, и неудивительно, что именно здесь находилась одна из резиденций бывшей королевской фамилии. Выходя из бухты, я невольно залюбовался красотой города и окрестностей. Утренняя прохлада и какой-то внутренний подъем придали мне необычную бодрость.

Команда миноносца, поднятая по боевой тревоге, быстро приготовила корабль к походу, и «Хосе Луис Диес» снялся с якоря. Корабли противника, по-видимому, не видели нашего выхода, так как примерно 40 минут никаких изменений в обстановке на горизонте не наблюдалось. С приближением миноносца к группе транспортов на расстояние 15—20 километров мы вдруг увидели, как два корабля стали полным ходом уходить в море. Вскоре выяснилось, что это были две канонерские лодки противника — «Галерну» и «Мотанаве». Форсируя ход, стараясь выжать из машин предельную скорость, они быстро удалялись, оставляя за собой клубы черного дыма, валившего из труб. Подняв сигнал транспортам, чтобы они входили в порт, наш миноносец устремился в погоню за канонерками. Транспорты немедленно воспользовались благоприятной обстановкой и направились в Сантандер.

«Хосе Луис Диес» неумолимо настигал канонерки, стремясь выйти на дистанцию, позволявшую с наибольшей эффективностью использовать артиллерию миноносца. В это время радист доложил, что перехвачена открытая радиограмма одного из убегавших от нас ко-

раблей в адрес крейсера «Сервера»: «Миноносец противника преследует нас, уходим в море, просим помощи».

На миноносце все было готово к бою. Рядом со мною на мостике стоял унтер-офицер, исполнявший обязанности артиллерийского офицера. Много раз я занимался с ним правилами управления артиллерийским огнем, используя для этого простейший тренировочный прибор, имевшийся на испанских боевых кораблях. И вот сейчас унтер-офицер горел желанием на деле применить свои знания.

Корабли противника продолжали уходить. Учитывая крайнюю ограниченность боезапаса, мы не особенно торопились открывать огонь, стремясь только как можно дальше отогнать канонерки в море.

Когда на дистанции примерно 15 километров между нами завязалась перестрелка, радист снова доложил, что корабли противника повторили несколько раз открытым текстом просьбу о помощи.

Находившиеся в тот момент на мостике миноносца «Сискар» с удивлением увидели, как крейсер «Сервера» вдруг прекратил преследование, развернулся и быстро пошел в противоположную сторону. «Сискар» благополучно продолжал путь в Хихон.

А «Хосе Луис Диес» получил приказание командующего прекратить погоню и возвратиться в Сантандер, куда уже входили транспорты со столь необходимыми и долгожданными грузами. Мы с сожалением подчинились приказу. Одна из канонерок уже получила два попадания. Еще одно-два — и с ней было бы покончено.

Когда крейсер противника появился вблизи Сантандера, на рейде уже не было ни транспортов, ни миноносца. Все успели войти в порт.

Задача, разработанная планом «Маятник», была выполнена наполовину. Оставалось ввести в Хихон стоявшие на его рейде суда. Два фашистских боевых корабля не пропускали их. Но когда на горизонте появился миноносец «Сискар», они стали быстро уходить в направлении соседнего порта Авилес, находившегося в руках фашистов.

«Сискар» беспрепятственно ввел транспорты в Хихон. А крейсер «Сервера», получив донесение от своих кораблей о приближении к Хихону миноносца «Сискар», вновь покинул рейд Сантандера и помчался к Хихону. Но было поздно.

На этом, собственно, и завершилась операция «Маятник».

Так мы заставили крейсер противника безрезультатно качаться, подобно маятнику, то к порту Сантандер, то к Хихону.

Военная хитрость и точный расчет принесли нам успех. Фронт получил значительное количество материальных средств для ведения дальнейших боевых действий.

Давно ушли в прошлое описываемые события, но мы, бывшие участники антифашистской войны в Испании, с большой теплотой вспоминаем боевых республиканских друзей, вместе с которыми мы радовались нашим успехам и переживали горечь неудач.

В настоящее время Испанская группа Советского комитета ветеранов войны поддерживает разносторонние связи с ветеранскими организациями в Испании и со многими организациями бывших бойцов интернациональных бригад различных стран. Эти связи поддерживаются путем переписки и обмена делегациями.

В 1983 и 1984 годах большие группы испанских ветеранов гражданской войны с семьями посетили Москву и Ленинград, и мы оказали им достойную встречу. В апреле 1984 года 30 советских участников антифашистской войны из Москвы, Ленинграда и Киева выезжали в Испанию, где имели незабываемые, сердечные встречи с ветеранами, членами ассоциации республиканских летчиков и представителями других видов вооруженных сил. Кроме того, еще две наши небольшие делегации побывали в 1984 году в Испании.

Мне довелось принять участие в проходивших в Испании в 1984 году мероприятиях, связанных с 46-й годовщиной разгрома фашистов на реке Эбро. Наши выступления на митинге в городе Гандесе, где в годы войны шли ожесточенные сражения, а также в Барселоне, Валенсии и Мадриде, встречались бурными аплодисментами. Наши испанские друзья горячо приветствовали советские мирные инициативы, направленные на предотвращение ядерной катастрофы, на борьбу за разоружение и установление дружбы и доверия между народами.

В. И. АДРИАШЕНКО

НА СЕВЕРЕ

Север Испании — это красивый горный край, изрезанный дорогами и быстро текущими реками, впадающими в море. В горах таятся несметные богатства, положившие начало созданию горнорудной, химической и металлургической промышленности. Здесь выковывался и закалялся передовой отряд рабочего класса страны. Сразу же после мятежа, потрясшего Республику в июле 1936 года, возникли добровольческие рабочие отряды. Они самоотверженно сражались против объединенных армий франкистов и интервентов. Борьба была трудной, неравной. Ощущался недостаток оружия, обмундирования, продовольствия, но патриоты стойко защищали свою землю.

В Сантандер я приехал в августе 1937 года на должность советника командующего ВВС Северного фронта, сменив на этом посту Ф. К. Арженухина. Война была в разгаре. Федор Константинович подробно рассказал, как самоотверженно и героически сражались авиаторы.

Военно-воздушные силы, укомплектованные старыми самолетами 20-х годов типа «Бреге-19» и «дорнье», совершенно не были приспособлены к ведению военных действий, не шли ни в какое сравнение с немецкой и итальянской современной военной авиацией. Но война была реальностью и требовала противодействия. Присоединив к ним спортивные самолеты и авиетки, командующий ВВС подполковник Мартин Луна вооружил их примитивным стрелковым оружием и мелкими бомбами. Сформировал эскадрилью, которую остроумные испанские летчики с горькой иронией называли «цирк Кроне». И они воевали. На них нападали истребители, обстреливали зенитки, а они не сдавались. Конечно, были потери.

В ноябре 1936 года в порт Бильбао прибыл советский пароход, на борту которого находились 12 летчиков и 30 новейших истребителей И-15. Командиром эскадрильи был знакомый мне по службе на родине Борис Александрович Туржанский. Это бывалый, опытный летчик, о котором мне бы хотелось рассказать подробнее.

Вступив добровольцем в Красную Армию, он в составе авиационного отряда участвовал в гражданской

В. И. Адриашенко

войне. В мирные дни вместе со старшим братом Александром начал учиться в Зарайской авиационной школе. Бесконечно влюбленные в авиацию, оба посвятили ей всю жизнь. Уже во время учебы Борис проявил выдающиеся способности. Инструкторы говорили, что у него «легкая рука» и самолет ему послушен. За точность стрельбы неоднократно получал призы. Воевать с фашистами в Испании вызвался сразу после окончания Военно-воздушной академии в 1936 году.

Это был сильный человек, под стать русским богатырям. Было непонятно, как он вмещал свое могучее тело в сравнительно небольшую кабину И-15.

Появление эскадрильи стало заметным фактором на фронте. Фашистские истребители и бомбардировщики несли потери от их стремительных атак. Население Бильбао и наземные войска с облегчением вздохнули. Сократились бомбардировки. Сражаясь с количественно превосходящими силами противника, летчики проявляли необыкновенную отвагу и отчаянную смелость. Но главной причиной успеха являлось высокое летное мастерство, умение комэска правильно распределить силы, выбрать нужную тактику боя. Начальник штаба Северного фронта Франсиско Сиутат говорил, что это была «эскадрилья героев, руководимая львом». Штурмовые налеты сменялись патрулированием, воздушными боями.

В одном из боев самолет Туржанского был поврежден, сам он ранен. Удерживая из последних сил теряющую высоту машину, при посадке скапотировал. Лишь на второй день товарищи разыскали его и отвезли в госпиталь. Он перенес тяжелую черепную операцию, пришлось удалить глаз. «Летчик без одного глаза летать не может» — таков был единодушный приговор врачей. Но они плохо знали Бориса Туржанского. Во все инстанции посыпались настойчивые просьбы и рапорты о допуске к полетам. Ему устроили суровое испытание: совершить на истребителе И-15 десять поле-

Б. А. Туржанский

тов по кругу на точность приземления. Отлично выдержав испытание, он получил разрешение на полеты без ограничения. Позже перешел на работу летчика-испытателя.

Борис Александрович Туржанский в числе первых получил звание Героя Советского Союза за боевые подвиги в Испании. На Золотой Звезде, ему врученной, значился номер 12. Имя героя живет и сегодня среди авиаторов. В марте 1971 года газета «Красная Звезда» сообщила, что комсомольцы авиационного завода изготовили сверх плана за счет сэкономленных материалов сверхзвуковой ракетоносец, который назвали именем Бориса Туржанского...

После отъезда Бориса комэском назначили испанского летчика Фелипе дель Рио. Не получая пополнения, эскадрилья заметно редела. В марте 1937 года с Центрального фронта на транспортном самолете прилетела группа испанских летчиков, которые сразу включились в боевую работу.

Во второй половине мая на Северном фронте появился новый скоростной, мощно вооруженный немецкий истребитель Ме-109. Летчики этих самолетов в бой не ввязывались. Парили в вышине, выбрав жертву, стремглав атаковывали и уходили. «Чатосам» пришлось изменить тактику боя. Более маневренные, они быстро разворачивались и летели им навстречу, в лоб. Часто немцы не выдерживали психической атаки. Стремились уйти вверх или спикировать, тем самым подставляли себя под огонь пулеметов.

После жестоких боев и упорного сопротивления республиканские войска 19 июня оставили Бильбао. Обездоленные люди покидали осажденный город. Эскадрилья И-15 перебазировалась на аэродром Ламиако, близ Сантандера. А на соседний аэродром Альберисия перелетела с Центрального фронта эскадрилья И-16 под командованием Валентина Ухова. Начались совместные полеты. Главная задача — предотвращение бомбардировок наземных войск и населения Сантандера.

Леопольдо Моркиляс

За короткое время сменились несколько командиров эскадрильи. Погибли Фелипе дель Рио и Бакедано. Командование эскадрильей было передано опытному летчику-истребителю Леопольдо Моркилясу. До начала мятежа он служил капралом в авиационной части. А ему страстно хотелось летать. Он оказался не только отличным бойцом, но и хорошим организатором. В 1938 году майор Моркиляс командовал на Центральном фронте группой И-15 из 26 наших самолетов.

После падения Бильбао на Северном фронте создалось очень тяжелое положение. В руках республиканцев оставалась узкая полоска земли, тянущаяся вдоль Бискайского залива, и два еще действующих порта — Сантандер и Хихон.

Превосходство в силах у мятежников здесь было весьма значительным. В воздухе они господствовали полностью.

К моему приезду в Сантандер авиация фронта располагала девятью самолетами И-15, которыми командовал испанец Ладислао Дуарте, и советско-испанской эскадрильей И-16 под командованием Ивана Евсевьева. Мастерство летчиков было очень высоким...

Безупречное владение техникой пилотирования было первейшим требованием при отборе советских летчиков. Да и испанские авиаторы в своем летном мастерстве росли час от часу. Я вспоминаю тех молодых парней, с которыми Сергей Кузнецов прилетел на наш аэродром. Все они, закончив летную школу в Советском Союзе, прибыли на базу республиканской авиации в Алькала-де-Энарес, неподалеку от Мадрида. Для того чтобы оттуда добраться в Сантандер, надо пересечь всю страну, пролететь примерно 350 километров, из них более 200 над территорией, занятой мятежниками. На это мог отважиться не всякий.

Командование решило: пусть летят добровольцы. Было их восемь: Токеро, Элой, Фрутос, Саладригас, Прадо, Тарасона, Уэрта, Раис. Учитывая, что запас го-

рючего у истребителей И-16, на которых совершался перелет, ограничен, командование придало эскадрилье в качестве лидера советский скоростной бомбардировщик СБ.

Пилотировал его опытный летчик Александр Сенаторов, штурманом был Иван Душкин. Требовалось довести истребители до Сантандера наикратчайшим путем. Чтобы избежать возможной встречи с мятежниками, республиканские летчики летели на предельной высоте. Над Бургосом фашистские зенитки открыли по ним огонь, но безуспешно: снаряды разрывались где-то под самолетами.

С Сергеем Кузнецовым нас связывала давняя крепкая дружба: мы знали друг друга до Испании. Он был прекрасным летчиком, и меня нисколько не удивило, когда испанцы с восторгом рассказали, с каким мастерством Сергей посадил свой И-16, лавируя между воронками от бомб, изрывшими весь аэродром, и потом руководил посадкой каждого из молодых летчиков. Все приземлились благополучно.

Этот опасный и ответственный перелет успешно завершился на рассвете 18 августа. Из подкрепления сформировали три звена, командирами которых стали советские летчики Иван Евсевьев, Сергей Кузнецов и Нестор Демидов.

Поступило очередное сообщение о том, что бомбардировщики мятежников появились над городом. Тут же группа наших истребителей взмывает в небо. Они знают, что каждый из них будет вести бой не с одним и не с двумя самолетами врага. Превосходство у мятежников, как правило, многократное. Но четкость, собранность, взаимопонимание, когда действия товарища угадываются буквально с точностью до секунды,— все это в сочетании с первоклассной техникой пилотирования помогает республиканским летчикам добиваться успеха. Один, а затем второй «юнкерс», оставляя черный шлейф, падают. Остальные беспорядочно покидают небо Сантандера.

Их не преследуют. Ведь через час-полтора появится следующая группа бомбардировщиков противника. При наших малых силах важно не столько сбить еще один фашистский самолет, сколько не дать им выполнить боевую задачу, заставить фашистские бомбардировщики изменить курс, нарушить строй и сбросить груз куда придется.

Успеха в такого рода действиях можно было достичь лишь при наличии хорошо налаженной службы оповещения.

У нас имелась цепь постов вдоль линии фронта, которые докладывали о появлении авиации фашистов. Наши летчики исправно дежурили у своих машин. Подняться в воздух было для них делом считанных минут. Они встречали врага, едва только он успевал пересечь линию фронта, а то и перед ней.

Самые тяжелые дни наступили, когда было принято решение о сдаче Сантандера.

Подполковник Мартин Луна отдал приказ перебазироваться в район Хихона. Тут пригодилась и авиетка. За несколько дней до этого над аэродромом Альберисия появилась авиетка с опознавательными знаками фашистов. Она явно шла на посадку и через несколько минут подрулила к командному пункту. Из нее вышли двое: один в полувоенном, другой в штатском. Я отдал распоряжение аэродромной охране, чтобы их задержали. Велико было их удивление, когда к ним подошли республиканские бойцы. Мы тоже не понимали, зачем прилетели к нам эти два молодчика, да еще с таким необычным багажом: из авиетки выгрузили несколько ящиков с вином и корзины с фруктами. Все выяснилось, когда опешившие поначалу франкисты, придя в себя, начали отвечать на наши вопросы. Оказалось, что командование Франко сообщило о падении Сантандера. И вот эти двое, репортеры газеты, в погоне за сенсацией решили опередить своих коллег. На этой самой авиетке вместе с переводчиком Лусио Лоса я перелетел в Хихон.

К тому времени у нас оставалось совсем немного самолетов. Поэтому участились вылеты. По семь-восемь раз в день вылетали в бой наши летчики. Возвращались не все. Но те, что оставались в строю, наскоро залатав пробоины, заправившись горючим и боеприпасами, вновь уходили в бой.

Что происходило на земле, мы знали лишь приблизительно. С перелетом в Хихон потерялась связь с командованием фронта. Но сидеть и ждать, пока нас найдут и дадут указания, мы не могли.

На помощь пришли товарищи из городского комитета Коммунистической партии Испании, с которыми нас познакомил переводчик Лусио Лоса. Они помогли установить связь с В. Е. Горевым, который в то время

находился иа Севере. От иего было получено задание сбросить республнканским войскам, ведущим бон в окруженном фашистамн Сантандере, вымпел с прнказом о иаправлеиии прорыва. Его блестяще выполиил командир эскадрнльи Иваи Евсевьев. Едва он ушел в воздух и развериулся курсом на Саитандер, как к нашему аэродрому подошла большая группа «юнкерсов» под прнкрытием «фиатов». Им навстречу поднялись истребнтелн. Неравиый бой шел долго. Республиканскне летчнкн сбнли бомбардировщик и истребнтель протнвника.

Иваиу Евсевьеву на подходе к Сантандеру тоже прншлось вступить в бой с двумя «мессершмнттамн». Один Ме-109 он сумел сбить, и лншь после этого удалось оторваться от второго фашиста. Маскнруясь за дымом пожаров, Евсевьев установнл место блокнрованной группировкн республнканцев, сбросил вымпел н возвратнлся иа свой аэродром.

Вечером 29 августа республиканскне войска прорвалн кольцо окружения в Сантаидере и ушлн в горы.

Но что пронсходнло в самом городе, мы не зналн. Чтобы выясннть положенне, решнлн отправнть в Сантандер разведчика. Я подумал о Сергее Кузнецове, хотя и зиал, что он недавно из боя.

Но Сергей был не только нсключнтельно смелый летчик, но и настоящнй товарищ. Он блестяще провел разведку. Фашнсты, знавшие о том, что у республнканцев авиацин почти нет, не ожидали появлення нашнх самолетов, н Сергей беспрепятствеино пролетел иад городом, установнв, что в Сантандере проходнт парад франкистских войск.

Наше положение в Хихоне стало еще более трудным. Маленький аэродром с трех сторон окружалн возвышеииости, взлетать и саднться можио было только со стороиы моря. К тому же посередине летного поля протекал ручей. Испанские строителн прнкрылн его деревяниым настнлом, н такнм образом мы получнлн нужную взлетную полосу, но что это была за полоса! Чтобы действовать с такого аэродрома, надо было обладать точиым расчетом, не говоря о летном мастерстве. Управление самолетом в такнх условнях превращалось в высокое искусство.

Вскоре мы получнли от Горева указанне об эвакуацин Хнхона. В порту тысячн людей ждалн посадкн на кораблн. Полыхалн склады. Гремели взрывы. Фашнстская авиация беспрерывно бомбила город н порт.

Наши истребители постоянно находились в воздухе. Но их становилось все меньше и меньше...

Помню бой 1 октября 1937 года, один из последних в небе Хихона. На город шли 40 бомбардировщиков противника под прикрытием 30 истребителей. К тому времени республиканская авиация Северного фронта состояла из шести истребителей И-16 и трех И-15. Наши летчики смело ринулись навстречу фашистам. Бой продолжался до тех пор, пока не были израсходованы все патроны и не иссякло горючее. С трудом посадил Кастильо поврежденный самолет на берегу залива, а Евсевьев, истративший все патроны, продолжал атаки на «мессершмиттов», спасая от их преследования испанского друга. Обессиленные возвращались летчики на своих израненных машинах. Но их героизм не мог спасти положение.

Республиканцы оставляли Хихон. Испанские летчики предложили нам на оставшихся еще целыми истребителях покинуть город и перелететь через Бискайский залив во Францию. Мы отказались: это значило лишить республиканцев последнего воздушного прикрытия.

Через некоторое время нам передали, что за нами прилетит французский самолет.

Поздно вечером 12 октября на небольшой авиетке прилетел французский летчик Абель Гидес. Авиетка могла взять только трех пассажиров. А нас было четверо: Иван Евсевьев, Сергей Кузнецов, Нестор Демидов и я. Летчик рискнул и взял нас всех, правда пришлось выбросить все даже из карманов. Оставили только пистолеты, да и их побросали в море при подходе к французскому берегу.

Около трех часов напряженного полета — и мы на французской территории.

Бои на Севере для нас закончились. Но война продолжалась. Несколько дней спустя я был направлен на центральный участок фронта, в район Сарагосы, где приступил к новым обязанностям — советника истребительной авиации республиканских ВВС.

31 июля испанские мятежники, следуя варварскому примеру германских фашистов, публично сожгли в Бильбао произведения выдающихся умов человечества, в том числе сочинения Карла Маркса. Были сожжены также книги Анатоля Франса, Золя, Диккенса, Ренана, Генриха Манна, Мальро и Бласко Ибаньеса. Одновременно было брошено в огонь много испанских газет и антифашистских изданий.

Правда, 1937, 4 августа

Э. Л. ВОЛЬФ

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Штаб советских военных советников в Валенсии находился в старой части города, на тихой улице Альборайя.

Зимой 1937 года здесь шла напряженная жизнь. Все с волнением ждали ежедневного телефонного звонка из Мадрида от сотрудников военного атташе В. Е. Горева.

В один из январских дней 1937 года Владимир Ефимович Горев сам приехал в Валенсию. Я увидела Горева в нашей столовой и сразу узнала его, хотя не видела почти 15 лет. В 1922 году он был начальником Особого отдела МВО ВЧК, и мы состояли тогда в одной комсомольской ячейке. Правда, он в то время уже давно был членом партии, но принимал активное участие и в комсомольской работе. Молодежь относилась к Гореву с почтением: за его плечами был фронт, вся гражданская война, высокая награда — орден Красного Знамени. Потом военная академия, Китай, знаменитый штурм Учана. По возвращении из Китая Горев командовал танковой бригадой.

И вот встреча с ним. Держался он уверенно, с большим достоинством и, может быть, поэтому казался немного надменным. Но стоило ему улыбнуться, как становилось ясно, что это простой и сердечный человек.

Вначале Горев и слышать не хотел о том, чтобы взять для работы в Мадриде женщину.

— Там ведь стреляют,— сказал он, глядя на меня с иронией и попыхивая трубкой.— И потом мы все там, в подвале, ужасные женоненавистники.

Какую-то роль сыграла моя журналистская профессия: до Испании я работала в иностранном отделе газеты «Известия», и Горев согласился меня взять, решив использовать в качестве пресс-атташе.

В тот же вечер отправились в Мадрид. В город мы въехали, когда уже начало светать. На улицах было пустынно, из темноты возникали очертания баррикад, памятники, бережно укутанные мешками с песком, искалеченные до́ма, развалины. Время от времени откуда-то доносились редкие пулеметные очереди.

После того как Франко убедился, что Мадрид с ходу взять не удастся, хотя войска́ его в ночь на 7 ноября

Э. Л. Вольф

1936 года и подошли к самым стенам города, фашистская авиация бомбила столицу методичио и варварски.

Республиканское командованне, чтоб не нарушать бесперебойную работу штаба, приняло решение перебраться в подвалы-сейфы эвакуировавшегося миинистерства фииансов. Бывшие сейфы углубнли, расшнрили, сделали веитиляцнонные отдушниы, обставили самой иеобходимой мебелью. В комиатах-сейфах разместнлись командующий обороной Мадрнда генерал Миаха со своим штабом и В. Е. Горев с сотрудиками. В углу за шкафом поместилн меня.

По вечерам у помощника Горева полковника И. О. Ратиера иакапливался материал со всех участков фроита для доклада в Валеисию. После возвращения с линии фронта, где я сопровождала Горева, в мои обязаниости входило помогать Ратиеру составлять сводное доиесеине и передавать его по телетайпу в Валенсию. Ратиер вел большую оперативиую работу в штабе. Целымн днями он сидел в подвале, изредка доверяя мне заменить его у телефона, и тогда иа полчаснка выходнл подышать воздухом.

Яркой фигурой был полковник С. М. Львовнч. Высокий, широкоплечнй, с живымн произительнымн глазамн, ои раио поутру мчался иа тот илн иной участок фроита. Возвращался Львович обычио к обеду — как известно, в первое время в священиый час «комиды» жизнь замирала повсеместно,— и еще издали был слышеи его голос, нередко язвительиые замечаиия н подтруниваиия иад кем-нибудь. Его языка побанвалнсь ие меиьше, чем острот Михаила Кольцова. Но одиажды вдруг обиаружилось, что суровый н даже грубоватый порой Львович может быть иеобыкиовеиио лирнчиым. Открылось, что ои любит стнхи и миогне знает ианзусть.

Горев очеиь цеиил своих помощников, относился к иим с большой любовью, и оии платили ему тем же. Я ии разу ие видела, чтоб Горев иа кого-иибудь из них рассердился, хотя гиеваться ои умел...

Владимир Ефимович занимал в подвале небольшую комнату, разделенную ширмой на спальню и рабочий кабинет. Обычно утром он встречался с Миахой и начальником штаба Висенте Рохо, потом большую часть дня проводил на различных участках фронта, изучая на месте обстановку, инструктируя и помогая командирам. Появление Горева на командном или наблюдательном пункте, а нередко и в окопах вызывало оживление среди бойцов и командиров. Не раз приходилось мне наблюдать, как разглаживались морщины, веселее становились лица у тех, с кем Владимир Ефимович побеседует, пошутит.

В. Е. Горев

По возвращении в Мадрид Горев отправлялся в штаб, где совещался с Рохо, обсуждал с ним дела на следующий день. Только после этого он ненадолго заходил в нашу шумную, всегда многолюдную столовую, ибо в час обеда к нам обычно съезжались советники из частей Мадридского фронта. Приезжали также для согласования действий и советники с других фронтов.

Бывал у нас Павел Иванович Батов, советник 12-й интербригады, наш всеобщий любимец. Ему нелегко бывало отлучиться из бригады, и в каждый его приезд Горев тут же уводил Павла Ивановича к себе. Мы все знали, с какой прямо-таки нежностью относился Горев к Батову, уважая его чрезвычайно за огромный такт и умение ладить с многонациональным составом бригады.

В маленьком кабинете Горева можно было увидеть и прославленных испанских командиров — Хуана Модесто, Энрике Листера и Пако Галана.

От Горева и от других товарищей я часто слышала имя Пирпич. И нередко к этому странному имени прибавлялось: «О, Пирпич, это надо ему рассказать. Он уладит. Он разберется». И долго этот таинственный Пирпич, который во всем разберется и все уладит, оставался для меня загадкой. Но вот однажды он появился в подвале. Мне бросилось в глаза, с каким уважением все с ним здоровались. Сперва он показался мне не-

И. Н. Нестеренко

приветливым, а потом я увидела, что он просто очень устал.

Позже я узнала, что Пирпич — это Иван Никифорович Нестеренко, главный советник Генерального военного комиссариата, опытный политработник Красной Армии. Пирпич внес большой вклад в организацию института комиссаров в частях, обеспечивших высокое политико-моральное состояние в войсках Испанской республики.

После победы республиканцев под Гвадалахарой В. Е. Горева направили на Северный фронт.

После официального приема у Агирре, который одновременно был и президентом, и военным министром Баскской республики, Горев немедля направился на передовые позиции ознакомиться с состоянием знаменитого «ситурона» — пояса вокруг Бильбао, который, по утверждению Агирре и его подчиненных, должен был остановить фашистов. К сожалению, дело обстояло далеко не так. Опытным глазом Владимир Ефимович обнаружил массу изъянов в оборонительных укреплениях, и я еле успевала записывать все его замечания.

В это время войска Астурийского фронта готовили большое наступление на Овьедо. Командир 8-й бригады Ладреда производил очень приятное впечатление. Это был жилистый, мускулистый астуриец с улыбкой чуть детской, чуть дерзкой, металлист, храбрец, которого обожали солдаты. Он жаловался, что его войско больше походит на партизанский отряд, оно плохо снабжается, не хватает оружия, обмундирования. И действительно, в одном из батальонов, который должен был первым вступить в бой, мы увидели совсем юных ребят, одетых кто во что горазд. Узнав, что к ним приехали русские, они обступили нас, засыпали вопросами и сами стали рассказывать, смеясь и перебивая друг друга, что хоть и трудно воевать — очень холодно по ночам, поэтому таскают с собой не только одеяла, но и матрацы,— но они стремятся стать настоящими солдатами, как те, в Мадриде; а пока они используют каж-

дую свободную минуту, чтобы научиться хорошо ходить на лыжах по горам — без этого воевать в этих краях невозможно...

После ожесточенных боев и героического сопротивления республиканские войска вынуждены были оставить Бильбао и отойти на запад.

В июле 1937 года республиканские войска начали наступление на Центральном фронте в районе Брунете, и мы получили небольшую передышку, но франкисты снова бросили значительные силы против Севера. Когда мятежникам удалось прорвать фронт и выйти на ближние подступы к Сантандеру, командование приняло решение эвакуировать войска морем, чтобы продолжать борьбу в Астурии. Были мобилизованы все плавучие средства, все мелкие корабли, несшие сторожевую службу и занимавшиеся тралением и охраной рейдов, вплоть до рыбачьих шлюпок. День и ночь шла погрузка. В последние часы грузились уже под сильной бомбежкой и артобстрелом с фашистских кораблей, а «мессершмитты» носились над нашими головами, непрерывно обстреливая берег.

Несмотря на сильный огонь, войска были погружены и под самым носом у врага вышли в открытое море, а потом благополучно достигли пункта назначения — порта Хихон.

В. Е. Горев приказал группе советских советников и переводчиков как можно скорее прибыть в Хихон и продолжать там работу. Надо было выбраться из Сантандера, на улицы которого уже выползла из своих нор «пятая колонна». Закамуфлированные до тех пор, фашисты бесчинствовали, громили винные склады, охотились за коммунистами, искали советских людей. Из окон и чердаков раздавалась револьверная и ружейная стрельба.

На огромной скорости шоферы-испанцы проскочили через город и доставили нас туда, куда мы уже не надеялись попасть,— в порт. На шлюпках мы добрались до условленного места в бухте, где нас ждала подводная лодка С-6.

Быстро через люк спускаемся внутрь. Надо как можно скорее закончить погрузку и выйти в море до того, как корабли и самолеты мятежников обнаружат подводную лодку и обрушат на нее свой огонь. Матросы нервничают, они помогают нашим людям спускаться. Но вот очередь дошла до меня, и тут произошла мгно-

венная заминка: матросы не ожидали, что им придется взять на корабль женщину. Как известно, моряки — народ суеверный, и одна из самых живучих примет — женщина на военном судне приносит несчастье. Комиссар лодки быстро оценил ситуацию и крикнул матросам, что советская женщина — исключение, она несчастья не принесет, даже наоборот. С неохотой, ибо вряд ли они поверили комиссару, матросы подхватили меня и бережно опустили в лодку.

Экипаж лодки состоял из 45 испанцев. Командовал ею советский подводник Николай Павлович Египко. Комиссаром был испанский коммунист товарищ Паоло, твердый и стойкий человек. Большинство команды составляли чудесные рабочие парни из Каталонии и Валенсии.

Мы знали, что у лодки С-6 славная история — она участвовала в боевых операциях, совершая смелые вылазки против фашистских кораблей.

В том походе мы стали свидетелями героического поведения экипажа и его командира Николая Египко.

Надо было как можно скорее покинуть порт и выйти в море: в город уже ворвались войска мятежников. Глубины были малые, и лодка шла в надводном положении, а из-за того, что берега были минированы, ей пришлось идти по фарватеру — проходу в минных полях. Ночь стояла ясная, светила луна. Командир и комиссар с мостика увидели приближавшийся с потушенными огнями корабль. Им оказался вражеский эсминец. Обнаружить подлодку для него не составляло особой трудности: силуэт ее рельефно выделялся на фоне лунной дорожки. К счастью, глубина моря в этом месте достигала 30 метров, и лодка успела быстро погрузиться.

Шум винтов фашистского корабля еще долго был слышен экипажу подлодки. И только мы, неожиданные гости команды, в тот момент не подозревали, какой опасности только что избежали.

Но это было еще не все. Необходимо было уйти из поля зрения засекших нас фашистских кораблей. И вот лодка, погрузившись, стала маневрировать, то уходя далеко от берега, то снова приближаясь к нему. Командир разрешил мне взглянуть в перископ, и я увидела силуэты круживших на некотором расстоянии от нас двух вражеских кораблей. Ощущение было не из приятных.

Прошло несколько часов, я уже давно лежала на узенькой койке и, к своему ужасу, начала чувствовать, что к обычным неприятностям морской болезни прибавляется еще нехватка воздуха. Как оказалось, лодки класса С-6 имели естественный запас воздуха всего на 12 часов, а устройства для регенерации воздуха у них не было. Подняться на поверхность нельзя было, пока фашистские корабли не потеряли нас из виду. Дышать стало совсем трудно, и командир отдал приказ всплыть.

Сразу прекратилось удушье. Я хотела подняться с койки, как меня будто ударом отбросило назад, и я услышала противный скрежет, а затем взрывы. Это корабли открыли артиллерийский огонь. Лодка снова быстро погрузилась и стала маневрировать. Так продолжалось много часов. Было нечем дышать. И дальше я уже ничего не помнила. Прошло около полутора суток, пока командир, убедившись, что фашисты потеряли лодку из виду, решил войти в порт Хихон.

Очнувшись, я с удивлением обнаружила на одеяле много разных вещичек. Тут были и металлические иконки с изображением мадонны, какие матери, жены или невесты надевают матросам на шею, чтоб уберечь их от несчастья в море, и всякие другие талисманы, и даже кусочек испанского флага с красной звездочкой посредине. Может быть, матросы поверили, что лодка, дважды обстрелянная, осталась невредимой благодаря тому, что они приютили советскую женщину,— ведь снаряд прошел совсем близко от борта. А может быть, они были так рады, что спаслись сами и спасли от верной гибели группу советских товарищей, что в естественном порыве отдали мне на память самое дорогое, что у них было с собой.

Все вышедшие из Сантандера военные корабли Северного флота, транспорты, рыбачьи шлюпки с солдатами уже собрались в порту Хихона, когда в него вошла С-6. Прибытие кораблей в Хихон сразу же стало известно врагу, и несколько фашистских бомбардировщиков, пользуясь тем, что в порту не было зенитной артиллерии, стали бомбить республиканский флот. Три больших транспорта, с которых, к счастью, успели сойти войска, были потоплены прямым попаданием, сильно пострадали подошедшая раньше нас подлодка С-4 и один эсминец.

Экипаж подводной лодки С-6 с огромным мужеством продолжал сражаться с фашистами. И однако по-

сле тяжелых повреждений, полученных в неравных боях, когда выяснилось, что во фронтовых условиях восстановить лодку невозможно, было принято решение взорвать ее, чтоб она не досталась фашистам.

Последние минуты С-6, лодки, до конца сохранившей верность Республике... Все молча стояли на катере и со слезами на глазах смотрели, как с жадным шумом ворвались в боевую рубку потоки воды, как исчезли корма и нос. Моряки сделали три круга над местом потопления лодки и, дружно крикнув: «Да здравствует Республика!» — вернулись на берег...

После падения Сантандера республиканские войска попали в чрезвычайно тяжелое положение. Фашистский флот полностью блокировал Хихон, единственный важный порт, оставшийся у республиканцев на Севере. Астурия оказалась совершенно изолированной. Надежды на помощь с воздуха или с моря не было уже никакой.

Астурийцы в который раз проявили образцы стойкости и мужества. Была объявлена всеобщая мобилизация мужчин от 17 до 50 лет. Женщины, дети и старики помогали в строительстве укреплений на близлежащих горах и в самих селениях. Но фашисты во много раз превосходили упорно сопротивлявшихся республиканцев. Несмотря на безграничный героизм и самоотверженность войск, Север, отрезанный от основных сил, был обречен. Правительство Республики отдало приказ о вывозе армии морем.

Из Москвы пришло указание об эвакуации небольшой группы советских людей. К нам на помощь пытались прорваться из Мадрида несколько самолетов, но, как мы узнали по радио, они были сбиты фашистами. Кольцо вокруг нас сжималось все у́же, и тогда на маленьком туристском самолете к нам прилетел из Парижа французский летчик Абель Гидес, до того воевавший в Испании в эскадрилье Андре Мальро. Ему удалось совершить три рейса и спасти большинство наших товарищей.

Но сам Абель Гидес был сбит и погиб.

С. М. БРЕЙДБАРД

ИСПАНИЯ В СЕРДЦЕ

Я читаю рожденные в далеком 1936 году знаменитые строки Рафаэля Альберти:

Я завтра дом родной покину,
Оставлю пашню и быка.
«Привет! Скажи, а кем ты станешь?» —
«Солдатом пятого полка».

Пойду я по горам и долам,
Воды не будет ни глотка,
Но будет торжество и слава:
Ведь я из пятого полка...

и вспоминаю, как мне довелось работать именно в тех частях испанской республиканской армии, которые выросли из 5-го полка.

Было это в середине августа 1937 года. Меня вызвали с юга в Валенсию и назначили переводчиком к только что приехавшему из Москвы полковнику П. С. Курбаткину. В это время готовилось наступление на Сарагосу. Павел Семенович был назначен советником командира 24-й дивизии, принимавшей участие в этой операции.

Мы приехали на место, когда части дивизии заняли свои позиции. Командный пункт командира дивизии подполковника Гальо находился на вершине высокой горы. Места вокруг пустынные, без растительности. Под горой расположена деревня Медиана, за ней — по ту сторону дороги — снова начинались невысокие горы. Там и проходила линия фронта.

Для того чтобы Павел Семенович был в курсе дела, ему надо было знать все, что говорили работники штаба; поэтому переводить практически приходилось все время, не переставая. Мы никуда не уходили, только на ночь опускались пониже, где были установлены палатки.

Дивизия проявляла мало активности. Этим воспользовался противник и стал наносить контрудары. Разведывательные самолеты засекли штаб, начался систематический, хотя и редкий, артиллерийский обстрел. К нему скоро привыкли, а вот когда прилетали вражеские бомбардировщики, приходилось прекращать работу. Однажды над нами долго кружили несколько «юн-

С. М. Брейдбард

керсов», по очереди сбрасывая бомбы. Никаких щелей или рвов на горе не было, и при появлении самолетов мы просто ложились на землю, стараясь использовать для укрытия каждый бугорок или выбоину. К счастью, жертв в штабе не было.

Как-то вечером нарушилась связь. Было уже совсем темно. Командир дивизии решил ехать на позиции. С ним поехал и Курбаткин. Мы сидели в машине, когда к нам подошел солдат и сказал, что ехать вниз нельзя, так как Медиана занята фашистами. Гальо не поверил, приказал арестовать солдата, чтобы он не распространял панические слухи, и мы отправились в путь.

Ехать было все-таки страшновато. Как и все, я больше всего боялась попасть в плен. А вдруг правда в деревне фашисты? Хотя я молчала, Павел Семенович понял мои мысли и спросил, знаю ли я, что лучше всего вложить дуло пистолета в рот...

Деревня действительно была полна войск, но это оказались наши бойцы. Они снялись со своих позиций и теперь двигались в неизвестном направлении. Гальо и его помощники быстро разыскали офицеров, приказали навести порядок. Вскоре все успокоились и разошлись по своим местам. Уже поздно ночью Гальо и Курбаткин решили проверить, все ли в порядке. Мы поднялись к переднему краю, тихо, чтобы не разбудить спящих, прошли вдоль линии нашей обороны.

В ту ночь положение было восстановлено. Но спустя несколько дней, на этот раз при ярком солнечном свете, мы увидели, как с гор напротив стали спускаться длинные черные цепочки. И тут уже бегущих людей остановить не смогли. Дивизия отступила.

На время Сарагосской операции 24-я дивизия была придана 5-му корпусу. Его ядром был 5-й полк, которому посвятил свои стихи Альберти.

Этот полк был известен тогда далеко за пределами Испании. Он был создан коммунистической партией из ударных частей, сражавшихся в первые дни боев в го-

рах Гвадаррамы, н служил образцом оргаинзации вооружеииых сил иарода. Его бойцы отлнчалнсь политической созиательиостью, дисцнплииой, мужеством. 5-й полк дал Испаиии выдающихся воеиачальииков, в том числе комаидира 5-го корпуса Модесто.

Хуан Модесто

Имя Хуаиа Модесто связано по сутн со всемн крупиыми событиямн в период, который предшествовал фашистскому мятежу, и со всемн важиейшимн сражениямн нацноиально-революционной войны в Испаиии.

В первые же днн войны Модесто с отрядамн милицни рабочих н крестьян начал воевать в горах, обороняя подступы к Мадриду. Потом он командовал частями, которые всегда неслн на себе главную тяжесть актнвных военных действий. Модесто первому нз командиров, вышедших нз рядов Народной мнлнцнн, было прнсвоено звание генерала Испанской республикн.

Работая переводчнком его советника, я блнзко знала Модесто. Мне казалось, что он не только тнпнчный представнтель командного состава подлнннo народной армии, ио и воплощение нспанского национальиого характера. Чувство юмора, жнвость воспрнятия, быстрота реакцин, страстность во всем — таковы наиболее яркне черты характера этого одаренного человека. На все, что ему сообщалн, он любил прнговаривать: «Муй ннтересаитэ» — «очеиь иитересио». Он пронзиоснл это то весело, то мрачно, то задумчиво — в завнснмостн от содержания иовостей.

В последний раз мы встретились в 1965 году, когда отмечалось 20-летие окончання второй мнровой войны. Модесто прнехал в Москву. Друзья спросили его, что он хочет делать, когда вернется в свободную демократическую Испаиню. Модесто ответнл: «Хочу быть алькальдом своего родного города — Пуэрто-де-Санта-Марня». Ои огорчнлся, что никто из нас не знал, где находится этот город — на самом крайнем юге страны, возле Каднса. А когда Модесто писал рассказ о своей жнзнн, то иачал его так: «Я родился 24 сентября

И. Г. Пидгола

1906 года в одном из самых красивых мест на земле — в небольшом приморском городке Пуэрто-де-Санта-Мария, в семье рабочего в четвертом поколении».

Мемуары Модесто вышли в свет через несколько месяцев после его смерти, последовавшей в Праге 19 апреля 1969 года. На обложке книги — слова: «Я из Пятого полка».

Но вернемся на Арагонский фронт.

Советник Модесто И. Г. Пидгола несколько раз приезжал в штаб 24-й дивизии.

Не мне судить о том, каков был талант Ивана Григорьевича как командира. Я знаю только, что военные специалисты весьма высоко ценили его. Участник гражданской войны, он окончил академию имени М. В. Фрунзе, перед отъездом в Испанию командовал стрелковым полком на Украине.

Уже на той горе возле Медианы я заметила, как в штабе дивизии радовались его приезду. Вроде ничего особенного он не говорил, не делал, а все его ждали и чувствовали себя с ним увереннее и спокойнее. Иван Григорьевич уезжал, а меня спрашивали, что он сказал, какое у него впечатление сложилось и т. д.

Потом, когда я работала его переводчиком, я узнала, что так бывало всегда: где бы он ни появлялся, его встречали с улыбкой. Он умел удивительно хорошо говорить с самыми разными людьми. Даже внешность его располагала к себе: высокий брюнет с седой прядью в волосах, с правильными чертами лица, он был по-настоящему красив.

Обладал он и исключительной храбростью. Никогда никуда не прятался, как будто никакой опасности для жизни не существовало.

Он погиб на том же Арагонском фронте 17 февраля 1938 года. Началась бомбежка. В укрытие, как всегда, он не пошел. Осколок бомбы попал ему в висок...

Летом 1937 года, когда фашисты предприняли большое наступление на Севере, республиканское командование подготовило Сарагосскую операцию с целью от-

влечь силы противника с Северного фронта. Передовым частям республиканцев удалось довольно близко подойти к Сарагосе. Они находились от нее в 14 километрах. Однако город выстоял. Не была выполнена и основная цель операции: фашисты перебросили с Северного фронта только часть авиации и артиллерии, а не пехоту.

Республиканские части продвигались вперед к Сарагосе, оставляя у себя в тылу незанятыми населенные пункты. Окруженные гарнизоны противника упорно сопротивлялись.

В деревне Поурвурель группа фашистов засела на колокольне и оттуда пулеметным огнем поливала всех, кто пытался проникнуть в селение. Кругом раскинулась равнина. Долго наша артиллерия не могла выкурить их оттуда. В конце концов два офицера — румын и француз — из 35-й дивизии, которой командовал Кароль Сверчевский (генерал Вальтер), выкатили легкую пушку на открытую позицию и под градом пуль прямой наводкой стали стрелять по колокольне.

Мы находились на командном пункте, откуда все было видно как на ладони, и с волнением наблюдали за действиями этих смельчаков. Они одержали победу: пулемет замолчал, в деревню вошли республиканские войска.

Вскоре привели пленных, захваченных в церкви. Впервые я увидела солдат, воевавших на стороне Франко. Что это за люди? На вид — обыкновенные крестьяне, которых насильно погнали на войну. Поразил меня мальчик лет шестнадцати: он не хотел отвечать на вопросы. С ним разговаривали несколько испанских офицеров, все очень мягко старались его убедить, что не собираются его наказывать. Но паренек упорно молчал, с явным недоверием поглядывая на республиканских командиров. Вот они — плоды фашистской пропаганды и муштры. В то время это еще только начиналось.

Самым крупным из окруженных пунктов на пути к Сарагосе был город Бельчите. Вражеский гарнизон там насчитывал свыше 3000 человек. 1 сентября войска получили приказ овладеть городом. Был разработан план операции, рассчитанный на четыре дня. Республиканские войска успешно выполнили этот приказ.

Вчера части Н-ского корпуса Восточной (Арагонской) армии заняли Бельчите. Окончательному занятию Бельчите республиканскими войсками предшествовали уличные бои в городе, которые продолжались в течение 48 часов.

Мятежное командование прилагало все усилия, чтобы удержать Бельчите. 1 сентября, по сообщению корреспондента «Дейли мейл», в Бельчите были переброшены марокканская часть и смешанный германо-итальянский отряд, поддержанные 40 танками. 2 сентября из Сарагосы в Бельчите были отправлены три группы мятежных войск, которым было дано задание ценой любых жертв разомкнуть кольцо республиканских войск, высвободить Бельчите и оттянуть линию фронта на восток.

Занятие Бельчите расценивается высшим командованием Народной армии как крупнейшая победа со времени Гвадалахары.

Известия, 1937, 5 сентября

2 сентября к вечеру на КП приехала Долорес Ибаррури и сказала, что не уедет, пока город не будет полностью освобожден.

На ночь Модесто предоставил ей свою палатку. И так как «в округе» других женщин не было, то он предложил мне лечь в той же палатке на вторую койку. Когда мы остались одни, Долорес расспросила меня о Москве, о моей семье, интересовалась, на кого я оставила своего двухлетнего сына...

В первый раз я видела Долорес, прославленную Пасионарию, зимой 1937 года в Валенсии, на митинге Коммунистической партии Испании. Свое вступительное слово Ибаррури закончила так: «Слово имеет бывший каменщик, а ныне министр земледелия Висенте Урибе». Что стало с залом! Все присутствовавшие в едином порыве не встали, а взлетели со своих мест. Я очень хорошо помню физическое, а не только духовное ощущение общности, которое я испытала в том зале. Если бы Долорес сказала, что надо идти в бой, то, несомненно, все бы пошли за ней.

С огромным подъемом встретили Долорес и на конференции компартии, которая состоялась в городе Хаэне в Андалусии в июле 1937 года. После окончания официальной части делегации от местных организаций чествовали одного из руководителей своей партии, произносили приветственные речи. Во время торжества я оказалась рядом с Ибаррури и с большим интересом слушала, как она рассказывала о героических боях испанского пролетариата с начала XX века.

Было уже поздно, все разошлись. Группа руководителей вышла на большой балкон. Ослепительно светит луна в Андалусии. Все кругом искрилось и серебрилось. В этом не совсем реальном освещении мы увидели другую Долорес — настоящую женщину, именно женщину, услышали, как она поет красивым грудным голосом...

Когда я ехала работать в Аидалусию, в голове у меня вертелись пушкинские строчки: «Объята Севилья н мраком и сном», «Шумит, бежит Гвадалквивир...»

В Севилье я не была: там хозяйничали фашисты. А по мосту с табличкой «Гвадалквивир» проезжала много раз, только в верховьях река неширокая и нешумная.

Еще одно воспоминание, связанное с Андалусией. Штаб 9-го корпуса находился в городе Убеда. Советник этого корпуса В. И. Кумелан вместе со своими помощниками жил в отдельном доме. Однажды пришел испанский боец и подарил нам книгу. Это был хорошо иллюстрированный объемистый том в тисненной золотом синей обложке. На форзаце боец написал: «Нашим товарищам и друзьям история Испании, которая в ближайшем будущем будет великой». И подпись: «Алехандро». Товарищи отдали эту книгу мне. Я хранила ее более 40 лет и в 1980 году отослала в Джанкой в музей, который создавали члены клуба интернациональной дружбы при Доме пионеров...

Издали я видела Гранаду. Фронт проходил высоко в горах. Виизу лежал город, где фашисты расстреляли Федерико Гарсиа Лорку. 1936 год и 1837 год — целый век отделяет убийство Лорки от гибели Пушкина, но по-прежнему, как сказал поэт, «в поэзию стреляют без промаха».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПИСАТЕЛЕЙ

II Международный конгресс пнсателей открылся сегодня речью председателя Совета Миинстров Негрниа. От нмени правнтельства Республнкн он поблагодарнл пнсателей за то, что они выбралн для свонх работ страиу, которая сейчас героическн отстаивает ие только право на существование, ио н культуру человечества.

Известия, 1937, 5 июля

ИЗ РЕЧИ АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО

Я проехал по дорогам Испанни от Порт-Боу до Валенснн и Мадрида, н я почувствовал, что за эту прекрасную страну легко умереть. Но не умереть иужно, а победнть!

Весь мир во имя гуманизма, во нмя добра, свободы, во нмя всего, что есть прекрасиого н творческого в иашей жизнн, должен стать грудью иа защнту гордого иарода прекрасиой Испанин.

Известня, 1937, 8 июля

ИЗ РЕЧИ АГНИИ БАРТО

Недавно я видела, как советские школьники встречали поезд, который привез в Москву испанских детей. Дети бросались навстречу друг другу, пожимали друг другу руки, обнимались, плакали... Испанский мальчик вынул из кармана патрон, протянул его нашим детям. Они стали спрашивать — что в Мадриде, как на Северном фронте. Они вынимали из карманов пионерские газеты, на карте показывали Мадрид и объясняли, что они все читали, все знают, что происходит в Испании.

Известия, 1937, 9 июля

ИЗ РЕЧИ ФРАНЦУЗСКОГО ПИСАТЕЛЯ АНДРЭ МАЛЬРО

Народ Мадрида! Сейчас мы преклоняем перед тобой наших детей, нашу жизнь, наше будущее, перед твоим героизмом, перед твоей борьбой.

В тяжелые дни отступления у Талаверы я видел две бомбы, которые не разорвались. Они были присланы из Германии, и внутри были записки: «Эти бомбы не разорвутся» — залог мужества и солидарности.

Известия, 1937, 9 июля

А. А. ВЕТРОВ

ТАНКИСТЫ НА АРАГОНСКОМ ФРОНТЕ

На исходе шестых суток беспокойного морского путешествия наш океанский лайнер «Кабо Сан-Агустин», загруженный 50 быстроходными танками БТ-5, самолетами, орудиями, винтовками, боеприпасами и другим советским оружием, сопровождаемый республиканской эскадрой, пришвартовался к картахенскому причалу.

Когда танки были выгружены на берег, рассредоточены по всей портовой территории и взяты под охрану, наша группа сопровождения, состоящая из пяти опытных танкистов, начала готовить машины к длительному маршу.

Вскоре первая пятерка танков тронулась в путь. Вслед за моим головным танком шел танк Николая Бочарникова. Замыкал колонну Виталий Валуев.

Несмотря на извилистую и местами разбитую дорогу, танки развивали скорость до 50 километров в час, однако по населенным пунктам приходилось ехать со скоростью пешеходов, так как восторженно встречавшие нас буквально лезли под гусеницы.

На одном из трудных отрезков пути мы остановились у колодца, чтобы дозаправить машины водой, и сразу

же оказались в окружении большой группы мужчин и женщин. Улыбаясь, они похлопывали нас по плечам, приговаривая:

— Амиго русо! Но пасаран! Салуд танкистас русос! — и наперебой угощали фруктами. С удовольствием мы отведали сочных мандаринов, ароматного винограда, всласть напились холодной родниковой водицы и, попрощавшись с новыми друзьями, двинулись в путь.

А. А. Ветров

На третьи сутки все танки перебазировались в Арчену, где вскоре развернулась боевая подготовка республиканских танкистов. Из центра интернациональных бригад — города Альбасеты начали прибывать антифашисты из Болгарии, Чехословакии, Германии, Австрии, Венгрии, Югославии, Франции, США и других стран.

Перед нами стояла задача в месячный срок сформировать и подготовить из многонационального, различного по возрасту, образованию и жизненному опыту коллектива слаженную и боеспособную войсковую часть, на создание которой в нормальных условиях требуются многие месяцы.

Занятия начались после того, как весь личный состав распределили по подразделениям. Руководителем учебной подготовки командиров танков и подразделений был Степан Иванович Кондратьев, обучение механиков-водителей танков было возложено на меня. Владимир Иванович Кольнов занимался огневой подготовкой. Петр Семенович Фотченков вел политзанятия.

Различия в языке, обычаях и привычках не мешали установлению братской дружбы. Особенно ярко это проявлялось в танковых экипажах, командирами которых были прошедшие суровую школу революционной борьбы пожилые коммунисты, механиками-водителями — советские комсомольцы, а заряжающими — молодые испанские патриоты.

Наконец настал долгожданный день. В большом холле учебной базы собрались танкисты. Из-за стола, покрытого малинового цвета скатертью, поднялся

С. И. Кондратьев, одетый в новый мундир полковника республиканской армии. .

— Дорогие товарищи, я собрал вас, чтобы ознакомить с приказом главного командования республиканской армии. Начиная с этого дня наша войсковая часть получает наименование Интернационального танкового полка, командование которым возложено на меня. Моими заместителями назначены майоры Петр Фотченков и Александр Ветров, а начальником штаба — майор Владимир Кольнов. В составе полка три танковые роты, автотранспортный батальон, саперное, мотоциклетное, танкоремонтное, медицинское и хозяйственное подразделения. Командирами танковых рот назначены капитаны Петр Сиротинин, Николай Шатров и Иван Губанов, командиром автотранспортного батальона — капитан Луис Сантес.

Для более быстрой подготовки испанских танковых командиров к каждому советскому добровольцу-офицеру, начиная с командира полка, прикрепили молодых испанских офицеров.

Не прошло и месяца, как наш полк на итоговых тактических учениях показал неплохие результаты. Налаживалась штабная служба. Во всем чувствовался воинский порядок.

В конце сентября 1937 года Интернациональный танковый полк, совершивший 500-километровый марш нз Арчены до расположенного в низовьях реки Эбро города Тортосы, получил приказ главного командования поддержать наступление республиканских войск на Сарагосу.

Приехавший вскоре в расположение полка исполняющий обязанности главного военного советника комдив И. Ф. Максимов сообщил, что наступление республнканских войск из района Медианы отменяется и танки переходят под Фуэнтес-де-Эбро. Здесь мятежники с помощью немецких специалистов создали систему оборонительных позиций, состоящую из железобетонных блиндажей с окопами глубокого профиля, заминированных участков и разного рода противотанковых препятствий. Многие каменные дома были превращены в доты.

Сопровождавший разведывательную группу офицер штаба 35-й интернациональной дивизии в общих чертах ознакомил нас с расположением войск противника, рассказал, что в последние дни оборона их усилена свежими войсками и противотанковой артиллерией, но о

расположении огневых средств ничего сообщить не смог.

В середине октября танки, пройдя по проселочной дороге вдоль реки Кинель от Медианы до Сарагосского шоссе, заняли выжидательные позиции в небольшом ущелье в 10 километрах юго-восточнее Фуэнтес-де-Эбро.

Докладывая командиру корпуса о результатах утренней разведки и о крайне скудных сведениях о противнике, Кондратьев высказал предположение, что двух пехотных бригад для успешного наступления на Сарагосу явно недостаточно, тем более что 15-я интербригада после недавних боев за освобождение Бельчите до сих пор не восполнила понесенные ею большие потери. Вместо 3 тысяч бойцов она насчитывала едва ли половину, многие не имели даже винтовок, а на всю бригаду приходилось только 12 пулеметов.

Рассеянно выслушав Кондратьева, Касадо ответил:

— Не так страшен черт, как его малюют. Вашими танками мы так раскатаем мятежников, что они своих костей не соберут [1].

— Танкисты свое дело сделают, но они не в силах долго удерживать завоеванную территорию, это должна сделать пехота, а ее у нас очень мало,— сказал Степан Иванович и попросил подкрепления. Но безуспешно.

Комдив И. Ф. Максимов, командир полка С. И. Кондратьев и командиры 15-й интернациональной и 21-й бригад разработали и согласовали с авиационными и артиллерийскими начальниками план взаимодействия войск при наступлении. По этому плану за час до начала наступления республиканская авиация и три дивизиона тяжелой артиллерии наносят огневой удар по передовым укреплениям фашистов, чтобы подавить их огневые средства и живую силу. Через час танки с батальоном десантников в лоб атакуют противника на фронте протяженностью два-три километра вдоль реки Эбро. За танками через проходы в проволочных заграждениях устремляются батальоны 15-й и 21-й бригад. Вслед за танковым десантом они врываются во вражеские окопы и овладевают Фуэнтес-де-Эбро. В случае успеха наступление развивается в направлении Сарагосы.

В окопе недалеко от командного пункта 15-й интербригады полковник Кондратьев собрал командиров тан-

[1] В марте 1939 года С. Касадо поднял мятеж и предал Республику.

ковых н танкодесантных подразделеннй н объявил свое решеиие атаковать протнвнника одновременно всем полком.

1-й таиковой роте нз 16 танков БТ-5 под командоваинем капнтана П. Н. Сиротниина совместно с англнйским батальоном предстояло атаковать укреплення фашнстов справа между железиодорожнымн путями н бездействующнм каналом искусственного орошення и захватить северную окраину селення. 3-й танковой роте во главе с капнтаном И. Л. Губановым и канадскому батальоиу надлежало наступать на противника, окопавшегося левее Сарагосского шоссе, взломать его оборону, захватить господствующую в этом райоие высоту и выйти иа северо-западиую окраиниу селения. Несколько оттянутая иазад 1-я таиковая рота капнтаиа Н. К. Шатрова вместе с амернканскнм батальоном должна действовать в центре долины реки Эбро, атаковать протнвника в лоб и ворваться в Фуэнтес-де-Эбро.

Комаидир корпуса решил использовать 24-й испанский батальон 15-й интербригады в качестве танкового десаита. Кондратьев энергнчно возражал против этого: нн одиа из армнй еще ие нмела опыта нспользоваиия танкового десанта в боевых условнях. Это требовало тщательно продуманной подготовки и соответствующей тренировкн. Но Касадо настоял на своем, и мы с комаиднром 24-го нспанского батальона капитаном Агнла, комиссаром Хосе Марня Варела н командирамн танковых подразделеннй обстоятельно ознакомнли молодых бойцов батальона с боевымн свойствами танков, объяснили, как лучше взбнраться на машииы, как сндеть иа иих, укрываясь за башией, н держаться за специальные поручнн, когда н как вести огонь по протнвннку в движеини, когда и по какому сигналу соскакнвать с танков н атаковать врага в окопах.

13 октября 1937 года в полдень танки сосредоточнлнсь в нсходном для боя холмнстом районе в 30 кнлометрах юго-восточнее Сарагосы. Небо заволокло тучами, безветрне, кругом выжжеиная солнцем земля, нн травннки. В трех километрах впереди боевых машнн в неглубокнх окопах, пересекающих Сарагосское шоссе, расположилнсь боевые порядки канадского, английского, американского батальонов 15-й интернацноиальной бригады под командоваинем подполковиика Владнмнра Чопнча.

Комаидиый пуикт полка помещался в просторном

окопе с выставленным «глазом» стереотрубы. Здесь полковник Кондратьев в присутствии командира 35-й дивизии генерала Кароля Сверчевского и подполковника Владимира Чопича, командира 21-й бригады Рохелио Пандо, авиационного и артиллерийского офицеров давал последние указания командирам танковых и танкодесантных подразделений.

— Повторяю, только тесное взаимодействие танков с пехотными подразделениями принесет успех нашему наступлению. Не отрывайтесь от пехоты, поддерживайте ее действия!

Минут через десять послышался гул приближающейся со стороны Валенсии небольшой группы самолетов. Вскоре мы увидели на их крыльях опознавательные знаки Республики. На стороне противника то в одном, то в другом месте разрываются бомбы. Несколько бомб упало и в наши окопы, к счастью не причинив никому вреда.

После непродолжительной бомбежки республиканская артиллерия открыла огонь по вражеским позициям. Затем наступила тишина, и в небо взвились пущенные нами три зеленые ракеты — сигнал к танковой атаке. На башнях командирских танков замелькали сигнальные флажки «Вперед!». Республиканская пехота застыла в напряженном ожидании. И вот, гудя мощными моторами и лязгая гусеницами, в бой ринулись танки с испанским десантом.

Вслед за танковой ротой капитана Ивана Губанова, перевалившей через окопы своих войск, в закипевшую пучину боя смело бросились канадские стрелки. Вместе с командиром канадского батальона Робертом Томпсоном в первой линии атакующих на левом фланге шли офицеры его штаба.

В трехстах метрах за танками капитана Николая Шатрова в центре долины наступал американский батальон, а на правом фланге двигались цепи британцев и испанцев, увлекаемые самоотверженным сыном английского рабочего класса Гарольдом Фраем. Это он, еще будучи командиром республиканской стрелковой роты, смело сражался с фашистами на Хараме, тяжело раненым был захвачен в плен и осужден на смертную казнь. И сразу же, как только республиканское правительство обменяло его на видного фашистского пленника, он, не залечив раны, вернулся в Испанию.

С винтовками наперевес, сутулясь, деловито шли, как на ответственнейшую в своей жизни работу, канадские, испанские, английские, американские, русские, украинские, немецкие антифашисты. Их посуровевшие лица были полны решимости и отваги.

Когда первые танки начали разрушать трехрядные проволочные заграждения, молчавшие до сих пор противотанковые орудия и пулеметы противника открыли ураганный огонь. С машин стали соскакивать, а кое-где и падать десантники. От прямого попадания снаряда загорелся и окутался черным дымом первый танк. Но бронированная лавина из 48 танков неудержимо неслась вперед. Первая рота канадских волонтеров под командованием Билла Нейро уже подходила к проволочным заграждениям. Несколько медленнее продвигались бойцы других батальонов. Проделав широкие проходы в заграждениях, танкисты Шатрова и Губанова прорвали первую линию вражеских укреплений. Группа десантников вместе с подоспевшими волонтерами, руководимая Биллом Нейро и комиссаром канадского батальона Джоном Даллетом, устремилась в траншеи врага. Завязалась рукопашная схватка. Противник отступил.

Сражение принимало все более ожесточенный характер. Засевшие в хорошо оборудованных укреплениях фашисты упорно сопротивлялись. Рвались гранаты, бутылки с зажигательной смесью, сверкали штыки. Потери сторон возрастали. Смертью героя пал комиссар канадцев Джон Даллет. В то время как отдельные группы республиканцев вели бой за овладение первой линией траншей, танки капитана Шатрова уже прорвали третью линию укреплений и двинулись на артиллерийские позиции фашистов, расположенные на возвышенности вблизи церкви. Мне было видно, как, ведя огонь из орудий, они шли по желтой равнине, время от времени исчезая за холмами. Как только первые танки приблизились к домам, стоявшим неподалеку от церкви, на них обрушился огонь нескольких батарей противотанковых орудий, укрытых за каменными стенами.

Один за другим загорелись сразу три танка, в том числе и командирский. Раненный в голову, Николай Шатров вместе с экипажем после безуспешной попытки сбить огонь был вынужден оставить машину и продолжать бой в пешем строю. Остальные танки, маневрируя на пересеченной местности, понеслись на орудия

противника, поражая их с коротких остановок огнем пушек и пулеметов.

С первых же выстрелов два орудия были выведены из строя. В этот момент подошли свежие подразделения марокканцев. Но танкисты не ослабили своего натиска. Орудийным огнем танка, которым мастерски управлял комсомолец из Арзамаса Виктор Новиков, было вдребезги разбито противотанковое орудие, но при этом и танк Новикова получил серьезное повреждение. Вытекший на днище машины бензин воспламенился, ежесекундно могли взорваться боеприпасы.

В таком критическом положении было нетрудно потерять самообладание, но Виктор не растерялся. Отлично зная боевые свойства машины, он на максимальной скорости пытался с помощью вентилятора сбить пламя. Огонь несколько приутих. А когда машина пошла под уклон, вновь разбушевавшееся пламя из моторного перекинулось в боевое отделение.

С тревогой смотрели мы на объятый пламенем танк, восхищаясь самоотверженностью Виктора Новикова. Фашисты, увидев надвигающуюся на них с тыла горящую машину, в страхе разбежались. Когда танк прошел мимо командного пункта, я в открытом люке увидел багровое от ожога лицо Виктора. Какой волей надо обладать, чтобы совершить такой подвиг!

Как нам позже рассказывали, появление на сборном пункте горевшего танка вызвало переполох среди шоферов бензовозов и автомобилей с боеприпасами. Однако испанские патриоты из ремонтной бригады, пренебрегая смертельной опасностью, вынесли из машины потерявшего сознание Новикова и потушили пожар.

Бой за Фуэнтес-де-Эбро принял ожесточенный характер. Силы обеих сторон быстро таяли. Противник, получив подкрепление, начал теснить храбрецов. Положение стало критическим. Подкошенный вражеской пулей, истекал кровью Роберт Томпсон.

На выручку побратимам пришли танки под командованием Петра Фотченкова. Они в упор расстреливали врага, утюжили траншеи гусеницами, прикрыв отход группы бойцов с ранеными товарищами, а потом устремились громить тылы фашистов.

Крайне неблагоприятно сложилась обстановка для действующей на правом фланге первой танковой роты, которая встретила на своем пути непреодолимые противотанковые препятствия и вынуждена была искать

обходные пути. Несмотря на обещание поддержать наступление 1-й танковой роты, командир 21-й анархистской бригады не вывел своих людей из окопов и за танками не последовал. До этого случая мы считали глупой шуткой услышанные от анархистских руководителей слова: «Лучше жить для свободы, чем умереть ради нее». Оказалось, что это были не только слова...

По указанию штаба Касадо командир 1-й танковой роты капитан Петр Сиротинин направил часть машин по бездействующему каналу искусственного орошения с целью выйти к Фуэнтес-де-Эбро. Но когда передовые танки подошли к середине канала, откуда виднелась бетонная плотина, на них с обеих сторон обрушился шквал ружейно-пулеметного огня. Танки открыли ответный огонь, но вдруг на них стал надвигаться бурлящий поток воды. «Бездействующий» канал ожил. Продолжать движение вперед было невозможно. Танкисты, отстреливаясь от наседавших фашистов, стали разворачивать танки в обратном направлении. Вода прибывала с невероятной быстротой. Помощь танкистам в эту минуту оказали бойцы англо-американских и испанского подразделений, среди которых был и начальник штаба полка майор Владимир Кольнов. Они дружно атаковали нависших над танками марокканцев и заставили прекратить орудийный обстрел выходящих из ловушки машин.

Наиболее успешным было наступление канадских и английских подразделений, поддержанных танками Ивана Губанова. Им удалось потеснить фашистов и занять часть их укреплений. Войска противника, понеся потери, сначала отступили, но затем, получив свежие подкрепления, продолжали упорно сопротивляться и даже пытались контратаковать. Совместными усилиями танкистов и англо-канадских стрелков после третьей ожесточенной атаки оборона фашистов была местами прорвана. После короткого, но ожесточенного боя при поддержке танкистов республиканцы заняли господствующую над районом гору и укрепились на ней. Минут через двадцать республиканское орудие открыло огонь по противнику с этой удобной высоты. Командование фашистов бросило свежие силы против горстки смельчаков. Трижды высота переходила из рук в руки и все же осталась за нами. В этой рукопашной схватке отличились командир роты канадцев лейтенант Билл Нейро, капитан Николай Шатров, лейтенант Петр Часо-

вин и водители танков Сергей Силаев и Иван Ярославкин.

С командного пункта было хорошо видно, как танки в упор расстреливают врага, утюжат его окопы, уничтожают пулеметы. Стремительная и мощная танковая атака, поддержанная интернациональной пехотой, ошеломила марокканцев. В стане врага началась паника. Эти жестокие в обращении с мирным населением наемники стали жалко причитать, просить о пощаде.

Сопротивление обороняющихся, особенно в центре долины, значительно ослабело, ответный огонь стал заметно затухать. Превосходство наших войск на этом участке было полным. Но, не имея должной поддержки со стороны пехоты и артиллерии, танки стали нести большие потери. Уже горели три танка.

Впереди командного пункта, где из-за пригорка у шоссе вел огонь по нашей пехоте вражеский пулемет, показался танк лейтенанта Сергея Лапутина с белой цифрой «7» на башне. Двигаясь вдоль окопов, он послал по противнику несколько снарядов и гусеницей наехал на пулеметное гнездо. Под тяжестью машины перекрытие рухнуло, и танк правым боком осел в глубокий окоп, раздавив пулемет вместе с расчетом.

По вибрирующему гулу двигателя, выбрасывавшего черный дым из глушителя, можно было догадаться о тщетных попытках механика-водителя выбраться из ловушки. Забыв в горячке, что это бой, а не тактическое учение, я выскочил из укрытия и с винтовкой в руке бегом присоединился к цепи атакующих. По крепким выражениям на украинском языке в адрес генерала Франко, которые я услышал от храбрых бойцов, можно было понять, что бой вело украинское подразделение канадцев. Вместе с ними добрался до окопа, на бруствере которого застрял наш танк. Он накренился, левая его гусеница, не имея опоры, со скрежетом бешено вращалась на весу. Я постучал прикладом по броне, давая понять экипажу, что можно выбираться, но из танка не отзывались. Марокканцы снова перешли в атаку, и наша группа оставила окоп.

Мимо командного пункта промчался на выручку своим танк лейтенанта Николая Панкратова. Навстречу ему тяжело двигался танк Виталия Валуева, таща на буксире машину с поврежденной пушкой. На бортах лежали раненые.

Тем временем небольшие группы бойцов 15-й интербригады возвращались на старые позиции. Только танки отважных лейтенантов Евграфа Аристова и Михаила Сучкова и отдельные подразделения антифашистов продолжали неравный бой на южной окраине и в центре Фуэнтес-де-Эбро с подошедшими подкреплениями марокканцев. Обычно спокойный, полковник Кондратьев заметно волновался. Так успешно начатое наступление наших войск из-за отсутствия минимального резерва пехоты стало захлебываться. Увидев возвращающихся на старые позиции понурых бойцов, он предложил мне пойти к генералу Сверчевскому или Чопичу и добиться подкрепления.

С трудом добравшись до командного пункта 35-й дивизии, я передал генералу Сверчевскому просьбу командира полка.

— Попытаюсь что-либо наскрести в других бригадах,— ответил он. Его энергичное, с крутым подбородком и холодными глазами лицо говорило о большой силе воли, уме и неспокойном нраве.

Возвращаясь на командный пункт полка, я с беспокойством думал: «Как можно было атаковать такой укрепленный район, не позаботившись о минимальном резерве? А нет ли тут предательства? Почему вдруг ожил бездействующий канал? Почему отказалась идти в бой анархистская бригада?»

По ходу боя было видно, что населенным пунктом овладеть не удастся. Несмотря на полное танковое превосходство, малочисленность республиканской пехоты давала о себе знать. Противник пропускал через свои боевые порядки наши танки и тут же открывал огонь по поднимающейся в наступление пехоте. Смертью храбрых пали командир английского батальона Гарольд Фрай и комиссар того же батальона Эрик Уолей.

Несмотря на огромные потери фашистов, бойцы 15-й интербригады не в силах были продвинуться вперед. Тактический и моральный перевес, достигнутый мощной и стремительной атакой танков, республиканские войска не смогли использовать. Потерявшие было голову фашисты пришли в себя и, получив подкрепление, стали оказывать все возрастающее сопротивление.

С начала боя за Фуэнтес-де-Эбро прошло около семи часов. Один за другим на сборном пункте появились три танка. С борта машины Данилина юные санитарки Тереза и Карменсита бережно сняли тяжело раненого

разрывной пулей английского волонтера. С помощью резервных экипажей танки пополнились боеприпасами, дозаправились горючим.

Глухие артиллерийские выстрелы и пулеметная стрекотня, доносившиеся со стороны противника, вселяли надежду, что это ведут бой наши танки, зашедшие далеко вперед, в тыл врага. И еще один танк вернулся на сборный пункт. На обеих бортовых полках, моторном люке и даже на башне его лежали и сидели раненые пехотинцы и танкисты. Из люка выбрались Петр Фотченков, Степан Шевцов и Мигель Диас. Вид у них усталый, лица в кровавых ссадинах. Они сообщили, что экипаж танка комиссара роты болгарского коммуниста Янкова, подбитого на территории противника, из последних сил отбивается от наседающих марокканцев.

Немного времени потребовалось отважным танкистам, чтобы перевязать раны и, заполнив машину боеприпасами, вернуться на выручку товарищам. С боем отбили майор Фотченков и механик-водитель танка Степан Шевцов истекающих кровью друзей и, погрузив их на свою машину, привезли на сборный пункт. Три раза танк отважного комиссара П. С. Фотченкова ходил в тыл врага и каждый раз привозил оттуда раненых республиканцев. Под самое утро вернулся он, неся на своих бортах 14 раненых и обожженных бойцов, спасенных от верной гибели. Высокое мастерство, отвагу и находчивость проявили комсомольский вожак Степан Шевцов и механик-водитель Павел Семенов, спасшие свои искалеченные танки.

Утром мы увидели, что франкисты пытаются взломать ломами крышки люков танка под номером семь, накануне застрявшего в ближайшей от нас траншее. Делаем последнюю попытку облегчить выход из осады экипажу лейтенанта Сергея Лапутина. Пушки и пулеметы трех БТ-5 открывают огонь по окопам противника, прижимая фашистов к земле.

Сделали пять залпов, но экипаж танка признаков жизни не подавал. В бинокль видно, как из окопа застрявшего танка полетели вверх комья вздыбленной земли вместе с обломками оружия. Прошло еще полчаса. Теперь все ясно. Члены экипажа погибли, иначе они бы сделали попытку под прикрытием нашего огня выйти из машины и перебежать к нам или же каким-либо другим способом дали бы знать о себе. Чтобы не дать противнику возможности использовать машину

как дот, мы решили уничтожить ее. Заняться этим поручили мне.

Нелегко было расстрелять «семерку». Первый снаряд, направленный танкистами в машину, разорвался недалеко, осыпав ее землей. Третий снаряд сорвал с танка ведущее колесо вместе с гусеницей. Вдруг из открытого люка выскакивает человек и чуть ли не во весь рост бежит к нам.

— Прекратить артогонь, пулеметами прикрыть отход экипажа! — кричу я во весь голос.

Снова откинулась крышка люка, и из него вывалился второй член экипажа, а еще через минуту — третий.

Под прикрытием нашего огня три танкиста вскоре приблизились к нам. Первым был механик-водитель Владимир Кручинин. Его лицо было в крови, а правая рука висела плетью. Я сжал его в объятиях, затем в окоп приполз и Сергей Лапутин. Раненого башнера Хосе Пастора несколько позже доставили испанские десантники.

С волнением слушали мы их рассказ о том, как ночью облепившие «семерку» франкисты уговаривали экипаж сдаться в плен, обещая сохранить жизнь, о том, как, облив бензином машину, подожгли ее, и о том, что, несмотря на нехватку воздуха и воды, танкисты продолжали сопротивляться.

Позже присутствовавший на полковом командном пункте Михаил Кольцов писал о подвиге экипажа:

«Что спасло этих людей — ведь они уже были тысячу тысяч раз потеряны? Их спасла непримиримость к врагу, спасло нежелание уступить фашизму хоть последний час своей жизни, хоть последний вздох, хоть последний глоток воздуха своих легких, хоть последний взгляд своих честных молодых глаз» [1].

В бою под Фуэнтес-де-Эбро воины 15-й интернациональной бригады и нашего танкового полка, несмотря на крайне неблагоприятные условия, изрядно потрепали отборные части франкистов и уничтожили сотни солдат, офицеров и много оружия.

Генерал Франко был вынужден снять часть своих войск с севера Испании и перебросить их под Сарагосу. После арагонских боев фашистское командование в течение двух месяцев не могло опомниться и организовать сколько-нибудь крупные действия.

[1] *Кольцов Михаил.* Избранные произведения. М., 1957, т. 3, с. 555.

Однако результаты республиканского наступления могли бы быть более значительными, а потери меньшими, если бы командование 21-го армейского корпуса, которому подчинялись 15-я интербригада и танковый полк, действовало в интересах Республики.

Командир 21-го армейского корпуса подполковник Касадо отлично знал, что за орешек представлял собой укрепленный район Фуэнтес-де-Эбро, который республиканские войска тщетно пытались разбить еще в августе — сентябре 1937 года. Поэтому его решение бросить в бой танки и ослабленную сентябрьскими боями 15-ю интербригаду могло быть сделано только с предательской целью.

Я убежден, что франкисты были осведомлены о предполагаемой танковой атаке республиканцев и тщательно подготовились к ней, стянув к Фуэнтес-де-Эбро большое количество противотанковой артиллерии и наиболее подготовленные марокканские части.

Отсюда и минированные участки, волчьи ямы, противотанковые рвы, и ловушка в канале искусственного орошения.

12 декабря к нам в Вальекас (в восьми километрах юго-восточнее Мадрида) приехал советник при Главном штабе полковник Ф. И. Терехин и сообщил, что скрытное сосредоточение республиканской армии Леванта в составе 18-, 20- и 22-го армейских корпусов у Теруэля подходит к концу и что не сегодня завтра по теруэльскому выступу фронта противника будет нанесен концентрический удар с трех сторон.

По мнению советника, наш танковый полк, усиленный двумя ротами танков Т-26, должен быть использован поротно для поддержки действий пехотных дивизий по овладению городом-крепостью Теруэлем.

Глубокой ночью 14 декабря республиканские войска скрытно вышли на исходные для боя позиции, а утром без предварительной авиационной и артиллерийской подготовки, неожиданно для врага, начали общее мощное наступление с севера, юго-востока и юга.

Северная группа войск в составе 11-й и 25-й пехотных дивизий, наступая от Вильяльба-Баха и Тортахада на Конкуд и Теруэль, прорвала фронт противника.

К исходу дня 11-я дивизия под командованием Листера, поддержанная батальоном танков Т-26, действуя смело и решительно, вышла северо-западнее линии Конкуд — Сан-Блас, захватила в плен более 400 фран-

кистов и много оружия и перешла к обороне фронтом на северо-запад. 25-я дивизия в этот день продвинулась лишь на 1,5 километра.

Центральная группа войск в составе 40-й и 68-й республиканских дивизий и танковая рота Ивана Губанова в этот день трижды атаковали укрепления противника вдоль шоссейной дороги Сагунто — Теруэль и на Кастральво, но, встретив упорное сопротивление, успеха не добились.

16 декабря отлично действующие 16-я и 81-я бригады 64-й дивизии при поддержке двух танковых рот заняли Кампильо, захватив при этом свыше 200 пленных и несколько орудий. 83-я бригада этой дивизии заняла высоту Педриса, где были пленены остатки батальона фашистов.

При поддержке 1-й и 2-й рот танков БТ-5 под командованием Петра Сиротинина и Алексея Разгуляева части 34-й дивизии отбросили противника на 7 километров к высоте Муэла-де-Теруэль.

В результате двухдневного успешного наступления республиканских войск к вечеру 16 декабря Теруэль был окружен. 11-я и 64-я дивизии заняли оборону на внешнем полукольце теруэльского выступа, в шести километрах к северо-западу от города. Окруженные семь батальонов фашистов продолжали ожесточенно сопротивляться.

18 декабря совместными усилиями частей 68-й дивизии и танков фашисты с большими потерями были выбиты из занимаемых позиций между Кастральво и Вильяэспесой, а на следующий день 218-я бригада с помощью танков овладела Кастральво.

Преследуя отступающего противника, наша бронетанковая группа во главе с полковником Кондратьевым с боями продвинулась к западной окраине города. На узком шоссе, лежащем у подножия высокой горы, и вдоль западного берега Турии вытянулась колонна танков и бронемашин.

Между засевшими в массивных зданиях на высоком восточном берегу франкистами и открытыми как на ладони танками завязалась артиллерийская дуэль. Прицельный огонь противника уже вывел из строя танк, два броневика и ряд бойцов.

На рассвете 24 декабря бронетанковая группа Кондратьева совместно с 92-й бригадой пошли в наступление. Действуя согласованно и решительно, танковые,

броневые и стрелковые подразделения сломили сопротнвление обороняющнхся. Огонь фашнстов заметно ослабел.

Под прикрытием таиков стрелковые бригады 70-й дивизии одновременно в трех местах форсировали реку Турия и после непродолжительного, но упорного боя захватили плацдарм иа ее восточном берегу. Нижний приречный Аррабел был очищен от врага. Смешанные танко-стрелковые группы республиканцев двинулнсь штурмовать расположенные на большом холме центральные районы Теруэля. На крутых, перерезанных противотанковыми рвами и баррикадами заснеженных улочках завязались ожесточенные бои за каждый квартал и дом. Подразделения испанских патриотов в сопровождении танковых взводов Николая Хорошкова, Евграфа Аристова, Ольджиха Хакена, Ивана Мрквы н даже отдельных танков под управлеиием Павла Демкииа, Владимира Кручинина, Александра Евликова растеклись по западной окраине города, находя бреши в обороне противника, смело атаковали его многочисленные опорные пункты.

Энергично взаимодействуя со стрелковыми частями и подразделениямн, быстроходные танки БТ-5, предназначенные главным образом для высокоманевренных полевых и массированных действий, были вынуждены втянуться в невыгодные для ннх н чреватые тяжелымн последствиями уличные бон, где скоростные н бронезащитные особенности машин сводились на нет, а из каждого окиа, подвала, чердака и подворотни их подстерегали поджигатели.

И в таких сложных условиях молодые танкисты-интернационалисты воевали хорошо. Танковые взводы н отдельные машины, около которых группировались бойцы стрелковых подразделений, обстреливали из пушек и пулеметов огневые позиции противника, давая своим пехотным группам возможиость без особых потерь продвигаться вперед и захватывать строение за строением.

Кольцо вокруг фашистских войск, оборонявших город, понемногу сужалось. Наши части вошли в центр Теруэля.

В течение последующих двух дней подавляющее большинство вражеских очагов сопротивления в городе было ликвидировано.

Поражение фашистских войск у Теруэля вызвало большое ликование трудового народа Испании, гор-

дость за свою армию, которая проявила героизм и умение воевать не только в обороне, но и в наступлении.

В этот период большого подъема в республиканских войсках и растерянности фашистского командования военная инициатива полностью перешла в руки Народной армии. Можно было ожидать от высшего республиканского командования дальнейших трезво продуманных решений и действий. Однако, вместо того чтобы решительно использовать выгодно сложившуюся для республиканских войск обстановку и сорвать готовящееся фашистское контрнаступление, военный министр Прието и Генеральный штаб, вопреки здравому смыслу, поспешили объявить операцию законченной и снять с фронта большую часть войск.

В обороне на теруэльском участке фронта остались четыре сильно ослабленные дивизии и наш танковый полк. 40-я дивизия и интернациональный танковый полк продолжали бои по ликвидации больших окруженных фашистских гарнизонов.

После ожесточенных теруэльских боев (они шли до 22 февраля 1938 года) наш танковый полк вместе с интербригадами 35-й дивизии генерала Кароля Сверчевского был вынужден вести изнурительные оборонительные бои с прорвавшими республиканскую оборону итало-марокканскими и франкистскими войсками в районах Монтальбана, Каспе, Ихара, Альканьиса, Торревелильи и севернее реки Эбро.

Нанося противнику, стремившемуся прорваться к Средиземноморскому побережью, ощутимые удары и значительный урон в живой силе, 35-я дивизия и интернациональный танковый полк прикрывали отход истекающих кровью республиканских войск на новые позиции.

К исходу марта 1938 года интернациональный танковый полк сильно поредел. От первоначального личного состава осталась одна треть и лишь 18 латаных-перелатаных танков. Из 85 советских добровольцев в строю остались 22 человека. Смертью храбрых пали 17 советских танкистов, а остальные выбыли из строя по ранению.

Родина высоко оценила подвиг героев. Многие из них были награждены орденами и медалями, а Н. К. Шатров и В. Ф. Кручинин (посмертно), С. Я. Лапутин, В. А. Новиков и П. А. Семенов получили звание Героя Советского Союза.

Время не стерло и не может стереть в памяти живущих и будущих поколений подвиг героев первой битвы с фашизмом на испанской земле.

ИТАЛО-ГЕРМАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ИСПАНИИ

В операциях при взятии Малаги на стороне мятежников участвовало 20 тысяч итальянских солдат, несколько тысяч германских солдат. Мятежное командование бросило в бой более сотни итальянских танков. Атакой руководил германский морской штаб, находившийся на борту крейсера «Адмирал граф Шпее».

Правда, 1937, 10 февраля

Суда мятежников «Канариас», «Альмиранте Сервера» и «Балеарес», охраняемые германскими и итальянскими крейсерами и подводными лодками, обстреливают единственную дорогу, по которой из района Малаги к Мотрилю направляются беженцы — старики, женщины и дети.

Правда, 1937, 12 февраля

По сообщениям лондонских газет, 16 июля в Сеуту прибыл итальянский пароход «Адриатико» и высадил 2000 итальянских солдат. «Адриатико» прибыл в сопровождении итальянского эскадренного миноносца «Мирабелло». В Сеуте итальянцы получили испанское обмундирование и в тот же день были отправлены в Алжесирас.

Правда, 1937, 27 июля

Политика «невмешательства», на деле приводившая к поощрению агрессора, дала возможность интервентам снабжать мятежников оружием, посылать в Испанию войска, сеять смерть и разрушение в испанских городах, проводить фактическую блокаду испанского побережья, расширять захватническую войну, нагромождать одну провокацию на другую.

Правда, 1937, 2 октября

Германский броненосец «Дейчланд» сегодня снова отправляется в Испанию. Кроме того, в испанские воды отправляется 4-я германская флотилия миноносцев.

Правда, 1937, 6 октября

23 сентября в Кадикс прибыло 600 германских солдат в форме рейхсвера из авиационных и танковых частей. Они были немедленно переброшены в Севилью. Одновременно посылаются новые военные корабли в испанские воды.

Правда, 1937, 8 октября

«Ньюс кроникл» сообщает, что Муссолини закончил все подготовительные работы для посылки новой итальянской армии в Испанию численностью в 50 тысяч человек.

Правда, 1938, 3 февраля

С. М. АЛЕКСАНДРОВСКАЯ

ТАКИМИ Я ИХ ПОМНЮ

Я хату покинул, пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать.

Бессмертные строки Михаила Светлова как нельзя лучше передают дух гражданской войны в Испании 1936—1939 годов. В то время Испания, небольшая страна, не проявлявшая особой политической активности на мировой арене, восстала с оружием в руках против фашистского мракобесия. С первых же дней вооруженного сопротивления в Испанию устремились тысячи антифашистов из разных концов земного шара. Среди них были и советские добровольцы.

Бригады, сформированные в Альбасете, выступили на защиту Мадрида в первых числах ноября 1936 года. Интернациональное братство антифашистов самоотверженно и бескорыстно вступило в бой со злейшим врагом человечества — фашизмом.

О некоторых интернационалистах, оставивших неизгладимый след в памяти и в сердце, мне бы и хотелось рассказать...

В Испании мне больше всего пришлось работать с Е. С. Птухиным. Его звали там генералом Хосе. В конце июля 1937 года Евгения Саввича назначили главным советником командующего республиканскими ВВС.

Большую часть времени генерал Хосе проводил с летчиками. В один из дней мы отправились на аэродром Алькаиьис, где базировалась эскадрилья А. И. Гусева.

Во время долгих поездок по унылой арагонской дороге нам удавалось о многом поговорить. Я узнала, что Евгений Саввич вступил в Красную гвардию в 1917 году, когда ему исполнилось всего лишь 15 лет. Было это на заре авиации. Летали тогда на примитивных самолетах. Летчики шутя называли их «летающими этажерками». А он с завистью наблюдал за их полетами и уже тогда понял, что авиация — смысл его жизни.

В 1918 году вступил в Коммунистическую партию. После гражданской войны учился в школе мотористов. Через два года начал летать. С тех пор жизнь Е. С. Птухина, ставшего впоследствии генерал-лейтенантом авиации, Героем Советского Союза, неразрывно связана с военно-воздушными силами.

В 30 лет ему было присвоено звание комбрига.

...Летчики эскадрильи Гусева служили в подчинении Евгения Саввича в Бобруйской истребительной бригаде, которой он командовал до отъезда в Испанию. Узнав об их приезде, он тотчас же отправился к ним.

С. М. Александровская

Радостно встретили его ребята. Евгений Саввич не менее счастлив. Здоровается с каждым, называет по имени, справляется о близких, в чей-то адрес отпускает шутку, и все разражаются громким хохотом.

Потом приступают к деловой беседе.

— Опыт боев в Испании научил нас многому,— говорит Птухин.— Часто исход боя зависит от первой атаки. Иногда выгоднее отойти, набрать высоту и только после этого начать бой. В воздухе надо быть предельно внимательным,— погибает тот, кто последним заметил противника...

Боевое крещение эскадрилья приняла на Арагонском фронте. В первом бою молодые летчики встретились с большой группой «фиатов». Сбили двух истребителей. Не обошлось без потерь и у нас. Машины Андрея Микуловича и Виктора Годунова не вернулись на аэродром.

Птухин приказал немедленно начать поиск пропавших летчиков.

Микулович погиб. Раненого Годунова нашли в поле и отправили в госпиталь.

— Как ни горька правда, надо смотреть ей в глаза,— говорит Птухин.— Причина наших потерь в том, что летчики оторвались от группы. Фашисты выработали тактику, по которой в бой вступают не все. Несколько асов выжидают на высоте и как коршуны набрасываются на тех, кто отделился от группы. Учтите, ребята, в бою полет по прямой недопустим, вы открываетесь для прицельного огня. Вот когда необходимо искусство высшего пилотажа.

Спокойно, по-деловому идет разбор. Летчики внимательно слушают командира. Не таясь, рассказывают

Е. С. Птухин

о промахах. А мы с младшей сестрой Валей, недавно приехавшей из Союза и направленной переводчицей в эту эскадрилью, сидим в сторонке. Слушаем и наблюдаем. Летчики постепенно приободряются, хотя осадок, оставшийся от первого нелегкого испытания, остается надолго.

Как-то Птухину доложили, что вернувшиеся из боя летчики встретились в небе с вражескими самолетами незнакомой конструкции.

— Что же, надо будет испытать их как следует,— выслушав сообщение, заметил Евгений Саввич.— Придется лететь. Сидя на земле, их не узнаешь.

Ему, даже когда он был советником истребительной группы республиканских ВВС, не разрешали принимать участие в воздушных боях. Его деятельность была ограничена командованием на земле. Он понимал, что нарушает дисциплину, но отдавал себе отчет в том, что победить противника можно только в том случае, когда знаешь его слабые и сильные стороны.

Рано утром следующего дня истребитель комбрига И-16 взмыл в небо. Над аэродромом Сото он пристроился к эскадрилье И. Т. Еременко — командира группы И-15, взявшей курс к линии фронта.

Незнакомцев долго ждать не пришлось. Выкрашенные в светлый цвет монопланы, с вытянутыми, как сигара, фюзеляжами появились скоро. Это были Ме-109. В одно мгновение комбриг вступил с ними в бой.

Вернувшись на аэродром, летчики приступили к тщательному разбору воздушного боя. Внимательно выслушав всех, комбриг сказал:

— По сравнению с известными нам немецкими истребителями «мессершмитт» — машина более совершенная и опасная. Поэтому следует выработать новую тактику воздушного боя. В горизонтальном полете скорость «мессера» превышает скорость И-16, но он тратит больше времени на виражи. Следовательно, бой надо навязывать на виражах, используя коллективность и

взаимодействие И-15 с И-16, взаимную выручку в бою...

В. М. Александровская

Аэродром Лерида. Здесь базируются скоростные бомбардировщики СБ. Самолеты взлетают и идут на Мальорку. Мы, волнуясь, ждем на аэродроме. А экипажи бомбардировщиков летят на предельной высоте без кислородных приборов. Полет у них продолжительный, самолеты часто попадают под обстрел зениток или истребителей противника, и тогда стрелок отражает нападение, а летчик настойчиво ведет машину к цели. Выдержка нужна адская.

Но вот бомбардировщики возвращаются, и командир эскадрильи А. С. Сенаторов коротко докладывает:

— Задание выполнено.

Пока летчики, штурманы, стрелки, подтрунивая друг над другом, оттирают обмороженные щеки и носы, техники готовят машины к следующему полету.

Итальянцы превратили Мальорку в военную базу. Здесь формируются части для отправки мятежникам, здесь же находятся склады горючего и военных материалов.

Зная это, командование республиканской авиации совершает частые бомбовые налеты на военные объекты острова. До последнего времени все обходилось благополучно. Но вот однажды навстречу СБ вышли «фиаты». Бомбардировщики все же прорвались, удачно отбомбились и, набрав высоту, на предельной скорости ушли от преследования.

Генерал Хосе решил проверить, случайной ли была эта встреча. На следующий день бомбардировщикам не удалось пробиться. Фашисты выставили такой заслон, что пришлось сбросить бомбы в море. При посадке выяснилось, что летчик Шевченко совершил посадку с бомбой — к его самолету подвесили единственную 250-килограммовую бомбу.

Сдержанный Сенаторов, узнав об этом, вспылил:

— Ты разве не знаешь, что посадка с бомбой запрещена? Подорваться захотел?

— Жаль топить такую дорогую бомбу,— виновато ответил Шевченко.

С тех пор о полетах на Мальорку знали только двое: генерал Хосе и комэск Сенаторов. Чтобы дезориентировать агентов «пятой колонны», самолеты брали направление на запад, в сторону фронта, потом разворачивались на 180 градусов и шли на восток, на Мальорку. Выполнив задание, летчики возвращались на свою базу.

7 октября утром республиканские самолеты подвергли бомбардировке аэродромы в Пальме. на острове Мальорка, являющейся базой, откуда совершаются постоянные воздушные нападения на испанские города, расположенные по побережью Средиземного моря. Один из отрядов республиканских самолетов дважды бомбардировал аэродром в Инка (остров Мальорка). Сброшенные бомбы попали на аэродром, где в это время стояли самолеты, и в прилегающую к аэродрому рощу, в которой, по-видимому, также были скрыты самолеты. Фашистские истребители типа «фиат» поднялись в воздух, но уклонились от сражения с республиканской авиацией.

Второй отряд республиканских самолетов, ставивший целью бомбардировку аэродрома в Сан-Хуан (остров Ивиса), сбросил бомбы в центре этого аэродрома, близ барачного городка. Все попытки фашистских самолетов воспрепятствовать деятельности республиканской авиации были отбиты.

Правда, 1937, 10 октября

Утром 14 октября, патрулируя над линией фронта, звено Евгения Антонова привело и посадило на аэродром Бухаралос заблудившегося итальянского летчика. Позвонили в штаб. Комбриг Птухин и комиссар Агальцов немедленно приехали на аэродром. В небольшую комнату ввели пленного. Допрос пришлось переводить мне. Не зная итальянского языка, я беспокоилась за правильность перевода, но вскоре мое волнение улеглось. Жалкий, дрожащий пленный с завидной готовностью отвечал на все вопросы. Перемежая итальянские слова с испанскими, он рассказал, что на аэродроме Гарапинильос близ Сарагосы размещено более 80 немецких и итальянских бомбардировщиков в полной боевой готовности. 15 октября они должны нанести удар по республиканским аэродромам на участках Арагонского фронта. Расспросив, какова охрана аэродрома, режим дня персонала, Птухин приказал увести пленного.

Затянувшись папиросой, Евгений Саввич глубоко задумался. Мимо него сновали люди, громко о чем-то

разговаривали. Он никого не видел, не слышал, сосредоточенно о чем-то размышлял.

Наконец-то представился долгожданный случай! Давно он вынашивал идею о том, что авиацию фашистов надо уничтожать на аэродромах базирования. В то время как количество самолетов у мятежников беспрерывно растет, поставки оружия из Советского Союза все более затрудняются. Республиканская авиация удерживает господство в воздухе только благодаря героизму и беспредельной отваге летчиков, делающих по шесть-семь вылетов в день. Фашистскую авиацию надо уничтожать на земле! Но как, чем? Бомбардировки аэродромов большого эффекта не дают. Надо штурмовать с минимальной высоты, на бреющем полете. Обстреливать зажигательными патронами каждый стоящий самолет и одновременно сбрасывать осколочные бомбы. С этой задачей, пожалуй, могут справиться истребители И-15 — машины маневренны, и скорость у них приличная. Придется пойти на риск. Успех зависит от внезапности налета. Надо застать их врасплох.

Генерал Хосе принимает решение. Лицо его проясняется. Разглаживаются складки на лбу. Коротко приказывает:

— Соедините меня с советником начальника штаба!

Услышав в трубке голос Арженухина, говорит:

— На 19.00 вызови в Каспе комэсков истребительной группы. Распорядись, чтобы зажигательные патроны со всех аэродромов свезли к Серову. Сам тоже приезжай.

Едем на аэродром в Каспе. Там ждет Арженухин. Евгений Саввич подробно излагает ему свой план.

— Бомбардировщики Александра Сенаторова произведут отвлекающий удар по военным казармам и складам Сарагосы. В это время эскадрилья Серова наносит главный удар по аэродрому Гарапиннильос. Трех-четырех заходов вполне достаточно. Эскадрилья испанских летчиков под командованием Чиндасвиндо будет бить по зенитным установкам и истребителям. Прикрывать действия «чатосов» должны все пять эскадрилий И-16 во главе с командиром группы Еременко.

— Они должны блокировать подходы к аэродрому,— замечает Арженухин.— Для этого их нужно эшелонировать на разных высотах.

Командиры склоняются над картой. Определяют маршрут, место каждой эскадрильи.

Вечером на совещании комэсков Птухин подробно рассказывает о предстоящей операции.

— Задача очень ответственная, необычная. Впервые используя истребители для штурмовки аэродрома, мы допускаем определенный риск. Поэтому надо быть предельно собранными, действовать четко, слаженно, стремительно. Вылет затемно, с тем чтобы на рассвете завтрашнего дня быть на месте. Успех зависит от внезапности вашего появления и молниеносного действия.

В ту ночь из штаба никто не уходил. В полночь подъехал шофер Сервандо.

— Едем на НП на горе Монте-Оскуро! — приказывает Птухин.

— Это у самой линии фронта,— отвечает Сервандо.

Внимательно всматривается наш верный друг в темную дорогу. А генерал Хосе курит одну папиросу за другой. Волнуется. Хотя, казалось бы, предусмотрено все. Летчики обстрелянные, командиры опытные. Вот только противовоздушная оборона объекта удара была недостаточно изучена.

Правда, летчик Сергей Плыгунов, слетавший вечером на разведку, смог кое-что уточнить. И все же!..

Прибыли на НП, когда рассвет лишь чуть забрезжил. Послышался отдаленный гул моторов. Постепенно нарастая, он обрушился на нас мощным грохотом. В небе величественно плывет армада наших истребителей. Слаженно, стройно, как на параде, летят они на выполнение своего трудного задания.

С волнением следим, как они удаляются. Проходят бесконечные минуты. И вот наступившую тишину сотрясает гулкий взрыв, второй, третий. К небу тянутся столбы черного дыма. Ясное, чуть розоватое предрассветное небо покрывается темно-серой дымкой. Что там? Как дела у наших? А они уже летят обратно. Внимательно пересчитываем. Все! Точно победная песня, льется с неба ликующий рокот моторов.

Быстро садимся в машину, едем на аэродром к Серову. Здесь царит всеобщая радость. Возбужденные, счастливые летчики окружают Евгения Саввича. Перебивая друг друга, рассказывают подробности.

Получилось именно так, как было задумано. Бомбардировщики стояли на поле ровными рядами. «Чатосы» начали атаку. Пикировали так низко, что дым и копоть осели на лицах. Тем ярче сверкают белозубые

улыбки. Голубоглазый Виктор Кустов заразительно смеется.

— Знаете, товарищ Хосе, как только перелетели обратно линию фронта, я начал хохотать, да так, что и сейчас не могу остановиться. Уж очень здорово получилось!

На радостях решили сфотографироваться. Энергичный Серов расставляет группу. Сам становится в центре рядом с Евгением Саввичем.

Распрощавшись, едем к Еременко. Возбуждение летчиков и здесь не меньше. Сверху им хорошо было видно, как взрывались бомбы на стоянках самолетов, загорались ангары, как в панике разбежалась с поля аэродромная прислуга. Виновато поглядывая на Птухина, Еременко доложил:

— Товарищ Хосе, я нарушил приказ. После того как «чатосы» ушли, спикировал с двумя эскадрильями. Не могли же мы уйти, не выстрелив ни одного патрона, когда на поле еще оставались целые машины!

— Дисциплину нарушать, понятное дело, нельзя,— усмехаясь, говорит Хосе.— Но после такого успеха взыскание давать тоже нехорошо.

Прошло много лет. Передо мною давний снимок. Смотрю на счастливые лица летчиков, на улыбающегося Серова, который крепко держит за руку генерала Хосе. А он стоит, скромно опустив глаза, не подозревая, что испанский опыт по использованию маневренных истребителей И-15 в качестве штурмовиков был использован позднее нашими летчиками в борьбе с японцами на Халхин-Голе и в первый период Великой Отечественной войны, пока не появились на вооружении советских ВВС новые штурмовые самолеты. Не знал он, что операция по налету на аэродром Гарапинильос будет изучаться в отечественных и зарубежных военно-воздушных академиях.

Исключительной по результатам была операция республиканской авиации 15 октября. В операции принимали участие истребители в количестве свыше 60 машин. Группами, эшелонируясь по высоте, они произвели одновременный налет на Сарагосский аэродром мятежников, на котором оказалось более 80 самолетов разных типов.

Истребители обстреляли самолеты противника зажигательными пулями и бомбардировали их с низких высот. Возник большой пожар. Самолеты интервентов быстро загорались от зажигательных пуль, а пожар усиливался взрывами авиабомб, подвешенных на фашистских самолетах, подготовленных к вылету. На-

лет был настолько неожиданным, что мятежники не смогли использовать свои средства противовоздушной обороны, прислуга которых разбежалась при появлении правительственных самолетов.

В этом налете летчики показали высокое летное мастерство и героизм. Они производили по нескольку заходов, пикируя до минимальной высоты, метко поражая своим огнем самолеты фашистов. Потери интервентам были нанесены огромные. По данным иностранной прессы, было уничтожено свыше 40 фашистских самолетов, находящихся на аэродроме.

Красная звезда, 1937, 29 октября

* * *

А теперь мне хотелось бы рассказать о двух интернационалистах, приехавших, как и мы, бороться за свободу Испании. Один из них был болгарином, второй — венгром.

Штаб Центрального фронта, куда меня направили переводчицей, помещался в подвалах министерства финансов в Мадриде.

Встретил меня там мужчина средних лет, выше среднего роста. Запомнилось его волевое, открытое лицо, изучающий, пристальный взгляд.

Приветливо улыбаясь, отрекомендовался:

— Андрей Родионов.

В Испанию я приехала с комсомольской работы, где меня окружали в основном мои ровесники, молодежь. Здесь же, оказавшись среди военных, в строгой обстановке с беспрекословной дисциплиной, я первое время чувствовала себя скованно. Но мой начальник Родионов отличался от других. Он никогда не приказывал. Ровным, тихим голосом, по-дружески объяснял, что и как надо сделать. Очевидно, профессия учителя, кем он был до армии, наложила отпечаток на его подход к людям. А может, это врожденный такт. С ним было спокойно, легко. И хотелось как можно лучше выполнять его поручения.

Кадровый военный, он ведал особым отделом. К нему стекалась информация со всех фронтов. Он ее внимательно изучал, обрабатывал. Принимал участие в подготовке боевых операций по обороне Мадрида, наступления на Гвадарраме, Гвадалахаре, на реке Эбро. Для уточнения боевых позиций выезжал на линию фронта. Работая над информацией с фронтов, он накапливал боевой опыт, изучал приемы партизанской войны в тылу противника. Готовился к последующей борьбе за осво-

бождение дорогой его сердцу Болгарии. После возвращения в Советский Союз на основе полученных знаний читал курс лекций в Академии имени М. В. Фрунзе о тактике современной войны.

Ц. Радойнов

Подвальное помещение министерства финансов, предназначенное для хранения золотых запасов и драгоценностей, никак не было приспособлено для длительного пребывания в нем людей. Было холодно, не проникал дневной свет. Поэтому каждый работник штаба время от времени выходил в город подышать свежим воздухом. Только Родионов не разрешал себе этой роскоши. Ему всегда было некогда.

Мадрид — фронтовой город. Повсюду следы войны. Некоторые здания разрушены полностью, у других вырвана снарядом стена, зияют пустыми глазницами окна. В опустевших комнатах сохранилась мебель, картины на стене, люстра под потолком, только нет людей. Окна нижних этажей и архитектурные памятники заколочены досками, заложены мешками с песком. А город живет. Открыты магазины, кафе. На улицах полно народу. Стоит начаться артиллерийскому обстрелу, улицы мгновенно пустеют. Как-то снаряд разорвался у входа в нашу комнату. Мы в это время были на очередной прогулке. Волнуясь, спускаемся в подвал. Как там Андрей? Под ногами хрустит щебенка, битый кирпич. В воздухе пахнет жженым порохом. Влетаем в комнату. И что же? У разбитой двери стоит Родионов в своем неизменном светло-сером костюме, в руках открытая папка, внимательно что-то читает.

— Андрей, ты не ранен? — спрашиваем с порога.

— А, это вы! А я беспокоился, не случилось ли с вами чего.

Вот такой он, Андрей Родионов. Я тогда не знала, что его настоящее имя Цвятко Колев Радойнов, что он болгарский эмигрант. По-русски говорил хорошо, никто не сомневался в том, что он не наш соотечественник. В Болгарскую социал-демократическую партию вступил в 1913 году девятнадцатилетним студентом. С этого

времени начал активную борьбу за освобождение своего народа от угнетения и эксплуатации. За политическое и военное руководство повстанческим отрядом села Карабунар в сентябре 1923 года был приговорен к пожизненному заключению и лишению гражданских прав за то, что «сознательно повел толпы к свержению самодержавия». Ему удалось выехать в Советский Союз, где он обрел вторую родину.

Старожилы деревни Куликово Полтавской области, где он в 1923 году организовал сельскохозяйственную коммуну, до сих пор помнят своего первого комиссара.

Радойнова давно привлекала военная служба. После окончания в 1929 году Военной академии имени М. В. Фрунзе он командовал различными соединениями Красной Армии. По решению руководства партии он летом 1941 года нелегально вернулся на родину, чтобы снова сражаться с фашистами. В Софии его ввели в состав Центрального Комитета партии, поставили во главе штаба вооруженной борьбы — Центральной военной комиссии при ЦК болгарских коммунистов. К весне 1942 года в стране была создана широко разветвленная сеть Сопротивления: повстанческие отряды, боевые группы, антифашистские организации среди всех слоев населения, хорошо законспирированные ячейки в армии.

За все время войны фашистское командование не смогло отправить на фронт из Болгарии ни одного военного подразделения. Не в силах справиться с растущим сопротивлением, полиция внедрила в партийную сеть провокаторов. Арестовали большую группу партийных руководителей. При перестрелке Радойнов был ранен. В ту же ночь его подвергли жестокому допросу. Арестованные вели себя стойко. Отвергая обвинение в измене родине, все, как один, доказывали, что боролись против фашизма, против закабалившей их страну оккупации. Суд приговорил всех к расстрелу.

26 июля 1942 года Цвятко Радойнова с группой товарищей привезли в мрачное подземелье Софийского гарнизонного стрельбища, снискавшего позорную славу места, где приводились в исполнение смертные приговоры над болгарскими революционерами и антифашистами. На головы им натянули бумажные мешки. Среди мертвой тишины неожиданно прозвучал голос Радойнова: «Да здравствует Советская Россия! Она победит...» Автоматная очередь оборвала его речь.

Правительство Народной Республики Болгарии посмертно присвоило Цвятко Радойнову звание генерал-майора. Он награжден орденами НРБ и Советского Союза.

Болгария, за свободу которой он отдал жизнь, помнит и чтит своего героического сына. О его подвигах пишут, снимают кинофильмы.

В селе Крын Старозагорского округа в доме, где он родился, создан мемориальный музей.

* * *

Николаса Штейнметца я увидела в 12-й интернациональной бригаде, которой командовал Мате Залка. В небольшой, слабо освещенной комнате сидело несколько мужчин. Все обернулись на скрип отворяемой двери.

— Николас! — восклицаю я.

— Здесь я Антонио.— Отвечает он, пожимая мне руку.

— Разве вы знакомы? — спрашивает Максимов.

— Да, мы знакомы семьями.

Отец Николаса, Иштван Штейнметц, один из основателей венгерской компартии, в 1919 году участвовал в установлении Венгерской советской республики. После подавления революции семья эмигрировала в Аргентину.

В 1932 году они приехали в Советский Союз. Еще учась в аргентинской школе, Николас принимал участие в молодежном движении. Он в совершенстве владел венгерским, испанским, немецким и русским языками, что в Испании делало его незаменимым человеком в многоязычной интернациональной бригаде. Командование использовало его не только как переводчика. Под его руководством были организованы группы подрывников для действий в тылу противника. Готовясь к выполнению этих трудных заданий, Николас часто обращался за советом к летчикам. Уточнял с ними линию фронта, выяснял, в каком месте переход группы менее опасен. Хорошая подготовка обеспечивала успешное выполнение задания.

Возвратившись из Испании, Николас работал переводчиком в Военной академии имени М. В. Фрунзе и в Академии Генштаба. В годы Великой Отечественной снова сражался с фашизмом.

В августе 1944 года Штейнметца зачислили политработником в 317-ю Краснознаменную стрелковую ди-

Н. Штейнметц

визию. За четыре с половиной месяца службы ои подготовил 24 человека для засылки в тыл врага, 18 личио перевел через передиий край. Оргаиизовал и провел 120 радиовещательиых передач иа противиика. В результате его деятельиости около 200 солдат и офицеров перешли на стороиу Советской Армии.

В конце декабря 1944 года войска 2-го и 3-го Украинских фронтов завершили окружеиие Будапешта. Стремясь предупредить излишиие человеческие жертвы, желая сохраиить от разрушеиия исторические памятиики и жилые дома, советское комаидоваиие предложило противиику капитулировать, обещая сохраиить жизнь военым, отпустить их домой, оказать помощь раиеиым. Было обусловлеио время и место для вручеиия ультиматума. Два дня советское радио извещало, что 29 декабря в 11 часов дня прибудет советский парламентер.

В указаииый деиь иа фроите прекратилась стрельба. Все замерло. Наступила тишииа. К озиаченному месту подъехала легковая машина. На капоте развевался белый флаг. Из нее вышел Николас Штейнметц, держа в руке белый флаг. Не успев сделать и нескольких шагов, он упал замертво, сраженный вражеским огнем.

Возмущеииые вероломным поступком фашистов, советские воииы открыли урагаииый огоиь. Началось геиеральное наступление. Будапешт был освобожден. Враг потерял 49 тысяч убитыми, сотни тысяч ранеными, 110 тысяч сдались в плен.

Николас погиб, когда ему исполиился всего лишь 31 год. Ои мечтал войти в столицу Веигрии вместе с советскими войсками-освободителями. И теперь он стоит у въезда в Будапешт, изваянный в граните, с флагом парламентера в руке.

В Цеитральном музее Вооружеиных Сил в Москве экспонируется портрет венгерского патриота-интернациоиалиста, капитаиа Советской Армии Николаса Штейиметца. Там же можно увидеть простреленную

гимнастерку, окровавленный флаг, запятнанный кровью текст ультиматума, подписанного Маршалами Советского Союза Малиновским и Толбухиным.

* * *

А разве можно забыть друзей-испанцев! С Хуаном Модесто меня познакомил Антон, секретарь Мадридского комитета компартии, когда мы вместе побывали на его командном пункте. Антон молод, подтянут, строен. Большие карие глаза серьезны. Иногда он кажется суровым. Собеседника слушает внимательно. Его замечания немногословны, но метки. Общителен. Среди солдат и офицеров держится просто. К его слову прислушиваются.

Машина медленно поднимается по извилистой горной дороге. Оглядываюсь, и у меня перехватывает дыхание. По обеим сторонам лес, до боли напоминающий родной подмосковный. Горделиво высятся стройные сосны. Ели покачивают мохнатыми ветвями. Непроходимая чащоба. Не видать только нашей славной красавицы, белоствольной березки.

У КП к нам навстречу идет широкоплечий мужчина средних лет. На нем белая рубашка с открытым воротом. В руках полотенце. На волнистых волосах еще не просохла вода. В чуть прищуренных глазах лукавая искринка.

— Ола, ке таль? (Привет, как дела?),— спрашивает Антон.

— Пуэс, бьен. (Ничего, хорошо),— в тон ему отвечает Модесто.

Беседа сразу становится живой, непринужденной. Модесто часто прибегает к остроумной шутке, рассказывает забавные истории. С трудом успеваю переводить его быструю речь. В выражениях не стесняется. Речь обильно пересыпана крепкими словечками.

Выходец из многодетной рабочей семьи, Хуан Модесто Гильото родился в 1906 году в небольшом приморском городке Андалусии. Не закончив школу, в 11 лет начал работать по найму, а в 13 лет поступил пильщиком на завод пиломатериалов.

Работал ли он по найму, отбывал ли воинскую повинность, везде проявлял свой горячий характер, непримиримость к произволу и насилию. Никого и ничего не боясь, свой протест смело выражал вслух. Участвовал в массовых выступлениях рабочих. В 1930 году

вступил в Коммунистическую партию Испании. С этого времени начинается его активная подпольная деятельность.

В жизни он был простым, скромным человеком, верным, преданным другом. Очевидно, за эти качества товарищи прозвали его Модесто, что значит: скромный, благородный. Это имя он так и пронес через всю свою жизнь.

Начал с должности комбата, закончил войну командующим армией. Среди командиров рабоче-крестьянской милиции ему первому присвоили звание генерала. С обороны Мадрида подразделения под его командованием участвовали во всех ответственных военных операциях.

Особенно ярко проявился его талант в сражении на Эбро в июле — ноябре 1938 года. Удачно форсировав реку, развивая с ходу дальнейшее наступление, армия добилась больших успехов. У противника был захвачен большой плацдарм, военные трофеи, пленные. Но дальнейшие события сложились трагично. Обескровленная длительными оборонительными боями, армия, не получив подкрепления, оказалась вынужденной покинуть позиции. Но и при отступлении части продолжали отражать атаки наседавших франкистов. Модесто удалось переправить на левый берег реки всю армию, не оставив в плену у противника ни одного солдата, ни одной винтовки.

К несчастью, среди республиканского командования оказались предатели и капитулянты. Дальнейшее сопротивление не было организовано. Армия с боями отступала к французской границе. Следом за ней по единственной каталонской дороге шли толпы гражданского населения. Их нещадно бомбила фашистская авиация.

Командование мятежников обещало бойцам в случае прекращения сопротивления сохранить жизнь. Возмущенный Модесто ответил, что его армия не сдается, а отступает с поднятой головой. Он перешел последним французскую границу.

Прошло много лет. В мае 1965 года в Колонном зале Дома союзов состоялась Международная встреча ветеранов Великой Отечественной войны в ознаменование Победы над фашистской Германией.

Среди разноголосого шума собравшихся слышу испанскую речь. Неожиданно раздается восклицание:

— Сониа, но ме коносес? (Соня, не узнаешь меня?)

— Модесто! Как не узнать!

— Но те акуердас де Антон? (А Антона не помнишь?)

— Комо но, донде эста? (Как забыть, где он?)

Прислонившись к колонне, едва заметно улыбаясь, стоит Антон. Они такие же, какими были в Мадриде. Чуточку постарели. Милые, дорогие друзья! Сколько радости доставила мне эта встреча... Тогда-то в одной из бесед Модесто сказал, что его сокровенная мечта — вернуться в Испанию и стать алькальдом самого красивого в мире города — Пуэрто-де-Санта-Мария — города, где он родился.

Мечта его не сбылась. Умер он на чужбине в 1969 году.

* * *

В резиденции советских добровольцев отеля «Гайлорд» в Мадриде вечерами всегда было многолюдно. Здесь мне и довелось познакомиться с несколькими замечательными испанскими женщинами.

Глубоко религиозная страна, Испания 30-х годов XX века сохраняла старый уклад жизни, средневековые обычаи и предрассудки, особенно по отношению к женщине. Любовались ее красотой, распевали серенады, но круг ее интересов замыкался домом, семьей. Революционные веяния, образование Народного фронта в защиту демократических свобод всколыхнули весь народ, пробудили дремавшую активность женщин всех слоев населения. Они вступали в армию, работали в госпиталях, на производстве — везде, где могли заменить труд ушедших на фронт мужчин.

Заботливой, приветливой хозяйкой «Гайлорда» была Конча — милая, скромная женщина. Когда началась война, ее муж ушел на фронт, а она, оставив на попечение родителей малолетнего сына, пошла помогать советским друзьям. Конча делала все, чтобы нам вдали от дома было уютно, хорошо. Когда я заболела, ухаживала за мной, как мать. Однажды повезла на окраину Мадрида к своим родным. Встретили меня радушно. Хотя угощать особенно было нечем (в осажденном городе было трудно с продовольствием), приготовили вкусный напиток, восстанавливающий силы.

Другая моя испанская подруга — Пепита — учительница, коммунистка. Она вела большую культурную работу среди населения, обучала грамоте солдат.

Она и мне помогла с языком, за что я ей глубоко благодарна.

Как-то Пепита привела ко мне свою подругу Анхелиту-де-Санта-Мария. Небольшого роста, хрупкая, она была очень красива. Волнистые, иссиня-черные волосы аккуратно зачесаны, в них пламенеет красная гвоздика. Несмотря на молодость, Анхелита пережила большую трагедию. В глубине ее лучистых глаз непроходящая грусть. В первые дни мятежа в одном из уличных боев на ее глазах был убит муж. С тех пор она посвятила свою жизнь борьбе за равноправие трудового народа, защите его демократических свобод. Вступила в Коммунистическую партию Испании. Ее избрали женорганизатором Мадридского комитета партии. С захватывающим интересом она воспринимала все, что касалось участия советских женщин в преобразованиях и строительстве новой жизни в нашей стране. Каждый раз у нее возникали новые вопросы. «Как же много надо сделать, чтобы изменить старые понятия и предрассудки не только среди испанских женщин, но и среди мужчин»,— повторяла она, задумавшись.

Однажды пришла очень серьезная, торжественная, с большим свертком в руках.

— Это тебе подарок от испанских женщин-антифашисток.

Развернула пакет, и я ахнула. Передо мной лежала необыкновенной красоты, прекрасная, ручной вышивки, шаль с тяжелыми шелковыми кистями.

— Это манильская шаль. Их носили самые богатые женщины Испании. Во время корриды ими украшали ложи в цирке. Мы дарим ее тебе, нашей советской подруге.

В тяжелые военные и послевоенные годы мне, как и многим, приходилось расставаться с самыми любимыми вещами, чтобы прокормить семью. Ничего не жалела. Но подаренную Анхелитой испанскую шаль я сберегла...

Интернациональное братство антифашистов, боровшихся за демократию и независимость Испании, заложило глубокий фундамент. За полвека, минувшие после первой вооруженной схватки с фашизмом, во многих странах континента антифашистское движение выросло и окрепло, превратившись в могучую силу, активно выступающую против войны, в защиту мира на земле.

Е. Н. СТЕПАНОВ,

Герой Советского Союза

НОЧНОЙ ТАРАН

Наша группа летчиков во главе с Иваном Георгиевнчем Девотченко была направлена под Валенсию в штаб республиканских ВВС.

Жарко. Сквозь огромные изрезанные листья стройных пальм проглядывает голубое, даже слишком голубое небо. Томит жажда. Запоминаю первое испанское слово: «агуа» — вода.

Где-то в этом ясном небе сражаются мои друзья-ленинградцы. Погиб мой близкий друг Николай Сафонов, с которым мы жили в одной холостяцкой комнате. Отличный летчик, вдумчивый, смелый. Он неоднократно получал призы за технику пилотирования. Мысленно представляю его себе в бою: бесстрашно н стремительно атакует противника. У меня же все впереди!

Бой в воздухе! Часто это мгновенная дуэль. Можно найти много причин, оправдывающих неудачу, но пока мне они неведомы. Ясно одно: в воздушном бою надо обладать высоким летным мастерством, концентрированной волей к победе.

Отдали свои жизни и навсегда остались в земле Испании Федор Колосов, Василий Макарычев, Михаил Федулов, Алексей Лоскутов, Григорий Хозяинов. Всех я хорошо знал, дружил с ними. Л. Русак, В. Яманов, С. Шалыганов лечатся в госпитале после ранения. Под Мадрндом погибли в боях М. Воронов, П. Пуртов, А. Минаев, К. Белечков. Попал в плен Георгий Тупиков, командир моего звена в Борисоглебской школе летчиков. Обаятельный человек, мой учитель по технике вождения самолетов. А как он пел!..

И как бы ни грустны были эти размышления, они не поколебали нашей решимости сражаться до победы. Скорей бы в бой!

Отъезжавшие на родину летчики, ничего не скрывая, рассказывали нам о первых трудностях и промахах. Чаще всего им приходилось сражаться в неблагоприятных условиях, при численном превосходстве противника в 3—4 раза. Они рассказали, что немецкие Ме-109 не уступают И-16 в скорости, но большой вес ограничивает их вертикальный маневр, а наших самолетов — горизонтальный. Итальянские «фиаты» вооружены крупно-

Е. Н. Степанов

калиберными (12 мм) пулеметами со стреляющим устройством через винт. В бою надо быть предельно осмотрительным: враг коварен и хитер, часто применяет обманные маневры. Всегда нужно иметь запас высоты; прицельный огонь с близкой дистанции обеспечивает преимущество...

— Направляем вас на Арагонский фронт в эскадрилью И-15, которой командует Анатолий Серов. Базируется она на аэродроме Бухаралос, в 30 километрах восточнее Сарагосы. Эскадрилья участвовала во многих крупных сражениях, сейчас обеспечивает Сарагосскую наступательную операцию, цель которой — отвлечь силы мятежников с Северного фронта. Эскадрилья воюет без поражений и потерь. Надеемся, что, участвуя в боевых заданиях, вы также проявите мужество и стойкость.

Эти напутственные слова старшего советника ВВС Республики Евгения Саввича Птухина пришлись нам по душе и приглушили наше разочарование, вызванное тем, что нас назначили летать не на И-16.

В эскадрилье чувствовалась сплоченность. Все делалось без напряжения и нервозности. Каждому летчику было точно определено место на земле и в воздухе.

Сарагосская операция, начатая в августе 1937 года, развивалась успешно. Республиканцы заняли укрепленные районы мятежников: Кинто, Кодо, Медиана. Особенно сильные кровопролитные бои завязались вокруг крупного укрепленного пункта Бельчите. Республиканской истребительной авиации была поставлена оперативная задача — не допускать массированных ударов вражеских бомбардировщиков; обеспечивать беспрепятственные действия республиканской бомбардировочной авиации по скоплениям фашистских войск; штурмовыми атаками с малых высот подавлять огонь зенитных установок противника.

Время торопило, и мы, еще не обстрелянные, «желторотые», как называл нас Анатолий Серов, приняли участие в боевых вылетах.

...Хлопок ракетницы. Тут же заработали моторы. Зелеиая ракета — и, не выруливая на взлетную полосу, самолеты устремляются в небо с места стоянки. В строю нас пятнадцать. Я вместе с Георгием Поповым в звене Евгеиия Антоиова. Рядом мои ленинградцы — Никита Сюсюкалов, Михаил Котыхов, Алексей Горохов, Семен Евтихов, Виктор Кустов. Летим над извилистой рекой Эбро. Выше и левее нас летят три эскадрильи И-16. Ведет их прославленный в боях командир группы Иван Еременко.

...Командир И-15 резко отворачивает в сторону. Появился противник? С набором высоты устремляемся в окио облачности. Под нами никаких наземных ориентиров. Сигнал ведущего — и вся эскадрилья переходит в стремительное пикирование. Зачем? Есть цель! Ниже себя вижу камуфлированные под зелень самолеты, это — «фиаты». Вот и наступил первый настоящий бой, которого давно ждал и готовился к нему. Вот он — реальный противник!

Я уже не вижу самолетов ни Серова, ни Антонова. Кругом все вертится, мелькает. Ну точь-в-точь как крупиая стая птиц в стремительной круговерти. Кто-то пикирует, кто-то круто взмывает вверх; заходят друг другу в «хвост». Пространство пронизывают трассы светящихся пуль, выпускаемых пулеметами.

В перекрестии моего прицела оказывается «фиат». Выпускаю по нему длиннейшую очередь из своих четырех пулеметов. Самолет противника резко заваливается иа левое крыло... И я в упоении начинаю вести счет сбитым самолетам! Ну кто из нас, летчиков-истребителей, не мечтает стать асом? Но итальянец был, видимо, искусным летчиком. Не получив никакого повреждения, он мгновенно оказывается в «хвосте» моего самолета. Положение становится критическим. «Фиат» висит на «хвосте» моего «чато». Несколько пулеметных трасс проходят правее и выше меня. Увеличив скорость, выхожу из виража иа прямую, затем резко убираю сектор газа, чем снижаю обороты мотора, и мой преследователь выскакивает вперед, правее.

Изменив тактическим маиевром свое положеиие, я снова могу стать атакующим. Но тут же замечаю, как И-16 пикирует в иаправлеиии «фиата», вмиг превращая моего противиика в огиеиный факел. Успеваю заметить на руле поворота своего спасителя иомер «26». Кто бы это мог быть?

Бой закаичивается как-то внезапно. Не выдержав стремительной атакн И-15, поддержанной эскадрильей И-16 Ивана Девотченко, фашисты поспешно покидают место сражения, разрозненно уходят в сторону Сарагосы. На земле догорают три «фиата».

В то же время эскадрильн И-16 Григория Плещенко и Александра Гусева атаковали фашистских бомбардировщиков, не давая им сбросить свой смертоносный груз иа республиканские войска.

После посадки на аэродроме, довольный исходом сражеиия, Анатолий Серов радостно улыбается.

— Страшно было? Ведь это твой первый бой.

— Сиачала нет, был азарт, ио, когда оказался под огнем фашиста, на какое-то мгиовеиие охватил страх. Затем появилась злость на него и иа себя. Выручил И-16, ты об этом уже знаешь.

— Страх присущ всем живым, в том числе и летчикам. Это ведь своего рода защита перед опасностью. Его можио побороть, еслн зиаешь, чего хочешь добнться. А вот трусость — это гибель; человек теряет контроль иад своими действиями. Идейная убежденность в том, что фашизм — это зло, которое надо пресечь в самом зародыше, играет решающую роль в преодолении страха.

— Полностью согласен с тобой. Иван Девотченко сегодня мне здорово помог избавиться от страха.

— Взаимная выручка в бою — это основа успеха. Один в поле не воин. Летчикам, особенно истребителям, очень важно в нужный момент уметь сосредоточнться или расслабиться. И еще одно — риск. В бытность мою летчиком-испытателем мне часто приходнлось с ним сталкиваться. У каждого летчика есть свой «запас безопасности», которым надо уметь пользоваться. Некоторые издали подходят к границе возможного, другие, с ростом опыта, мастерства, выдержки, подходят к зонам опасиостн ближе. В бою этот защитный или, лучше сказать, «буферный слой» очень тонок, почти на грани возможного. Я приверженец риска, пожалуй, без него нельзя рассчитывать на победу,— фашистские летчики довольио опытные летчики.

— Да, Толя! Есть над чем подумать...

Звено под командованием Якушина, в которое входил и я, патрулировало над аэродромным узлом Бухаралос — Лерида, чтобы предотвратить возможные бомбардировки. Вскоре увидели трех бомбардировщиков Ю-86, летевших в плотном строю с востока на запад.

На траверзе они оказались выше и левее нас метров на 400—500. Однако командир звена продолжал вести нас по заданному курсу. Я злился: упустим возможность атаковать фашистов! И резко отвернул от звена в сторону, намереваясь сбить хотя бы одного. Несколько выпущенных мною трасс с большой дистанции цели не достигли. Бомбардировщики продолжали свой путь. Догнал звено и вижу: командир показывает мне кулак. А по возвращении на аэродром меня ждал нагоняй за излишнюю ретивость и неоправданный риск.

...Август для нашей эскадрильи был весьма насыщен боевыми вылетами. В отдельные дни мы совершали от трех до пяти вылетов: сопровождали бомбардировщики, занимались разведкой, патрулированием, которое нередко заканчивалось воздушными боями.

Нас удивляло, что по воскресеньям боевые действия с обеих сторон почти не проводились. Летчики-испанцы из соседней эскадрильи И-15 в субботу уезжали к своим семьям, невестам, а мы всегда находились на аэродроме в боевой готовности. Но война есть война. Вскоре обострившаяся на фронте обстановка вынудила испанцев отказаться от «выходного дня».

В один из воскресных дней августа мы приехали на аэродром позднее обычного. Все спокойно. Анатолий Серов, Евгений Антонов, Григорий Мастеров — ярые футболисты, гоняют мяч. Георгий Попов, как всегда, с книгой в руках. Остальные отдыхают как могут. В полдень позвонил Федор Арженухин: посты наблюдения сообщают, что на линии фронта Сарагоса — Уэска летит большая группа самолетов.

— Взлетайте, если нет бомбардировщиков, в бой вступайте только по необходимости,— предупредил он Серова.

— Понял!

Быстро взлетели и направились к Сарагосе. Я в звене Сюсюкалова, другие звенья ведут Антонов, Якушин, ведущий — Серов. Вдали заметили большую группу «фиатов», впереди, эскортируемый пятью истребителями, летел самолет «ромэо», напоминающий наш Р-5. Летим на высоте около 3000 метров, «фиаты» метров на 500 ниже. Когда мы оказались над ними, Серов подал команду «Внимание» и перевел всех в пикирование. Получился так называемый «соколиный удар». От огня 48 пулеметов вспыхнули два «фиата». Началась воздушная карусель, в которой у нас сохранялось пре-

имущество по высоте и внезапности нападения. Евгений Антонов с отвесного пикирования перевел свой И-15 в стремительный набор высоты «горкой», устремился под фюзеляж эскортируемого «ромэо», нажал на гашетки, и самолет мгновенно вспыхнул. За бортом раскрылся парашют. Приземлившийся парашютист оказался генералом, командующим фашистской авиацией Арагонского фронта. Он был ранен, и его отправили в госпиталь республиканцев.

...Пытаясь задержать наступающие колонны республиканцев южнее Сарагосы, фашисты систематически их бомбили. Эскадрилья взлетела по тревоге. Подлетая к линии фронта, мы заметили, что со стороны Иберийских гор появились двухмоторные самолеты в сопровождении «фиатов». Мы летели со стороны солнца. Серов со своим звеном бросился в атаку. Вместе с Вальтером Короузом они почти в упор расстреляли флагмана бомбардировщиков. Мы с Никитой Сюсюкаловым и Семеном Евтиховым атаковали замыкавшего колонну бомбардировщика. Это был двухмоторный «Дорнье-15». Он увеличил скорость снижением, свалился на левое крыло и в таком скользящем полете устремился к Сарагосе. Я слева, а Никита справа продолжали его обстреливать. На наших глазах он взорвался, ударившись о землю. Увлекшись этим зрелищем, я не заметил, как «фиат» полоснул очередью из пулеметов по хвостовому оперению, а второй очередью — по левому борту моего самолета — оказалась поврежденной система управления мотора. На полных оборотах мотора резко свалил свой «чато» в управляемый штопор и вышел из боя. Напавшего на меня «фиата» сбил Семен Евтихов. При разборе Анатолий Серов дал высокую оценку действиям моего звена.

Наступательные операции в направлении Сарагосы и Уэски развивались трудно. Противник упорно цеплялся за свои позиции. Бои становились с каждым днем ожесточеннее. В сентябре интенсивность полетов еще более увеличилась. За три месяца у каждого из нас налет превышал 60—85 часов. Это при годовой норме в мирных условиях в 100—120 часов!

По соседству с нашим аэродромом базировались еще три эскадрильи И-15, укомплектованные испанскими летчиками. Группой командовал капитан Амарио. Одни из них приобрели солидный опыт боев на севере Испании, другие — в совместных с нами полетах. Невдалеке рас-

положились шесть эскадрилий И-16. Практически вся республиканская авиация была сосредоточена на Арагонском фронте и завоевала здесь господство в воздухе. Но здесь погиб Михаил Котыхов. Его самолет подожгли в бою под Уэской. Михаил покинул машину, выбросившись с парашютом, но фашисты расстреляли его в воздухе. У него в груди было обнаружено восемь пулевых ранений...

И снова бой...

Застегивая на ходу шлем, к стоянке быстро идет Серов.

— Над Уэской эскадрильи И-16 Девотченко и Плещенко. Всем в воздух!

Подлетев к месту боя, увидели явное численное превосходство истребителей противника, расположенных группами на разных высотах. Поднявшись на 3500 метров, Серов вывел эскадрилью к изгибу железной дороги севернее Уэски. Бой, охвативший большой район, вели И-16 с «фиатами» и «мессерами». Все перемешалось. Трудно различить, где наши, где противник. Одновременно с нами появилась большая группа Ю-86. Серов качнул крыльями — «Иду в атаку...» Стремительное, одновременное пикирование пятнадцати И-15 на довольно плотный строй фашистских бомбардировщиков завершилось вспышкой двух «юнкерсов». Повторная атака не удалась. Сверху на нас свалилась значительная группа «фиатов». Сражение перешло на индивидуальные взаимные атаки на крутых виражах и вертикалях.

Это был какой-то кошмар, сопровождаемый огненным шквалом пулеметных трасс. При выходе из первой атаки я остался один и вдруг скорее почувствовал, чем увидел, справа от себя самолет. Сюсюкалов? Нет... «фиат»! Меня охватило чувство неподдельного страха. Первым пришел в себя, понявший свою ошибку, фашистский пилот. Убрав газ, «фиат» отстал, а я оказался под его огнем. Даю газ и резко ухожу вверх, выполняя при этом не левый, а правый полупереворот. Подхожу к нему на лобовую атаку и бью спаренным огнем четырех пулеметов. На этом с «фиатом» было покончено. На моем «06» (хвостовой номер) позже обнаружили множество пулевых отверстий, на стойках шасси две пробоины от 12-миллиметровых снарядов. Позже с командного пункта сообщили, что в сражении участвовало с обеих сторон более 90 самолетов. У нас обошлось без потерь.

Задание, полученное перед Сарагосской операцией, оказалось выполненным только отчасти. И все же, несмотря на то что противник количественно пополнял свои воздушные силы свежими частями, благодаря умению, отваге и героическому самопожертвованию республиканская авиация удерживала господство в воздухе. Только 1 сентября 1937 года над республиканской территорией в районе Бельчите — Сарагоса — Уэска противник потерял 26 самолетов, сбитых летчиками истребительных групп Анатолия Серова и Ивана Еременко, 19 фашистских летчиков было пленено. Наши потери — два истребителя.

Фашистское командование подвергло массированной бомбардировке республиканские ВВС, базирующиеся на аэродромах Сариньена, Хихои, Каспе и в Бухаралосе.

...С запада, курсом на Бухаралос, на высоте около 1500 метров летели бомбардировщики противника в сопровождении истребителей.

— Всем в воздух! — подана команда. Зеленая ракета — и один за другим взлетают Евтихов, Добиас, Горохов, Попов, Короуз, Сюсюкалов, Антонов, Соболев, Мастеров и я. Мой самолет не был полностью заправлен бензином, что и помогло мне быстро оторваться и набрать необходимую высоту. Первого «Юнкерс-86» перехватили Вальтер Короуз и Сюсюкалов, второго зажгли Соболев, Евтихов и Попов. Истребители действовали группами по два-три самолета в одновременной атаке. Под мои пулеметы во время лобовой атаки попал Ме-109, запарил и ушел на запад к Сарагосе — финала я не видел. Его напарника продолжал атаковать на вираже И-15, который пилотировал Том Добиас (Том Добиас и Вальтер Короуз, бывшие шуцбундовцы, принимали участие в вооруженом восстании австрийских рабочих в 1934 году. После поражения эмигрировали в Советский Союз, где в 1936 году окончили курсы летчиков при аэроклубе Осоавиахима). В этом бою Добиас поджег «мессершмитт», летчик которого, спускаясь с парашютом, приземлился вблизи аэродрома Бухаралос. Рядом с ним на И-15 сел Добиас. Вот что он нам потом рассказал:

— Я вышел из кабины с пистолетом в руках и направился к запутавшемуся в стропах парашюта фашисту. Некоторое время мы рассматривали друг друга. Фашист первым нарушил молчание:

— Это чья территория?

— Во всяком случае, не мятежников,— ответил я на немецком языке.

— Вы мой соотечественник?

— Нет. Палачей испанского народа я не считаю своими соотечественниками.

— Помогите мне.

— Конечно, помогу!

В это время к нам подошли крестьяне, работавшие в поле, и я сдал им пленного.

После взятия республиканцами 6 сентября 1937 года укрепленного пункта Бельчите командование, не закрепив должным образом новые рубежи, сняло значительную часть войск с фронта, отправив на отдых и переформирование. Наступило некоторое затишье. Авиация противника бездействовала.

Эскадрильи истребительной авиации перебазировали на аэродромы Средиземноморского побережья, рассредоточив между Барселоной и Картахеной. Таким образом обеспечивалась воздушная охрана крупных городов и промышленных центров. Одновременно летному составу предоставлялся некоторый отдых после напряженной боевой работы.

Мы обосновались на аэродроме Сабадель, вблизи Барселоны. Постепенно ослабевали недавние переживания и напряжение. Успокаивались нервы. Молодость брала свое. По очереди дежурили звеньями в воздушном пространстве Барселоны. В свободное время ездили в город, ходили в кино, театры. Случалось посидеть на бульваре, в кафе, потанцевать и, конечно, посетить корриду — незабываемое зрелище, где смелость и риск облечены в изящество и элегантность.

Наш отдых закончился внезапно. Нас срочно вернули на аэродром Бухаралос. Готовилась очень ответственная и крупная авиационная операция по бомбардировке аэродрома Гарапинильос.

Подойдя к аэродрому на высоте 150 метров, произвели первый заход с пикирования. Сразу возник пожар, стали взрываться бомбы. Следующим заходом с левым разворотом ударили по стоянкам истребителей. Каждый из нас спикировал 7—9 раз, пока не израсходовал полностью весь боекомплект зажигательных пуль. Самолеты выводили из атаки на высоте 10—15 метров от земли. А это значит, что активно действовали и пулеметы. На аэродроме горели и взрывались самолеты. Это надо было видеть!!!

Последний заход мы с Евгением Антоновым сделали по ангару, расположенному в северо-западной части поля. Ворота его были открыты. После наших пулеметных трасс из ангара вырвался столб пламени.

На свою базу вернулись без потерь. Вскоре к нам приехали Е. С. Птухин, комиссар Ф. А. Агальцов, штабной офицер О. Соболевский. Поздравили нас с успешным выполнением задания. В свою очередь и мы их поздравили с хорошо подготовленной операцией. Впоследствии она вошла в историю авиации как образец гибкой тактики, направленной на завоевание господства в воздухе при количественном превосходстве противника.

Через два часа эскадрильи разлетелись по своим средиземноморским базам. Аэродромы Арагона опустели — на случай «карающего» налета фашистов.

Мы отправились на свою базу «отдыха» в Сабадель.

В конце октября самолеты противника проявляли активность в основном ночью. Мы должны были каждую ночь держать в готовности несколько экипажей для отражения налета фашистских бомбардировщиков на Барселону. Участвовали в этих боях мы, «молодые» летчики, прибывшие в эскадрилью в середине июня. Г. Мастеров, Е. Антонов, Н. Соболев, М. Якушин готовились к отъезду на родину. Анатолий Серов принял командование истребительной группой из пяти эскадрилий И-15. Меня назначили командиром эскадрильи вместо него.

В ночь на 28 октября мы с Ильей Финном несли боевое дежурство. Около трех часов посты наблюдения передали, что в 40 километрах севернее Барселоны, вдоль побережья, слышен сильный звук моторов. Быстро поднимаемся в воздух. Через некоторое время на высоте около 2000 метров на фоне луны я заметил звено бомбардировщиков, летевших на растянутых дистанциях. Иду на сближение с ведущим самолетом. Меня обнаружили стрелки итальянского бомбардировщика «Савойя-Маркетти-81» и открыли огонь. Полоснув с дистанции 15—20 метров из своих пулеметов, я увидел, как вспыхнуло его левое крыло. Выпустил еще одну очередь. Вспыхнуло правое крыло, а самолет продолжает лететь — смертоносный груз может быть сброшен на город. На перезарядку пулеметов времени нет. Увеличив скорость с правым отворотом, наношу удар по хвостовому оперению бомбардировщика, не думая, чем это может

кончиться для меня. От удара левым колесом бомбардировщик рухнул на землю.

Во время столкновения меня подбросило, и я стукнулся головой о приборную доску. Мотор немного трясло, но он продолжал довольно устойчиво работать. Когда я вывел свой истребитель в горизонтальный полет, в 50—100 метрах выше себя заметил еще одного бомбовоза, стремящегося уйти левее Барселоны в сторону моря. Его очертания хорошо вырисовывались на фоне луны. Преследуя, выпустил по нему несколько длинных пулеметных очередей с трассирующими пулями. Бомбардировщик ответил тем же. Мы продолжали сближаться. Я выпустил по нему продолжительную очередь. Сверкнула яркая ослепительная вспышка, затем все погрузилось во мрак.

Утром сторожевые республиканские катера обнаружили на воде масляные пятна. Моряки доставили в мэрию Барселоны плавающие обломки листов гофрированного металла. Позже их привезли к месту падения первого самолета, куда уже прибыли Е. С. Птухин, Ф. А. Агальцов, В. И. Адриашенко, А. Серов. Меня поздравили. На моем самолете «06» после не совсем «классической» посадки требовалось заменить винт и левое колесо шасси, поврежденные при таране.

Много позже, уже на родине, я узнал, что сбитый мною над Барселоной итальянский бомбардировщик «савойя» был первым в мире самолетом, протараненным в ночном бою.

2 ноября мы возвращались после очередного полета. Минут за пятнадцать до моей посадки самолет, который пилотировал Илья Финн, на планировании зацепил крылом за единственное росшее на краю аэродрома дерево... Илья погиб. Когда мы его хоронили, все население Сабаделя вышло проводить в последний путь советского летчика-добровольца. А в небе на истребителях И-15 сопровождали процессию Серов, Антонов и я. В момент погребения мы устремились вниз в отвесном пикировании. Над самой землей вышли из пике, взмыли вверх и салютовали Финну из всех своих двенадцати пулеметов...

Эскадрилья в полной боевой готовности продолжала нести боевую вахту по охране Барселоны днем и ночью. Готовились к предстоящим боевым операциям в районе Теруэля. Окончательно оформились четыре испанские эскадрильи на И-15, которыми командовали Леопольдо

Моркиляс, Ладислао Дуарте, Хуан Комас, Чиндосвиндо Гонсалес. Все они входили в нашу истребительную группу, которую возглавлял Анатолий Серов. В нашу эскадрилью прибыли «новенькие» из СССР. После отъезда Анатолия Серова на родину командование группой поручили мне. Четвертым командиром нашей прославленной эскадрильи «чатос» стал Никита Сюсюкалов.

М. П. КУТЕЙНИКОВ,

Герой Советского Союза

ВОСПОМИНАНИЯ АРТИЛЛЕРИСТА

Положение в Испании к моменту моего приезда оказалось намного сложнее, чем мне представлялось в Советском Союзе. Молодая республиканская армия в кровопролитных боях отбивала натиск хорошо обученных и вооруженных частей мятежников. При попустительстве политики «невмешательства» итало-германский фашизм оказывал франкистам все более эффективную помощь в живой силе, самолетах, танках, пушках, боеприпасах.

Положение усугублялось еще и тем, что почти вся материальная часть артиллерии осталась в руках мятежных генералов. Вооружение, закупавшееся республиканским правительством в странах Европы и Южной Америки, поступало в Испанию с большими трудностями. Республиканской армии не хватало и квалифицированных офицерских кадров.

До мятежа артиллерия была привилегированным родом войск в испанской армии. Испанская аристократия, получавшая военное образование во Франции, занимала высшие артиллерийские командные посты. Офицеры слепо придерживались уставов и наставлений, тщательно списанных с французских. Артиллерийские командиры пренебрежительно относились к пехоте, о каком-либо их взаимодействии не могло быть и речи.

Большая часть кадровых офицеров, оставшаяся в рядах республиканской армии, не понимала, что война в Испании приобрела не позиционный, а маневренный характер, поскольку в ней участвовали танки и самолеты. Это предполагало умение вести маневренный огонь по подвижным целям в тесном взаимодействии с пехотой и танками. В случае необходимости стрельба должна была вестись прямой наводкой с открытых позиций.

В многочисленные отряды и батальоны пехоты республиканцев влились орудийные расчеты, взводы и батареи с чрезвычайно низкой боевой подготовкой. Орудия были изношены и имели в большинстве своем малую дальность стрельбы. На вооружении республиканской армии насчитывалось несколько десятков артиллерийских систем, но ко многим из них не было даже описаний. Полковой, батальонной, дивизионной, корпусной, а тем более специальной противотанковой артиллерии в испанской армии не было.

М. П. Кутейников

Советские военные советники вместе с испанскими коммунистами и членами Объединенного союза социалистической молодежи — лучшими командирами республиканских войсковых соединений — вели решительную борьбу с консерватизмом «спецов»-артиллеристов, за создание новой артиллерии, которая в невиданно короткие сроки превратилась в грозное оружие. От огня ее орудий фашисты несли большие потери. Артиллерия оказалась высокоэффективным средством подавления врага и обеспечивала успех пехоты и танков.

Старший советник артиллерии Н. А. Клич направил меня в город Альбасете, где находился учебный центр, созданный в начале войны при помощи советских артиллеристов. При нем действовали краткосрочные курсы по подготовке помощников командиров взводов (сархенто) и командиров отделений (кабо), а также формировались и проходили необходимую боевую подготовку артиллерийские подразделения взвод — батарея — дивизия. Курсы комплектовались из лучших бойцов-артиллеристов, отличившихся в боях и получивших за время войны практическую подготовку. Это были бывшие рабочие, служащие, студенты.

Чтобы сократить срок обучения курсантов, советники пользовались наглядными пособиями, макетами, полигонами, учебным и боевым вооружением. Полная подготовка дивизиона занимала 24—28 дней, но подчас обстановка требовала более сжатых сроков.

Артиллерийский учебный центр в Альбасете дал Республике немало квалифицированных, боевых и храбрых командиров, которые до самого конца войны самоотверженно защищали свою родину от фашизма.

Во второй половине августа 1937 года республиканская армия начала наступательную операцию в районе Сарагосы, цель — отвлечь войска франкистов с севера Испании. 20 августа меня срочно вызвали в Лериду и назначили советником начальника артиллерии 45-й дивизии. Главная группировка войск, которая должна была участвовать в Сарагосской операции, состояла из нескольких дивизий. В составе 45-й находилось два 107-миллиметровых дивизиона и несколько орудий малого калибра.

Командиром 45-й дивизии был генерал Клебер — австрийский коммунист Манфред Штерн. Генерал указал населенный пункт, где находился начальник артиллерии дивизии, который предложил посетить одну из огневых позиций в горах. По узким горным тропам мы доехали до батареи. Бойцы рыли окопы. Боеприпасы еще не были подвезены.

Командный пункт 45-й дивизии находился в центре полосы наступления. Определив в штабе задачи артиллерии в предстоящей операции, мы с переводчиком пешком направились на наблюдательный пункт начальника артиллерии. Мне показалось странным необычное расположение этого пункта — в стороне от КП командира дивизии. Только потом я понял, что это вызвано установившейся традицией полной самостоятельности действий артиллерии.

Стараясь не попасть в радиус обзора противника, мы очень осторожно пробирались к наблюдательному пункту. Последние несколько сот метров хорошо просматривались фашистами. Чтобы не демаскировать НП, преодолели это пространство перебежками. Приблизившись к высоте, единственной на этом участке и хорошо видной врагу, который находился от нее в пяти километрах, мы с удивлением обнаружили, что солдаты и офицеры, не маскируясь, ходят свободно, во весь рост, и с недоумением смотрят на двух «чудаков», приближающихся к ним чуть ли не по-пластунски. Все оказалось значительно проще, чем мы думали. Республиканские войска на этом участке фронта долгое время находились в обороне и боевых действий фактически не вели. Небольшие перестрелки не приносили жертв ни той, ни другой

стороие. Часы завтрака, обеда, ужииа и сиа были как бы узакоиеииым времеием перемирия. Высота имела хорошо обжитые окопы, пещеры, вырытые в толще горы. Здесь же располагалось иебольшое пехотиое подразделение. Свой наблюдательный пункт начальник артиллерии установил иа склоие высоты, обращеином к противиику. Разведывательиых даииых о иеприятеле и его огневых средствах было немного.

Наступление иачалось на следующий деиь. Бой проходил где-то слева. Наступления пехоты мы не видели. Как и следовало ожидать, иаша высота подверглась артиллерийскому обстрелу и бомбовым ударам, иаиесшим существенный урои республиканским подразделеииям. Связь с командиром дивизии и дивизиоиами прервалась. С наступлеиием сумерек бой прекратился.

На следующее утро наступлеиие продолжалось. На этот раз иаши дивизионы вели более эффективный огонь, так как появились новые данные о фраикистах.

В полдеиь к иам приехал командир дивизии. Озиакомившись с обстановкой, спросил мое миеиие о действиях артиллерии. Я ответил, что стрельба была бы эффективней, если бы с иаблюдательиого пуикта иачальника артиллерии можно было следить за движеиием пехоты, и что огиевые позиции дивизиоиов целесообразнее иметь ие иа флаиге полосы иаступлеиия, а в цеитре. Согласившись, генерал Клебер приказал к утру следующего дня переместить боевые порядки, а комаидующему артиллерией выбрать иовый иаблюдательиый пуикт.

Республиканская пехота залегла и окопалась в лощине, на склоне высоты, заиятой противииком. Перед дивизией стояла задача захватить высоту и подойти к Сарагосе.

Бой иачался во второй половине дия, так как артиллерии потребовалось некоторое время для смеиы боевого порядка и подготовки к открытию огия. После непродолжительиой огиевой подготовки по окопам и проволочным заграждениям пехота пошла в атаку. Фашисты обрушили на иее мощиый артиллерийский и пулеметный огонь. Авиация мятежииков бомбила пехоту, комаидиые пункты комаидира дивизии и иачальиика артиллерии, а также огиевые точки. Не выдержав огня, иеся большие потери, пехота отошла на исходиые позиции.

На следующий деиь артиллерия смеиила позиции, пехота получила подкреплеиие, ио попытка овладеть

высотой из-за несогласованности действий снова окончилась неудачей.

Утром франкистская пехота, поддержанная танками и сильным артиллерийским огнем, перешла в контратаку. Не получив приказа своевременно, наша артиллерия открыла ответный огонь только через 15—20 минут, а пехота, не выдержав натиска, начала отходить. Танки фашистов вышли на рубеж, оставленный нашими частями. Наконец в бой вступила артиллерия. Огонь был настолько точным, что франкисты, боясь прямых попаданий, выскакивали из танков и разбегались по окопам. В результате высота оказалась никем не занятой. Генерал Клебер приказал перенести огонь в глубину, чтобы дать нашим частям возможность выйти на высоту. Пехота поднялась и пошла в атаку, но вынуждена была залечь под сильным заградительным огнем врага. Артиллерийская дуэль длилась минут 40—50. Боеприпасы были на исходе, а огонь со стороны франкистов не ослабевал. Подошла бомбардировочная авиация и ударила по нашим войскам, командному пункту и артиллерийским позициям. Вести дальнейшее наступление было невозможно. Генерал Клебер приказал артиллерии снизить темп огня, а пехоте отойти на исходные позиции и занять оборону.

Так была упущена возможность захвата очень важной в тактическом отношении позиции. Медлительность республиканских войск позволила фашистам пополнить свои части свежими силами, подвести из тыла резервы, в том числе танки, к борьбе с которыми дивизия не была готова. Кроме того, основные силы республиканской авиации действовали на направлении главного удара и не смогли оказать достаточно эффективную помощь подразделениям нашей дивизии.

В последующие дни противник активных боевых действий не вел. 45-ю дивизию вывели в резерв.

Тогда Н. А. Клич решил направить меня советником начальника артиллерийской школы, которая находилась в городе Лорка. Она была сформирована зимой 1936/37 года.

Хорошее размещение школы, твердый распорядок, дисциплина произвели на первый взгляд благоприятное впечатление. Но когда я внимательнее разобрался в состоянии дел, мне стало ясно, что подготовка будущих офицеров ведется без учета особенностей войны в Испании. Следовало пересмотреть программу обучения,

улучшить материальную базу, заменить некоторых преподавателей по ведущим дисциплинам. Н. А. Кличу с трудом удалось убедить инспектора артиллерии испанской армии Фуэнтеса в необходимости всех этих мероприятий.

За два месяца работы в школе у меня появилось много друзей. Мне особенно запомнился заместитель начальника школы по учебной части Мурильо. Кадровый офицер, майор по званию, он получил образование в военном училище во Франции. Франко расстрелял двух его братьев-офицеров за верность Республике. Майор был убежденным противником фашизма. В боях под Мадридом и Гвадалахарой он сражался в одном ряду с интербригадовцами.

Это еще больше укрепило его убежденность в правоте демократических идеалов.

Фронтовые офицеры, прибывшие в школу в качестве педагогов, с помощью советских военных советников решительно взялись за перестройку методов обучения. Занимались курсанты с большим увлечением. Со многими из них я встретился позже в боях под Теруэлем и на Арагонском фронте, когда они уже стали командирами взводов и батарей. В фронтовых условиях они умело применяли полученные в школе знания.

С середины декабря 1937 года по конец января 1938 года я находился в районе боевых действий под Теруэлем. Не останавливаясь подробно на этих событиях, хотелось бы отметить большую роль артиллерии в операции республиканской армии по ликвидации Теруэльского выступа и овладению самим городом. Впервые за это время на этом участке фронта было сосредоточено большое количество артиллерийских орудий. Взаимодействуя с другими родами войск, артиллерия расчищала путь пехоте и танкам. Когда же темпы наступления республиканцев начали снижаться, всю тяжесть по отражению атак противника артиллерия взяла на себя.

В нашем корпусе особенно мужественно сражалась 27-я пехотная дивизия под командованием испанского коммуниста Хосе Галана. Одна из частей дивизии располагалась на склоне высоты, по которому шло наступление. Глубина позиций противника не просматривалась. Атаки всегда начинались для нас неожиданно. Фашисты наносили удар по позициям пехоты и артиллерии, затем пускалась в ход бомбардировочная и штур-

мовая авиация. Несмотря на шквальный огонь, наши батареи открывали ответный огонь по атакующей пехоте, которая шла густыми цепями в несколько эшелонов. Республиканские орудия во взаимодействии с пулеметами наносили противнику большой урон.

После эвакуации республиканцев из Теруэля фашисты приступили к новой перегруппировке войск. Они готовили крупное наступление к югу от реки Эбро, чтобы выйти к морскому побережью и разделить территорию Республики на две части. Здесь были сосредоточены крупные силы, в том числе итальянский экспедиционный корпус, много самолетов, танков, артиллерийских орудий.

В те дни, с начала февраля до середины апреля 1938 года, я участвовал в оборонительных боях республиканцев в качестве советника начальника артиллерии маневренной армии.

Наш штаб размещался в небольшом доме. Из разговора с начальником артиллерии я понял, что ему почти ничего не известно о боевом составе и расположении артиллерии армии. Он ждал донесений от подчиненных командиров. Нужно было ознакомиться с обстановкой непосредственно в частях, побывать в корпусах, дивизиях, в нескольких дивизионах.

Через несколько дней мы получили некоторое представление о количественном и качественном состоянии артиллерии маневренной армии. Дивизионы были укомплектованы пушками 75-, 76-, 105-, 122-миллиметрового калибра. Корпусная артиллерия состояла из одного-двух дивизионов 155-миллиметровых пушек и гаубиц. Были и орудия устаревших образцов. В дивизионах трехбатарейного состава в результате потерь оставалось по пять — семь орудий. Средств связи было крайне мало. Радиостанциями армия не располагала вовсе. В пехотных батальонах имелось всего по два-три миномета и по одному-два орудия малого калибра. В полосе обороны правофлангового корпуса действовала артиллерийская группа, состоявшая из четырех дивизионов 155-миллиметровых гаубиц и пушек. Это был резерв Главного командования. Транспорта во всех подразделениях не хватало, автомашины требовали ремонта. Боеприпасов было мало. Подразделения нуждались в пополнении личным составом.

Начальник артиллерии согласился с тем, что артиллерию необходимо усилить новыми орудиями и снарядами, однако сомневался, что министерство обороны удов-

летворит нашу просьбу. Слишком много бюрократов, по его мнению, работало в этом аппарате. К сожалению, его прогноз оправдался. За два месяца тяжелых боев маневренная армия не получила подкреплений.

15 апреля франкисты прорвались к Средиземному морю, отрезав Каталонию от центральной части республиканской Испании.

> Главнейшие события на Арагонском фронте происходили к югу от реки Эбро. Здесь интервенты и мятежники продолжали выполнение своего плана выхода к морскому побережью в направлении от Морельи на Винарос. На этом направлении они сосредоточили не менее четырех пехотных дивизий, в том числе и части итальянского экспедиционного корпуса, основную массу авиации и танков. После продолжительных и упорных боев в районе Морельи интервенты и мятежники 11 апреля крупными силами пехоты, авиации и танков атаковали Матео. В результате многократных атак им удалось 14 апреля занять этот пункт, а 15 апреля продолжить наступление на Беникарло, Сан-Хорхе и Винарос. Республиканские войска, имея позади у себя море, оказались без нормального тылового района и вынуждены были отойти к северу и югу, а фашистами 15 апреля были заняты на морском побережье Винарос и Беникарло. Продвинувшись затем севернее Сан-Хорхе, они заняли Ульдекона, выйдя к морскому побережью на участке около 25 километров.
>
> Таким образом, 15 апреля интервентам и мятежникам удалось разъединить территорию республиканцев на две части...
>
> Правда, 1938, 20 апреля

И. Н. ГОФФЕ

ПОД ТЕРУЭЛЕМ

Рассвет нового, 1938 года встретил нас в Барселоне настоящей русской зимой. Крупные хлопья снега медленно падали на землю. В порту на рейде замерли в снегу причудливые силуэты военных кораблей и торговых судов. Высокие, стройные пальмы под тяжестью снега опустили мохнатые ветви. Кое-где, как огоньки, из-под снега алели розы, серебрились гроздья сиреневой глицинии. Не верилось, что еще недавно было тепло и ласково светило солнце.

Мороз сковывал землю. Зима, необычно для Испании суровая и снежная, вступала в свои права.

В это сумрачное и холодное утро капитан артиллерии В. И. Гоффе, или команданте Аркадио, как звали его испанцы, и я, его переводчица, выехали из Барселоны на Теруэльский фронт.

И. Н. Гоффе

Владимир Иванович Гоффе родился в 1907 году в Вятке. В 1928 году он окончил Ленинградское артиллерийское училище и с тех пор служил в рядах Красной Армии. Вся его жизнь была связана со строительством и укреплением Советских Вооруженных Сил. В 1961 году участник Великой Отечественной войны, заместитель командующего артиллерией Советской Армии генерал-лейтенант артиллерии В. И. Гоффе трагически погиб при исполнении своих служебных обязанностей.

В Испанию Владимир Иванович прибыл весной 1937 года. Еще совсем молодой командир Гоффе сменил в Испании таких опытных советников, как комбриг Н. Н. Воронов и майор Н. А. Клич. Николая Николаевича Воронова я знала только по рассказам, а Николая Александровича Клича помню так, как будто бы рассталась с ним вчера. Живой, приветливый, энергичный, исключительно скромный, он располагал к себе с первого знакомства. Активный участник Великой Октябрьской революции и гражданской войны, человек необычайной храбрости, он предъявлял высокие требования прежде всего к себе и к своим боевым друзьям. Все это снискало ему большой авторитет и уважение как у офицеров и бойцов республиканской армии, так и у советских военных советников. В конце сентября 1937 года он передал свои обязанности советника при главном инспекторе артиллерии испанской армии подполковнике Хосе Луиса Фуэнтеса В. И. Гоффе.

В Альбасете, а затем и в боевых условиях Гоффе и другие военные советники обучали молодых испанских артиллеристов, бойцов и офицеров стрелять с открытых огневых позиций по движущимся целям — танкам и бронемашинам, что до этого в испанской армии не практиковалось. Владимир Иванович принимал участие в боях под Брунете и Сарагосой, за что в числе других советских артиллеристов был удостоен ордена Ленина и ордена Красного Знамени.

В. И. Гоффе

В декабре 1937 года фашисты, готовясь захватить Мадрнд, сосредоточнлн в районе Гвадалахары значительную часть своих войск. Чтобы сорвать наступление Франко на Мадрид, республиканцы в середине декабря предпрннялн наступление на Теруэль, рассчитывая срезать так называемый Теруэльский выступ и овладеть городом. Теруэльскнй выступ образовался еще в первый период национально-революционной войны и острым клином врезался в линию обороны правительственных войск. Отсюда фашистам открывался кратчайший путь к Средиземному морю, который давал им возможность отрезать Каталонию от остальной территории Испанской республики. Этим определялось исключительно важное значение Теруэльского выступа. Три попытки были предпрнняты республиканцами, чтобы захватить Теруэль. Лншь третья принесла успех. Фашнсты вынуждены были перебросить войска с Центрального фронта, но поздно. 20—21 декабря 1937 года республиканские части в сопровождении танков ворвались на восточную, юго-восточную и южную окранны Теруэля. После трехдневных упорных боев город был почти полностью очищен от фашнстов.

Но шли дни, и положение на Теруэльском фроите осложннлось. Фашистскнй гарнизон, засевший в центре Теруэля, в хорошо укрепленных зданиях, продолжал оказывать упориое сопротивление. Франкисты, спеша ему на выручку, предприняли несколько яростных контратак и, сосредоточив в конце декабря под Теруэлем крупные снлы, перешлн в решительное наступление. Часть города вновь оказалась в руках мятежннков. Положение стало очень серьезным.

Вот в этн-то тревожные днн мы выехали в райои боевых действий.

Наша машина прнблнжалась к фронту. Наступнла глубокая ночь. По заснеженной дороге через горный перевал сплошной вереницей с потушенными фарами медленно двигались грузовнки с боеприпасами н тягачн

В. Н. Нестерович

с орудиями. Снег становился все глубже, каждый километр дороги приходилось брать буквально штурмом. И это в самое горячее время контрнаступления фашистов! Советские добровольцы, имевшие опыт гражданской войны в России в тяжелых зимних условиях, оказали тогда республиканцам большую помощь. Рядом с испанскими регулировщиками стояли наши советские командиры, среди них и артиллеристы В. Н. Нестерович, Н. Д. Михайлюк, Н. Р. Колелов и другие. Может быть, во многом благодаря их выдержке, умению и самоотверженности удалось создать необходимые запасы, которые позволили бесперебойно снабжать фронт боевой техникой и артиллерийскими снарядами во время штурма Теруэля республиканскими войсками.

Штаб Теруэльского фронта расположился в железнодорожном туннеле в горах Охос-Негрос и занимал целый железнодорожный состав. В период подготовки наступательной операции республиканцев на Теруэль нам приходилось часто бывать у начальника артиллерии фронта майора Гальего, рабочий кабинет которого помещался в слабо освещенном купе одного из вагонов.

Гальего, статный человек с чуть седеющими висками, по-военному подтянутый, производил впечатление серьезного и вдумчивого офицера. Он симпатизировал Советскому Союзу, относился к Гоффе с большим уважением и считался с его мнением. Майор всегда бывал нам рад, и на этот раз, увидя нас, сразу начал взволнованно рассказывать о событиях последних дней. Фашистская армия в составе 1-го и 2-го армейских корпусов, наваррской дивизии и иностранного легиона, при поддержке авиации, танков, бронеавтомобилей и артиллерии, перешла в контрнаступление в направлении Вилластар, Конкуд и Муэла-де-Теруэль. В канун нового года республиканские войска под давлением превосходящих сил противника были вынуждены оставить Муэла-де-Теруэль, а на следующий день и Конкуд — важные стратегические пункты.

— Фашистское командование,— продолжал Гальего, набивая большую изогнутую трубку черной канарской махоркой,— стягивает к Теруэлю мощные резервы, снимая их с других фронтов и пополняя переброшенными из Германии и Италии войсками.

Гальего и Гоффе просидели тогда до поздней ночи над изучением оперативной карты Теруэльского фронта, дислокации республиканских и фашистских артиллерийских батарей, обсуждая вопросы взаимодействия артиллерии с пехотой и танками в сложных условиях горной местности, обеспечения артиллерии боеприпасами и другими видами военного снаряжения. Артиллерии в этой операции придавалось особое значение, но ее не хватало.

Владимир Иванович сообщил Гальего, что 18 немецких пушек системы Круппа готовы к боевому использованию и находятся на подходе к Теруэлю. Речь шла об извлеченных из затонувшего германского корабля 105-миллиметровых пушках, к которым удалось изготовить около 2000 снарядов. В решении этой сложной задачи помогла находчивость советского воентехника I ранга, инструктора по вооружению артиллерийских формирований Николая Даниловича Михайлюка. Он использовал для снарядов трофейные гильзы, несмотря на то что они оказались наполовину короче зарядной камеры. Большие трудности вызвало изготовление к ним капсюлей особого устройства.

Передо мной записная книжка в потертом сафьяновом переплете с силуэтом мавра на обложке. Это мой испанский дневник. Скупые, подчас уже едва различимые карандашные заметки напоминают о давно минувших событиях и о людях, с которыми довелось мне встретиться на Теруэльском фронте.

Вот некоторые записи тех дней.

2 января 1938 года

Баракас. Холодно. Все население мобилизовано на расчистку дорог. Крестьяне из близлежащих деревень и хуторов работают кирками и лопатами не покладая рук. Чтобы проехать расстояние, на которое обычно требовалось восемь — десять часов, приходится тратить один, а иногда два-три дня. Машины с боеприпасами и военным снаряжением вязнут в снегу.

Вот уже два дня, как под самым Теруэлем идут ожесточенные бои. Оборона города построена по систе-

Н. Д. Михайлюк

ме опорных пунктов на отдельных высотах. Наиболее сильно укреплена высота Санта-Барбара и кладбище севернее Теруэля.

4 января

Бои за высоты Санта-Барбара, Мансуэто и Эль-Мулетон продолжаются. Впервые увидела пленных фашистов. Среди них много итальянцев, но есть и немцы.

Заехали к Гальего. На удивление, он встретил нас неприветливо.

— Вы что же, друзья, решили меня отравить?

Мы недоуменно пожали плечами, не понимая, что случилось. А случилось вот что — как в таких случаях говорят, и смех и грех. Мы решили сделать Гальего роскошный по тем временам новогодний подарок: баночку черной икры, бутылку настоящей московской водки и большую пачку грузинского чая. Гальего, страстный курильщик, решил, что мы преподнесли ему пачку табаку,— в Испании тогда почти никто не пил чая. Недолго думая, майор набил трубку чаем, раскурил ее, сделал несколько глубоких затяжек и поперхнулся.

Сердился, однако, он недолго, а когда увидел, что мы еле сдерживаемся от смеха, сам от души расхохотался.

5 января

Штаб армии. Заместитель Г. М. Штерна комбриг Кузьма Максимович Качанов взял меня к начальнику Генерального штаба республиканской армии генералу Рохо — его переводчица Нина Кравченко заболела. Естественно, я волнуюсь, так как не столь свободно, как Нина, владею испанским, но все же счастлива, что представилась возможность познакомиться с Рохо, о котором слышала так много как о талантливом полководце, человеке покоряющего ума и обаяния.

В салон-вагоне шумно. Генералы, командиры республиканских частей и интернациональных бригад ждут

вызова к генералу Рохо. Командующий Арагонским фронтом генерал Эрнандес Сарабия с увлечением рассказывает о боях за Эль-Мулетон, важный стратегический пункт, господствующий над деревней Конкуд и дорогой в Сарагосу и Сория.

— Наши бойцы и офицеры проявляют мужество, храбрость, находчивость,— говорит Сарабия.— Несмотря на сильный мороз, глубокий снег и явное превосходство врага, они не только не сдали своих позиций, но даже несколько оттеснили фашистов. Вот вам пример. У капитана Эстебеса — командира дивизиона 75-миллиметровых пушек — осталась одна шрапнель. И тогда Эстебес решил вывести орудия на открытую огневую позицию, чтобы прямой наводкой бить фашистов. Через 20 минут республиканская пехота и танки заняли позиции фашистов.

Нас приглашают к Рохо. Человек среднего роста, с хорошей военной выправкой поднимается навстречу. Его чуть полнеющая фигура затянута в генеральский мундир защитного цвета. Держится генерал уверенно и непринужденно. Темные усталые глаза смотрят приветливо.

— Садитесь, пожалуйста.

На столе военные карты, бумаги. Рохо подробно говорит об исключительно трудном и напряженном положении на фронте. Качанов внимательно слушает Рохо и лишь изредка вставляет свои замечания. Испанский и советский генералы прекрасно понимают друг друга.

6 января

Сегодня выдался тяжелый день. Владимир Иванович решил осмотреть в районе высоты 1062 артиллерийские батареи. Высота находится под усиленным обстрелом фашистов. Идти приходится с оглядкой, а местами пробираться ползком. Пули неприятно посвистывают над головой. То и дело бросаемся на землю, поднимаемся и вновь шагаем дальше.

На одной из батарей меня поразил вид огромных 152-миллиметровых гаубиц. Испанцы дали им забавное прозвище «камельо» — верблюд. Ствол «камельо», на конце которого, как на шее верблюда, болтается длинная веревка, после каждого оглушительного выстрела поднимается высоко вверх. Чтобы ввести в зарядную камеру новый снаряд, бойцам приходится тянуть шею

«верблюда» за веревку вниз. Орудия эти очень древние, образца 1888 года, но они точно попадают в цель...

Артиллеристы рассказали нам, что несколько дней тому назад под Теруэлем на фашистов нагнали страху мощные трофейные 420-миллиметровые мортиры, к которым, как оказалось, смекалистому Михайлюку также удалось подобрать мины. В одном месте линия фронта очень близко подходила к позициям противника. Несколько фашистских минометов никому не давали покоя. Как-то утром, когда обычно начинался обстрел со стороны фашистов, республиканцы их опередили и выпустили из этих мортир две мины. Эффект превзошел все ожидания. Со стороны фашистов послышались стоны, ругань и крики:

— Эй, красные, вы что, ошалели? Разве можно стрелять такими адскими снарядами!

После этого там наступило затишье.

7 января

Светает медленно, по-зимнему. Алеющее небо заволакивают клубы черного дыма — это в Теруэле горит склад с горючим. Далеко в горах светятся огни костров. Стараясь не отстать от Гоффе, я с трудом карабкаюсь в гору, поминутно, чтобы не упасть, хватаюсь руками за обледеневшие кусты. Суровый северный ветер дует с таким остервенением, словно хочет содрать с нас кожу. Холод пронизывает до костей, все сильнее щиплет лицо, руки, ноги. Наконец мы на вершине. Часовой, закутанный в серое одеяло, окликает нас:

— Киэн ва? [1]

В небольшом блиндаже размещается артиллерийский командный пункт. Вокруг таза с горящими углями сидят согнувшись несколько офицеров. Дружеские руки придвигают нам пустой ящик из-под снарядов. С наслаждением греемся, стараясь вобрать в себя как можно больше тепла. Оглядываюсь. Много знакомых. Рядом Хесус Гонсалес, бискайский крестьянин, мужественное лицо его словно высечено из камня, чуть дальше — Хосе Солива, добродушный толстяк, еще дальше — улыбчивый Мигель Санчес, до войны он учил астурийских ребятишек грамоте.

Через несколько минут в наших руках дымятся большущие кружки с кофе.

---

[1] Кто идет?

— Недурно было бы съесть что-нибудь поосновательнее,— говорит Мигель.

— Бифштекс,— подхватывает Хосе.

— Да с кровью,— добавляет Хесус.— А что хотелось бы тебе? — обращается он ко мне.

— Пан кон бурро [1],— сказала я, не зная, что по-испански «бурро» означает «осел», а не «масло», как на итальянском языке, который я хорошо знала.

Все развеселились и начали вспоминать разные истории, происшедшие с нашими переводчиками.

Покидаем гостеприимный блиндаж и отправляемся на позиции.

Вдруг страшный грохот разрывает тишину. Кажется, что земля заходила ходуном,— это фашисты открыли огонь по республиканским позициям. После длительного артиллерийского обстрела над нами появляются фашистские самолеты. Начинается долгая и беспощадная бомбежка. Несколько бомб падает невдалеке от нас. В воздух поднимаются фонтаны земли и брызги осколков. Яростно стрекочут республиканские зенитки. Затаив дыхание, мы лежим, крепко прижавшись к земле. Так страшно, что, несмотря на мороз, мне становится жарко. Молодой боец вывел меня из оцепенения и, погладив по руке, сказал:

— Не бойся, самолеты уже далеко, сейчас бомбы лягут правее нас.

Неожиданно среди грохота возникает громкое «ура!». Пилотки бойцов летят высоко вверх. Это появились республиканские самолеты. Завязывается воздушный бой с «юнкерсами». Через несколько минут фашистский самолет факелом загорается в небе и падает где-то далеко в горах. Остальные «юнкерсы» исчезают.

Батарея республиканцев открывает огонь по фашистам. Гоффе и Нестерович стоят рядом с командиром артиллерийского дивизиона и помогают корректировать огонь. Один за другим выскакивают из окопов наши бойцы. Начинается бой. Фашисты не выдерживают напора частей 5-го республиканского корпуса под командованием коммуниста Модесто и улепетывают во все лопатки.

[1] Хлеб с ослом.

8 января

Теруэль. Вчера и сегодия идут ожесточенные уличные бои. Борьба ндет за каждый дом, за каждую улнцу, за каждую пядь земли. Под городом густая сеть подземиых ходов, по которым фашнсты свободно переходят нз одного здаиия в другое. Они заселн в монастыре Саита Клара, в семинарнн, в казармах жаидармернн и в зданнн банка, оказывая упориое сопротивленне. Тогда саперные роты республиканцев, подложнв мощные заряды, взорвалн здання, занятые фашнстами.

Один из самых укрепленных н неприступиых опориых пунктов генерала Франко и нтало-германскнх интервеитов наконец полностью освобожден от фашистов.

На центральной городской площади Торико обосновались штаб и военный комеидаит города, командир специального батальоиа республиканской армин Фернандо Буэно.

12 января

Мороз спал. Погода пасмурная, иакрапывает дождь. На фроите затишье. Самолетов протнвника ие видно. Обе стороны — республнканцы н фашнсты — укрепляют свон познцни. Главный штаб объявил Теруэльскую операцню оконченной. Маневренные республикаискне дивнзин н авнацня переднслоцнруются на другне участкн фронта.

13 января

Атакн фашнстов. Опасаясь республнканских нстребнтелей, бомбардировщнкн ннтервентов подкрадываются на большой высоте. С выключеннымн моторами они снижаются, чтобы сбросить бомбы на Теруэль и мнрные деревушкн Арагона. Бомбят ежедневно, с остервенением, по многу раз.

Населенне Теруэля спасается от бомбежки и артнллернйского огия в подвалах домов н в пещерах на окраине города. Мы пробрались сегодня через подземный ход в одну нз такнх пещер. Подземелье освещено малюсенькой коптнлкой. На земле, закутанные в одеяло, тесно прижавшнсь друг к другу, лежалн и сндели женщины, старнкн и дети.

25 января

После освобождения Теруэля от фашистов республиканское правительство, стремясь уменьшить число жертв, отдало приказ вывести из Теруэля гражданское население: детей, женщин, стариков. По дороге Теруэль — Сагунто все еще медленно движутся грузовики с беженцами, ослики, запряженные в маленькие тележки, собаки, козы, овцы. На одной из тележек, на самом верху, сидит черноглазый мальчонка. Вдруг, как шквал, налетает фашистский самолет. На бреющем полете он поливает свинцом беззащитных людей...

5—10 февраля

Фашисты перешли в наступление севернее Теруэля. Многочисленные «юнкерсы», «мессершмитты» и «фиаты» бомбят и обстреливают боевые порядки пехоты и артиллерии республиканцев. Правительственные войска, крайне измотанные за два месяца почти непрерывных боев, отступая, сдают фашистам деревни одну за другой.

17 февраля

Положение под Теруэлем резко ухудшилось. Фашисты перешли в наступление по всему фронту. В штабе армии царит тревога: нет резервов. Гальего отдает короткие приказы то и дело входящим офицерам. Болью отдаются в сердце безответные, по существу, реплики майора.

— Как могло случиться, что Генеральный штаб дважды объявил Теруэльскую операцию оконченной? Как могли снять с поля боя ударные части республиканской армии и авиацию? Как можно было, имея превосходство в силах, не развить операцию в глубину?.. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что именно эти обстоятельства дали фашистам возможность сосредоточить необходимые войска и технику для мощного контрудара. Мы можем дорого поплатиться за такую ошибку...

Обратив внимание на наши расстроенные лица, Гальего неожиданно крепко обнял нас за плечи:

— Каким бы ни был исход войны в Испании, помните: мы никогда не забудем вас, вашу помощь, добрый совет, горячую веру в победу испанского народа.

...Мы не знали тогда, что это наша последняя встреча с Гальего, замечательным человеком, верным сыном

своей родины. Много позже, в Москве, Хуан Модесто сказал мне, что Гальего умер на чужбине, в Мексике.

22 февраля

Барселона. Работники советского посольства, общевойсковые советники, летчики, танкисты, артиллеристы, связисты и мы, переводчики, собрались на торжественное заседание по случаю 20-й годовщины Красной Армии. Советские праздники вдали от родины всегда были для нас всех радостным событием. Но сегодня настроение омрачено тяжелыми вестями с фронта. Комбриг Качанов сообщил, что последние части республиканской армии, вырвавшись из вражеского кольца, покинули Теруэль. Город остался в руках фашистов.

Так окончилась битва за Теруэль, одна из героических, но вместе с тем трагических страниц вооруженной борьбы испанского народа против франкистов и итало-германских интервентов, за свободу Испании.

Коммунистическая газета «Френте рохо» печатает статью Хосе Диаса, посвященную взятию республиканцами Теруэля.

Взятие Теруэля — «победа всего народа, всей Испанской республики»,— пишет Хосе Диас. Это — результат крепнущего единства испанских антифашистов, которое отражается на состоянии армии...

«Фашизм,— продолжает Хосе Диас,— не капитулировал. Германский и итальянский фашизм не откажется так легко от борьбы: он хочет обратить наш народ в рабство и захватить в Испании позиции, которые позволили бы ему начать мировую войну против демократических народов Европы. Учтя наши силы, враг начнет готовить новые удары...»

Правда, 1937, 25 декабря

С. А. ГУДОВИЧ

СОВЕТСКИЕ «КАТЮШИ» В ЗНОЙНОМ НЕБЕ КАТАЛОНИИ

Ранним солнечным утром 15 марта 1938 года летный состав нашей эскадрильи вступил на героическую, тогда еще загадочную для нас испанскую землю. На аэродроме Жероны нас ждали десять самолетов с красными полосами на крыльях и фюзеляже — знак принадлежности их к военной авиации Республики.

Знакомимся с техническим составом эскадрильи. Наш техник, испанец, используя имеющийся у него за-

запас русских слов, пытается дать характеристику самолету:

— Это, — говорит он, нежно поглаживая самолет, — «катюша». — Показывая на многочисленные, умело поставленные заплатки — свидетельства того, что самолеты неоднократно обстреливались вражеской авиацией и зенитной артиллерией, как бы извиняясь, он пытается пояснить, что сейчас в Республике трудно с поступлением новых самолетов из-за англо-французской блокады.— Но вы, пожалуйста, не беспокойтесь,— успокаивал он нас,— мы их надежно отремонтировали.

С. А. Гудович

Двухмоторный бомбардировщик СБ (АНТ-40) обладал большой для своего времени скоростью полета (420 км в час), превосходя зарубежных истребителей серийных типов.

Потолок полета достигал 10 000 метров, дальность 1000 километров при бомбовой нагрузке в 500 килограммов. Четыре скорострельных пулемета ШКАС калибром 7,62 миллиметра, имея большой угол обстрела, создавали круговую оборону.

Командиром нашей эскадрильи был назначен лейтенант Николай Красноглазов. Но ввод ее в бой поручался командиру эскадрильи СБ товарищу Андресу — под таким именем в Испании воевал старший лейтенант Андрей Романович Стечишин.

Базировалась эскадрилья на том же аэродроме, что и мы. Она прибыла в Испанию из Ленинградского военного округа за три месяца до нас и уже имела достаточный боевой опыт. На ее боевом счету были бомбардировочные удары по Саламанке, где находилась ставка генерала Франко, по сильно прикрытым средствами ПВО железнодорожным узлам и аэродромам, по войскам в боевых порядках под Теруэлем и по фашистским кораблям, обстреливавшим порты республиканской Испании — Валенсию, Сагунто.

Командир эскадрильи А. Р. Стечишин и его штурман Мухарам Галимов ввели нас в курс наземной и

19 Заказ 73

воздушной обстановки, которая с каждым днем усложнялась.

После ожесточенных зимних боев за Теруэль Франко, перегруппировав и пополнив свои силы, предпринял новое наступление на юго-восток, стремясь выйти к Средиземному морю и разъединить территорию республиканцев иа две части. К середине марта противнику удалось проникнуть в Каталонию и продолжать наступление к морю, которое поддерживали с воздуха немецкие и итальянские истребители и бомбардировщики, всего более 700 самолетов.

Республиканские ВВС могли противопоставить им не более 100 самолетов, из них четыре эскадрильи бомбардировщиков по 10—12 самолетов в каждой, включая и нашу, только что прибывшую в Испанию.

Большое значение в перевозках войск, боевой техники и материальных средств противника к фронту приобретал железнодорожный узел Сарагоса. Для его разрушения привлекли всю бомбардировочную авиацию Республики. Это и был наш первый боевой вылет.

Командиром нашего экипажа был лейтенант Иван Иванович Валуев, стрелком-радистом — младший командир Яков Парфенович Поповкин, штурманом был я. Взлетали, когда на земле еще было темно. По маршруту полета к нам пристроились другие эскадрильи. Возглавляла всю группу эскадрилья под командованием испанского летчика легендарной храбрости Леокадио Мендиолы.

Стрелка высотомера остановилась на отметке 7000. В мирное время потолком полета без кислородных приборов считалась высота 4500 метров. И хотя дышать становилось труднее, нас выручали тренировки в барокамере, которые мы часто проводили еще дома. Внизу в дымке показалась извивающаяся змейкой светлая полоска рекн, отделявшая позиции республиканцев от фашистских войск. На железнодорожный узел заходили с тыла.

Мендиола подал команду расходиться по объектам. Его эскадрилья взяла курс правее нас, на склады с горючим и боеприпасами.

Остальные эскадрильи вышли на центр узла, их цель — скопление эшелонов на путях. Зенитная артиллерия достаточно плотно бьет по нашим самолетам. Выходим на боевой курс. Открываю люки. Сбрасываю бомбы. Летчик скольжением в сторону и вниз на уве-

личенной скорости мгновенно уводит самолет с боевого курса. На развороте видим, что бомбы попали в цель. На железнодорожных путях взрываются эшелоны, в различных местах возникают пожары.

И. И. Валуев

Полеты продолжались почти ежедневно. Существенных потерь не было. Ранило летчика Сергея Асаулова и штурмана Тягунова. Самолет стал отставать. Полет осуществлялся без истребителей сопровождения, поэтому истребители противника набросились на самолет, предчувствуя легкую победу.

Над экипажем Асаулова нависла серьезная угроза. Командир эскадрильи подал команду: всем максимально снизить скорость полета, а Сергею занять место под строем самолетов. Огонь пулеметов с бомбардировщиков, сомкнувших строй над самолетом Асаулова, был настолько плотным, что вражеские истребители больше не решались нападать. Группа в полном составе вернулась на свой аэродром.

Асаулов садился первым. Сергей Павлович рассказал потом, что осколок зенитного снаряда впился ему в ногу. Началось обильное кровотечение. Чтобы остановить его, Сергей решил испытать простой способ. Изо всех сил он прижал здоровой ногой раненую и так долетел до своего аэродрома. Асаулову помогли выйти из самолета и отправили в госпиталь. Вскоре он вернулся в эскадрилью, но летать ему уже не пришлось.

Командование республиканских войск требовало от бомбардировочной авиации активизировать действия. Аэродромы базирования бомбардировщиков находились относительно далеко от объектов удара. Длительные и частые полеты были утомительны. Командование республиканских ВВС решило перебазировать нас с аэродрома Жероны на Леридский аэродромный узел.

Увеличивая таким образом число полетов, мы компенсировали нехватку самолетов. Упорное сопротивление республиканских войск и ощутимая поддержка со стороны эскадрильи СБ помогли остановить фашистов. Они

отказались от тортоского варианта прорыва, хотя это был кратчайший путь к побережью, и перенесли удар южнее, в направлении Винарос.

Ценою больших потерь франкистам удалось выйти здесь к побережью Средиземного моря. Республиканцы сумели обеспечить организованный отход своих войск в Каталонию.

После апрельских боев франкисты стали сосредоточивать свежие силы для нанесения решающих ударов по каталонской группировке республиканцев. Разведка доложила об интенсивной выгрузке их войск и боевой техники в порту Мальта, расположенном на острове Мальорка. Стало также известно, что на аэродроме производится сборка итальянских истребителей «фиат», что формируются авиационные подразделения для отправки на фронт.

В массированном ударе по объектам на острове Мальорка участвовали все наши эскадрильи. Фашистам был нанесен большой урон. Истребителей противника надежно блокировала на аэродроме специальная группа бомбардировщиков, которая нанесла удар по взлетно-посадочной полосе. Зенитная артиллерия открыла огонь по нашим самолетам с большим опозданием, после того, как бомбы были сброшены на цель. Все эскадрильи в полном составе, без потерь возвратились на свои аэродромы.

Позже нам рассказали, что франкистские газеты писали об этом полете, будто сбито 12 бомбардировщиков «красных». Наши летчики от души смеялись, вспоминая, как «доблестные» зенитчики просто проспали наш налет, а «прославленные» «мессершмитты» были надежно блокированы на аэродроме.

С выходом франкистов к Средиземноморскому побережью изменились условия базирования и объекты действия бомбардировщиков. Командование республиканских ВВС приняло решение половину состава бомбардировщиков переправить на аэродром Тарасона-дела-Манча (провинция Альбасете). Двум эскадрильям, в том числе и нашей, предстояло совершить прыжок через территорию, занятую противником.

Перелет осуществили на рассвете на большой высоте. Выйдя на свою территорию, снизились до 500—700 метров. Внизу лежала ровная местность, прошитая прямыми линиями дорог. Кое-где встречались ветряные мельницы. Как было не вспомнить великого Дон-Кихота

Ламаичского? После посадки, быстро рассредоточив самолеты, помогли техникам подготовить их к полетам, которые намечались на утро следующего дня. Но летать нам не пришлось почти целую неделю. Ночью прошел обильный ливень, характерный для этих южных мест. Почва раскисла так, что не только взлетать, подходить к самолетам было трудно. Но вот выглянуло солнце, и летное поле быстро просохло.

Первые вылеты с нового аэродрома были произведены в район Теруэля. Бомбили войска в боевых порядках, аэродромы противника. Один из бомбардировочных ударов нанесли 20 мая 1938 года по аэродрому Ла-Сенья, где базировались немецкие истребители «мессершмитт». Этот вылет запомнился нам по одному происшествию, едва не закончившемуся трагически. Из десяти самолетов, имевшихся в эскадрилье, на задание вылетало девять. Девятка, построенная в клин из трех звеньев по три самолета в каждом, обеспечивала круговую оборону бортовым оружием. Десятый самолет оставался в резерве. В этот день, видимо интуитивно, а возможно, оценивая техническое состояние машин, командир эскадрильи приказал инженеру готовить все десять. Инженер недоумевал, зачем готовить десятый самолет, летчик которого в это время болел. Командир настоял на своем.

На развороте после взлета у самолета Красноглазова остановился один двигатель. Все попытки запустить его в воздухе оказались безуспешными. Тогда он развернулся и повел самолет на посадку. При подходе к аэродрому остановился второй двигатель. Летчик успешно справился с посадкой. У Красноглазова были веские причины, чтобы не участвовать в этом полете. Но он понимал, что без его самолета нельзя создать круговую оборону и остальным экипажам будет трудно вести бой с истребителями противника. Экипаж быстро пересел в запасной самолет, взлетел и, догнав эскадрилью, стал на свое место в боевом порядке.

При подходе к цели одно звено отделилось от общей группы и на увеличенной скорости пролетело вдоль взлетно-посадочной полосы, точно сбросив бомбы по центру аэродрома. Основная часть группы бомбила самолеты на стоянках. Часть истребителей, прикрывавших бомбардировщики, подавляла зенитную артиллерию, расстреливала самолеты, пытавшиеся взлететь. Но все же отдельным «мессершмиттам» удалось подняться. Завя-

зался воздушный бой. Мы наблюдали за стремительно падающими машинами. Чьи самолеты сбиты, определить было трудно.

На аэродроме выяснилось неприятное обстоятельство: в моторе самолета Красноглазова оказалась вода. Вот почему остановились двигатели. Несомненно, это был акт вредительства.

С подрывной деятельностью фашистов в Республике мы столкнулись, как только приехали в Испанию. В городе Фигерас, расположенном недалеко от французской границы, нас разместили на ночлег в большом здании. Постели уже были приготовлены. Все устали, хотелось отдохнуть с дороги. Но до отдыха дело не дошло. Была подана команда быстро собраться и занять места в автобусе. По дороге нам объяснили, что республиканская разведка получила информацию о том, что этой ночью в Фигерасе резиденты «пятой колонны» должны вырезать всех прибывших из России. Отмахав ночью по горным дорогам километров пятьдесят, мы прибыли в Жерону, где было спокойнее.

Во время налетов вражеских бомбардировщиков мы часто замечали, как кто-то с земли подавал сигналы ракетами, обозначая объекты для удара.

В середине апреля 1938 года группа истребителей И-16 вылетела на сопровождение наших бомбардировщиков. Недалеко от аэродрома Сельра на высоте около 3000 метров от самолета, пилотируемого Алексеем Шилиным, отвалилась консоль. Самолет И-16 перешел в штопор и упал в лес. Летчик погиб. Было ясно, что и здесь поработала вражеская рука.

Но вернемся к событиям.

Чтобы отвлечь силы противника, наступавшего на Барселону, республиканское командование предприняло операцию в районе Балагера.

Для участия в этой операции эскадрильи Стечишина и Красноглазова перебазировали с аэродрома Тарасона-де-ла-Манча на аэродром Жероны. Нам предстояло вновь совершить бросок над территорией, занятой противником, только в обратном направлении. Балагерская операция продолжалась недолго — с 23 по 28 мая 1938 года.

Бомбардировщики производили по два-три вылета в день. Особенно активными были последние два дня, в течение которых было сбито 18 вражеских истребителей.

24 мая мы бомбили войска противника. На развороте от цели увидели, как самолет командира звена Г. М. Корзинникова отстал от боевого порядка, затем стремительно стал падать.

Мы не заметили, чтобы кто-либо из членов экипажа покинул падающий самолет, поэтому посчитали экипаж погибшим. К счастью, мы ошиблись[1]. Оказалось, что Корзинников ушел с боевого курса, когда почувствовал под самолетом удар и понял, что это разорвался зенитный снаряд. Летчик принимал все меры, чтобы перевести самолет в горизонтальный полет, но безуспешно,— машину еще больше трясло. Когда до земли оставалось совсем немного, Григорий несколько раз резко рванул штурвал на себя. И свершилось чудо: самолет медленно стал выходить в горизонтальный полет. Линии окопов остались позади. Но был тяжело ранен штурман экипажа Тягунов, а стрелок-радист Удовченко на запросы не отвечал. Самолет продолжал терять высоту. Впереди по курсу показалась узкая полоска земли. Сели, не выпуская шасси. Удовченко не отвечал потому, что осколками зенитного снаряда были перебиты провода бортовой системы связи. Через несколько дней летчик и воздушный стрелок снова были в воздухе. Тягунова госпитализировали.

Для поддержки обороняющихся войск в районе Валенсии бомбардировщики вместе с истребителями прикрытия перебросили из Каталонии на аэродромы центрально-южной зоны. Это было четвертое перебазирование за короткий срок. Наша эскадрилья произвела посадку на аэродроме Альбасете.

В конце июня вместе с другими эскадрильями бомбардировщиков мы наносили удар по скоплению резервов у Теруэля. Боевой курс прошли нормально, бомбы сбросили прицельно. Вокруг нас часто вспыхивали облачка темного цвета. Вдруг обстрел самолетов прекратился. Мы поняли: зенитная артиллерия передает цель истребителям. И действительно, на развороте при уходе от цели мы увидели до трех десятков «фиатов».

---

[1] Харьковский журналист Г. К. Семенов, автор книг, посвященных боевым действиям советских добровольцев в Испании, работая в архиве, нашел документ о том, что лейтенант Григорий Михайлович Корзинников погиб в Испании в 1938 году. А затем узнал, что полковник в отставке Г. М. Корзинников участвовал в Великой Отечественной войне и живет в Днепропетровске.

Наших истребителей было в несколько раз меньше. Ведущий группы бомбардировщиков уменьшил скорость полета, дав самолетам возможность сомкнуть строй. Истребители сопровождения ввязались в бой с «фиатами». В этот момент справа вверху мы увидели двух «мессершмиттов». Они появились внезапно со стороны солнца и открыли огонь по замыкающему СБ — экипажу Григория Корзинникова. Самолет стал отставать от строя. Тут на помощь подоспели наши истребители и отогнали от него противника.

В конце июня 1938 года в Испанию из Советского Союза прибыла новая, последняя группа экипажей СБ. Эскадрилья под командованием лейтенанта Михаила Карпенко перенимала у нас опыт. Теперь уже наши экипажи становились ведущими, а экипажи эскадрильи Карпенко — ведомыми.

...Наступил жаркий июль, месяц напряженных боев на земле и в воздухе. Мы продолжали поддерживать с воздуха войска, обороняющиеся под Валенсией.

18 июля франкисты готовились отметить двухлетие со дня начала фашистского мятежа и оповестили мир, что это событие они будут праздновать в Валенсии. Наши бомбардировщики помогали валенсийцам.

13 июля недалеко от Валенсии разгорелся бой. С рассвета по резервам, боевым порядкам и пунктам управления противника нанесли удар две группы бомбардировщиков. Полеты осуществлялись без истребителей прикрытия, через интервалы между группами в 20—25 минут. Через такой же интервал появились над целью и мы. Противник, рассчитывая, что мы, как и предыдущие группы, прибудем без сопровождения, бросил против нас две эскадрильи «фиатов». Едва вражеские истребители рассредоточились для захода в атаку, в воздухе промелькнули машины с красными полосами. Наши истребители быстро сковали превосходящие силы противника и увели их в сторону от бомбардировщиков. На развороте от цели увидели в небе множество дымных следов от падающих истребителей. В этом воздушном бою было сбито восемь «фиатов». Но бой опечалил и нас — был сбит один самолет из группы истребителей прикрытия.

Надо было решительно отвлечь силы франкистов от валенсийского направления. Республиканское командование разработало и провело наступательную операцию под кодовым названием «Операция Эбро».

Скрытно сосредоточившаяся армия республиканцев под командованием Хуана Модесто в ночь на 25 июля 1938 года форсировала реку Эбро и стала стремительно продвигаться в глубь неприятельской территории. С утра 26 июля противник поднял в воздух всю имевшуюся у него бомбардировочиую и истребительную авиацию.

Посильную помощь армии Модесто оказывала бомбардировочная авиация. СБ наносили удары по фортификациям, пунктам управления, аэродромам и подходящим резервам противника.

18 августа был обычный летный день. С рассвета вылетели на бомбометание объектов под Мадридом. Это был полет на полный радиус действия самолетов, естественно без истребителей сопровождения. Чтобы ввести противника в заблуждение, иесколько раз меняли направление полета, заход иа цель осуществляли с тыла. Задание выполнили. Встреч с истребителями противиика избежали. Лишь у механиков самолетов появилось много работы: несколько самолетов получили зиачительное количество пробоин от разрывов зенитиых снарядов.

Во время второго вылета бомбили скоплеиие танков и артиллерии противника.

Армия Модесто приостановила наступление противника на валеисийском иаправлении. Но в целом обстановка с каждым днем все усложнялась.

В конце августа нашей эскадрилье была дана команда подготовиться к отъезду в Советский Союз. Продолжали воевать группа СБ под командованием лейтенанта Карпенко и эскадрилья испанских летчиков под командованием Мендиолы.

На этом можно было бы и закончить воспоминания о боевой работе предпоследией группы скоростных бомбардировщиков в Испании. Но воспоминания будут неполными, если ничего не сказать о летчиках-истребителях, прикрывавших нас.

В период нашего пребывания в Испании истребители противника имели пяти-семикратное числеиное превосходство. Казалось бы, потери бомбардировщиков должны были быть бóльшими. Этого не произошло. Причин тому много, но главной, определяющей было тщательно организованное прикрытие со стороны наших истребителей. Это был наш надежный щит. Всегда, в любой обстановке оии с честью выполияли свою миссию —

обеспечивали нам возможность точного выполнения задания, иногда ценой собственной жизни. Вот несколько примеров.

...Во время бомбардировки аэродрома Ла-Сенья в мае 1938 года, о которой упоминалось выше, в воздухе появились истребители противника. Два «мессера» атаковали наших бомбардировщиков, но встретили отпор со стороны прикрывающих нас истребителей. Понимая бесплодность своих попыток, озлобленные фашисты набросились на ближайший к ним истребитель Леонида Климова. Им удалось поразить И-16. Самолет перешел в пике и врезался в землю. Все это произошло мгновенно, на наших глазах. Защищая бомбардировщиков, герой принял огонь на себя.

Примерно при таких же обстоятельствах 25 августа погиб летчик-истребитель И. Павлов. Он сделал все, чтобы истребители противника не смогли помешать нашим действиям. В неравном бою, преграждая истребителям путь к прикрываемым бомбардировщикам, сбил два «фиата», но слишком неравны были силы, и герой погиб.

Многострадальная испанская земля приняла прах храбрых летчиков-истребителей: Александра Сироченко, Николая Колоскова, Якова Ярошенко, Леонида Климова, Ивана Павлова и многих, многих других. И сегодня, через полвека, мы, как и прежде, склоняем голову перед их памятью.

Агентство Эспанья сообщает, что по данным, полученным из Барселоны, к концу марта во время бомбардировок городов и деревень республиканской Испании авиацией мятежников и итало-германских интервентов убито 10 699 и ранено 15 320 детей.

Правда, 1938, 13 апреля

В Каталонии жертвой фашистских бомбардировок становится один город за другим. Полностью разрушен старинный город Тортоса. В Барселоне превращены в руины университет, собор XII века и множество других исторических зданий. Стерты с лица земли города Реус и Фальсет. В мишень для бомбардировки превращены Гранольерс и Фигерас.

Правда, 1938, 10 августа

А. С. ОСИПЕНКО,

Герой Советского Союза

АТАКУЮТ «ЧАТОС»...

Барселона. Девятиэтажная гостиница «Диагональ». Невдалеке шумит проспект Рамбле. У входа в морской порт на шестидесятиметровом пилоне статуя Христофора Колумба. С балкона гостиничного номера виднеется площадь Каталонии, возвышающаяся над городом гора Тибидабо, ползущий к ее вершине похожий на крошечную букашку фуникулер.

Рано утром направляюсь в Сабадель, находящийся в двадцати километрах от Барселоны. В главном штабе республиканской авиации представляюсь старшему советнику штаба полковнику Федору Константиновичу Арженухину. После короткой беседы направляемся к прилетевшему из-под Теруэля главному советнику республиканской авиации комбригу Евгению Саввичу Птухину.

Генерал выше среднего роста, светловолос, голубоглаз, по-спортивному подтянут, сдержан, немногословен. Внимательно, не перебивая вникает в мой доклад. Услышав, что я рекомендован на должность командира эскадрильи и командующего истребительной группой «чатос», Птухин добро усмехнулся:

— Нет, дружок,— сказал он,— сперва полетаешь рядовым летчиком в 1-й эскадрилье «чатос» Никиты Сюсюкалова, потом посмотрим, на что ты годен.

В душе обиделся на генерала, но виду не показал. На родине, командуя истребительным авиаотрядом, я был представлен на должность командира эскадрильи. Семь лет пролетал на истребителях, освоил многие их типы. А тут... рядовым летчиком! И, только побывав в воздушных боях, понял, как был дальновиден и прав Е. С. Птухин.

Генерал познакомил меня с обстановкой на земле и в небе Испании. Предупредил, что здесь придется многому поучиться. Рассказал об эскадрилье, в состав которой мне предстояло войти. Один перечень советских летчиков-добровольцев, командовавших ею, говорил о многом: Павел Рычагов, Александр Осадчий, Иван Еременко, Анатолий Серов, Евгений Степанов.

Эскадрилья защищала с воздуха Мадрид, участвовала в Харамской, Гвадалахарской, Сеговийской, Сарагосской и Теруэльской операциях республиканской ар-

А. С. Осипенко

мии. Ее летчики первыми в Испании начали летать и сбивать фашистские самолеты ночью. Именно эта эскадрилья во взаимодействии с другими авиационными частями Арагонского (Восточного) фронта 15 октября 1937 года совершила прогремевший на весь мир штурмовой налет на фашистскую авиабазу Гарапинильос.

Конец января 1938 года... На аэродроме Сабадель комэск Никита Сюсюкалов сказал мне, что после ожесточенных воздушных боев в зоне Теруэля эскадрилья на несколько дней выведена с фронта для ремонта самолетов и кратковременного отдыха летного состава. Но боевая задача не снята. Летчики днем и ночью несут дежурство в готовности прикрыть город и порт Барселону от ударов фашистских бомбардировщиков.

— Считай, Александр, что ты уже в боевом расчете,— резюмировал комэск, закрепляя за мной «чато» с бортовым номером «7». Меня познакомили с механиком Энрике. Сжав правую руку в кулак, он приветствовал меня: «Салуд, камарада хефе!» Тут же назначаюсь ведомым комэска. После обеда готовлюсь к вылету на опробование отремонтированного двигателя и ознакомление с зоной аэродрома.

Демонстрирую свое умение. Зная, что за мной с земли придирчиво наблюдает вся эскадрилья, стараюсь не ударить лицом в грязь. Делаю традиционный круг, набираю высоту над центром летного поля и начинаю пилотаж. Приземляюсь, касаясь колесами шасси посадочного знака. На заруливании вижу улыбающегося механика. Кажется, все в порядке!

На следующий день вместе с Никитой Сюсюкаловым ухожу в патрульный полет к Барселоне. Так началась моя боевая деятельность летчика-добровольца.

Вскоре «чатос» перелетели под Теруэль на аэродром Алькублас, где базировалась 2-я эскадрилья под командованием Леопольдо Моркиляса.

В нашей эскадрилье кроме Никиты было еще два советских летчика. Остальные — молодые испанцы.

В районе Теруэля продолжались упорные наземные и воздушные бои. Освобожденный от противника в начале января 1938 года, город стал центром притяжения противоборствующих сторон.

Стояли сильные морозы. Рядом с нами на аэродромах Эль-Торо, Баракас, Сарион, Ла-Сенья базировались 3-я эскадрилья Хуана Комаса и 4-я эскадрилья Ладиславо Дуарте, входившие в истребительную авиагруппу «чатос», которой командовал худощавый, невысокого роста, подвижный капитан испанских ВВС Хуан Амарио. Тут же находились и эскадрильи авиагруппы «москас», летавшие на советских истребителях И-16. Командовал ими Иван Девотченко. Южнее на аэродромах Вильяр, Лириа, Манисеа, Сагунто базировались легкие и средние бомбардировщики.

Никогда не забуду свой первый боевой вылет в составе звена на разведку наземного противника в районе Теруэля. Ведущим шел Никита Сюсюкалов. Третьим летчиком был Ромуло Негрин — сын премьер-министра Испании. Несмотря на молодость, Ромуло был обстрелянным пилотом. В его активе имелось до сотни боевых вылетов, несколько сбитых самолетов. Он непрерывно участвовал в боях на различных фронтах Испании. Самолетом-истребителем владел отлично. 17 января 1938 года, защищая спускавшегося на парашюте командира истребительной авиагруппы Евгения Степанова, которого фашисты пытались расстрелять в воздухе, Негрин на встречных курсах таранил итальянский «фиат». При столкновении оба истребителя разрушились. С разбитым от удара о приборную доску лицом и поврежденной ногой Ромуло на малой высоте сумел выбраться из деформированной кабины и ввести в действие парашют. Момент раскрытия купола и приземление летчика на каменистый горный склон почти совпали...

Обойдя Теруэль с запада, мы приближались к железнодорожной станции Каламоча, когда, круто пикируя, из разрывов облачности стали вываливаться на нас «фиаты», ведя огонь с дальней дистанции. Для Сюсюкалова и Негрина такой боевой прием был привычным. А каково мне? Потом, после возвращения на Алькубалас, комэск сказал, что против нас действовало 20 фашистских истребителей. Мне тогда было не до подсчета.

Сюсюкалов, переложив «чато» с крыла на крыло, резко развернулся в сторону противника, просигналив рукой: «Идем в атаку». Помня строгое предупрежде-

ние — не отрываться от ведущего, перекладываю И-15 на крыло. Удерживаясь за комэском слева, сзади, бросаю машину навстречу противнику. Из головы вмиг вылетело все то, что мне рассказывали и советовали побывавшие в боях летчики. Верчусь в образовавшемся «рое» своих и фашистских самолетов. Пытаюсь удержаться в строю и не потерять ведущего. Пытаюсь, но не все удается. Воздух располосован светящимися, дымными трассами. Начинаю понимать, что «фиатов» значительно больше, чем нас. Они появляются сверху с разных сторон, а когда закладываю глубокие виражи, невольно отрываюсь от Сюсюкалова. Не вижу Негрина. По спине пробежал холодок. Мелькнула мысль — пропаду?

Понимая, что спасение в резком пилотаже, а выдерживать перегрузки я был приучен, ношусь в круговороте стреляющих друг в друга истребителей. Пытаюсь атаковывать сам, но, честно говоря, подумываю больше об обороне... Успеваю про себя отметить, что «фиат» — машина маневренная, устойчивая в воздухе, но фигуры пилотажа выполняет медленнее, чем И-15.

Какие только эволюции на истребителе мне не пришлось проделать в первом воздушном бою!.. Как потом оказалось, на один республиканский И-15 приходилось не менее шести «фиатов».

Время воздушного боя быстротечно и ограничено рядом факторов. Бортовые часы показывают, что деремся 50 минут. Понимаю, что на исходе горючее, боеприпасы. Вижу, как отдельные «фиаты» покидают арену схватки. Но не все. Продолжая бой, так закрутился, что не могу сообразить, где в данный момент нахожусь, целы ли мои товарищи? И — о радость! —ниже меня над перекрестком шоссейной и железной дорог Теруэль — Каламоча замечаю пару И-15, призывно покачивающих крыльями. Переворот через крыло. Вслед рванувшемуся из-под меня «фиату» даю длинную очередь и пристраиваюсь к Никите Сюсюкалову... Выставив из кабины руку в желтой перчатке, он показывает большой палец. «Значит, все в порядке, комэск доволен». Киваю в ответ головой. Подойдя ближе к ведущему, вижу добрую улыбку Ромуло Негрина. Приходим на свой аэродром. В строю растянутого правого пеленга совершаем посадку. Про себя думаю — летали в разведку, а я ничего не видел.

Следует строгий разбор боевого вылета. В моем са-

молете несколько боевых пробоин. «Могло быть и больше, но ты, кажется, умеешь летать»,— скупо улыбается малоразговорчивый Сюсюкалов. Оказывается, в воздушном бою мы сбили два «фиата». Боюсь признаться товарищам, что это сообщение для меня новость.

Хочется вспомнить добрым словом истребитель И-15, по тому времени лучший маневренный самолет. В условиях горного рельефа Испании эта машина была просто незаменима. Выполняя чисто истребительские задачи, И-15 успешно вел борьбу с немецкими Хе-51, «Юнкерс-86», «Юнкерс-87», «Хейнкель-111», итальянскими «фиатами», «капрони», «савойя-маркетти». «Чато» сопровождал и прикрывал над полем боя легкие бомбардировщики «P-Z», выполнял задачи по ведению воздушной разведки. Использовался и как штурмовик...

В феврале на Алькублас приехал старший советник истребительной авиации комбриг Василий Катров. Один из летчиков нашей эскадрильи, Сайос, был простужен. Чтобы боевая машина не простаивала, Катров решил отправиться с нами в боевой вылет. В этом не было ничего удивительного. Летал он блестяще. Одним из ведомых взял меня. Начался предполетный инструктаж. Мне не понравилось, что комбриг решил лететь впереди истребительной группы. Набравшись смелости, говорю, что ему не следует быть на виду у противника.

— Вы, командир, займите место в боевом порядке, откуда удобнее управлять воздушным боем. Вам не обязательно сбивать фашистские самолеты.

Похлопав меня по плечу, он ответил:

— Я истребитель и обязан уничтожать воздушного противника.

Полетели... Впереди, ниже нас идет 2-я эскадрилья Моркиляса. Подходим к линии боевого соприкосновения западнее Теруэля. На земле кипит бой. Сверкают отблески орудийных выстрелов, виден дым пожаров. Начинаем разворот вдоль линии фронта. И тут из дымки между эскадрильей Моркиляса и нашей выскакивают пять серебристых «фиатов» с намалеванными на бортах пантерами. Фашисты с ходу довернулись, чтобы с высоты атаковать 2-ю эскадрилью. Нас, по всей вероятности, они не успели заметить. Их, в свою очередь, не увидели летчики Моркиляса. Дело решали секунды. Катров с переворота, добавив газ двигателю, бросился на вражеские машины, намереваясь поразить их ведущего. Иду за ним. Он открывает огонь. От неожиданно-

стн итальяицы бросаются в разные стороиы, но тут же прнходят в себя. Катров оказывается под «фнатом». Тот опускает иос. Не раздумывая, почти в упор даю длниную очередь из всёх четырех пулеметов. Вражеский нстребнтель, вспыхнув, переворачивается вверх колесамн. Подстраиваюсь к ндущему в атаку Катрову...

Бой длнлся 35 мииут. Сбив трн «фната», мы возвращаемся на Алькублас. Катров, отойдя от истребнтеля, жадио затягнвается папиросим дымом. Говорю ему:

— Товарнщ комбрнг, так иегоже летать!

Ои раздраженио отвечает:

— Зиаю, зиаю.

К моему нзумлеиню, ои вытаскивает из кармашка круговой лямкн парашюта вытяжиое кольцо, в котором застряла пуля крупиокалнберного пулемета «фнат». Мне тогда подумалось, что наш боевой товарнщ, очевндио, родился под счастливой звездой. Но ему инчего не сказал. Видел, как он переживает этот вылет...

Теруэль вспомииается очеиь упорными ожесточенными воздушными боями. Иногда с обенх сторон в воздухе находнлось до 100—150 нстребителей и бомбардировщнков. Склоиы гор, окружающнх город, былн усеяиы обломками сбитых и сгоревшнх самолетов. Фашнсты, иесмотря на потери, стремилнсь к побережью Средиземного моря. Мы, иа пределе снл, совершали до шестнсеми боевых вылетов за световой день...

На подступах к Теруэлю находнлась хорошо оборудованиая в инжеиерном отиошеиин гора Лопеиьа. Протнвиик иесколько раз пытался овладеть ею н открыть себе путь в город. Но республикаискне войска отражалн все атаки. Тогда по прнказу Франко к Лопеиье сталн подтягнвать таики, полевую и зеннтную артиллерню, подвозились и подходнлн резервные части вражеской пехоты. Из Италин и Германин прнбыло несколько свежих авиаэскадрнлнй.

В середнне февраля 1938 года комаидоваиие подияло в воздух всю группу «чатос», чтобы нанести штурмовой удар по подходящим к Лопенье резервам протнвннка. Нас прикрывалн две эскадрильн «москас» под комаидоваиием Ивана Девотчеико н Маиуэля Сарауса. Подходим к районy удара. В рассветной мгле кннжальиым блеском сверкают выстрелы фашнстских зеннток. Группой командует Ннкнта Сюсюкалов. По его сигиалу эиергичио выполняем протнвозеиитный маиевр. Летя в головиом звеие, вижу иа засиежениой горной дороге

колонну вражеской пехоты. Подав сигнал на перестроение, Сюсюкалов сваливает машину в атаку. Не отстаю от него. Навстречу брызжут трассы зенитных пулеметов. Поздно... Идя над забитой войсками дорогой, открываем огонь. Высота полета предельно мала. У земли скорость кажется огромной.

На первом заходе пытаюсь рассмотреть результат нашей штурмовки. Тем временем «чатос» Леопольда Моркиляса, имеющие на подвеске, под крыльями мелкие бомбы, идут на позиции зенитной артиллерии. Вслед за нами, со своими ведомыми, фашистов атакует Хуан Комас. Одновременно с огнем бортовых пулеметов его летчики обрушивают на застрявший в середине колонны обоз 25-килограммовые бомбы. Ладислао Дуарте выводит эскадрилью на позиции не успевшей окопаться полевой артиллерии. Огибаем высоту, повторяя извилины дороги. Под нами плотные квадраты фашистской пехоты. Горка. Огонь. На дороге творится нечто невообразимое...

Разворот на обратный курс. Вновь атака. И так, раз за разом, выполняем четыре штурмовых захода. На пятом выше нас видим воздушный бой, который ведут с «фиатами» и «мессершмиттами» прикрывающие нас эскадрильи «москас». Никита Сюсюкалов подает сигнал сбора. Над огневыми позициями вражеской артиллерии стоят столбы маслянистого дыма, мечется жаркое пламя. Вскидываются взрывы. Снег у дороги усеян трупами. Смолкли выстрелы зениток. Ложимся на курс отхода. Нам навстречу спешит резервная эскадрилья «москас» Фернандо Клаудино. С ходу она вступает в воздушный бой, оттягивающийся в северном направлении. Вскоре нас догоняют «москас» Ивана Девотченко и Мануэля Сарауса. Девотченко заботливо облетает строй «чатос», пересчитывая самолеты. Над Теруэлем осталась эскадрилья Клаудино...

В тот день мы совершили еще три вылета к горе Лопенья. В последнем Сюсюкалов предложил мне вести эскадрилью. Сам полетел в звене, замыкающем строй. Это был мой тринадцатый боевой вылет в Испании.

Солнце клонилось за горизонт, когда мы возвратились на Алькублас. На аэродромной стоянке нас ожидал комбриг Василий Катров. Поблагодарив летчиков за успешные боевые действия, он объявил новость: Никита Сюсюкалов отзывается на родину, меня назначают командиром эскадрильи. Мы тепло распрощались с за-

мечательным воздушным бойцом, без страха сражавшимся в первой битве с фашизмом.

9 марта 1938 года, сосредоточив ударную группировку войск на Арагонском фронте, фашистские дивизии при поддержке крупных сил авиации и танков прорвали передний край республиканцев и, расширяя прорыв, устремились к побережью Средиземного моря.

Едва забрезжил рассвет, истребительные авиагруппы «чатос» и «москас» поднялись с обжитых ими аэродромов Теруэльского аэроузла. Летим северо-восточным курсом на Арагонский фронт, куда перенесен центр тяжести боевых действий...

Мы спешим. Поэтому часть пути пролегает над территорией, занятой мятежниками. Нас встречает яростный огонь вражеской зенитной артиллерии. Без кислородных приборов забираемся на высоту свыше пяти километров. Разрывы снарядов зависают под нами. На траверзе Альканиса распускаю группу «чатос», которую веду по приказу комбрига Катрова. Эскадрильи Комаса и Дуарте идут к аэродрому Каспе. С ними следуют две эскадрильи И-16. Мы с Моркилясом приводим своих на аэродром Эскатрон, расположенный на фланге наступающей группировки фашистских войск. С нами «москас» Сарауса и Клаудио. После посадки дозаправка горючим, подвеска мелких бомб под крылья эскадрильи Моркиляса. Нас торопят... Под прикрытием И-16 взлетаем для нанесения удара по сосредоточивающимся западнее Бельчите фашистским частям. В тот день число боевых вылетов достигло максимума — восьми, из них три — на сопровождение легких бомбардировщиков «P-Z».

Мартовские бои в Арагоне приняли ожесточенный и в то же время быстротечный маневренный характер. Обстановка на линии фронта менялась не только ежедневно, но и ежечасно. Летчики и механики работали с большим физическим напряжением. Такое положение требовало от командиров не только повышенного внимания к подготовке каждого вылета, четкой организации управления, но и тщательной разведки противника, принятия быстрых, выверенных решений. В этом нам помогал неотрывно находившийся на аэродромах Василий Катров, продолжавший летать на боевые задания. Мне же пришлось нести двойную нагрузку — кроме командования эскадрильей замещал находившегося в госпитале капитана Амарио...

На исходе дня 2 апреля посты ВНОС предупредили КП аэродромов, что к Балагеру под прикрытием «фиатов» идет большое соединение бомбардировщиков «Юнкерс-86». Находившаяся в боевой готовности 4-я эскадрилья немедленно уходит в воздух. Вражеские летчики хотели сбросить на город бомбы и под прикрытием вечерних сумерек уйти на свою территорию. Вижу в лучах заходящего солнца плотный строй бомбовозов и роящихся над ними истребителей сопровождения, будто темная туча с необыкновенной скоростью надвигается на город...

Увожу эскадрилью в разрыв облачности: это хорошая маскировка. Две-три минуты полета — и мы ныряем во второй разрыв. Как снег на голову сваливаемся на вражеские самолеты, едва они появляются над рекой Сегре. Вспыхивают оранжевым огнем два летящих в верхнем ярусе «фиата». Атакуем бомбардировщики, разрывая их строй на несколько частей.

Внезапность удара дает нам некоторое временное преимущество. Вижу, как двухкилевой Ю-86, оставляя в воздухе жгут черного дыма, боком падает на скалы. В упор даю длинную очередь по зависшему при выходе из боевого разворота «фиату». Что с ним, времени смотреть нет. Сам уклоняюсь от пучка дымных трасс. К нам на поддержку из Сариньены подходят «чатос» Хуана Комаса. Верчусь в центре разбушевавшегося в небе огненного бурана. Мне в лоб несется пятнистый «фиат». Не сворачивая, принимаю вызов противника. Обычно вражеские пилоты лобовых атак избегают. А этот, видно, знает свое дело, раз на такое решился. Открываю огонь. Мелькает мысль: «Сейчас столкнемся». И в этот момент фашист немыслимым переворотом уходит вниз. Инстинктивно даю вправо ногу. Толкаю от себя ручку управления. «Чато» сваливается вслед за «фиатом». Машина противника тяжелее по весу и быстрее набирает скорость. Вывожу двигатель на полные обороты. Мы несемся к подернутой вечерней дымкой земле. В семидесяти — восьмидесяти метрах от нее, переломив траекторию полета, «фиат» круто пошел на вертикаль.

Повторяю его маневр. На миг от перегрузки темнеет в глазах. Центробежная сила вдавила в сиденье. Чувствую боль в позвоночнике. На приборы не смотрю. Цепко удерживаю в поле зрения хвостовое оперение итальянского истребителя. Палец на гашетке общего

огня. В верхней точке своего подъема «фиат» теряет скорость. То же вскоре произойдет и с моей машиной. Умостив в прицеле вражеский самолет, открываю огонь. Огненные струи обволакивают пятнистый истребитель. Он вздрагивает и тотчас вспыхивает. На мгновение словно останавливается, а затем, лениво перевернувшись, ввинчиваясь в воздух, падает в небытие...

Вновь врываюсь в клубок маневрирующих, стреляющих друг в друга машин. Не дойдя до Балагера, «юнкерсы», свалив бомбы на горы, дымя форсированными моторами, оттягиваются на запад. Их преследуют Хуан Комас и его ведомые. Наша эскадрилья продолжает бой с вражескими истребителями...

На Сайоса навалился «фиат». Судя по манерам и настойчивости, в нем сидит опытный летчик. Даю отсекающую очередь. Фашист не отстает от Сайоса. Ловлю в перекрестие прицела кабину «фиата». Очередь из верхних пулеметов. Итальянец входит в переворот. Иду за ним. Устремившись в пике, он несется вниз. Повторяется предыдущий эпизод. Высота катастрофически уменьшается. Попытки вражеского пилота вывести машину в горизонтальный полет парирую длинными очередями. Чувствую, что у меня осталось мизерное количество боеприпасов. Даю несколько коротких очередей. Земля почти рядом. На размышление отпущены секунды. Фашист их не использует. «Фиат» врезается в каменистое строение, обсаженное частоколом тополей и платанов. Взрыв. Вверх вскидывается огненно-дымный клубок. Я едва выхватываю И-15 от удара о землю. Взгляд на бортовые часы. Воздушный бой продолжается один час пять минут. Быстро наступают сумерки. Направляюсь к своему аэродрому. Ко мне пристраивается Сайос. Замечаю, что он неуверенно пилотирует сильно потрепанную вражескими пулями машину. Ранен?

На Балагер приходим одними из последних. В створе взлетно-посадочной полосы на земле вижу несколько застывших И-15. Догадываюсь, что они полностью израсходовали горючее. Полагаю, что то же самое ждет нас. На посадку вперед пропускаю Сайоса. Сам перехожу в правый от него пеленг. Так мне удобнее за ним наблюдать.

С большим просчетом молодой пилот, минуя посадочный знак, под углом ударяется колесами шасси о землю. Словно мяч, истребитель подпрыгивает вверх, дает «козла» и падает. К моему изумлению и счастью Сайо-

са, машина не перевернулась и не снесла шасси. Даю газ, с глубоким креном ухожу на второй круг, каждую секунду ожидая остановки двигателя. Но верный «чато» не подвел. После посадки в баке истребителя хватило бензина на заруливание...

Подбегаю к машине ведомого. Оказалось, что от огромных перегрузок во время воздушного боя у него лопнули кровеносные сосуды обоих глаз. Летя, он почти ничего не видел. Сайоса немедленно отправили в госпиталь.

15 апреля 1938 года, заняв Винарос и Беникарло, фашистские войска пробились к побережью Средиземного моря. Республиканская территория оказалась разрезанной на две части. Сообщение между ними возможно только морским или воздушным путем. Обстановка стала если не критической, то очень сложной.

В один из дней второй половины апреля экипаж воздушного разведчика капитана Мендиолы обнаружил на шоссе Сарагоса — Альканьис — Гандеса идущую в направлении Тортосы моторизованную колонну. Приказ на штурмовой удар по подходящим к фронту резервам противника «чатосы» получили незамедлительно. Помнится, меня в то время поразила длина колонны — до 60 километров.

Штурмовые действия в условиях горного рельефа Испании весьма усложнены. Шоссейные и железные дороги страны извилисты, тянутся в междугорных ущельях, часты туннели. Все эти факторы усложняли действия истребителей, атакующих противника с бреющего полета. К тому же фашисты, хорошо зная местность, умело использовали ее рельеф для защиты.

Следует добавить, что вражеские колонны, железнодорожные станции и другие транспортные объекты прикрывались с воздуха сильными эскортами истребителей. В составе колонны находились зенитно-пулеметные установки. На маршрутах следования, в особенности в населенных пунктах и на подступах к ним, развертывались позиции зенитной артиллерии. Республиканским пилотам нужно было обладать отточенным летным мастерством, смелостью, волей к победе, умением в кратчайшее время распознать хитрости и уловки противника, не задумываясь, идти на риск.

Поднятые с трех аэродромов «чатос» за неимением времени на сбор группы выходили в район удара самостоятельно. Нас прикрывали «москас» Василия

Лисина и Мануэля Сарауса, которых вел назначенный незадолго до этого командиром группы Фернандо Клаудино.

Идем курсом в точку между Гандесой и Тортосой. Выше моей эскадрильи летят «чатос» Леопольдо Моркиляса. Наша задача — нанести удар по голове вражеской колонны, застопорить ее движение.

На стыке шоссейных дорог вижу колонну легких итальянских танков «ансальдо». За ней скрывающаяся за горизонтом темная линия едущих в два ряда автомашин. Быстро осматриваю воздух. Невольно вздрагиваю. Над нами не менее трех десятков «фиатов». Выше их на развороте две пары «мессершмиттов». Наши камуфлированные И-15 на фоне серо-коричневых гор пока невидимы. Пока... и в это мгновение Клаудино со своими «москас» устремляется в атаку на вражеские истребители. Порядок, теперь дело за нами! Быстро перестраиваемся. На нашем пути встает стена зенитно-пулеметного огня. Доворот на цель. Подаю сигнал: «Атака!» Ввожу «чато» в пологое пикирование...

Чем меньше высота, тем отчетливее видны силуэты танкеток, автомашин, артиллерийских тягачей. Прижался к прицелу. Навел вздрагивающее перекрестие на идущую впереди колонны легковую «испано-сюизу». Открываю огонь. Брызнул сходящийся у земли веер трасс четырех бортовых пулеметов.

Высота полета не более 50 метров. Слегка опускаю и приподнимаю нос истребителя, с трудом его удерживая, чтобы не врезаться в землю. Бег предметов на малой высоте утомляет глаза. Узнаю по красным беретам сидящих в грузовиках наваррских стрелков — самых оголтелых приспешников Франко. Жму на гашетки нижних пулеметов. Огонь... Огонь... Автомашины лезут друг на друга, загораются, из них вываливаются вражеские солдаты.

Знаю, что 3-я и 4-я эскадрильи также штурмуют фашистов. Перед Гандесой доворачиваю на параллельно идущую через Каспе дорогу к Сарагосе. Полосую трассами фуры, повозки, табун неоседланных лошадей. Мои ведомые добавляют огня. На дороге хаос и паника. Поворачиваю строго на юг. У выезда из Альканиса море огня. Пожары, взрывы, опрокинутые в кюветы грузовики, орудия. Пылают штабные автобусы. Валяются убитые фашисты. Обходим мрачную громаду замка, из которого строчат зенитные пулеметы.

Беглым взглядом осматриваю истребитель. В крыльях виднеются рваные отверстия от пуль вражеских крупнокалиберных пулеметов. Мчимся северо-восточным курсом. Эскадрильи Комаса и Дуарте, штурмовавшие колонну до нас, превратили идущее к Средиземному морю шоссе в огненную змею. Мы добиваем все, что случайно уцелело после их атак...

Впереди Гандеса. В небе густая сетка разрывов. С ходу веду эскадрилью на удар по позициям зенитной артиллерии. Летящие за нами «чатос» Моркиляса продолжают сечь пулеметным огнем застопорившую ход колонну. Огонь, огонь, огонь... Мы разгоняем и поражаем из пулеметов артиллерийскую прислугу. Расстреливаем ящики с боезапасами. К небу вскидываются султаны взрывов. Проскакиваем со стрельбой над забитыми вражескими войсками узкими улочками Гандесы.

Круто доворачиваю на юг. Под нами серпантин идущей на Тортосу шоссейной дороги. Слева по курсу полета вижу стремительно бегущую к морю реку Эбро. Пора оглядеть небо. С радостью замечаю носящиеся на низких высотах звенья «москас».

Остатки огнеприпасов расстреливаю по позициям итальянского экспедиционного армейского корпуса. Бортовые пулеметы смолкли. Вижу, как далеко впереди курсом на северо-восток, к своему аэродрому разворачиваются «чатос» 3-й и 4-й эскадрилий. Пора и нам...

Через два часа налет по вражеским резервам повторили. Но теперь вместе с нами наносили удар скоростные бомбардировщики СБ — «катюши» — капитана Мендиолы. И вновь нас прикрывали эскадрильи «москас» отважного Фернандо Клаудино, не допустив к нам ни одного вражеского истребителя.

Поздно вечером из оперативной сводки узнали, что мы разгромили доукомплектованную людьми и техникой в Памплоне 6-ю дивизию фашистов «Наварра», следовавшую к району Тортосы.

На следующий день, едва забрезжил рассвет и в прозрачной дымке всплыл край оранжевого солнца, к нашему аэродрому в сопровождении двух звеньев «мессершмиттов» подкралась пятерка бомбардировщиков «Хейнкель-111». Захлопали редкие выстрелы прикрывавших наши стоянки зенитных орудий. Разойдясь веером, «хейнкели» с высоты 500 метров высыпали бомбы и тут же ретировались. Пострадала взлетно-посадочная

полоса. Оказалось, что одновременно с нами бомбежке подвергся аэродром, где базировались остальные «чатос». Так отомстил нам каудильо Франко. В тот день мы летать и не собирались. Вместе с механиками заделывали многочисленные пробоины и устраняли другие повреждения своих «чатос».

Весь май 1938 года прошел в ожесточенных боях на земле и в воздухе. Фашистские войска усиливали наступление на Валенсию.

12 июня, когда «чатос» заканчивали штурмовку наступающих в междуречье Альфаморы и Михарес войск противника, в воздухе появилась смешанная группа бомбардировщиков «юнкерс» и «савойя-маркетти». Их было около сотни. Направлялись они к городку Мора-де-Рубьелос, стоящему на перекрестке дорог юго-западнее Теруэля.

Вижу, как на бомбовозы и их истребительное прикрытие устремились сопровождавшие нас «москас», которых привел к Моро назначенный вместо уехавшего в СССР Александра Гусева Фернандо Клаудино. Понимая, что одним И-16 с такой фашистской армадой справиться будет трудно, перевожу истребитель в набор высоты. Цель — атаковать бомбардировщики на встречнопересекающемся курсе. Выжимаю из двигателя все, что он может дать. Однако «чатос» не успевают выйти на один уровень высоты с бомбовозами. Открываю огонь с дальней дистанции. Моему примеру следуют ведомые. Шквал светящихся трасс, летящих густыми пучками на бомбовозы, заставил фашистов отвернуть от цели. Но сделано полдела. И мы продолжаем сближение с противником... Тем временем, сбросив бомбы на горы, крестастые воздушные корабли потянулись к Теруэлю. Преследуя их, мы оставляем за спиной схватившиеся с «фиатами» две эскадрильи «москас». И тут, ограждая свои бомбовозы, открыла плотный отсечный огонь вражеская зенитная артиллерия.

Мы второй час в воздухе. В баках истребителей мало горючего. Пора подумать о возвращении на Алькублас. Досадую, что не удалось догнать фашистских бомбардировщиков. Но все-таки мы не дали им бомбить Моро...

Разворачиваемся на курс к своему аэродрому. И... сталкиваемся, нос в нос, с мчавшимися от Теруэля двумя десятками пестро расцвеченных камуфляжем «фиатов». Потом от сбитого итальянца нам станет из-

вестно, что мы встретились с летчиками-инструкторами высшей школы воздушного боя, расположенной в предместьях Рима, прибывших в Испанию для получения боевой практики. Но это будет потом, а сейчас мы принимаем воздушный бой в самый неподходящий для нас момент.

Я написал «неподходящий момент», будто на войне бывает подходящий момент. Война есть война, и сейчас нам ждать помощи неоткуда.

С первых же атак, когда на меня набросилась четверка «фиатов», сразу почувствовал, что это пилоты самого высокого класса. Мы приняли бой. Знали: дрогнешь на мгновение — пиши пропало, моментально будешь расстрелян. Бой растянулся почти на тысячу метров по вертикали.

В самом начале схватки на Моркиляса устремились два «фиата». Они атаковали машину комэска с разных сторон, как говорят летчики, взяли его в «клещи». Одного из противников он подловил на вираже и поджег. Разматывая за собой дымный шлейф, тот под прикрытием двух истребителей направился к Теруэлю. Связанные боем, никто из наших их не преследовал. Второй же «фиат» оказался более чем настойчивым. Ему удалось сесть на хвост машины Моркиляса, пытавшегося вырваться из прицела вражеского летчика. В этот момент Ромуло Негрин и я, выходя из боевого разворота, оказались под машиной фашиста, сближавшегося с И-15. До сих пор, вспоминая этот эпизод, не могу понять, почему, не оставив Моркиляса, итальянец не расстрелял нас обоих? Возможно, в круговерти боя не заметил? Или так велико у него было желание уничтожить летчика, который минуту тому назад поразил его напарника? Возможно, видел нас, но не верил, что, не имея набора высоты и приличной скорости, мы его атакуем. Ведь он был значительно выше.

Под большим углом, рискуя сорваться в штопор, задираю нос своего истребителя. То же делает Ромуло. На какие-то доли секунды в памяти фиксирую грязно-желтое брюхо «фиата», пузатые обтекатели колес шасси. Открываю огонь... Автоматически сваливаю «чато» в переворот, через крыло, валюсь вниз. Надо мной раздается громовой взрыв: фашистский истребитель разваливается на куски. И тут на моем пути встречается еще один «фиат». К счастью, оказываюсь над вражеской машиной. Итальянец полупереворотом мгновенно вы-

скальзывает из перекрестия моего прицела. Высота полета ие более четырехсот метров. Выше иас вершииа лесистой горы. Куда-то оторвался Негрин!

Стремясь уйти от моего преследоваиия, фашист рваиулся в пике. Но иам давио известеи такой прием. Несемся в широкий провал гориого ущелья. Мелькает мысль: «Сейчас оба разобьемся!» Видимо, то же самое подумал мой противиик. Ои иачал резко выводить свою машииу из пике. Набравший скорость «фиат» сильио просаживается ко диу ущелья. Колесами шасси цепляет за выступ скалы, переворачивается иа спииу и сваливается в ущелье. Призиаюсь, что и моя машииа иа выводе едва ие врезалась в гору.

Выбравшись из этого переплета, замечаю кружившегося иад изгибом реки Турия Негрииа. Невдалеке собирает свою эскадрилью Моркиляс. Спешим иа Алькублас. Вот-вот остаиовятся двигатели. Нехватка горючего — вечиый иаш бич в затяжиых воздушиых боях...

После посадки ко мие подбежал взволиоваииый Моркиляс. Мешая русские и испаиские слова, обиял и сказал: «Хорошо, Алехаидро, что есть Россия».

Это был мой 50-й воздушиый бой в иебе Испаиии. И последиий.

Под вечер из Главиого штаба авиации мие поступило распоряжеиие срочио сдать дела и прибыть в Валеисию. Предупредили, что я уезжаю совсем...

Быстро собираю в чемодаи иехитрые пожитки. Прощаюсь со своей эскадрильей и летчиками Моркиляса. Говорим друг другу хорошие слова. Волиуемся. На память оставляю пилотам ветрозащитиые очки, летиый шлем, а Саичесу, своему шоферу, дарю, правда подержаииый, ио еще приличиый летиый костюм. Ои в восторге тут же облачается в иего, благо мы одииакового роста. Надеваю давио ие иошеииый граждаиский костюм, шляпу. Еще раз обиимаемся с испаискими пилотами, желающими мие всего хорошего.

По пути заскакиваем иа аэродром. Прощаюсь с Хуаиом Комасом и Ладислао Дуарте, их летчиками. На душе тяжело. Трудио расставаться с боевыми товарищами, дружба с которыми родилась в иебе Испаиии.

С. Г. САПОЖНИКОВ

НА МОРСКИХ РУБЕЖАХ

По прибытии в Испаиню я должеи был смеиить капитаиа III раига Н. Е. Басистого (впоследствии адмнрала) на посту советннка при начальнике Главного морского штаба Республики.

В Барселоне иашу группу прниял главный военный советник Г. М. Штери (Григорович), который ознакомил нас с обстаиовкой в Испаннн, с нашнми ближайшими задачами н дал ряд практических указаннй. В частностн, мие он рекомендовал до работы в Главиом штабе отправиться в Картахеиу и принять участие в боевых действиях соедннений флота.

На главной базе республикаиского флота в Картахене в то время находились товарищи, которых я зиал по работе и учебе иа родиие. Оии обучалн личный состав флота использоваиию оружия.

Надо заметить, что задача эта была ие простая. Большннство адмиральского и старшего строевого состава флота, который комплектовался в осиовиом нз прнвнлегнрованных классов, перешло на сторону мятежннков, а многие из оставшихся не рвались в бой с фашнстамн, пасснвно, а порой и с большнм сопротнвленнем выполияли приказы командовання.

Н. Г. Кузнецов приводит такне даиные: осталнсь верны Республнке: нз 19 адмнралов — два, из 31 капнтана I ранга — два, нз 65 капнтаиов II ранга — семь, из 128 капнтанов III ранга — трннадцать [1].

Рядовой н старшннский состав, а также большннство младшнх офнцеров были настроены патриотически. Оин очень доброжелательио отиосилнсь к иашим советинкам, охотно воспринимали их указаиия, охраиялн их от возможных эксцессов.

К началу 1938 года республнканскнй флот нмел в строю постоянно два-трн легкнх крейсера, девять эсмннцев, две-трн подводные лодки, три — пять торпедных катеров. Правда, они былн недостаточно мореходиы и далеко от своих баз не уходилн. Своей авиации флот не имел, ее придавали ему только на время проведеиия операций.

---

[1] Под знаменем Испанской республнкн. М., 1965, с. 217.

С. Г. Сапожников

А у мятежников вступили в строй новые крейсеры «Балеарес» и «Канариас», вооруженные 8-дюймовой артиллерией, имеющие мощную зенитную защиту и большой (33—35 узлов) ход. Была у них и своя значительная морская авиация.

Базировался фашистский флот в Пальме, Сеуте, Малаге, Кадисе.

Используя свое превосходство в торпедных силах, являющихся мощным орудием ночного боя, командование республиканского флота проводило в течение января — марта 1938 года систематические выходы эскадры в море для поиска кораблей противника и дальнейшего совершенствования подготовки кораблей флота.

Командование флота, получив данные воздушной разведки о стоянке в Пальме (Балеарские острова) крейсеров «Балеарес» и «Канариас», решило торпедировать их в базе. Для этого выделили четыре эсминца и три торпедных катера. Меня назначили советником на головной эсминец при командире полуфлотилии. Переводчиком был С. Ганкин, старшим советником на торпедных катерах — Н. Каневский. Предварительно были проведены тренировки по взаимодействию эсминцев и торпедных катеров.

Ударный отряд эсминцев вышел из базы заблаговременно и крейсировал в районе базирования торпедных катеров. Прикрывали нас силы эскадры под командованием командующего флотом М. Убиета.

В связи с ухудшившейся погодой торпедные катера не смогли принять участие в операции. Тогда командующий флотом решил присоединить к эскадре эсминцы ударной группы.

Первая встреча эскадр произошла в ночь на 6 марта. Республиканский эсминец «Санчес», находящийся в боевом порядке, первым обнаружил корабли противника, идущие без огней. Выпустил двухторпедный залп, который, однако, цели не достиг. Корабли в темноте разошлись. Республиканская эскадра изменила курс, надеясь на новую встречу с противником. И действи-

тельно, через час они снова встретились. На сей раз «Санчес» выпустил по крейсерам четыре торпеды. Атаку повторили эсминцы «Антекера», «Лепанто», а также крейсер «Либертад», открывший одновременно и артиллерийский огонь. Три торпеды попали во флагманский крейсер «Балеарес». Охваченный пламенем, он стал тонуть. Как потом сообщило агентство Рейтер, 365 членов экипажа крейсера погибли сразу при взрыве, а 400 человек, в том числе 160 итальянцев и немцев, подобрали находящиеся поблизости в море английские эсминцы «Кемпенфелт» и «Вореас».

Этот успех ночного боя вызвал небывалый энтузиазм у личного состава республиканских кораблей. Забыв об осторожности, матросы выскакивали на верхние палубы с восторженными возгласами: «Вива Эспанья!», «Вива ла Республика!» Успех флота довершила авиация, которая утром нанесла удар по крейсерам противника. Население Картахены встречало с триумфом свою эскадру.

Это была блестящая победа республиканского флота. Однако сделано было бы больше, если бы командующий бросил в атаку остальные эсминцы и вызвал бы авиацию раньше. И в дальнейшем не было использовано моральное преимущество республиканского флота, его потенциальные возможности к активным действиям. Флот укрылся в своей базе и ограничивался отдельными выходами в море эсминцев и подводных лодок.

Уничтожение «Балеареса» произвело колоссальное впечатление. «Морской бой, окончившийся блестящей победой флота и авиации,— писала 8 марта 1938 года «Правда»,— показал, что морские силы Республики сумеют помешать блокаде республиканских берегов, которую постараются установить мятежники и интервенты».

Вскоре я отбыл в Барселону, где сменил Н. Е. Басистого на посту советника при начальнике Главного морского штаба Республики — бывшем командующим флотом Мигеле Буиса. Человек он был пассивный и не желал обострять отношения с командующим флотом Убнета. Фактически руководил штабом его ближайший помощник, начальник оперативного отдела, бывший профессор военно-морского учебного заведения, опытный оператор Хулиан Санчес, настроенный пораженчески, тормозивший действия флота, всячески оправдывающий инертность желанием сохранить его для Республики.

Только решительная замена реакционной части офицерства людьми, преданными Республике, могла изменить обстановку на флоте. С большим трудом М. Буиса был снят с поста начальника Главного морского штаба, а на его место был назначен бывший командир крейсера «Мендес Нуньес» коммунист Педро Прадо, человек хорошо подготовленный, активный и преданный Республике.

Прадо установил деловой контакт с начальником Генерального штаба Рохо, своевременно докладывал ему и военному министру, главе правительства Негрину обстановку на флоте, вносил предложения о повышении его активности. Однако эти мероприятия зачастую срывал командующий флотом Убиета, ярый антикоммунист, антиреспубликанец. Вначале он маскировал свою пассивность, ссылаясь на недостаток на флоте топлива, торпед, снарядов и т. д., а со второй половины 1938 года открыто противодействовал проведению активных операций флота. Он сорвал проведение разработанной Главным морским штабом совместной с сухопутным командованием важной десантной операции в Мотриль, мотивируя тем, что она уже якобы рассекречена, не оказал помощи эсминцу «Хосе Луис Диес» в прорыве его через Гибралтарский пролив, не выполнил приказания по перехвату крейсера «Альмиранте Сервера», идущего из Пальмы в Кадис, не помог сухопутным войскам в операции на Эбро и в последующих боевых действиях в Каталонии. Закончил свою деятельность Убиета тем, что, снятый в январе 1939 года с поста командующего флотом и назначенный комендантом базы Маон на острове Менорка, без боя сдал ее противнику.

Этот предательский акт со стороны Убиета не явился случайным. Вспоминаю такой факт. В июле 1938 года мы с переводчицей М. С. Скавронской находились в кабинете Прадо. В это время туда вошел Убиета, прибывший в Барселону для получения правительственной награды — ордена «Лавры Мадрида» за потопление «Балеареса».

Мы поздравили командующего. А Прадо сказал ему:

— Все это очень хорошо, однако пора нам не отсиживаться в базе, а переходить к активным действиям, тем более что сейчас наша эскадра сильнее фашистской.

В ответ на этот упрек Убиета заявил:

— Вам хорошо рассуждать о повышении активности флота. В случае поражения Республики вы уедете в

Советский Союз, а мне нужно отвечать перед Франко за потопление «Балеареса».

Видимо, в этом крылась главная причина всей последующей деятельности командующего флотом.

В 1938 году прекратились поставки морем оружия, техники, продовольствия из Советского Союза в связи с пиратскими действиями итальянского флота и немецкой авиации. Закрытие французской границы отрицательно сказалось на настроении реакционной и колеблющейся части офицерского состава республиканского флота.

Чтобы активизировать деятельность флота, военный министр, по докладу начальника Главного морского штаба, разрешил передислоцировать в Барселону две подводные лодки — С-2 и С-4, переведенные из Франции через Гибралтарский пролив в Картахену нашими добровольцами Н. Египко и И. Бурмистровым. Эти подводные лодки под командованием новых командиров — В. Егорова и Г. Кузьмина (помощниками командиров соответственно были И. Грачев и С. Лисин) часто выходили из Барселоны в море и сковывали активность флота мятежников.

Обстановка в Республике резко ухудшилась после того, как сухопутным войскам мятежников удалось 15 апреля 1938 года выйти к Средиземному морю, расчленить республиканскую территорию. Теперь связь между северной и южной республиканскими зонами поддерживалась подводными лодками и эсминцами. Походы эсминцев из Картахены в Барселону проводились по приказанию правительства для перевозки ценностей в ночное время, причем в каждом таком походе участвовали наши советники (В. Ципанович, Н. Абрамов, Е. Жуков). Мне приходилось принимать меры к быстрой и скрытной разгрузке кораблей в Барселоне, чтобы они и ценности не попали под бомбы авиации противника.

Вспоминается героическая попытка прорыва республиканского эсминца «Хосе Луис Диес» из Франции через Гибралтар в Картахену.

Эсминец водоизмещением 1536 тонн, имеющий на вооружении пять орудий — четыре 120-миллиметровых и одно 76-миллиметровое и шесть торпедных аппаратов, во время боевых действий на севере Испании получил повреждение и вынужден был в 1937 году войти для ремонта во французский порт Гавр. Командовал эсминцем коммунист Хосе Антонио Кастро.

В начале августа 1938 года меия направили во Фраицню провернть готовность эсминца к переходу н оказать помощь командиру н команде.

Настроенне у команды корабля было хорошее, все готовнлись быстрее соедиииться со своим флотом. Однако французскне властн в Гавре всячески тормозилн ход ремонта — он тянулся уже более года. Агентура Франко пыталась обработать команду эсмнница и склонить ее на измену Республике.

Незадолго до выхода эсмнница в Картахену старший механик корабля сообщнл мне, что агент иемецкой разведкн во Францнн предложил ему большие деньги, если он согласится прн проходе Гибралтарскнм проливом вывестн из строя турбнну эсмнница. Как стало известно, эта диверсия должна была осуществиться младшим механиком эсминца, ранее завербованиым фашистамн.

Старший механнк оказался честным человеком и заявил, что хотя он и не коммуннст, ио до конца будет предан Республнке.

Младшего механика удалось обезвреднть и передать республиканским властям.

20 августа 1938 года «Хосе Луис Днес» наконец вышел из Гавра и взял курс в направлеиии Гибралтарского пролива. Вся эта операцня может служнть образцом героизма со стороиы комаидира и комаиды. 26 августа, пытаясь прорваться через Гибралтарский пролнв, эсминец выдержал бой с превосходящнми силами фашистов. Получнв серьезное повреждение корпуса корабля и виутренних механизмов, эсмннец выиужден был укрыться в бухте Гнбралтар. Англнйскне властн вопреки всем нормам международного права, поддерживая формально дипломатнческие отиошения с правительством Республикн, около трех месяцев волынилн с разрешеиием пронзвестн ремонт.

С момеита захода эсминца в Гибралтар франкнсты установили блнжнюю блокаду, чтобы закрыть его выход нз бухты. На лнннн блокады постояино находнлось иесколько кораблей специального блокадного отряда, а снлы поддержкн, крейсеры н эсмиицы, базнровались недалеко от пролива.

Республиканский флот стоял в Картахене в 160 мнлях от Гнбралтара.

Операцня, разработанная Главным морскнм штабом при участнн командира эсмнница и утвержденная военным миннстром, предусматривала к моменту выхо-

да «Хосе Луиса Диеса» из Гибралтара (23—28 декабря) силами республиканских эсминцев произвести атаку на корабли блокирующего отряда, ослабить их и тем самым помочь эсминцу форсировать пролив. Авиация (9 самолетов СБ), предварительно перебазированная в район Альмерии, должна была нанести по противнику бомбовый удар. Прикрывала прорыв эсминца из Гибралтара эскадра. Возглавил ее командующий флотом.

Однако, несмотря на утвержденный министром план, Убиета дает телеграфное приказание произвести выход эсминца из Гибралтара в ночь на 28 декабря самостоятельно, а сам с эскадрой решает курсировать у мыса Гато, в 130 милях к востоку от Гибралтарского пролива. Делалось это под предлогом прикрытия операции со стороны Средиземного моря, хотя известно было, что в то время основные силы флота Франко находились в районе Гибралтара.

Но и в ночь на 28 декабря выход не состоялся: в Гибралтарском проливе сосредоточился весь блокирующий отряд (видимо, хорошо сработала разведка).

28 декабря по докладу начальника Главного морского штаба военный министр дал новое приказание командующему: «Выход «Диеса» назначаю в ночь на 30 декабря. Ставлю Вам основной задачей — организовать силами флота эффективную защиту для обеспечения выхода «Диеса» из Гибралтара и переход его в Картахену. Негрин».

Это приказание главы правительства и военного министра также не изменило решения командующего. Он приказал Кастро: «Выходите со всем риском в 1 час 00 мин. гринвичского времени 30 декабря. Пункт соединения с флотом тот же». И ни слова о помощи эсминцу в момент форсирования пролива.

Точно в 1 час 00 мин. 30 декабря эсминец начал выход из бухты. Фашистская агентура, находящаяся на базе, сразу же зафиксировала это осветительными ракетами.

Начался бой эсминца с превосходящими по численности силами противника. Нанеся нескольким кораблям противника повреждения, эсминец и сам получил попадание в машинное отделение, что резко уменьшило его ход.

О прорыве в этих условиях и думать было нечего. Опасаясь захвата эсминца фашистами, командир ре-

шает выбросить его на мель в английских территориальных водах. А республиканская эскадра, выйдя из Картахены и прокурсировав в 130—140 милях от Гибралтара, не оказав эсминцу никакой помощи, возвратилась в Картахену.

Английские власти интернировали эсминец, а команду отправили в военную тюрьму. Это было грубым нарушением международных норм, правительство республиканской Испании заявило английскому правительству протест. На учиненный ей опрос команда эсминца дружно заявила о желании вернуться в Испанию. «Да здравствует Республика!», «Смерть фашизму!» — раздавалось в ответ на предложение выехать в зону мятежников.

В январе 1939 года команду эсминца на двух английских кораблях высадили в Альмерии, а оттуда на машинах она прибыла в Картахену, где ее восторженно встречали флот и население.

После этого правительство Негрина вынуждено было снять Убиета с поста командующего флотом. Но, руководствуясь пресловутой теорией «политического равенства», оно сняло с поста и начальника Главного морского штаба Прадо, назначив на его место ярого пораженца Хулиана Санчеса.

Вот только один из эпизодов, характеризующий «стиль» его деятельности.

Как-то в июне 1938 года мы получили из Генерального штаба данные разведки, свидетельствующие о том, что в ближайшие дни из базы на Пальме в Кадис для ремонта должен был выйти крейсер «Альмиранте Сервера». Нужно было его перехватить. Тогдашний начальник Главного штаба Прадо согласился с моими предложениями об атаке нашими кораблями крейсера «Альмиранте Сервера» и дал командующему флотом указание подготовить приказ. Санчес всячески пытался доказать, что наши эсминцы не успеют перехватить крейсер. Однако под давлением точных расчетов он был вынужден согласиться, но сознательно затягивал подготовку приказания, упустил много времени и практически сорвал перехват.

В начале марта 1939 года предатели спровоцировали мятеж в Картахене. Был арестован оставшийся там наш морской советник при командире базы Е. Н. Жуков. Ему и еще трем нашим товарищам угрожал расстрел. Их спасло лишь быстрое подавление мятежа подошедшими республиканскими частями во главе с Га-

лаиом н Родригесом. В ходе мятежа иовый комаидующнй М. Буиса объявил личиому составу, что флот иеобходимо вывестн в море, с тем чтобы ои ие попал в рукн фраикистов, и увел кораблн эскадры в Бнзерту (Туиис), где оии впоследствин былн передаиы Франко.

В. А. ТРОЯН

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫЙ

В 20 кнлометрах северо-западнее Барселоны, вдали от шумных дорог, в Пиис-дель-Вальес, находился центр подготовки инструкторов по обученню методам партнзаиской борьбы.

Центр занимал большой дом красиого цвета. «Каса роха» называли его те, кто знал, что в этом здаиии.

В «Каса роха» появлялись н поляк Аитон (Антонио Рубно), н чех Тнхий, и черногорец Лука, н серб Илич, н другне. Сюда прнезжалн отдохнуть после боевых действий в тылу у франкнстов н иашн советскне добровольцы.

Рядом в двухэтажном сером особияке отдыхалн после выполнеиия задаиий в тылу протнвинка члены боевых групп н отрядов. Здесь же иаходился Ннколай Кириллович Патрахальцев, старшнй советник командира 14-го спецкорпуса.

Друзей познаешь н в боевой обстановке, н в задушевных беседах. В Испаиию прнехалн добровольцы нз миогих страи мнра, чтобы помочь нспанскому иароду отстоять свою свободу. Рабочих н батраков, писателей и художииков, коммуиистов, демократов и беспартийных — всех объедиияла ненавнсть к фашнзму.

Антонио Рубио — рабочий. Миого лет был ои безработиым в панской Польше. В поисках куска хлеба эмнгрировал во Францню, где работал на заводах в Парнже. Ни к какой политической партин ие приналежал. Когда начались события в Испаиии, ои без средств н документов добрался до погранччного пуикта иа Средиземном море, а оттуда на рыбачьей лодке, с такими же беглецами, как и ои, причалил к испанскому берегу.

Владек Тихнй — лейтенаит чехословацкой армии. За коммунистическую пропаганду в армии был арестоваи.

В. А. Троян

Бежал нз-под стражн н чуть ли не пешком через фашистскую Германию, а потом через Фраицию пробрался в Испанню. Отважный, смелый, нзобретательный в способах партнзаиской борьбы офнцер. Узиав, что фашнстская Германия намеревается оккупнровать Чехословакию, говорнл: «Все равно какнм угодно путем проберусь на родниу н органнзую там партизанскую борьбу». Но ему не удалось это сделать. В последние днн войиы в Испаиии он погнб прн выполненнн задания в тылу протнвннка.

Сотнн, тысячн бойцов разнымн способамн и путями пробирались в Испанию через всевозможные полнцейские преграды. Для большинства интернацнональных волонтеров, в том чнсле и для советскнх добровольцев, маршрут в Испанню в основиом проходнл через Францию.

И мие прншлось в марте 1938 года с четырьмя товарищами нелегальио пересечь фраико-испаискую граинцу.

Прнбылн мы в Барселоиу, где нас прниял генерал И. Ф. Максnúmов. Он рассказал о политической н военной обстановке в Испаини.

На следующнй день я встретился с Патрахальцевым, н мы сразу уехалн в Пинс-дель-Вальес, в штаб 14-го спецкорпуса, куда я был назначеи советником.

Спецнальным 14-м корпусом — партнзанским — командовал подполковник Домииго Уигрия. Корпус состоял из четырех дивизнй, в каждую нз иих входнло три-четыре брнгады, точиее, отряда числеиностью от 150 до 200 человек в каждом. На Каталонском фроите действовала одна днвизия. Трн днвнзии былн в цеитральной зоне: в Андалусни, Эстремадуре н иа Центральном фронте. Там работала н группа нашнх советннков: Андрей Эмильев, Алексаидр Коионенко и Григорнй Харнтоиенко.

Поначалу меия направнлн иа стажнровку в отряд, который находился на правом флаиге Каталонского фроита, в районе города Тремп. Обстаиовка здесь в то время была спокойной. Это обстоятельство, а также го-

ристая местиость облегчали заброску иебольших групп в тыл противника для диверсии иа шоссейиых дорогах. В подготовке групп я принимал иепосредствеиное участие, вместе с командиром отряда провожал бойцов за лииию фронта.

Л. Б. Местон

В июне 1938 года, после отъезда Н. К. Патрахальцева иа родину, меия иазначили старшим советником комаидира спецкорпуса. Переводчицей вместе со миой иаправили Любу Местои, имевшую уже опыт работы иа фронте. Должен призиаться, что я с недовольством восприиял это решеиие нашего штаба. По роду своей деятельности мне приходилось совершать большие переходы в горах, вблизи фроита, и главным образом иочью. Кроме того, при бомбежке, артобстрелах требовались максимальиое физическое иапряжеиие и выиосливость, и я считал, что жеищина в этих условиях работать не сможет. Но я ошибся. Люба хорошо переиосила длительные переходы и оказалась прекрасиой переводчицей, храбрым и смелым человеком.

С комаидиром спецкорпуса Унгрия мы быстро нашли общий язык. Дружеские отиошеиия с ним во миогом облегчали мою задачу в трудные и напряжеиные дни операции «Эбро».

Доминго Унгрия, бывшего рабочего, не раз побывавшего в тюрьме за революциониую деятельность, отличали смелость, требовательность, решительиость. И хотя ему явно не хватало теоретической подготовки, он тем не менее успешно командовал корпусом. Любимым его героем был Чапаев. Как-то Уигрия пригласил меня посмотреть фильм «Чапаев». Я ответил, что уже раз пять видел этот фильм и хорошо его знаю.

— Омбре [1],— сказал Уигрия,— я иду смотреть его в одиниадцатый раз.

Я пошел. Зал был полон. Унгрия, комиссар и я заияли места рядом. Во время демонстрации фильма Унгрия

[1] Приятель.

и комиссар делали в темноте заметки в своих блокнотах. Оказывается, они смотрели на фильм как на наглядный учебный материал. Действиям Чапаева и Фурманова они подражали со всей серьезностью. Например, мне приходилось слышать в штабе: «Кто здесь командир?» — спрашивал Унгрия. «Ты и я!» — отвечал комиссар спокойным тоном.

Вообще испанцы многое перепимали из того, что видели в советских фильмах. Однажды я подошел к группе бойцов, готовившихся к боевому заданию. Увидев, что они передают друг другу после затяжки сигарету, я подумал, что у них нет сигарет, и предложил свои. Бойцы поблагодарили и объяснили, что сигареты у них есть.

— Ведь так было у вас, когда вы делали революцию! — сказал один из бойцов, заметив мое недоумение.

Оказывается, они смотрели фильм «Мы из Кронштадта», где моряки перед решительной схваткой с врагом докуривают единственную цигарку, передавая ее друг другу после одной затяжки.

Унгрия давно мечтал попасть в СССР. Он рассказывал мне, что однажды совершил побег из тюрьмы вместе с одним коммунистом. Они добрались до побережья Средиземного моря, захватили моторную лодку и решили плыть на ней в Советский Союз. Но бензина хватило ненадолго. Весел не было. Море болтало их несколько суток. Они окончательно обессилели без пищи и воды, когда лодку прибило к какому-то итальянскому острову. Их подобрали и этапом опять отправили в Испанию.

Рассказав это, Унгрия засмеялся:

— Молодые были и плохо разбирались в географии!

Но именно так вместе со своими товарищами в марте 1939 года, когда войска Франко заняли последнюю часть территории Республики, они покинули Испанию. На этот раз их лодку прибило к алжирскому берегу близ Орана. Из Алжира они направились во Францию, а оттуда уже приехали в СССР...

Во второй половине июля 1938 года началась подготовка к наступлению на Каталонском фронте. Эта операция вошла в историю под названием операции «Эбро». Мне довелось в ней участвовать, и я хочу об этом рассказать.

Планируя операцию, главиое комаидоваиие республиканских войск преследовало две целн: во-первых, сорвать фашистское иаступлеине на фроите Леванта, при успешиом исходе которого создавалась угроза потери одиого из важнейших городов Республики — Валенсии. Вторая цель заключалась в том, чтобы дать республиканским войскам возможиость перейти в наступлеине иа Цеитральиом и Южиом фроитах.

Командующий армней «Эбро» Хуан Модесто, заиимавший обороиу иа левом флаиге Каталоиского фронта, получнл задачу форсировать Эбро и развивать иаступление в иаправлеииях — иа Виляльбу, Гандесу и иа Бот. Шесть дивнзий, входивших в состав двух иаступавших корпусов, должиы былн действовать на фроите шнриион в 60 кнлометров.

Подготовка проводнлась тщательно и скрытно, умело прнменялась оперативная маскировка, днем запрещалось всякое передвижеиие войск, иочью автотранспорт двигался с затемнеииными фарами.

Наступлеиие началось в ночь на 25 июля. Трудности предстояли большие: в иекоторых местах ширина реки достигала 150 метров, населенные пункты былн превращены франкистами в своеобразные крепости. Гористая местность усложняла продвиженне республиканских войск. И тем ие менее удар был иастолько мощиым и виезапиым, что у фашнстов началась паннка н онн поспешио отступилн.

Однимн из первых форсировалн реку ннтериациоиальные брнгады. Только утром, после того как первые эшелоны наших войск переправились на другой берег рекн, появнлась фашнстская авиация. На иебольшой высоте, однн за другнм, самолеты беспрерывно бомбили переправы и расстрелнвали бойцов из пулеметов.

В ночь перед иаступленнем Унгрня, я и Люба Местои прибылн в один нз корпусов, чтобы перебросить в тыл партнзанскнй отряд. Едва ступили на правый берег, как иалетела вражеская авиация. Мы залегли рядом с бойцамн в редком камыше на песчаном берегу. Мие приходилось бывать под бомбежками, ио такой я еще ие видел... В теченне 30 мииут самолеты одии за другим иа бреющем полете бомбилн и косили из пулеметов переправлявшнхся. Кругом рвались бомбы, засыпая иас песком и грунтом, рнкошетировали пули. Было миого раненых и убитых. Мосты иа переправе были разрушеиы.

Но уничтожающий обстрел фашистов не остановил республиканские войска. Бойцы вплавь перебирались на правый берег и безостановочно шли вперед.

К утру следующего дня саперы навели тяжелые мосты. Продолжая бомбить переправы, фашисты открыли шлюзы водохранилища в верховьях Эбро. Река вздулась, бурные потоки мутной воды смывали и разрушали все на своем пути. Но ничто не могло остановить революционный порыв солдат героической армии «Эбро».

В течение пяти суток успешного наступления республиканские войска продвинулись вперед более чем на 45 километров, разгромили ударную группировку врага, освободили 600 квадратных километров территории, захватили много пленных, большое количество оружия и боеприпасов.

Восточный фронт. Части республиканской армии перешли в наступление и 25 июля форсировали реку Эбро. В первых же сражениях мятежники и интервенты понесли громадные потери и, не выдерживая натиска республиканцев, начали в беспорядке отступать. Республиканцы захватили около 500 человек в плен (в большинстве итальянцев) и значительное количество военных материалов, пушек и пр.

Итало-германская авиация усиленными бомбардировками пыталась парализовать наступление республиканских войск...

Правда, 1938, 27 июля

За последние дни происходит непрерывная переброска фашистских войск с фронта Леванта в район Эбро. Сюда передвинуты итальянские дивизии «Литторио», «23 марта», «Голубые стрелы» и «Черные стрелы», а также марокканские части. Перебрасывается с фронта Леванта артиллерия и авиация. Но, несмотря на все это, фашисты несут огромные потери и не продвигаются ни на шаг вперед...

Правда, 1938, 5 августа

Франкисты бросили в бой все свои резервы, стали подтягивать силы с других фронтов, приостановили наступление в Леванте. Беспрерывными контратаками фашисты пытались отбросить республиканские войска на левый берег реки, но безрезультатно.

Мятежники ввели в бой армейский корпус «Маэстраго», марокканский корпус и итальянские дивизии — всего свыше 13 дивизий. Фашистам удалось создать на линии обороны огромное превосходство в живой силе и технике.

Почти четыре месяца армия «Эбро», отражая яростные контратаки, вела кровопролитные бои. Тысячи франкистов, марокканцев и итальянцев нашли свои могилы на равнинах Гандесы, Корберы и Пандольса. Только в ноябре армия Модесто отошла на левый берег, сохраняя боевой порядок, дисциплинированность и организованность.

В период ожесточенных боев на западе командующий армией Хуан Модесто и командиры корпусов, особенно Энрике Листер, постоянно требовали от подразделений 14-го спецкорпуса активизации боевых операций в тылу франкистов. Мне неоднократно приходилось бывать в штабах, согласовывать боевые действия партизан, сообщать разведданные, полученные бойцами нашего корпуса.

В тыл забрасывались многочисленные группы, отряды и даже бригады целиком. Они устраивали диверсии на железных и шоссейных дорогах, нападали на штабы, склады и другие военные объекты, разрушали линии связи. В результате участки железных дорог, особенно Сарагоса — Лерида, были парализованы. Пользуясь минами замедленного и мгновенного действия, партизаны сбрасывали под откос поезда, разрушали дороги. На крутых поворотах шоссейных дорог устанавливали противотранспортные мины. Особенно успешными были диверсии в горах: если от взрыва снаряда машина не разрушалась, то по инерции она все равно летела вниз с обрыва.

Подрывные группы, действовавшие в тылу противника, были весьма изобретательны. Извлекать противотранспортные и противопоездные мины очень трудно: даже когда их обнаруживают и пытаются обезвредить, мины взрываются. Так как их не хватало, партизаны ставили на дорогах ложные мины. Обнаружив такую «мину», противник должен был взрывать ее дополнительным зарядом и таким образом сам разрушал железнодорожное полотно или покрытие шоссейной дороги.

Благодаря действиям наших групп движение на некоторых участках дорог ночью совершенно прекращалось, и тем самым срывались плановые переброски фашистских войск и техники.

Дерзкую боевую операцию провел в глубоком тылу врага отряд, в составе которого был Петр Герасимов. Ночью партизаны совершили налет на усадьбу, где поме-

щался пулеметный батальон франкистов. Батальон был разгромлен полностью, а отряд, захватив оружие и подорвав склад, вернулся без потерь на свою базу.

Петр Герасимов погиб во время Великой Отечественной войны в Белоруссии при выполнении боевого задания в тылу у гитлеровских фашистов.

С начала операции «Эбро» вся работа командира 14-го спецкорпуса и моя как старшего советника была переключена в бригады и отряды. Мы выработали своеобразную «челночную» систему: одни группы и отряды уходили на задание, другие возвращались. Накапливался опыт в подготовке людей и проведении боевых заданий, но были и трудности.

К осени бои армии закончились. Войска заняли оборонительные рубежи по левому берегу рек Эбро и Сегре, где и закрепились.

24 января 1939 года я получил приказ приехать в Барселону, вблизи которой франкисты развернули наступление. В расположение штаба прибыл к вечеру. Все службы были эвакуированы, оставалась только небольшая группа, подчиненная главному советнику генералу К. М. Качанову. После короткого разговора мы отправились вместе с майором республиканской армии югославом Иличем в Пинс-дель-Вальес. Учебного центра здесь уже не было. Лишь одна спецбригада численностью около 180 человек занимала хорошо знакомый дом из красного кирпича. Быстро проверили помещение, уничтожили документы. Распорядились, чтобы бригаду отвели в район Жероны.

До рассвета оставалось около двух часов. Было тихо, спокойно. Примерно через час мы услышали интенсивную пулеметную стрельбу в районе нашей бригады. Вскоре все стихло. Оказалось, что бойцы бригады обстреляли батальон мятежников, подпустив их почти вплотную. Франкисты были настолько ошеломлены, что не успели принять боевой порядок и организовать ответный огонь. Многих перебили, остальные бежали. Захватив оружие и документы, бригада быстро покинула поле боя.

На рассвете мы с Иличем вернулись в Барселону. Артиллерийская канонада приближалась к городу. Трудно было поверить, что через несколько часов в город войдут итальянские танки. Опоздай мы на час — путь в Барселону был бы отрезан.

Машина главного советника и наша шли по соверше-

но безлюдным улнцам. Нн души, нн встречного транспорта, город казался вымершнм.

Но на шоссейной магнстралн Барселона — Фнгерас творилось нечто невообразнмое. Всю дорогу забнлн войска, машины, беженцы, двигавшиеся на северо-восток. Казалось, вся Каталоння уходнла от фашнстов. На дорогах образовалнсь пробки, вражеская авнацня полнвала людей огнем, агенты «пятой колонны» поджигалн машины с боепрнпасамн. Загораясь, ящнкн с патронамн взрывалнсь. Нельзя было нн пройтн, ни проехать.

Только на третьн суткн нам удалось добраться до Фигераса. Проезжая вдоль железнодорожной линии, мы увндели, что вся дорога протяженностью в 60 километров забнта десятками эшелонов, груженных вооруженнем, военнымн матерналами н боевой техникой. Тут былн советские танкн, разобранные артиллерийские системы, не бывшне в бою самолеты И-15 и И-16...

Фашнсты, заняв Барселону, трн дня не вели актнвных боевых действий на этом участке фронта. Илн онн не зналн действнтельного положения, илн Франко праздновал свою победу — трудно сказать. Летали только отдельные самолеты-разведчики вдоль основных дорог вплоть до французской границы.

Прн выезде нз города Рнполь, где располагался штаб корпуса, мы увнделн группу людей. Подошлн к ннм. Человек небольшого роста, в очках, в гражданской одежде протянул нам руку.

— Эрколн,— сказал он.

Я сразу узнал его по фотографиям, которые часто появлялись в газетах. Он был одним из видных руководнтелей Коминтерна. Эрколи свободно говорил по-русскн.

— Как дела, товарнщ? — спроснл он.

— Видимо, это конец...— начал я.

Эрколн не дал мне договорнть, он понял все, что я хотел сказать.

— Ну нет! Это — начало. Это — начало борьбы с фашизмом! — твердо сказал он.

Так я познакомнлся с одннм из выдающнхся деятелей международного коммунистического движения, Пальмиро Тольятти, Генеральным секретарем Итальянской коммуннстнческой партни.

5 февраля мы собралнсь у генерала К. М. Качанова. Кузьма Максимович давал советннкам указання об

К. М. Качанов

отъезде на следующий день во Францию. Все советские добровольцы должны были иметь с собой заграничные паспорта и быть одетыми в гражданское платье. Старший советник по вооружению М. И. Неделин спросил, что делать с советским вооружением и военной техникой, находившимися в эшелонах на железной дороге, соединявшей Жерону с французской границей.

У меня на сей счет было свое мнение, и я его высказал, обратившись к генералу Качанову:

— Французы нам границы не откроют, и уже нет времени договариваться с ними. Поэтому позвольте мне разрешить этот вопрос самостоятельно.

Кузьма Максимович ничего не сказал, только посмотрел в мою сторону. Я понял, что он согласен... Попросил разрешения быть свободным и тут же вышел.

У выхода меня встретил Илич.

— Ну что?

— Все в порядке, поехали.

Мы заменили «бюнк» на малолитражку и тронулись в путь — в бригаду, расположенную севернее Жероны. Надо было спешить, времени оставалось мало. По пути встретили нашего советника, который сказал, что противник уже занял Жерону, а бои идут вдоль шоссе и железной дороги.

Бригада встретила нас в боевой готовности. Быстро погрузили людей, взрывчатку и горючее на машины и отправились к железной дороге. Каждой команде отвели определенный участок.

Трое суток гремели взрывы и пылали пожары на железной дороге от Жероны до пограничной станции Порт-Боу, уничтожая эшелоны с вооружением.

Особенно сложно было выполнить задание в Порт-Боу. Здесь стояли сотни вагонов с военным имуществом и вооружением, боеприпасами и горюче-смазочными материалами. Но бригада не могла ничего сделать, потому что рядом стоял эшелон, в котором были беженцы, дети. С трудом удалось убедить французскую пограничную

администрацию увести эшелон с людьми в туннель, находившийся на французской территории. На это ушел весь день 8 февраля. И только в ночь на 9-е бригада приступила к выполнению задания.

Всю эту ночь и утро следующего дня Хуан Модесто, другие военачальники и мы с Иличем простояли у границы, наблюдая за тем, что творилось на станции. Беспрерывно гремели взрывы, пламя пожара подымалось выше гор, окружавших Порт-Боу. А солдаты славной армии «Эбро», уставшие от непрерывных боев, голодные, с оружием в руках под прикрытием двух спецбригад шли в обход объятой огнем железнодорожной станции по единственной дороге, ведущей во Францию, еще не зная, что там их ждут не сочувствие и помощь, а концентрационные лагеря.

Французская пограничная стража ничего не спрашивала, не проверяла документов, не обыскивала. Республиканские солдаты осторожно, как дорогую реликвию, складывали свое оружие и отходили в сторону.

9 февраля 1939 года. 10 часов утра. Больше не видно пламени горящего Порт-Боу, кое-где только дым и копоть поднимаются к небу. Последний республиканский солдат покидает свою землю. Но он верит, что сказочная птица феникс возродится из пепла.

ИСПАНСКИЕ БЕЖЕНЦЫ ВО ФРАНЦИИ

Специальный корреспондент газеты «Таймс» сообщает из Перпиньяна, что условия, в которых находятся испанские беженцы в лагерях Аржелес и Сан-Сиприен, до сих пор нисколько не улучшились. Беженцы живут под открытым небом, спят на сыром песке и не имеют возможности укрыться от дождя и пронизывающего ветра. Пыль и песок разъедают им глаза. Воды не хватает. В вырытых наспех колодцах вода соленая.

На все население лагерей имеется несколько старых походных кухонь, для которых не всегда хватает топлива. Пища никуда не годная. Население лагерей страдает от желудочных заболеваний. Медицинская помощь отсутствует. В Аржелесе имеется палатка Красного Креста, но у врачей нет медикаментов. Международная помощь испанским беженцам затруднена, ибо французские власти отказываются от всякой помощи извне, желая, по-видимому, взять испанцев измором и тем самым принудить их уйти на территорию, занятую мятежниками.

Правда, 1939, 26 февраля

Советское правительство ассигновало 5 миллионов франков для помощи испанским беженцам и перевело эту сумму в распоряжение испанского посла в Париже г-на Паскуа.

Правда, 1939, 28 февраля

Английский журналист Дэвид Скотт, один из первых посетивший лагеря для испанских беженцев, расположенные на французской территории, недалеко от Пиренеев, описывает в газете «Ньюс кроникл» потрясающую картину «огромного человеческого горя, страданий и унижений».

«Представьте,— пишет он,— физическое и моральное состояние людей, которые после тяжелых боев прошли пешком расстояние от Эбро до Пиренеев. Они шли через горы, израненные и измученные, без сна, не имея в достаточном количестве ни еды, ни воды. Теперь эти больные люди, с возбужденными, блестящими от жара глазами, брошены на грязную и сырую солому, в стойла старых сараев».

Специальный корреспондент парижской газеты «Се суар» рассказывает: «Передо мной тысячи раненых людей. На руках и ногах залитые гноем грязные бинты. Нет ни перевязочных материалов, ни медикаментов. Что сделали власти для беженцев? Они протянули колючую проволоку и вызвали сенегальских стрелков. Сенегальцы устроились в палатках, а беженцы вырыли себе ямы в земле, напоминающие могилы. Сколько из них погибло от холода! Ряды их уменьшаются. Они страдают от голода. Помимо всего их еще грабят, забирают у них последние ценные вещицы».

А вот как описывает положение беженцев парижский журнал «Регар»:

«Тысячи человек, перешедших в самых тяжелых условиях границу, лежат уже в течение нескольких дней на снегу, под открытым небом. Десятки людей ежедневно умирают от холода».

Правда, 1939, 1 марта

М. С. ШУМИЛОВ,

Герой Советского Союза

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИСПАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В Испании я пробыл более года. Мне пришлось оказаться свидетелем трагической развязки, наступившей после 32 месяцев героической борьбы испанского народа с фашизмом, и я хочу рассказать о событиях последнего периода существования Республики.

После четырех месяцев упорнейших боев в долине реки Эбро республиканские войска вынуждены были оставить свои позиции.

Генеральному штабу республиканской армии стало известно, что Франко готовит новое наступление на Каталонию. В конце ноября 1938 года последовал при-

каз командующему группой армий центрально-южной зоны генералу Миахе подготовить и провести три операции.

М. С. Шумилов

Первая должна была быть осуществлена андалусской армией совместно с флотом в направлении на Мотриль. Начало операции — 9 декабря.

Вторую операцию предполагалось провести на Эль-Карпио-Кордова вдоль реки Гвадалквивир. Начало — 16 декабря.

Третья операция намечалась из района Инохоса-дель-Дуке в направлении на Лериду. Начало — 18—20 декабря.

Задача первых двух операций — оттянуть на себя все резервы противника, имевшиеся на юге, цель третьей — перерезать коммуникации юг — север.

Как видно, замысел операций был неплохим. В штабе группы армий центрально-южной зоны началась подготовка к их проведению. В качестве советника при командующем этой группой армий генерале Миахе я принимал в них активное участие.

При первых же шагах пришлось потратить немало усилий, чтобы опровергнуть лживые утверждения начальника разведывательного отдела штаба. В своих докладах начальнику штаба генералу Матальяна, а затем и генералу Миахе он преувеличивал данные о войсках Франко на направлениях планируемых операций. Приказ о подготовке операций был отдан только после того, как поступил ответ от командующих армиями о численном составе противостоящих войск фашистов на этих направлениях.

Подготовка операций в армиях протекала организованно. Сосредоточение войск в районах предполагавшегося наступления провели своевременно. Меры маскировки были соблюдены, и для франкистов эти наступательные действия могли оказаться полной неожиданностью.

Нет никакого сомнения, что запланированные операции имели бы успех и оттянули бы на себя ре-

зервы и часть войск фашистов из Каталонии. Но ни одна из трех операций не была осуществлена. Последовали отмены операций. Причины не были известны никому.

Последующие события показали, что на руководящих постах в центрально-южной зоне как в военном, так и в государственном аппаратах находилось много предателей.

Отмена операций облегчила положение Франко, который беспрепятственно продолжал сосредоточивать войска в Каталонии.

23 декабря 1938 года началось наступление франкистов на Каталонию. Ударную силу составляли полностью укомплектованные пять моторизованных итальянских дивизий, две итальянские бригады, части немецкого легиона «Кондор», две наваррские дивизии, марокканская конница, танковые части (итальянские и немецкие), большое количество артиллерии. Эта ударная группировка была поддержана крупными силами итальянской и немецкой авиации. Всего у фашистов участвовало в этом наступлении 23 дивизии — 300 тысяч человек. Превосходство фашистов над республиканцами было значительным.

Штабу группы армий центрально-южной зоны поручили провести операцию в помощь Каталонскому фронту. Выбор направления — по усмотрению штаба. Наступление стали готовить в эстремадурской армии.

Операция началась 5 января 1939 года. Противник не ожидал атаки республиканцев. Танки и пехота в первый же день прорвали оборону франкистов.

На следующий день наступление продолжалось. Было захвачено много пленных и трофеев.

7 января противник подтянул дивизию, снятую с Каталонского фронта, и наступление республиканских войск приостановилось.

Эта частная операция в Эстремадуре показала, что если бы республиканцы своевременно провели запланированные операции в декабре, то катастрофа в Каталонии наступила бы не так скоро. Возможно также, что успех, который мог быть одержан в центрально-южной зоне, сказался бы и на международном положении Испании.

Между тем военные действия в Каталонии продолжались. Республиканские войска, отходя с одного рубежа обороны на другой, вели упорные бои.

26 января интервенты заняли Барселону.

Дороги были заполнены сотнями тысяч людей, не желавшими оставаться под пятой фашистов. Массовый уход населения был наилучшим народным плебисцитом в пользу Республики. Люди, бросавшие все, что имели, охваченные ненавистью к фашизму, шли на невиданные еще в то время лишения и мытарства. Французские власти, провозглашавшие свою приверженность демократии, бросали перешедших границу беженцев в концентрационные лагеря, где испанцы и бойцы-интернационалисты жили в нечеловеческих условиях, или передавали их в руки франкистских палачей.

После падения Барселоны сопротивление продолжалось, но у Республики не было достаточных сил, чтобы установить непрерывную линию фронта. Борьба шла лишь на отдельных участках. Авиация и артиллерия франкистов вели непрерывный ожесточенный обстрел дорог и населенных пунктов.

28 января председатель Совета Министров Негрин сделал следующее заявление: «Надежды врага на то, что захват Барселоны вызовет крах Республики, не оправдались».

Из Валенсии приводятся статистические данные о бомбардировках, которым подвергся город со стороны авиации интервентов. По этим данным, с начала 1937 года Валенсия подверглась 442 бомбардировкам фашистской авиации. В результате бомбардировок насчитывается 3656 жертв, в числе которых 825 убитых. В городе полностью разрушены 930 зданий, повреждено 1500 зданий.

Правда, 1939, 2 февраля

Республиканское правительство еще контролировало большую территорию, на которой проживало свыше 9 миллионов человек, находилось 11 крупнейших городов — Мадрид, Валенсия, Альбасете, Картахена, Мурсия и другие. В его распоряжении была боеспособная, хотя и слабо вооруженная армия, насчитывавшая несколько сот тысяч бойцов. Можно было еще продолжать борьбу. Но в этот период интервенция активизировалась. Не только итало-германские агрессоры, но и буржуазно-демократические правительства Англии и Франции начали открыто прилагать усилия к тому, чтобы нанести Испанской республике окончательный удар. В начале февраля они стали готовить официальное признание Франко.

11 февраля в центрально-южную зону возвратились Негрин и министры, которые эвакуировались во Францию вместе с отступившей из Каталонии армией. Однако правительство никакой работы практически не развернуло.

В создавшихся чрезвычайно тяжелых условиях Коммунистическая партия Испании выдвинула ясную программу борьбы. Нужно было мобилизовать всех, кто мог носить оружие, укреплять оборонительные рубежи, сплотить единство антифашистских сил, обезвредить вражескую агентуру. 9 февраля в Мадриде состоялась конференция городской организации компартии, на которой с пламенной речью выступила Долорес Ибаррури.

— Мы надеемся и уверены в солидарности народов,— говорила Долорес Ибаррури,— мы надеемся и уверены в братском отношении трудящихся всех стран, которые с каждым днем усиливают свою заботу об Испании, так как они хорошо поняли, что на наших фронтах идут бои не только за свободу и независимость Испании, но и за свободу и независимость всего мира, за демократические свободы всех народов, находящихся под угрозой фашизма... Нужно сделать выбор, товарищи мадридцы: или бороться, что значит жить, или умереть... Подумайте о том, что весь мир следит теперь за Испанией, за этим отрезком земли, небольшим, но великим своим героизмом и самопожертвованием, в надежде, что именно здесь зажжется факел, который осветит путь к освобождению порабощенным фашизмом народам.

Правительство продолжало бездействовать. До 18 февраля мне не удалось встретиться с Негрином, так как в этот период найти его было трудно.

Наконец мы встретились на даче близ Эльды. Удручающее впечатление произвел внешний вид главы правительства: Негрин был небрит, одет небрежно.

В нашей беседе речь шла о необходимости назначения на руководящие посты в армии вернувшихся из Франции Модесто, Листера, Галана и других выдающихся военачальников-коммунистов, героически сражавшихся вместе со своими частями в Каталонии. И хотя в центрально-южной зоне на командных должностях находились социалисты и анархисты, которые занимали открыто пораженческие позиции, Негрин медлил.

27 февраля Англия и Франция объявили о признании правительства Франко и о разрыве дипломатических отношений с республиканским правительством.

2 марта Хуан Негрин произвел необходимые назначения на руководящие посты в республиканских войсках.

Но было уже поздно.

К этому времени очень многое успел сделать полковник Касадо, развивший бурную деятельность по подготовке государственного переворота.

После перевода генерала Миахи на должность командующего группой армий центрально-южной зоны Касадо был назначен командующим армией, оборонявшей Мадрид. Достаточно грамотный в военном деле офицер, полковник Касадо выдавал себя за беспартийного антифашиста, на деле же был тесно связан с анархистами и в конечном счете стал предателем.

В течение января и февраля Касадо не занимался своими непосредственными обязанностями, а проводил всевозможные совещания с руководителями мадридских организаций социалистов, анархистов и левореспубликанцев, обсуждая вопрос о создании нового правительства (без коммунистов, конечно), которое должно было сдать Франко республиканскую зону и столицу Испании. Не составляло секрета и то обстоятельство, что Касадо поддерживал контакт с английским консулом в Мадриде.

Когда об этом стало известно генералу Миахе, он вызвал по телефону Касадо и сказал ему (я присутствовал при этом разговоре):

— Я солдат, и, где бы ни находилось правительство, я буду выполнять его волю. Того же требую от тебя, Касадо. А сейчас я узнал, что ты замышляешь создать какое-то новое правительство. Правда ли это?

Касадо заверил Миаху, что это ложные слухи. Миаха ответил, что если бы он не верил ему, то не разговаривал бы с ним сейчас.

Больше никаких мер Миаха не принял.

За время совместной работы с генералом Миахой я имел возможность убедиться в том, что авторитет ему был создан незаслуженно. Однако имя его, известное народу как имя руководителя обороны Мадрида осенью 1936 года — обороны, созданной и руководимой коммунистами Испании, нужно было главарям заговора. В ночь на 6 марта 1939 года Касадо, социалист Бестейро и анархист Мера выступили по мадридскому радио и объявили о низложении правительства Негрина и о

создании хунты национальной обороны. Во главе хунты они поставили генерала Миаху.

Войска, оставшиеся верными правительству, выступили против заговорщиков. В этом сопротивлении большую роль играли коммунисты. К столице подошли резервная дивизия под командованием коммуниста Асканио и части двух корпусов, которыми также командовали коммунисты. В Мадриде завязались бои, которые с трудом были подавлены анархистами и другими частями, перешедшими на сторону Касадо. Предателям, конечно, оказывали помощь и войска Франко, начавшие наступление именно тогда, когда заговорщики оказались в опасном положении.

В начале марта я собрал в районе Валенсии наших советских товарищей.

В ночь на 6 марта, после выступления Касадо по радио, я выехал в Эльду к Негрину. Он заявил, что мы можем эвакуироваться, но средств для эвакуации у него нет.

В тот же день все члены республиканского правительства улетели из Испании.

Вернувшись от Негрина, я решил говорить с Касадо.

Вызвали Мадрид.

Переводчиком в это время со мной работал З. Плавскин. Привожу разговор с Касадо по его записи[1]:

«Проходит несколько минут. Потом резкий голос произносит в трубку:

— Полковник Касадо слушает...

— С вами говорит генерал Шилов. (Под этой фамилией был известен в Испании комбриг Шумилов.) Нам стало известно, что правительство Негрина, при котором мы аккредитованы, не находится более у власти и вы возглавляете новое правительство. Поэтому мы обращаемся к вам с вопросом: остаемся ли мы, русские, работать при вас в качестве советников, как это было при прежнем правительстве Республики? Если же надобность в нашей помощи миновала, просим указать аэродром и дать трехдневный срок для эвакуации всех наших товарищей.

— О том, чтобы остаться работать при нас в качестве советников, и речи быть не может. А о том, чтобы покинуть Испанию... тоже речи быть не может. Каждого

[1] Ленинградцы в Испании, с. 329—330.

русского, которого мы обнаружим, мы расстреляем. Передайте вашему генералу, что мне известно, где он находится, и что его мы тоже расстреляем.

Я, конечно, тут же все перевожу Михаилу Степановичу. Он приказывает:

— Спроси, за что он собирается нас расстреливать.

Я перевожу, Касадо отвечает:

— Сегодня ночью в Мадриде по вашей вине прольется кровь невинных людей.

Я выражаю недоумение.

— Не делайте вид, что вы удивлены, и передайте генералу, что, если он хочет сам остаться в живых и сохранить жизнь членов Политбюро компартии, которые находятся вместе с вами (?!), он должен лично и притом немедленно прибыть в Мадрид и приказать коммунистам прекратить бесполезное сопротивление...

Шумилов ответил не колеблясь:

— Об этом не может быть и речи. Вам известно, что мы — профессионалы-военные, находящиеся здесь по просьбе правительства Республики для помощи в войне против франкизма. По строжайшей инструкции Советского правительства мы ни при каких обстоятельствах не должны вмешиваться во внутренние дела Испании и, в частности, в межпартийные разногласия. Вы и сами прекрасно знаете, что за все время пребывания наших товарищей в Испании ни один советский человек не нарушил этой инструкции...

— Мне все известно и даже больше, чем вы думаете. Короче: готов ли генерал Шилов отдать приказ коммунистам о прекращении сопротивления?

— Отдавать приказы кому бы то ни было мы не имеем права.

— В таком случае у меня все. Если у генерала ко мне больше ничего нет, до свидания...»

Этот разговор со всей ясностью показал, какую оголтелую антикоммунистическую и антисоветскую политику намерена вести клика Касадо.

Нам предстояло обеспечить эвакуацию советских людей. Это была нелегкая задача в создавшихся условиях. Немало трудностей пришлось преодолеть, немало драматических ситуаций выпало на нашу долю...

12 марта 1939 года последняя группа советских добровольцев покинула Испанию.

Сыны Советского Союза, прибывшие в Испанскую республику, чтобы помочь ей в борьбе с фашизмом,

нашли дружескнй, товарнщеский прнем со стороны трудящихся этой страны. Вонны-ннтернацноналисты поннмалн свою задачу, поннмалн, что онн находятся на переднем крае борьбы с фашнзмом, что н на их плечн легла ответственность первых шагов вооруженного сопротивления фашистским интервентам. Советскне добровольцы с честью вышли нз этого тяжелого нспытания, проявив исключнтельное мужество и до конца исполнив свой ннтернацнональный долг.

СТРАНА СОЦИАЛИЗМА И НАРОД ИСПАНИИ

Испанский народ никогда не забудет великодушную и бескорыстную помощь, которую он в этот драматический период получил от Советского Союза.

Долорес Ибаррури

В сотнях деревень, через которые я проезжал, как и в каждом большом городе, меня поражали любовь и уважение народа к Советскому Союзу. На каждой баррикаде, на стенах и заборах во всей Испании можно прочесть: «Да здравствует Советский Союз!» Народ Испании не ошибается насчет того, какая страна в час нужды проявила к нему свою солидарность и свою дружбу.

Гарри Поллит

Помощь Советского Союза законному правительству Испании вызывала раздражение у агентов стран фашистской «оси» и их лакея Франко. Не в силах полностью воспрепятствовать ей, они всячески старались свести на нет ее моральный эффект. С этой целью они развязали подрывную кампанию, стремясь дезориентировать испанский народ и внушить ему, что СССР не мог или не хотел помогать Испании.

Троцкисты, фашисты и другие предатели соперничали друг с другом в деморализации народа. Хосе Диас, коммунистическая партия разоблачали эти происки врагов, используя факты, очевидность которых никто не мог отрицать: «Каждый должен понять, сколько злого умысла в стремлении снизить значение помощи, которую нам оказывает советский народ. И я говорю вам: кто не знает о ней или умышленно не хочет знать, пусть пройдет по любому участку фронта и посмотрит на заводскую марку тех... «игрушек», которыми снабжены наши бойцы».

Испанскому народу, в особенности его солдатам, самоотверженно сражавшимся на фронте, хорошо известна правда об этой помощи. Действенная солидарность народа Советского Союза вдохновляла республиканцев в их борьбе.

В. Кодовилья

Из той обширной моральной и материальной помощи, которую оказывала испанскому народу страна социализма, особо выделяется как неувядаемое и волнующее воспоминание деятельность героических советских добровольцев, прибывших в Испанию, чтобы обучить наших солдат и молодых командиров Народной армии обращению с новейшим военным снаряжением и современному военному искусству. Проявляя мужество и скромность, они показали, как следует сражаться в воздухе и на современных танках, как следует бороться с самолетами и танками противника. Советские добровольцы заслужили право занять почетное место в истории нашей войны.

История Коммунистической партии Испании

М. Т. Мещеряков

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Собраиные в этой кинге воспомиииания советских добровольцев, участников гражданской войны 1936—1939 годов в Испаинн, не претендуют, естественно, иа детальиое изложеине всей картнны испаискнх событий того времени. Но каждое нз ннх представляет собой определенную ценность, ибо нз отдельиых эпизодов, фактов, свндетельств очевидцев вырнсовывается яркая картина этого первого сражеиия аитнфашистскнх н миролюбивых снл ие только Испанни, но и всего мнра протнв фашнзма и угрозы новой мнровой войны.

В войне, 32 месяца бушевавшей в Испании, самым причудлнвым образом переплелнсь высочайшнй героизм, революциоииый порыв народа и труслнвое капнтулянтство тех, кто в разгар ожесточенных сраженнй, потеряв веру в победу, плел ннтригн, обрекавшие народ Испании на поражение; чудовнщный цинизм фашнстскнх держав, иа глазах всего мнра безнаказанно разбойничавшнх в Испаини, н не менее чудовищное предательство реакцнонными испанскнми кастами национальиых интересов страны, ради сохранеиня свонх привилегий н богатств залившнмн ее кровью; преступное попустнтельство агрессорам со стороны правящих кругов западных держав, проводившнх политнку «иевмешательства в испанские дела», и иевиданиое по своему размаху двнжеиие солндарности с нспаиским иародом со стороны всех, кому дороги былн ндеалы демократнн н мира.

В Испании и вокруг Испании сплелись в тугой узел противоречия второй половины 30-х годов XX века, когда человечество оказалось на перепутье и перед ним во весь рост встала проблема борьбы с наступающим фашизмом и угрозой новой мировой войны.

Началом войны послужил военно-фашистский мятеж, поднятый реакционной верхушкой испанской армии и охвативший 18 июля 1936 года большинство гарнизонов страны. Вокруг фашиствующей военщины сплотились все реакционные силы Испании.

Мятежники, во главе которых встал генерал Франко, рассчитывали на молниеносную победу. Для этого у них были определенные основания. 18 июля Республика лишилась почти всей сухопутной армии, жандармерии, полиции, большей части других военизированных частей, артиллерийских и инженерных полков, части флота. Но тщательно разработанные планы захвата власти одним ударом рухнули уже в первые дни мятежа.

Ответ народных масс, и особенно рабочего класса, на мятеж был ясным, стремительным и решительным. Коммунисты и социалисты, анархо-синдикалисты и буржуазные республиканцы, каталонские и баскские националисты встали на защиту демократической Республики, за свое право на свободную жизнь, за независимость страны. Регулярной армии мятежников они противопоставили свое мужество, свой революционный энтузиазм, свою решимость сражаться до конца. И хотя у них почти не было оружия, командиров, военной организации, тем не менее они сумели подавить основные очаги мятежа и поставить фашистских заговорщиков на грань поражения.

Трудящиеся Мадрида штурмом взяли казармы Монтанья, где засели мятежники. В ожесточенных боях отряды рабочих разгромили восставший гарнизон Барселоны, подавили очаги мятежа в Сантандере, Хихоне, Бильбао, Картахене, Малаге, Валенсии. С огромным мужеством дрались с врагами Республики рабочие и мо-

ряки в Ла-Корунье и Виго, трудящиеся Севильи, Уэски, Сарагосы, Саламанки. К концу июля мятежники удерживали в своих руках лишь три изолированных друг от друга района — Испанское Марокко и наиболее отсталые провинции на севере и юге Испании. Мятежные генералы и офицеры уже начали подумывать о бегстве и капитуляции, но тут в испанские события вмешались империалистические силы, стоявшие до этого за кулисами событий.

27 июля в Испанском Марокко приземлились 20 транспортных германских самолетов Ю-52 и 9 итальянских самолетов «Савойя-81». Они начали перебрасывать африканскую армию, которой командовал генерал Франко, через Гибралтарский пролив на юг Пиренейского полуострова.

По мере того как война в Испании разгоралась, усиливалась военная помощь мятежникам со стороны фашистских держав. В Испанию хлынул поток военных грузов из Германии и Италии. О размахе итало-германской помощи мятежникам свидетельствуют такие цифры: только за два года они получили из Германии, по неполным данным, 650 самолетов, 200 танков, 700 артиллерийских орудий и другие виды оружия и техники. Италия в 1936—1939 годах поставила мятежникам не менее 1000 самолетов, 950 танков и броневиков, около двух тысяч орудий, огромное количество пулеметов, винтовок, снарядов и т. п. Общий объем итало-германской военной помощи испанским фашистам составил не менее миллиарда долларов.

Вслед за оружием Германия и Италия начали направлять в Испанию целые воинские соединения. Италия сосредоточила в Испании экспедиционный корпус в составе четырех дивизий, Германия направила так называемый «легион Кондор», в который входили авиационные, танковые, артиллерийские и саперные части. Всего за время войны Германия и Италия пропустили через «испанский плац» соответственно 50 и 150—200 тысяч солдат и офицеров.

Если же учесть и другие иностранные соединения (марокканцев, португальцев и других), то во время войны на стороне испанских фашистов сражалось не менее 300 тысяч иностранцев.

Этой непрерывно возрастающей военно-технической мощи фашистских мятежников защитники Республики могли противопоставить только свое мужество и беспримерный героизм. Республика имела средства для закупок оружия и военной техники за границей. Но когда она попыталась это сделать, оказалось, что внешние рынки для нее закрыты. Мало того, правящие круги Англии, Франции, США и других капиталистических стран провозгласили так называемую политику «невмешательства в испанские дела», политику, по существу означавшую удар в спину испанской демократии, поощрявшую фашистскую агрессию против Испанской республики.

Интервенция фашистских держав и политика «невмешательства» создали новую ситуацию на Пиренейском полуострове. Перед защитниками Республики во весь рост встали задачи не только защиты национальной независимости и суверенитета, территориальной целостности и самостоятельности Испании, но и осуществления глубоких революционных преобразований, которые бы позволили ликвидировать власть реакционных каст, открыть перед страной путь к социальному прогрессу.

В ходе войны правительства Народного фронта осуществили аграрную реформу, покончившую с помещичьим землевладением и передавшую землю тем, кто ее обрабатывал, национализацию значительной части промышленности, банков и транспорта и ряд других мер, которые привели к возникновению демократической республики нового типа, близкой по своему характеру к строю народной демократии. В ходе борьбы с мятежниками и интервентами из отрядов Народной милиции сложилась Народная армия, успешно противостоящая вооруженному до зубов врагу.

Огромную роль в осуществлении революционных преобразований и мобилизации испанского народа на сопротивление фашизму сыграла коммунистическая партия. К концу 1937 года она насчитала свыше 300 тысяч человек, причем более половины коммунистов находилось в рядах армии. Это была сражающаяся партия, отдавшая все свои силы и энергию делу свободы испанского народа.

В организации борьбы с мятежниками и интервентами испанским антифашистам пришлось преодолеть немалые трудности. Так, формирование Народной армии натолкнулось на сопротивление части социалистов и буржуазных республиканцев, которые пытались из партийных или иных соображений сохранить милиционную систему, выступали против создания регулярной армии с единым командованием, железной дисциплиной и единым планом ведения войны.

Положение осложнялось тем, что экстремистское крыло анархистов также препятствовало созданию регулярной Народной армии. Анархисты были решительными противниками дисциплины, единоначалия в армии, отвергали призывы коммунистов к объединению всех отрядов милиции в единый военный организм. Отряды анархистов не желали подчиняться кому бы то ни было. На тех участках фронта, где находилась основная масса анархистских соединений, длительное время не велось никаких боевых действий. Дело доходило до того, что по договоренности с противником здесь устраивались футбольные матчи, велась оживленная торговля, фашистская агентура свободно проникала в тыл республиканцев.

«Левые» экстремисты считали, что главное — это добиться победы так называемой «либертальной революции», а остальное — потом. Дезорганизуя фронт и тыл, они в начале мая 1937 года вызвали острый политический кризис, подняв контрреволюционный мятеж в Каталонии. Однако их попытка захватить власть провалилась. Массы, в том числе и находившиеся под влиянием

анархистов, не поддержали экстремистов. Мятеж был подавлен, и правительство получило возможность ускорить процесс создания Народной армии. К осени 1937 года практически на всех фронтах были созданы регулярная армия и единое командование. В тылу ликвидированы различные комитеты, установлен контроль государства над промышленностью, распущены всякого рода тыловые военизированные отряды и колонны. Усилились тенденции к единству действий между коммунистами и социалистами. Более активно включились в организацию республики профсоюзы, в том числе и анархистские. Все эти преобразования создали более благоприятные условия для борьбы против фашистов и интервентов.

Во второй половине 1937 года республиканская армия осуществила ряд крупных наступательных операций под Мадридом и на Арагонском фронте. Одна из задач этих операций предусматривала помощь Стране Басков и Астурии, где фашистские войска, используя превосходство в военной технике и авиации, захватывали один район за другим. Республиканцы не смогли предотвратить падение Севера. Тем не менее Народная армия убедительно показала свою возросшую силу и способность проводить крупные наступательные операции. В декабре республиканцы предприняли еще одно крупное наступление и взяли Теруэль, но удержать его не смогли. Сказались многие недостатки, так и не ликвидированные республиканцами за полтора года войны: слабость и робость командования, неумелое использование резервов и другие.

В марте 1938 года фашистские войска перешли в наступление на Восточном фронте. Несмотря на упорное сопротивление республиканцев, фашисты, опираясь на превосходство своих сил, 15 апреля вышли к Средиземному морю, разрезав Республику на две части — Каталонию и центрально-южную зону.

Чтобы ослабить натиск фашистских войск на Валенсию, республиканцы организовали в июле 1938 года ус-

пешиую иаступательиую операцию в Каталоиии. Оии форсировалн иа широком фроите реку Эбро и захватили обшнриый плацдарм. Для того чтобы его ликвидировать, фашисты былн выиуждеиы прекратить наступлеиие на юге и бросить зиачительиую часть своих войск сюда. В теченне четырех месяцев шли ожесточениые бои. Своей упориой обороной республнканцы сорвали плаиы фашистов, рассчитывавших быстро завершнть войиу.

Осеиью 1938 года положеиие Республнкн резко ухудшилось. Итало-германская агрессия прнняла совершеино открытый характер. Правящие круги Аиглин и Фраицни оказывали все возраставшее давлеиие иа защитииков Республики, требуя от иих капитуляции перед фашизмом. По мере ухудшения положения на фроитах усиливались капитулянтские иастроения в некоторых полнтических кругах и части офицеров армии. Сложился блок капитуляитов, подрывавший единство армин и иарода и развериувший активиую подготовку к государствеииому перевороту, который должен был положить коиец сопротивлению испаиского народа.

В конце декабря 1938 года фашнстская армня перешла в иаступление иа Каталонию. Несмотря иа героизм и стойкость, каталонская армия ие смогла сдержать превосходящие силы франкистов. В начале февраля 1939 года вся Каталоиня оказалась в руках фашистов. Отступнвшие во Францию республикаиские частн были иитериироваиы и брошеиы фраицузскими властями в концлагеря.

В руках республикаицев еще оставались цеитрально-южиая зоиа и зиачительиые снлы, ио там сложилась тяжелая обстаиовка. Капитулянты лихорадочно готовнлись к перевороту. Вместо того чтобы решительно пресечь их преступиую деятельность, как предлагалн коммунисты, правительство бездействовало, ибо оно потеряло веру в победу. Когда же иакоиец была проявлена попытка прииять меры, было уже поздио.

В ночь на 6 марта 1939 года капитулянты подняли мятеж в Мадриде, сформировали хунту национальной обороны, объявили вне закона компартию и отдали приказ об аресте правительства. Только коммунисты оказали сопротивление предателям. Но в середине марта войска хунты сломили сопротивление коммунистов. Тогда же хунта начала переговоры с Франко о «почетном» мире. Но Франко потребовал от нее полной капитуляции. 28 марта 1939 года предатели сдали Мадрид фашистам и бежали из страны, а 30 марта вся территория Республики была захвачена войсками мятежников и интервентов. В Испании установилась франкистская диктатура, просуществовавшая до середины 70-х годов.

Столь длительное героическое сопротивление испанского народа мятежникам и итало-германским интервентам в крайне неблагоприятной международной обстановке было бы невозможно без единства и сплоченности всех антифашистов в едином Народном фронте, без помощи и поддержки демократических сил всего мира. На испанской земле, в огне ожесточенных сражений с фашизмом, международный рабочий класс, мировое коммунистическое движение проявили высочайшие образцы классовой солидарности, которые и поныне являются блестящим примером пролетарского интернационализма. Они развернули мощное движение солидарности с Испанской республикой, требуя прекращения итало-германской агрессии и политики «невмешательства». Только за два года в 18 странах мира было собрано и послано в Республику продовольствия, медикаментов и одежды на сумму свыше 800 миллионов франков.

Высшим проявлением международной солидарности демократических сил, и особенно рабочего класса с Испанской республикой, было создание по инициативе Коминтерна интернациональных бригад. В этих бригадах сражались коммунисты и социалисты, либералы и беспартийные, католики и протестанты — всего около 50 тысяч «волонтеров свободы» из 54 стран мира. Ничто

не могло остановить этих людей, преисполненных ненависти к фашизму и самых высоких чувств солидарности с испанским народом.

Интернациональные бригады возникли как иностранные формирования, но уже вскоре они стали пополняться бойцами-испанцами. До сентября 1938 года, когда правительство Республики приняло решение об их роспуске и выводе со своей территории, интербригады были ударными частями Народной армии, сражались на самых тяжелых участках фронта как в обороне, так и при прорыве фашистских позиций.

Огромный вклад в антифашистскую борьбу испанского народа, высоко оцененный защитниками Республики, внес Советский Союз. Он оказывал ей в соответствии с нормами международного права на протяжении всей войны многогранную помощь: политическую, дипломатическую, экономическую, военно-техническую. В тех условиях, когда Республика, отрезанная от мировых рынков оружия, испытывала острейшую потребность в средствах защиты, особое значение приобрела военно-техническая помощь.

Географическая отдаленность Испании, блокада ее берегов военно-морскими флотами Германии и Италии, пиратские действия фашистских кораблей на коммуникациях, связывающих Республику с советскими портами, враждебность правящих кругов всего капиталистического мира создали для нашей страны огромные трудности при решении этой задачи. И тем не менее Советский Союз сделал максимум возможного, чтобы помочь Республике.

До середины 1937 года советская помощь шла через Средиземное море, но затем фашистские корабли ее прервали. Поставки через балтийские порты также были крайне затруднены тем, что правительство Франции неоднократно и на длительное время закрывало франко-испанскую границу. Но как бы то ни было, Советский Союз продолжал оказывать Республике военную помощь вплоть до начала 1939 года.

По своему объему она уступала итало-германским поставкам мятежникам, но тем не менее была значительной. С октября 1936 года и по январь 1939 года Советский Союз послал Испанской республике 806 самолетов, 362 танка, 120 бронеавтомобилей, 1555 орудий, 20 486 пулеметов, около 500 тысяч винтовок, большое количество патронов, снарядов, гранат и т. п. Что же касается качества, то советская военная техника, как правило, не уступала той, которую получали мятежники из Германии и Италии.

В героической борьбе испанского народа с фашизмом большую роль сыграли советские военные советники и специалисты, прибывшие в Испанию по просьбе республиканского правительства. По уточненным данным, число советских людей, сражавшихся за правое дело испанского народа, составляло около трех тысяч человек. Из них около 200 человек погибло. Каждый шестой из добровольцев-летчиков и танкистов не вернулся на родину.

Советские добровольцы находились, можно сказать, в узловых пунктах организации обороны Республики, помогая испанским антифашистам создавать и обучать Народную армию, овладевать советским оружием и техникой, организовывать военные училища, налаживать военное производство, разрабатывать и осуществлять планы боевых операций.

Это был истинный интернационализм. Добровольцы из Советского Союза сражались и умирали на испанской земле безымянными: международная обстановка не позволяла говорить об этой весьма существенной помощи советских людей испанскому народу. Они сражались и умирали за свободу и независимость народа, о котором многие из них узнали лишь тогда, когда за Пиренеями вспыхнул пожар войны.

Конечно, перечислить всех советских добровольцев невозможно. Однако нельзя представить создание Народной армии Республики без главных военных советников — Я. К. Берзина, Г. М. Штерна, К. М. Качанова.

В центральном аппарате, в крупных соединениях и частях в качестве советников трудились К. А. Мерецков, Р. Я. Малиновский, Б. М. Симонов, Я. В. Смушкевич, Е. С. Птухин, Н. Н. Воронов, В. И. Гоффе, М. С. Шумилов, П. И. Батов, Н. И. Бирюков, Е. Г. Троценко, С. Я. Гурилов, В. Я. Колпакчи, М. И. Неделин и многие другие. В становлении и деятельности Генерального военного комиссариата большую роль сыграли И. Н. Нестеренко, В. П. Бутырский, Д. Г. Колесников. Испанских солдат и офицеров, бойцов интербригад обучали пользоваться советским оружием и техникой и сражались на различных участках фронта Д. А. Цюрупа, Я. Б. Извеков, Н. А. Бойко, Н. Д. Пидоренко, Н. Г. Лященко, А. И. Родимцев и другие.

Самыми большими группами среди советских добровольцев были летчики и танкисты. Среди летчиков отметим П. Н. Пумпура, С. П. Денисова, В. П. Рычагова, С. Ф. Тархова, К. И. Колесникова, В. М. Бочарова, И. А. Лакеева, И. И. Проскурова, К. И. Ковтуна, П. А. Джибелли, И. А. Хованского, А. К. Серова, А. И. Гусева, В. С. Хользунова, С. И. Грицевца, Э. Шахта. Под Мадридом и на других фронтах сражались танкисты под командованием С. М. Кривошеина, Д. Г. Павлова, П. М. Армана, С. И. Кондратьева и других.

Важную роль в обеспечении морских коммуникаций Республики и боевых действий республиканского фронта сыграли Н. Г. Кузнецов, В. А. Алафузов, Н. Е. Басистый, Н. Г. Питерский, А. Г. Головко, В. П. Дрозд, С. С. Рамишвили, И. Д. Елисеев, А. В. Крученых, Н. П. Египко, И. А. Бурмистров и другие. У истоков партизанского движения стояли Х. Д. Мамсуров, И. Г. Старинов, С. А. Ваупшасов, А. К. Спрогис, В. А. Троян, К. П. Орловский, Г. И. Сыроежкин и другие.

Значительный вклад в подготовку испанских летчиков, танкистов, артиллеристов, связистов и других специалистов внесли инструкторы и преподаватели советских военных училищ.

Невозможно переоценить труд переводчиков, являвшихся незаменимыми посредниками между испанскими и советскими специалистами, деливших с ними все трудности и опасности. Это С. М. Александровская, Т. Белая, С. М. Брейдбард, С. В. Воробьев, И. Н. Гоффе, К. Кобылянский, А. В. Кондратьева, Д. И. Кравченко, И. А. Кумарян, М. М. Левина, П. В. Мамсурова, Е. А. Паршина, Д. П. Прицкер, Р. К. Ситникова, Н. Штейнметц и другие товарищи.

Подвиг советских интернационалистов был высоко оценен нашим правительством. Постановлениями ЦИК СССР и указами Президиума Верховного Совета СССР звание Героя Советского Союза было присвоено 59 воинам Советской Армии и Военно-Морского Флота, отличившимся в Испании, в том числе 35 летчикам, 21 танкисту, двум морякам-подводникам и двум военным советникам — летчику Я. В. Смушкевичу и пехотинцу А. И. Родимцеву. Среди Героев было 39 русских, 7 украинцев, 5 белорусов, 2 еврея, 2 латыша, 1 мордвин. Кроме того, среди них были эмигрировавшие в Советский Союз болгарин Захарий Захариев, итальянец Примо Джибелли, немец Эрнст Шахт. В борьбе с фашизмом советские воины-добровольцы не жалели ни сил, ни самой жизни.

Из 59 человек 19 получили звание Героя Советского Союза посмертно. Многие добровольцы были награждены боевыми орденами.

Героический подвиг испанского народа, иностранных «волонтеров свободы», советских добровольцев навсегда остался в памяти народов как подвиг во имя свободы. Война в Испании показала огромную значимость для судеб демократии единства и сплоченности в борьбе с реакцией и фашизмом всех демократических сил. Она показала также, что только решительная и бескомпромиссная борьба с фашизмом, а не капитуляция перед ним может обеспечить его разгром. Наконец, она показала непреходящую ценность международной солидарности.

Полвека прошло с тех дней, как на испанской земле в ожесточенном противоборстве столкнулись силы демократии и фашизма. После войны в Испании человечество прошло через тяжелейшие испытания самой кровопролитной и самой разрушительной в его истории второй мировой войны, десятков локальных войн, но события пятидесятилетней давности помнятся и вдохновляют новые поколения борцов за свободу и национальную независимость.

Это лишний раз подтверждает: идеалы, за которые боролись антифашисты 30-х годов, не утратили своего значения.

АНДРИАШЕНКО Виктор Иванович (1901—1985) — генерал-лейтенант авиации в отставке, член КПСС с 1938 г. В Испании с августа 1937 г. по январь 1938 г., полковник, советник по авиации. В годы Великой Отечественной войны — заместитель командующего истребительной авиацией Закавказской зоны ПВО, командующий 21-й воздушной истребительной армией. После войны заместитель начальника главного штаба ПВО страны.

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ Софья Михайловна (р. в 1909 г.) — член КПСС с 1936 г. В 30-е годы — на комсомольской работе. В Испании с февраля 1937 г. по февраль 1938 г., переводчица. В годы Великой Отечественной войны работала токарем на авторемонтном заводе. После войны — переводчик в Высшей школе профдвижения.

БАТОВ Павел Иванович (1897—1985) — генерал армии, дважды Герой Советского Союза, член КПСС с 1929 г. В Испании с октября 1936 г. по август 1937 г., полковник, советник 12-й интербригады. В годы Великой Отечественной войны — командир корпуса, заместитель командующего армией, помощник командующего фронтом, командующий армией. После войны — командующий армией, первый заместитель главнокомандующего Группой советских войск в Германии, командующий войсками военного округа, Южной группой войск, начальник штаба Объединенных вооруженных сил стран — участниц Варшавского Договора. С 1965 г. в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. В 1970—1981 гг. — председатель Советского комитета ветеранов войны.

БРЕЙДБАРД Сарра Марковна (р. в 1911 г.) — член КПСС с 1940 г. В Испании с декабря 1936 г. по ноябрь 1937 г., переводчица. В годы Великой Отечественной войны — сотрудник ТАСС, после войны — редакции журнала «Новое время».

ВЕТРОВ Александр Александрович (р. в 1907 г.) — генерал-лейтенант в отставке, член КПСС с 1926 г. В Испании с июля 1937 г. по май 1938 г., военинженер III ранга, помощник командира полка. В годы Великой Отечественной войны — заместитель командира 7-го гвардейского танкового корпуса, заместитель командующего бронетанковыми войсками Закавказского фронта. После войны — помощник командующего Особого Белорусского военного округа по танковым и автомобильным войскам.

ВОЙНОВСКИЙ Анатолий Фролович (1906—1984) — гвардии полковник в отставке, член КПСС с 1932 г. В Испании с декабря 1936 г. по ноябрь 1937 г., старший лейтенант, командир роты. В годы Великой Отечественной войны — командир 1-го Польского танкового полка, входившего в дивизию Тадеуша Костюшко, командир Отдельного гвардейского Ельнинского полка.

ВОЛЬФ Эмма Лазаревна (1902—1975) — гвардии капитан в отставке, член КПСС с 1941 г. В Испании с января по октябрь 1937 г., переводчица. В годы Великой Отечественной войны — инструктор политотдела армии.

ГОФФЕ Ирина Николаевна (1913—1985) — член КПСС с 1966 г. В Испании с сентября 1937 г. по июль 1938 г., переводчица. После войны — научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР.

ГУДОВИЧ Соломон Аронович (р. в 1914 г.) — полковник в отставке, кандидат военных наук, член КПСС с 1940 г. В Испании с марта по август 1938 г., лейтенант, штурман СБ. В годы Великой Отечественной войны — начальник штаба бомбардировочного авиационного пол-

ка. В 1947—1962 гг.— старший преподаватель Краснознаменной Военно-воздушной академии имени Гагарина.

ДЕМЕНЧУК Кузьма Терентьевич (р. в 1909 г.) — полковник в отставке, член КПСС с 1932 г. В Испании с октября по декабрь 1936 г., лейтенант, штурман СБ. В годы Великой Отечественной войны — в Главном управлении ВВС Советской Армии.

ЕВТЕЕВ Александр Александрович (1905—1980) — инженер-майор в отставке, член КПСС с 1926 г. В Испании с октября по декабрь 1936 г., инженер по ремонту самолетов. В годы Великой Отечественной войны — главный инженер, директор авиационного завода.

ЗАЙЦЕВА Мария Ильинична (р. в 1911 г.) — подполковник в отставке, кандидат философских наук, член КПСС с 1941 г. В Испании с октября 1936 г. по ноябрь 1937 г., переводчица. В годы Великой Отечественной войны — военный корреспондент газеты «Красный боец», преподаватель в пехотном училище и старший преподаватель на Высших академических курсах Красной Армии. После войны — старший научный сотрудник Института социологических исследований АН СССР.

КРУЧЕНЫХ Аркадий Васильевич (р. в 1906 г.) — контр-адмирал в отставке, член КПСС с 1931 г. В Испании с мая по октябрь 1937 г., капитан-лейтенант, начальник штаба флота Северной Испании. В годы Великой Отечественной войны был заместителем начальника штаба Северного флота, начальником штаба Ладожской военной флотилии. После войны — командующий военной флотилией, начальник кафедры и преподаватель Академии Генерального штаба.

КУЗНЕЦОВ Николай Герасимович (1902—1974) — вице-адмирал, Герой Советского Союза, член КПСС с 1925 г. В Испании с августа 1936 г. по июль 1937 г., военно-морской атташе и главный военно-морской советник. В годы Великой Отечественной войны — нарком ВМФ СССР, главком ВМФ. После войны — на различных должностях в ВМФ, с 1950 г. командующий Тихоокеан-

ским флотом, в 1951—1956 гг. военно-морской министр, 1-й заместитель министра обороны СССР, главком ВМС.

КУТЕЙНИКОВ Михаил Петрович (р. в 1903 г.) — Герой Советского Союза, генерал-лейтенант артиллерии в отставке, член КПСС с 1931 г. В Испании с июля 1937 г. по август 1938 г., капитан, советник начальника артиллерии маневренной армии. В годы Великой Отечественной войны — командующий артиллерией армии и группы войск, командир артиллерийского корпуса резерва Главного командования. После войны — генерал-инспектор штаба Объединенных вооруженных сил стран — участниц Варшавского Договора.

ЛЕВИНА Мария Моисеевна (р. в 1908 г.) — в Испании с октября 1936 г. по октябрь 1937 г., переводчица. В годы Великой Отечественной войны работала в детском доме для испанских детей.

ЛЮДВИК Петр Яковлевич (р. в 1908 г.) — старший инженер-лейтенант в отставке, член КПСС с 1941 г. В Испании с октября 1937 г. по декабрь 1938 г., начальник инженерной службы 15-й интербригады. В годы Великой Отечественной войны — пулеметчик Свердловского рабочего батальона города Москвы, начальник отдела ГСМ 134-го батальона аэродрома обслуживания.

ЛЯЩЕНКО Николай Григорьевич (р. в 1910 г.) — генерал армии, член КПСС с 1931 г. В Испании с мая 1937 г. по июль 1938 г., старший лейтенант, инструктор, а затем советник в частях 21, 20 и 22-й дивизий. В годы Великой Отечественной войны — командир 106-й и 90-й стрелковых дивизий. После войны — командир ряда соединений, командующий войсками ряда военных округов.

МАКАСЕЕВ Борис Константинович (р. в 1907 г.) — член КПСС с 1958 г. В Испании с августа 1936 г. по май 1937 г., кинооператор. В годы Великой Отечественной войны — начальник киногруппы Юго-Западного фронта.

МАЛИНОВСКИЙ Родион Яковлевич (1898—1967) — Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского

Союза, член КПСС с 1926 г. В Испании с декабря 1936 г. по апрель 1938 г., полковник, старший советник Центрального фронта. В годы Великой Отечественной войны командовал войсками ряда армий и фронтов, войсками Забайкальского фронта при разгроме японской Квантунской армии. После войны — командующий войсками Забайкальско-Амурского военного округа, затем главнокомандующий войсками Дальнего Востока, командующий войсками Дальневосточного военного округа. В 1957—1967 гг. — министр обороны СССР.

МАМСУРОВА Паулина Вениаминовна (р. в 1915 г.) — майор в отставке, член КПСС с 1943 г. В Испании с июля 1936 г. по июль 1937 г., переводчица. Участница Великой Отечественной войны. В настоящее время — преподаватель Института общественных наук.

МЕЩЕРЯКОВ Маркпен Тихонович (р. в 1927 г.) — член КПСС с 1955 г., профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС, доктор исторических наук.

ОСИПЕНКО Александр Степанович (р. в 1910 г.) — генерал-лейтенант авиации в отставке, Герой Советского Союза, член КПСС с 1940 г. В Испании с января по июнь 1938 г., старший лейтенант, летчик-истребитель. В годы Великой Отечественной войны — командир дивизии, командующий истребительной авиацией ПВО страны. После войны — командир истребительного корпуса, командующий воздушной армией. В настоящее время — председатель бюро группы советских добровольцев — участников национально-революционной войны в Испании при Советском комитете ветеранов войны.

ПУЗЕЙКИН Владимир Васильевич (р. в 1913 г.) — генерал-майор авиации в отставке, член КПСС с 1932 г. В Испании с января по сентябрь 1937 г., лейтенант, летчик-истребитель. В годы Великой Отечественной войны командовал истребительной авиационной эскадрильей и 127-м Варшавским Краснознаменным истребительным авиационным полком. В настоящее время — председатель совета советских добровольцев — участников

национально-революционной войны в Испании (Ленинград).

РАМИШВИЛИ Семен Спиридонович (1903—1973) — контр-адмирал в отставке, член КПСС с 1922 г. В Испании с ноября 1936 г. по декабрь 1937 г., капитан III ранга, начальник штаба военно-морской базы в Картахене. В годы Великой Отечественной войны — начальник Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе, начальник управления военно-морских учебных заведений.

САПОЖНИКОВ Самуил Григорьевич (р. в 1903 г.) — капитан I ранга в отставке, член КПСС с 1925 г. В Испании с января 1938 г. по февраль 1939 г., капитан-лейтенант, советник начальника штаба ВМФ. В годы Великой Отечественной войны — заместитель начальника управления боевой подготовки и начальник управления подготовки и комплектования Военно-Морского Флота. После войны — начальник тыла одного из флотов.

СЛОНИМЕР Борис Михайлович (1902—1980) — член КПСС с 1924 г. В Испании с октября 1936 г. по август 1937 г., советник по производству боеприпасов и вооружения. В годы Великой Отечественной войны — главный инженер оборонного завода.

СТАРИНОВА Анна Корниловна (1903—1984) — член КПСС с 1927 г. В Испании с ноября 1936 г. по май 1937 г., переводчица. В 1938 г.— старший инспектор Наркомпроса РСФСР.

СТЕПАНОВ Евгений Николаевич (р. в 1911 г.) — полковник в отставке, Герой Советского Союза, член КПСС с 1939 г. В Испании с июня 1937 г. по июль 1938 г., старший лейтенант, командир эскадрильи, авиагруппы истребителей. В годы Великой Отечественной войны — инспектор по технике пилотирования военно-воздушных сил МВО, начальник отдела военных учебных заведений военно-воздушных сил МВО.

СУЯЗИН Василий Андреевич (1901—1981) — полковник в отставке, член КПСС с 1920 г. В Испании с октября

1936 г. по сентябрь 1937 г., капитан, начальник штаба истребительной группы. В годы Великой Отечественной войны — начальник штаба района авиационного базирования.

ТРОЯН Василий Аврамович (1906—1973) — полковник в отставке, член КПСС с 1930 г. В Испании с марта 1938 г. по февраль 1939 г., старший лейтенант, инструктор при командовании 14-го корпуса. В годы Великой Отечественной войны участвовал в организации партизанского движения в тылу врага в Белоруссии и под Ленинградом. В 1944 г. воевал с фашистами на территории Югославии и Греции.

ШУКАЕВ Александр Алексеевич (р. в 1911 г.) — полковник в отставке, член КПСС с 1940 г. В Испании с октября 1936 г. по июль 1937 г., воентехник II ранга, штурман самолета. В годы Великой Отечественной войны — помощник главного штурмана и начальника оперативного отдела воздушной армии. Участник обороны Ленинграда. После войны — старший преподаватель Военной академии имени М. В. Фрунзе.

ШУМИЛОВ Михаил Степанович (1895—1975) — генерал-полковник в отставке, Герой Советского Союза, член КПСС с 1918 г. В Испании с февраля 1938 г. по март 1939 г., комбриг, советник командующего Центральным фронтом. В годы Великой Отечественной войны командовал стрелковым корпусом, армиями, в том числе 64-й, в Сталинградской битве. После войны — командующий войсками ряда военных округов.

ШУХАРДИН Александр Андреевич (1904—1979) — гвардии полковник в отставке, член КПСС с 1919 г. В Испании с ноября 1936 г. по июль 1937 г., батальонный комиссар, начальник штаба бригады. В годы Великой Отечественной войны — комиссар танковой дивизии, старший инструктор политуправления Калининского фронта, заместитель начальника штаба 5-й танковой армии по политчасти.

СОДЕРЖАНИЕ

М94

Мы — интернационалисты: Воспоминания сов. добровольцев — участников нац.-рев. войны в Испании.— 2-е изд., доп.— М.: Политиздат, 1986.— 366 с., ил.

Эта книга посвящена событиям национально-революционной войны в Испании в 1936—1939 годах. Об участии в первой схватке с фашизмом, о мужестве интернационалистов рассказывают советские добровольцы — военные советники, летчики, артиллеристы, моряки, переводчицы.

В книге приведены публикации центральной прессы тех лет, высказывания известных деятелей международного коммунистического движения.

Издание дополнено новыми воспоминаниями.

$М \frac{0901000000-158}{079(2)-86}$ 177—87

ББК 63.3(0)61

МЫ — ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *Н. С. Гудкова*
Младший редактор *Т. А. Ходакова*
Художник *Б. Г. Попов*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *В. П. Крылова*

ИБ № 5637

Сдано в набор 07.01.86. Подписано в печать 05.06.86. А 09205. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр.-отт. 22,05. Уч.-изд. л. 20,42. Тираж 150 тыс. экз. Заказ 73. Цена 90 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография изд-ва «Уральский рабочий».
620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

90 коп.

Трудящиеся Москвы
обращаются к трудящимся
Советского Союза с призывом
организовать сбор средств
в фонд помощи бойцам
Испании, с оружием в руках
защищающим Испанскую
демократическую республику.

Правда, 1936, 4 августа

Испанский народ
никогда не забудет
великодушную
и бескорыстную помощь,
которую он в этот
драматический период
получил от
Советского Союза.

Долорес Ибаррури